

А.В. ДЫБО

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ
РАННИХ ТЮРКОВ**

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД

ПРАТЮРКСКИЙ ПЕРИОД

МОСКВА

2007

Проблеме древних заимствований в тюркские языки и из тюркских языков посвящена обширнейшая литература¹, обзор которой сам по себе занял бы большой том. Эта проблема связана с огромным числом вопросов внутренней и внешней истории тюркских языков, а также внутренней и внешней истории языков, предположительно бывших в контакте с тюркскими в различные хронологические периоды. В частности, она связана с определением генетического статуса тюркских языков — признанием или непризнанием алтайского языкового родства (в различном составе праалтайской семьи); с абсолютной хронологией тех или иных конкретных этапов распада пратюркской языковой общности; с территориальной привязкой существования этносов-носителей языков, существовавших на этих этапах. Что касается внутренней — собственно языковой — истории, работа с лингвистическими свидетельствами контактов позволяет установить приблизительное время и направление фонетических и, в ряде случаев, морфологических развитий; выявить субстратные и адстратные причины исторических процессов в языке.

По отношению к признанию или непризнанию алтайского родства особенно часто рассматривается возможность лексических заимствований между тюркскими и монгольскими языками, в первую очередь — возможность интерпретации общего тюрко-монгольского лексического фонда как заимствованного из тюркских языков в монгольские. При этом «задействована» и проблема контактов тюркских языков с индоевропейскими, поскольку из предположения о заимствовании ряда слов в пратюркский из древних индоевропейских языков, в частности, из тохарского, логически следуют исключение их из состава общеалтайских сопоставлений и решение, что их монгольские параллели представляют собой ранние заимствования тохаризмов из тюркского.

Исключительно важной для признания статуса алтайского родства принято считать проблему «ротацизма–ламбдаизма» (vs. «зетацизма–сигматизма»), в отношении к которой также немалую роль играет интерпретация предполагаемых тюрко-монгольских схождений и возможных заимствований в пратюркский из индоевропейских и других языков.

Ниже я кратко подчеркну следующие методические моменты, которых буду стараться придерживаться в последующем изложении.

Выявление заимствованных слов и определение направления заимствования включает следующие ступени.

¹ Самой большой по объему и содержательной работой, посвященной этому вопросу, до сих пор остается вышедший в 1963–1967 гг. четырехтомник Г. Дёрфера (TMN). Эта книга вряд ли когда-нибудь потеряет свое значение для этимологов, независимо от того, какие новации будут еще введены в тюркскую, алтайскую и иранскую этимологию, не только благодаря аккуратнейшему сбору всего доступного автору на тот момент материала, но и из-за ряда весьма остроумных новых решений, касающихся этимологии и исторической семантики.

(А) Оценка этимологических данных внутри тюркских языков. Тюркское слово может оказаться гапаксом (т.е. встретиться только в одном тюркском языке, только в одном письменном памятнике или только в одном месте одного письменного памятника); или, наоборот, оно может быть общетюркским — функционировать во всех тюркских языках, кроме чувашского (булгарской группы) и/или якутско-долганской группы; или же слово может быть пратюркским, представленным во всех тюркских группах и демонстрирующим нетривиальные фонетические соответствия. Надо сказать, что при определении статуса общетюркского слова регулярность соответствий имеет не столь решающее значение, поскольку на этой стадии вполне вероятны случаи фонетической переинтерпретации. Определив таким образом статус тюркского слова, мы можем строить гипотезы о времени его заимствования.

(Б) Оценка этимологических данных предполагаемого языка-источника. Предполагаемое слово-источник может совпадать с тюркским словом, т.е. его фонетический облик допускает посегментный пересчет в тюркское слово определенного хронологического уровня с помощью приемлемых правил фонетической адаптации, а его значения совпадают со значениями тюркского слова или с одним из них, предположительно самым древним. Тюркское слово может быть производным от слова-источника по регулярной продуктивной словообразовательной модели в тюркских языках или в языке-источнике (например, в словаре языка-источника может отсутствовать продуктивный диминутив от конкретного слова, а предполагаемое заимствование в тюркском точно соответствует именно такому диминутиву). Наконец, в языке-источнике могут отсутствовать всякие следы предполагаемого прототипа тюркского слова, но в языке-предке этого источника (например, в праиндоевропейском) существовал корень, который регулярно соответствует корню предполагаемого слова-источника, и это слово может быть произведено от этого корня по регулярной словообразовательной модели и с допустимым семантическим сдвигом. Этот последний случай кажется мне в высшей степени ненадежным, но он довольно часто появляется в работах о тохарских заимствованиях в тюркский.

Очевидно, предполагаемое слово-источник должно иметь надежную этимологию в своем языке: если оно иранское, у него должна быть индоиранская или по крайней мере иранская этимология, если тохарское, у него должна быть индоевропейская этимология и т.д. Следует заметить, что с точки зрения строгого применения сравнительно-исторического метода в случае, если тюркское слово является пратюркским, даже при самых благоприятных условиях на ступени (Б) окончательное решение относительно его заимствованного характера может быть принято только таким исследователем, у которого имеется теория внешних генетических связей для тюркских языков, с достаточно разработанной сравнительно-исторической фонетикой и достаточно представительным этимологическим словарем для языковой общности, внешней по отношению к тюркской. Это необходимо для верифицируемости утверждений о неисконном характере слова, т.е. об отсутствии его закономерных предков в этом внешнем лексиконе. При агностическом подходе к происхождению тюркских языков всякая этимологическая гипотеза о заимствовании в пратюркский вряд ли может рассматриваться как окончательно доказанная. Тем не менее оппоненты теории алтайского родства часто предлагают индоевропейские источники для пратюркских слов, имея целью взломать этимологические гипотезы, возводящие эти слова к праалтайскому состоянию.

Иногда культурно-историческая информация может служить поддержкой для предположения о заимствовании; но всякий исследователь, пытавшийся работать в области «Woerter und Sachen», знает, как часто такая информация оказывается амбивалентной.

Еще один важный момент. Предположительный этнический контакт в обычном случае предполагает заимствование лексики в обоих направлениях, хотя, возможно, в разных семантических полях или на разных стилистических уровнях.

В настоящем исследовании меня в первую очередь интересовал культурно-исторический аспект ранних контактов тюркских языков, т.е. возможность определить по данным контактных явлений, на каких территориях и в каких хронологических рамках локализовались этнические группы, бывшие носителями пратюркского и ранних праязыков отдельных тюркских подгрупп, во вторую очередь — возможность получить абсолютную датировку для историко-лингвистических явлений (в основном, фонетических переходов) в тюркских языках. Рассмотрением предположительно контактной лексики для доказательства либо опровержения гипотезы алтайского родства здесь я не занимаюсь; более того, сильно сомневаюсь в целесообразности такого занятия на настоящей ступени развития алтайских исследований. В самом деле, наиболее распространенный подход к нему — это отбор тюрко-монгольских сходжений и интерпретация их как заимствований в ту или другую сторону; причем формально далекий облик предполагаемого источника заимствования объясняется тем, что заимствование происходило либо на раннем этапе тюркского языкового состояния («первая стадия» — Г. Дёрфер), либо из специфического — булгарского по групповой принадлежности — древнетюркского диалекта. В недавно вышедшей под редакцией Ю. Янхуена коллективной монографии “The Mongolic Languages”, в разделе “Turco-Mongolic relations” К. Шёниг пишет: “In the general context of comparative Altaic linguistics, the Turco-Mongolic relations are of crucial importance. Not only was the Altaic hypothesis originally based mainly on the Turco-Mongolic comparative corpus, but also the potential disqualification of the genetic framework depends on how this corpus is interpreted”. Но это неверно. В сущности, на тюрко-монгольском корпусе сближений основана прежде всего сравнительная грамматика Н.Н. Поппе (VGAS), которая явилась упрощением и в некотором роде шагом назад по сравнению с «Введением в алтайское языкознание» Г. Рамстедта. У меня сейчас под рукой вторая, морфологическая, часть Рамстедтовского «Введения», и в нем соотношение между «алтайскими» сближениями чисто тюрко-монгольскими и любого другого состава выстроено так: среди падежных флексий — 1 тюрко-монгольских, 8 иных, среди формантов мн. ч. — 1 тюрко-монгольских, 3 иных, среди числительных — 2 тюрко-монгольских, 3 иных, среди местоимений — 0 тюрко-монгольских, 7 иных, среди формантов глагольного словоизменения — 4 тюрко-монгольских, 19 иных, глагольного словообразования — 1 тюрко-монгольских, 9 иных. Примерно так же, только, конечно, с меньшей долей сопоставлений, проходящих по всем четырем (у Рамстедта состав алтайской семьи — тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и корейский языки, еще без японского) сравниваемым семьям, устроена и вводимая им в сравнение лексика. Действительно, сопоставления Поппе — прежде всего тюрко-монгольские и, затем, тунгусо-монгольские (по указанию Стрита (Street 1974) — 250 тюрко-монгольских этимологий при 154 сопоставлениях в трех семьях, 110 тунгусо-монгольских, 36 тюрко-тунгусо-

маньчжурских; корейский у Поппе не рассматривается); причем, поскольку под рукой (или в голове) ученого была в первую очередь эвенкийская и маньчжурская лексика, переполненная относительно новыми монголизмами, а действительно удобный источник для установления пратунгусо-маньчжурского характера слова, Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (ССТМЯ), был для него во время написания работы недоступен, здесь в сравнение попали по большей части заимствования. Парадоксальным образом, основная антиалтайская критическая литература (которая пытается отрицать сам факт родства между этими языками) появляется после выхода работы Поппе, критикует сближения Поппе, не устаивая внимания, например, корпус сближений, предложенных В.М. Иллич-Свитычем (Илл.-Св. 1963; Илл.-Св. 1965) или В.И. Цинциус (особенно в двух ее статьях в АЭ). Между тем, именно в этих и последующих работах устанавливается нетривиальная система консонантных соответствий между тремя «материковыми» алтайскими семьями, приводящая к реконструкции тройного противопоставления взрывных по ларингальным признакам; полученные соответствия оказались, во-первых, настолько сложными, и, во-вторых, позволили настолько увеличить корпус этимологических сближений, что объяснение всего этого через многоэтапные заимствования выглядит неоправданным размножением сущностей и должен быть элиминировано просто применением бритвы Оккама.

Примечание

Нельзя считать серьезной критикой упоминание Г. Дёрфером в критическом контексте Свитычевской реконструкции начальной звонкости дентальных и гуттуральных (Doerfer 1969; Doerfer 1971). В этих работах (которые, по мнению одного из наших оппонентов, представляют “a thorough refutation of Illich-Svitych’s proposal” — Vovin 2005, 85) разбора алтайских сопоставлений практически нет, а реконструкция Иллич-Свитыча противопоставлено утверждение, что огузская оппозиция начальных глухих и звонких не может восходить к пратюркскому состоянию, поскольку звонкое начало появляется в собственно огузских заимствованиях из персидского (Doerfer 1971, 276: “...the development $t > D- > d$ surely is secondary in Oghuz... The above progression can be shown, among other things, by the development of old loanwords in Oghuz; e.g., Indian *tōbra* ‘bag’ (Turner 5972) became P. *tōbra*, the modern Osman *dorbacık* (TM headword 947). Here $d-$ is apparently secondary. The same holds true for P. *tagār* ‘vessel’ > Osman *dağarcık* (TM headword № 905)”). Необоснованность такого вывода с компаративистской точки зрения очевидна, но к тому же еще, не будучи грамотным иранистом-этимологом (даже блестящего знания классического персидского языка здесь недостаточно), Г. Дёрфер оказался абсолютно беспомощен в определении таких заимствований (чего, конечно, не могут оценить коллеги-антиалтаисты — специалисты по отдельным языкам алтайской семьи). Так, он приводит в качестве исконо иранского [«индоиранского»] — по оценке А. Вовина (sic! Конечно, оговорка, вместо «индоиранского»)] перс. *tōbra* ‘мешок, торба’ (в ранних встречаемости — в основном «конская торба») (по оценке, например, такого ираниста-этимолога, как Р. Цаболов, однозначно тюркизм, см. Цаболов КЭС 2, 214). Замечу, что в TMN II 594 Дёрфер относится к происхождению этого слова значительно осторожнее, лишь предполагая его индоарийские связи. Доказательство — ссылка на Turner 5972. Следует сразу сказать, что словарь Тёрнера не задумывался как реконструкция индоарийского лексикона (приближено к этой форме издание Mayrhofer IA, в котором, кстати сказать, интересующих нас слов нет); задачей скорее было представить максимально полно индоарийский лексический материал в классифицированном виде. Поэтому туда попадают и многочисленные новоиндийские инновации, и то, на что ссылается Г. Дёрфер, несомненно, относится к таковому. Под № 5972 приводится реконструированная для праин-

доарийской форма **tōba* ‘мешок’ (реально не представленная в древне- и среднеиндийский периоды) с новоиндийскими рефлексамии бенгали *to* ‘складка’ и, предположительно, из производного с уменьш. суф. *-ḡa*, лахнда *ḡorā* ‘мешок, подвешиваемый вокруг грозди бананов’, панджаби *torā* ‘кошелек’, кумауни *toro* ‘мешок, особенно для рупий’, бенгали, ория, хинди *torā* ‘кожаный кошелек’ (> непали *torā*), гуджарати *torṛ*, маратхи *toḡā* ‘мешок’; бенгали *torā* ‘кошелек’ (из бихари?). Тёрнер в подтверждение своей гипотетической индийской реконструкции приводит: а) под вопросом санскр. *ḡopara-* ‘мешочек’, которое, во-первых, фонетически не соответствует новоиндийским формам, во-вторых, явно является поздней санскритизацией новоиндийского слова, единственная фиксация в тексте *Dhūrtasamāgamaṇa* — комедии низкого жанра *grahasana* («прогулка сутенера»), памятника XIV–XV вв. н.э. — конечно, здесь вполне уже возможен тюркизм; б) реконструируемое им гипотетически праиранское **tūbraka-* на основании перс. и пушту *tōbra, tūbra* (где пушту — явное заимствование из перс.), вост.-белудж. *thīray* (заим. в брауи *tūra*), бахт. *turba*, курд. *tūrik*. Эти иранские формы явно распадаются на две группы: первая — перс. *tōbra*, бахт. *turba* и формы, которые могут быть заимствованы из перс., либо непосредственно из тюрк.; вторая — вост.-белудж. *thīray* и курд. *tūr, tūra* (м.) ‘мешок’, ‘сума’ (*tūrik* — форма косв. падежа); в Цаболов КЭС 2, 150 приведены еще формы, входящие в ту же этимологию: лур. *tūra* ‘торба’, ‘мешочек из ткани’, семн. *tūra* ‘торба’, ‘мешочек для выжимания кунжутного масла’, ласг., сангис. *tūre*, шам. *tūre* ‘торба’, сорх. *tūrī* ‘торба’, ‘мешочек для отжимания творога или сыра’. Довольно очевидно, что эта вторая группа форм восходит к иран. (празап.-иран.) **tūra*, отдельно курдская и белуджская формы могли бы восходить к **tūbra*, поскольку в этих языках *-b-* в составе кластера > *-w-* (Цаболов ОИФ 91, 92, 81; Расторгуева 1990, 184), но в остальных языках *-b-* должно было сохраниться, ср. рефлексии иран. **abra* ‘облако’: курд. *awr*, ласг., санг. *abr*, сорх. *obr*, семн. *abr*, белудж. зап. *aur*, вост. *haur* (Расторгуева–Эдельман 2, 74). Таким образом, нормальный этимологический анализ не позволяет восстанавливать здесь праиндоиранской сущности; но, поразительным образом, Г. Дёрфер (TMN) даже предполагает, ссылаясь на словарь Тёрнера, что перс. слово происходит из индийского *tōbra*, хотя у Тёрнера совершенно ясно написано, что панджаби, хинди *torba* (откуда, в свою очередь, бихари *toḡrā*, гуджарати *toḡrṛ*, маратхи *toḡrā*) заимствованы из перс.

Но особенно интересно, что озвончения в огузском в этом слове, по-видимому, нет. Релевантные для реконструкции начального дентального формы тюркского слова: тур., гаг., аз. *torba*, туркм. *tōrba*; ст.-осм. (с XIV в.) *toḡra, torva*, в одном тексте XV в. *topra* TS 3, 3824–3826; ПТ **tōrpa* или скорее **tōpra* (редкий кластер в тюркском корне, подвергается метатезе, ср. **topra-k* ‘почва, пыль’, сог. *durvaq*, аз. *torpaG*, хал. *turpaq*) TMN II 592–6, VEWT 490. Венг. *turba* ‘торба’, с 1528 г.: *thwrban*; вопреки MNYTeSz III 1002, вряд ли из осм. *torba*, поскольку уже обработано правилом перехода от древневенгерского к совр.: *ō* заим. как др.-венг. *ū* > совр. *u*; вряд ли кумано-печенежск. (ср. ССум. *topra*, т.е. еще без озвончения *-p-*); позднебулгарское?. Если действительно венг. из дун.-булг., то слово пратюркское, если нет — огузо-карлуко-кыпчакское. Халадж. *ḡorba* D–T 207 — азербайджанское заимствование (ср. отсутствие долготы). Возможная алтайская параллель: ПА **ḡjra* ‘вид сосуда’ (ПМонг. **torku* ‘кадка, бочка; кожаное ведро’ (монг. > туркм. *torpa* ‘торба’), ср.-кор. **tājá*, ПЯп. **tārapi* ‘корыто’ Martin 246, EDAL; ПТ **TAr* ‘понтон, плот, лодка’ отходит в этом случае к ПА **tárko* ‘вид повозки’, ПМонг. **terge*, ПТМ **turki* ‘нарты’, ср.-кор. **tárko* ‘легкая повозка’). Откуда взялось упоминаемое в Doerfer 1971 “the modern Osman *dorbacik*”, непонятно. В современных словарях турецкого, как литературных, так и диалектных, этой формы нет. Зато в TMN II 593 (на который Дёрфер ссылается при этой форме в Doerfer 1971) есть “*dopracuq* ‘ein kleiner Sack’ (vielleicht 14. Jh.)” со ссылкой на Vámböery 1901, 162. Если это действительно форма из старонатолийского памятника (XIV в.), то следует отметить, что в этих памятниках наблюдаются специфические орфографические системы, в частности, допускающие значительные колебания написания начальных дентальных (ср. в «Калиле и Димне», тоже XIV в. (Zajaczkowski 1934) соотношение

написаний с *d*- и с *t*- (арабским *t* эмфатическим, которое используется в заднерядных словах): ‘пыль’ *dopraq* — 5 раз; *topraq* — 3 раза (при тур. *toprak*, гаг. *toprak*, аз. *torpag*, туркм., хор. *topraq*, тув. *do'vuraq*, тоф. *to'praq*. ПТ **topryak* < ПА **t'ap'o(rV)*, монг. **toɣurag* то же, ТМ **tap-* ‘пачкаться’); ‘держатъ’ *dut-* — 175 раз, *tut-* — 1 раз (при тур. *tut-*, гаг. *tut-*, аз. *tut-*, туркм. *tut-*, тув. *tu't-/du'dar*, тоф. *tu't-*. ПТ **tut-* < ПА **t'ʃuʃt'V*, монг. *toɣka-* ‘задерживать’, ТМ **tuta-* ‘оставаться’). Так что отдельное написание не может считаться свидетельством фонетического отклонения, пока не выяснено, из какой это рукописи, и для этой рукописи не установлена статистика написаний с *d*- и *t*- по каждой морфеме — только так можно получить правила (точнее, предпочтения) каждого конкретного писца по употреблению соответствующих букв, соотнести их с современными данными, в том числе диалектными, и уже после этого строить гипотезы одновременно о фонетическом значении этих букв и о диалектной принадлежности писца. Такое филологическое исследование, безусловно, должна быть проделано для староранатолийских и староосманских текстов; до тех пор все суждения, выносимые на основании одиночных форм, вырванных из рукописей, будут бесосновательны. Это, конечно, относится и ко всем выкладкам в Doerfer 1969 (относительно написания форм с *d*- в староосманском); они сделаны отнюдь не с помощью анализа графических систем текстов, а попросту по историческому словарю (TS).

Второй дёрферовский пример «иранизма с озвончением» — «мешок»: тур. *dağar*, гаг. *daar*, аз. *dayar* (туркм. *tayar-çäk* ‘пенный пузырек у верблюда’ — кыпчакизм), тув. *taar* (< *dh-*, или из монг.); ПТ **dagar*, по фиксации — общетюрк. (хак. *taar*; в памятниках с МК *tayar* ‘мешок для зерна и под.’; наиболее распространенные значения — ‘большой мешок’, ‘большой глиняный сосуд’ и ‘колода для скота’, см. ЭСТЯ 1980, 120–122). Слово заимствовано в перс. *tağar* (где получает значение «мешок как мера» и «запас продовольствия») и в монг. *tayar* ‘мешок’. Форма *tagara* ‘глиняная миска’ и под., фиксируемая в тюркских яз. с XIII в. (Тефсир), как справедливо отметил Дёрфер (в TMN II 512–519) — персидский диминутив, заимствуется обратно в нек. тюркские языки. Тюрк. < ПА **t'agu*, монг. **toɣu-gan* ‘котел’, ТМ: эвенк. *taya* ‘берестяной короб’. ПТ **d-* озвончилось из ПА **t'* по правилу перед срединным звонким (см. Дыбо 2005). Опять же, у Дёрфера в TMN II 512–519 предполагается (под вопросом) как раз заимствование из тюрк. в перс. При этом, правда, он полагает, что слово не тюркское по происхождению и заимствовано в тюркский из какого-то неизвестного языка (на том странном основании, что нет тюркского корня **ta* или **tag*, от которого это слово могло бы быть производным). Все приведенные там же формы из “andere iran. Dialecte”, в т.ч. ягноб., афг., шугн.) — очевидные персидские заимствования. Среднеперсидской формы не обнаружено. Иранской этимологии персидского слова Дёрфер и не предлагает. Даже для адепта дёрферовской концепции мнение, выраженное при вполне разработанной этимологической статье в TMN, должно быть более убедительным, чем маргинальное замечание, не содержащее каких-либо аргументов, в Doerfer 1972.

К этим двум примерам «озвончения в персизмах» в статье Doerfer 1969 добавлен еще один: тур. *denk* ‘равный’, в конечном счете китаизм; подробный разбор см. ниже во второй главе, где показано, что в перс. довольно новый тюркизм.

Новые работы по пратюркской глухости/звонкости (см. хотя бы: Дыбо 2005), обнаруживающие в этой области ряд закономерных инновационных развитий уже внутри тюркской семьи, только подтверждают исходную правоту В.М. Иллич-Свитыча, искавшего здесь фонетические соответствия, а не случайные беспорядочные изменения. Это не значит, конечно, что мы не признаем, что исследования Г. Дёрфера внесли огромный вклад в историческую фонетику тюркских языков — см. дальнейшее изложение.

Являясь одним из соавторов EDAL, я в целом солидаризируюсь с подходом, выписанным С.А. Старостиным в предисловии к словарю (EDAL 13–21). Как будет продемонстрировано во второй главе, я не так уверена в полном отсут-

ствии тюрко-монгольских контактов с момента праалтайского распада и до XIII в. н.э. (во всяком случае, миссионерская деятельность уйгуроязычных буддистов должна относиться к более раннему периоду, судя по фонетике тюркизмов в монгольском, см. след. кн.). Однако несомненно должен быть подчеркнут следующий методологический момент: искать древние заимствования между языковыми семьями, входящими в алтайскую семью, следует за пределами системы соответствий, работающей на материале всех этих пяти семей. Имеет смысл причислять к заимствованиям только такие парные сближения, на которых выстраивается отдельная система соответствий, не объясняемая тривиальным образом в рамках теории алтайского родства. Конечно, можно не признавать предлагавшихся общеалтайских фонетических соответствий, но, чтобы отбросить их, необходима обоснованная критика всего подтверждающего каждое из них материала, которая предлагала бы для этого материала более убедительное объяснение. Из такого подхода следует, в частности, то, что в общем случае тюркские и монгольские (тюркские и тунгусо-маньчжурские) слова с «зетацистско-ротацистским» соответствием согласных не причисляются ниже к заимствованиям в ту или другую сторону, а считаются наследием алтайской общности.

Последнее замечание: при рассмотрении какого-либо класса заимствований в ту или иную сторону я старалась обнаруживать культурно-историческую реальность, могущую стоять за этими заимствованиями. Соответственно, по возможности заимствования рассматриваются по семантическим областям, к которым они относятся.

Настоящая книга посвящена в первую очередь самым ранним лексическим контактам — заимствованиям пратюркской эпохи. В следующей книге я собираюсь рассмотреть отдельно наиболее ранние лексические контакты булгарской и общетюркской ветвей.

В работе над темой мне чрезвычайно помогли мои коллеги-востоковеды, которым я хотела бы выразить здесь глубокую признательность. Прежде всего я должна поблагодарить за помощь Джой Иосифовну Эдельман, на которой я проверяла свои иранистические гипотезы, а также О.А. Мудрака, И.С. Смирнова и особенно Г.С. Старостина, верифицировавших правильность определения китайских иероглифов, и Ю.В.Норманскую, с которой обсуждалась уралистическая часть. Благодарю также И.С. Пекунову за внимательное прочтение книги на предмет понятности и техническую поддержку. Разумеется, все просочившиеся в книгу ошибки остаются на моей совести.

ПРАТЮРКСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Настоящая глава является вспомогательной по отношению к главной проблеме, поставленной в данной книге. Во-первых, поскольку в дальнейшем мы будем неоднократно обсуждать при выделении заимствованной лексики фонетические критерии, необходимо с самого начала определить, на какую фонетическую реконструкцию пратюркского и иных тюркских состояний мы будем опираться. Понятно, что представления о различных тюркских классификациях должны быть связаны с различными вариантами реконструкций праязыковых состояний, соответствующих узлам каждой из классификаций, и, соответственно, решение о хронологии, локализации и языке-источнике тех или иных заимствований не может быть принято независимо от этих представлений. Простейший пример: считаются ли «ротацирующие» тюркские заимствования в самодийских языках заимствованиями из пратюркского или уже из тюркского языка болгарского типа, обычно зависит от того, «ротацист» или «зетацист» их описывает. Кроме того, в ряде случаев сами заимствования помогают установить хронологию языковых изменений, а часто и верифицировать сами эти изменения; опять-таки, по большей части на заимствованиях основываются наши представления о древнем состоянии одной из двух тюркских ветвей — болгарской. Во-вторых, здесь мне хотелось бы продемонстрировать несостоятельность довольно широко бытующего в научном мире представления о принципиальной невозможности построить генеалогическое древо и обнаружить систему регулярных соответствий для тюркских языков вследствие кочевого образа жизни носителей этих языков, что приводило к частым и неупорядоченным языковым контактам и широкому и также неупорядоченному междиалектному заимствованию при общей близости диалектов. Безусловно, такая точка зрения сама по себе достаточно логична; интересно только, насколько она может быть подтверждена материалом. Оказывается, что часто цитируемое (ср. Беликов, 19) эффектное высказывание А.Б. Долгопольского (сделанное в начале 1970-х годов): «У всех языков есть генеалогические деревья, а у тюркских — генеалогический пень», — основано на недоразумении: в то время сравнительно-историческая грамматика и историческая диалектология тюркских языков были изучены недостаточно, и в область действия фонетических соответствий и исторической морфологии еще не был введен достаточный объем материала. Более или менее тщательный сравнительно-исторический анализ полного материала к настоящему времени позволяет установить вполне регулярные соответствия между тюркскими языками

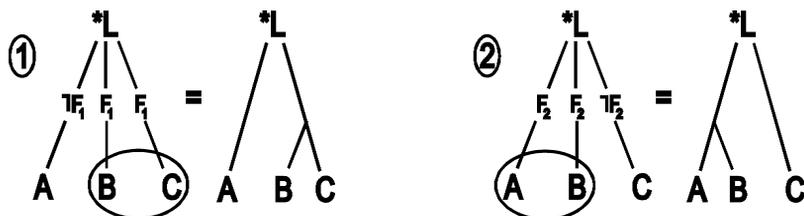
там, где раньше кажущийся разноречием приводит к разговорам о «междиалектных заимствованиях» и о принципиальной невозможности установления фонетических закономерностей (например, в рефлексии начальных глухих и звонких, или интервокальных комплексов). Объем межъязыковых заимствований — всегда верифицируемый культурно-исторически (источник обычно — либо литературный язык, действующий на данной территории в настоящее время, либо один из средневековых литературных языков, принятых в свое время на этой территории) — составляет лишь незначительную часть введенного в сравнительно-историческую процедуру материала и не создает существенных помех при реконструкции и классификации. Во всяком случае, наблюдаемые сбои базовых соответствий объясняются значительно реже междиалектными заимствованиями, чем сложными позиционными развитиями или морфонологическими выравниваниями.

Тюркская языковая семья представляет собой благодарный материал для применения различных методик классификации и хронологизации языков. Во-первых, она достаточно велика (можно оперировать как отдельными идиомами по крайней мере 35 современными языками и диалектами и не меньше, чем шестью хорошо записанными древними и средневековыми языками). Во-вторых, она относительно молода, и история тюркских народов по большей части хорошо задокументирована; таким образом, генетические классификации тюркских языков могут быть проинтерпретированы в терминах реальной истории. Основная трудность при классификации и хронологизации тюркских языков состоит в многочисленных контактах между языками в высокой степени сходными и часто сохраняющими взаимопонимание.

В связи с этим тюркологами предлагалось несколько классификаций тюркских языков. Самыми популярными из них, к настоящему времени, являются классификация Н.А. Баскакова, которая направлена прежде всего на интерпретацию исторических источников, что не всегда хорошо соответствует собственно лингвистическим данным, и классификация, основанная на предложениях А.Н. Самойловича, сейчас уже претерпевшая определенные изменения, которая опирается на фонетические и морфологические признаки; правда, мы не можем быть уверены в том, что эти выделяемые на поверхностном уровне признаки являются действительно наиболее релевантными для генетической классификации, но несомненно эта классификация соответствует определенной лингвистической реальности, отражая по крайней мере одну из географических группировок тюркских языков в течение их истории. Сошлемся также на классификацию тюркских языков на основании лексико-статистических данных, содержащую правдоподобные, или, по крайней мере, объяснимые абсолютные датировки распада для отдельных узлов генеалогического древа, в СИГТЯ 2006 и на проделанную оригинальным методом морфолого-статистическую классификацию О.А. Мудрака, также содержащую ряд правдоподобных абсолютных датировок (СИГТЯ 2002, 713–737).

Еще один момент, который необходимо обсудить в связи с методом классификации языков по «общим инновациям», состоит в следующем. Ставя задачи в рамках сравнительно-исторического языкознания, лингвист вынужден исходить из «древесной» модели изменения языковых явлений:

другие модели, вроде «волновой», исключены самой сущностью сравнительно-исторической процедуры. Однако в ситуации относительно недавнего разделения языковых идиомов, при сохранении взаимопонимания между носителями этих идиомов, довольно часто приходится сталкиваться с явлениями типа «волновых», когда какая-то инновация распространяется через границы идиомов. Интерпретация таких явлений в рамках сравнительно-исторического языкознания, очевидно, должна быть устроена следующим образом. Если в момент вхождения диалекта в некоторую группировку (обеспеченную общими политическими, экономическими или географическими границами) в нем возникает определенная инновация, общая для этой группировки, то при исследовании рефлексов этой инновации для нас исходным узлом генеалогического дерева будет именно эта группировка; предположим, однако, что в части диалектов этой группировки имеются следы архаического явления, общие с чертами диалектов другой группировки. В этом случае мы получаем другое, причем более старое дерево с другими узлами, соответствующими другим, более старым группировкам диалектов. Таким образом, лингвогеографический подход в данной форме должен позволять получить относительную хронологию перегруппировок диалектов (или близкородственных языков).

Задачей компаративиста в этом случае является установление относительной хронологии различных генеалогических деревьев. Это, как и в других случаях, достигается установлением порядка действия правил перехода от реконструированного состояния к рефлексным состояниям. А именно, в тех случаях, когда рефлексное состояние может быть представлено как результат действия правила F_1 на результат действия правила F_2 , порядок действия правил определяется как $\langle F_2, F_1 \rangle$. Тогда, если действие этих правил образует узлы на генеалогическом дереве, генеалогическое дерево, полученное F_2 , должно считаться более архаичным и генетически первичным, а генеалогическое дерево, полученное F_1 , — вторичным. При этом, несомненно, оба полученных дерева отражают определенную лингвистическую реальность. Подчеркнем также, что все узлы любого генеалогического дерева отмечают не момент возникновения или период существования предполагаемой языковой единицы, но момент расхождения двух единиц-потомков. В дальнейшем мы будем называть изоглоссами правила, которые могут приводить к образованию узлов на генеалогических деревьях; те изоглоссы, которые релевантны для упорядочивания деревьев, мы будем называть связанными.

Генеалогическое дерево, отражающее относительную хронологию расхождения тюркских языков, принятое в настоящей работе, построено

на основании версии пратюркской реконструкции, обоснованной в 1-й главе СИГТЯ 2006. Эксплицирую здесь ее основные особенности.

КОНСОНАНТИЗМ

Общепалтайская консонантная система к настоящему времени реконструируется следующим образом²:

<i>p'</i>	<i>p</i>	<i>b</i>	<i>m</i>				
<i>t'</i>	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>n</i>	<i>s</i>	<i>z-</i>	<i>r</i>	<i>l</i>
<i>č'</i>	<i>č</i>	<i>ǰ</i>	<i>ń</i>	<i>š</i>	<i>-j-</i>	<i>ř</i>	<i>ĺ</i>
<i>k'</i>	<i>k</i>	<i>g</i>	<i>ŋ</i>				

Следует отметить, что **z* и **j* находятся в дополнительном распределении: **z* только в анлауте, **j* только в середине слова.

Эта система — результат абстракции над следующей системой соответствий (табл. 1).

Таблица 1

ПАЛТ.	ПТМ	Монг.	Тюрк.	ПЯп.	ПКор.
<i>*p'-</i>	<i>*p-</i>	<i>*h-, *j-</i>	<i>*0- (*h-), *j-</i>	<i>*p-</i>	<i>*p-</i>
<i>*p'</i>	<i>*p</i>	<i>*h, b / -b</i>	<i>*p</i>	<i>*p</i>	<i>*p</i>
<i>*p-</i>	<i>*p-</i>	<i>*b-, h-</i>	<i>*b- (*p-)</i>	<i>*p-</i>	<i>*p-</i>
<i>*p</i>	<i>*b</i>	<i>*b</i>	<i>*b</i>	<i>*p</i>	<i>*p</i>
<i>*b-</i>	<i>*b-</i>	<i>*b-</i>	<i>*b-</i>	<i>*p- / b[a, ə, Vj]</i>	<i>*p-</i>
<i>*b</i>	<i>*b</i>	<i>*h / [*R]b, *b[Vg] / -b</i>	<i>*b</i>	<i>*p / [*iV, *j]w</i>	<i>*b / -p</i>
<i>*m-</i>	<i>*m-</i>	<i>*m-</i>	<i>*b-</i>	<i>*m-</i>	<i>*m-</i>
<i>*m</i>	<i>*m</i>	<i>*m</i>	<i>*m</i>	<i>*m</i>	<i>*m</i>
<i>*t'-</i>	<i>*t-</i>	<i>*t- / č[i]</i>	<i>*t- (*d-)</i>	<i>*t-</i>	<i>*t-</i>
<i>*t'</i>	<i>*t</i>	<i>*t / č[i] / -d</i>	<i>*t</i>	<i>*t</i>	<i>*t</i>
<i>*t-</i>	<i>*d- / ǰ(i)</i>	<i>*d- / č[i]</i>	<i>*d-</i>	<i>*t- / d[i, ə]</i>	<i>*t-</i>
<i>*t</i>	<i>*t</i>	<i>*d / č[i]</i>	<i>*t</i>	<i>*t</i>	<i>*r / -t</i>
<i>*d-</i>	<i>*d-</i>	<i>*d- / ǰ[i]</i>	<i>*j-</i>	<i>*d- / t [V + *p', *t', *k', *č']</i>	<i>*t-</i>
<i>*d</i>	<i>*d</i>	<i>*d / ǰ[i]</i>	<i>*d</i>	<i>*t / [*iV, *j]j</i>	<i>*r / -t</i>
<i>*n-</i>	<i>*n-</i>	<i>*n-</i>	<i>*j-</i>	<i>*n-</i>	<i>*n-</i>
<i>*n</i>	<i>*n</i>	<i>*n</i>	<i>*n</i>	<i>*n</i>	<i>*n</i>
<i>*r</i>	<i>*r</i>	<i>*r</i>	<i>*r</i>	<i>*r, *t</i>	<i>*r</i>
<i>*l-</i>	<i>*l-</i>	<i>*l-, n-</i>	<i>*j-</i>	<i>*n-</i>	<i>*n-</i>

² Здесь и далее информация по реконструкции прапалтайского состояния приводится по EDAL, 22–135.

ПАЛТ.	ПТМ	Монг.	Гюрк.	ПЯп.	ПКор.
*l	*l	*l	*l	*r	*r
*s-	*s-	*s-	*s-	*s-	*s-, h-
*s	*s	*s	*s	*s	*s
*z-	*s-	*s-	*j-	*s-	*s-
*č'-	*č-	*č-	*č-	*l-	*č-
*č'	*č	*č	*č	*l	*č
*č-	*ž-	*d- / *č[i]	*d-	*l-	*č-
*č	*s	*č	*č	*s	*č
*ž-	*ž-	*ž-	*j-	*d-	*č-
*ž	*ž	*ž	*j	*j	*č
*ñ-	*ñ-	*ž-	*j-	*m-	*n-
*ñ	*ñ	*j, n	*ñ	*n, *m	*ñ
*r'	*r	*r	*r	*r / t[i, u]	*r
*l-	*l-	*d- / ž[i]	*j-	*n-	*n-
*l	*l	*l	*λ	*s	*r
*š-	*š-	*s- / *č[*A]	*s- / *č[*A]	*s-	*s-
*š	*š	*s	*s	*s	*s
*j	*j	*j, h	*j	*j, *0	*j, *0
*k'-	*x-	*k-	*k-	*k-	*k-
*k'	*k/x	*k, g[Vh] / -g	*k	*k	*k, h
*k-	*k-	*k-	*g-	*k-	*k-
*k	*k	*g / -g	*k, g[(V)r]	*k	*0, h / -k
*g-	*g-	*g-	*g-	*k-	*k-
*g	*g	*h, g[Vh] / -g	*g	*k[*iV] 0	*0, h / -k
*η-	*η-	*0-, *j- / g[u] / n[a, o, e]	*0-, *j-	*0- / *n- (/*m[i]-)	*n-
*η	*η	*η, n, m, h	*η	*n, *m	*η, 0

К возникновению праторкской консонантной системы, как она восстанавливается на основании общетюркско-булгарского сравнения, должны были привести следующие фонетические процессы³:

Утрата *š:

1. *š- > *č'- перед заднерядными гласными;
2. *š > *s в прочих позициях.

Утрата *p' - (?)⁴:

3. *p' - > *h- (в праторкском еще существовало, судя по халаджским данным).

³ Здесь и далее дефисами справа и слева отмечены фонемы, не встречающиеся в начале слова, в скобках даны аллофонические варианты, развивающиеся впоследствии в отдельные фонемы.

⁴ Единичный пример в пользу того, что в ПМонг. еще существовало p' - (f-?) — китайская транскрипция табгачского слова 拂竹填 *phwīt-ñuk-čin* 'прислужник на почтовой станции', возможно, монг. *(h)örteγeci(n), см. ниже.

Деаффрикатизация *č:

4. *č- > *t-.

Утрата начальных сонантов:

5a. *ń- > *ǰ-, *l'- > *d-;

5b. *n-, *l- > *d-, *m- > *b-, *ŋ- > 0.

Палатализация *d- и *z-:

6. *d-, *z- > *ǰ- (*j-).

Перестройка оппозиции по ларингальным признакам в системе взрывных:

7. *p- > *b-, *t- > *d-, *k- > *g-;

8. *p- > *b-, *k- > *g- (последний переход только перед -r-);

9. *p' > *p, *k' > *k, *č' > *č, *t' > *t (в определенных позициях, о которых см. ниже, *t' > *d-).

Правила 1–5а являются общими для пратюркского и прамонгольского, так что оказывается возможным восстановить пратюрко-монгольскую консонантную систему (что свидетельствует по крайней мере о длительном совместном обитании соответствующих протоэтносов уже после распада праалтайской семьи):

-p'-	p	b	m				
t'	t	d	n	s	z-	-r-	l
č'	č	ǰ	-ń-		j	-ř-	-l'
k'	k	g	ŋ	h-			

Прочие правила должны были действовать уже отдельно на «тюркскую» систему. Действие всех этих процессов и дало в результате пратюркский консонантизм, как он представлен в СИГТЯ 2006:

p = p'	b- = p-		(-v-)	-m-	
t = t'	d- = t-	s = θ	(-δ-)	-n-	-r-, -l-
č = č'	(ǰ- = č-)	-λ- = -š-	-ř- = -z-	-ń-	-j-
k = k'	g- = k-	h-	(-γ-)	-ŋ-	
(q')	(q-)				

Необходимые комментарии: а) двойственная запись двух первых столбцов в консонантном инвентаре связана с тем, что для пратюркского состояния чрезвычайно сложно выбрать между двумя типами противопоставления по ларингальному признаку: звонкостью/глухостью (так представлена эта оппозиция в таблице алтайских соответствий) и слабостью/силой. Часть последующих развитий, а также общие представления об устройстве консонантных систем в языках того географического ареала, в котором, предположительно, локализовался пратюркский, лучше согласуются с реконструкцией противопоставления по силе/слабости. С другой стороны, историческая типология развития консонантных систем указывает, что эти две оппозиции в процессе изменения языка могут с легкостью сменять друг друга, так что настаивать на однозначной рекон-

струкции не имеет смысла; б) звонкие фрикативные, встречающиеся только в интервокальной и конечнослоговой позициях и обозначенные в скобках, — это позиционные аллофоны начальных звонких = слабых; в) звонкая = слабая аффриката, встречающаяся только в начальной позиции и обозначенная в скобках, — это позиционный аллофон интервокального и конечнослогового глайда (*j*); в таблице алтайских соответствий оба аллофона представлены *j*.

Реконструированная система консонантизма опирается на следующую систему внутритюркских соответствий.

Таблица 2а

Базовые соответствия тюркских согласных

ПТ	Чув.	ДУ	Крх.	Як.	Тув.	Тоф.	Хак.	Шор.	Ойр.	Кирг.	Уйг.	Узб.
b^{-1}	<i>p-</i>	<i>b-</i>	<i>b-</i>	<i>b-</i>	<i>b-/p-</i>	<i>b-/p-</i>	<i>p-</i>	<i>p-</i>	<i>b-</i>	<i>b-</i>	<i>b-/p-</i>	<i>b-</i>
p/\tilde{V}	<i>-b-, -p</i>	<i>p</i>	<i>-p-, -b-, -p</i>	<i>-b-, -p</i>	<i>V''vV, -''p</i>	<i>V''pV, -''p</i>	<i>-b-, -p</i>	<i>-b-, -p</i>	<i>-b-, -p</i>	<i>-p-, -b⁻², -p</i>	<i>p</i>	<i>p</i>
p/\bar{V}	<i>-b-, -p</i>	<i>-p-</i>	<i>-b-, -p</i>	<i>-b-, -p</i>	<i>VvV, -p</i>	<i>VbV, -p</i>	<i>-b-, -p</i>	<i>-b-, -p</i>	<i>-b-, -p</i>	<i>-b-, -p</i>	<i>p</i>	<i>-v-, p/b³</i>
<i>-b-</i>	<i>v/0⁴</i>	<i>b</i>	<i>v</i>	<i>b/0⁴</i>	<i>-v-/0⁻⁴, -g</i>	<i>-b-/0⁻⁴, -g</i>	<i>-b-/0⁻⁴, -g/-b</i>	<i>-b-/0⁻⁴, -g⁵/-p</i>	<i>b/0⁶</i>	<i>-b-/j-/0⁴</i>	<i>b/v/g/j/0⁵</i>	<i>v/g/j/0⁵</i>
<i>m</i>	<i>m, -n</i>	<i>m, -n</i>	<i>m, -n</i>	<i>m, -n</i>	<i>m, -n</i>	<i>m, -n</i>	<i>m, -n</i>	<i>m, -n</i>	<i>m, -n</i>	<i>m, -n</i>	<i>m, -n</i>	<i>m, -n</i>
<i>t-</i>	<i>t⁸</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t, d⁷</i>	<i>t, d⁷</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
t/\tilde{V}	<i>-d⁻¹², -t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t⁹</i>	<i>V''dV, -''t</i>	<i>V''tV, -''t</i>	<i>-d-, -t</i>	<i>-d⁻¹⁰, -t</i>	<i>-d-, -t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
t/\bar{V}	<i>-d⁻¹², -t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t⁹</i>	<i>VdV, -t</i>	<i>VdV, -t</i>	<i>-d-, -t</i>	<i>-d⁻¹⁰, -t</i>	<i>-d-, -t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
<i>d-</i>	<i>t⁸</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t, d⁷</i>	<i>t, d⁷</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
<i>d</i>	<i>-r-, j/v/0⁴</i>	<i>d</i>	<i>δ</i>	<i>t</i>	<i>VdV, -t</i>	<i>VdV, -t</i>	<i>z, -s</i>	<i>z, -s</i>	<i>d', j¹⁴</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>
<i>s-</i>	<i>s¹⁶</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>0</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>
s/\tilde{V}	<i>-z¹⁸</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>-h-, -s, -t¹⁷</i>	<i>-''z-, -''s</i>	<i>''s</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>
s/\bar{V}	<i>-z¹⁸</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>-h-, -s, -t¹⁷</i>	<i>-z-, -s</i>	<i>-z-, -s</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>
<i>n</i>	<i>n, m</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n¹⁹</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>
<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r, -j/-0-</i>	<i>r</i>
<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>
<i>č-</i>	<i>š⁸</i>	<i>č</i>	<i>č</i>	<i>s</i>	<i>š</i>	<i>š</i>	<i>s</i>	<i>š</i>	<i>č</i>	<i>č</i>	<i>č</i>	<i>č</i>
$č/\tilde{V}$	<i>ž¹²</i>	<i>č</i>	<i>č</i>	<i>-h-, -s</i>	<i>-''ž-, -''š</i>	<i>-''h-, -''š</i>	<i>-z-, -s</i>	<i>-ž-, -š</i>	<i>č</i>	<i>č</i>	<i>č</i>	<i>č</i>
$č/\bar{V}$	<i>ž¹²</i>	<i>č</i>	<i>č</i>	<i>-h-, -s</i>	<i>-z-, -š</i>	<i>-ž-, -š</i>	<i>-ž-, -z-, -s</i>	<i>-ž-, -š</i>	<i>č</i>	<i>č</i>	<i>č</i>	<i>č</i>
<i>j-</i>	<i>š</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>s</i>	<i>č</i>	<i>č</i>	<i>č</i>	<i>č</i>	<i>d', j¹⁴</i>	<i>ž</i>	<i>j²⁰</i>	<i>j²¹</i>
<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>d', j¹⁴</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>
<i>h²³</i>	<i>j/v/0⁴</i>	<i>j/ñ</i>	<i>j</i>	<i>j/ñ</i>	<i>j/ñ</i>	<i>ñ</i>	<i>ñ > j²⁴</i>	<i>ñ > j²⁴</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>
<i>ř</i>	<i>r, s</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	<i>-h-, -s, -t¹⁷</i>	<i>-z-, -s</i>	<i>-z-, -s</i>	<i>-z-, -s</i>	<i>-z-, -s</i>	<i>-z-, -s</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	<i>z</i>
$λ/\tilde{V}$	<i>l, š</i>	<i>š</i>	<i>š</i>	<i>-h-, -s, -t¹⁷</i>	<i>-''ž-, -''š</i>	<i>-''h-, -''š</i>	<i>-z-, -s</i>	<i>-ž-, -š</i>	<i>-ž-, -š</i>	<i>š</i>	<i>š</i>	<i>š</i>
$λ/\bar{V}$	<i>l, š</i>	<i>š</i>	<i>š</i>	<i>-h-, -s, -t¹⁷</i>	<i>-ž-, -š</i>	<i>-ž-, -š</i>	<i>-z-, -s</i>	<i>-ž-, -š</i>	<i>-ž-, -š</i>	<i>š</i>	<i>š</i>	<i>š</i>

ПТ	Чув.	ДУ	Крх.	Як.	Тув.	Тоф.	Хак.	Шор.	Ойр.	Кирг.	Уйг.	Узб.
k^{-25}	k, x^{29}	k, q^{26}	k, q^{26}	k, x^{27}	k, x^{17}	k, x^{17}	k, x^{26}	k, q^{26}	k	k	k, q^{28}	k, q^{28}
k/\check{V}	$-g-,$ $-k/x^{29}$	k, q^{26}	k, q^{26}	g, γ^{26}	$-''g-,$ $-''k$	$-''h-,$ $-''k''q^{26}$	g, γ^{26}	g, γ^{26}	g	$-g-, -k^{-2},$ $-k$	k, q^{28}	k, q^{28}
k/\bar{V}	$-g-,$ $-k/x^{29}$	k, q^{26}	k, q^{26}	g, γ^{26}	$-g-, -k$	$-g-,$ $-k/q^{26}$	g, γ^{26}	g, γ^{26}	g	$-g-, -k^{-2},$ $-k$	k, q^{28}	k, q^{28}
g^{-30}	k	k	k	k	k	k	k	k	k	k	k	k
g	$v/j/0^4$	g, γ^{26}	g, γ^{26}	0	$-0-,$ $-g/-\gamma^{26}$	$-0-,$ $-g/-\gamma^{26}$	$-0-,$ $-g/-\gamma^{26}$	$-0-,$ $-g/-\gamma^{26}$	$0/j/g^6$	$0/j/g^4$	$g, \gamma,$ $-k/-q^{31}$	$g, \gamma,$ $-k/-q^{31}$
η	n, m^4	η	η	η	$\eta, 0^{33}$	$\eta, 0^{33}$	$-g/-0-,$ $-\eta$	$-g/-0-,$ $-\eta$	η^{34}	η	η, n^{35}	$\eta, -j-,$ n^{35}

Таблица 2б

Базовые соответствия тюркских согласных (продолжение)

ПТ	Каз., ккэлп.	Ног.	Башк.	Тат.	Кум.	КБ	Кар.	Турк.	Аз.	Гаг.	Тур.	Хал.
b^{-1}	$b-$	$b-$	$b-$	$b-$ (Сиб. р-)	$b-, p-$	$b-$	$b-$	$b-/p-$	$b-/p-$	$b-/p-$	$b-/p-$	$b-$
p/\check{V}	$p, -b-$	$p, -b^{-2}$	$p, -b-$	$p, -b-$	$p, -b-$	$p, -b-$	$p, -b-$	p	p	p	p	$-b-, -p$
p/\bar{V}	$-b-, -p$	$-b-, -p$	$-b-, -p$	$-b-, -p$	$-b-, -p$	$-b-, -p$	$-b-, -p$	$-b-, -p$	$-b-, -p$	$-b-, -p$	$-b-, -p$	$-b-, -p$
$-b-$	$b/w/j/0^4$	$b/w/j/0^4$	$w/j/0^4$	$w/j/0^4$	$w/j/0^4$	$w/j/0^4$	$w/j/0^4$	$w/j/0^5$	$v/j/0^5$	$v/0^4$	$v/j/0^5$	$v/0^4$
m	$m, -n$	$m, -n$	$m, -n$	$m, -n$	$m, -n$	$m, -n$	$m, -n$	$m, -n$	$m, -n$	$m, -n$	$m, -n$	$m, -n$
$t-$	t	t	t	t	t, d	t	t	t, d^7	t, d^7	t, d^7	t, d^7	t
t/\check{V}	t^{11}	t^{11}	t	t	t	t	t	t	t	t	t	t
t/\bar{V}	t^{11}	t^{11}	t	t	t	t	t	$d, -t$	d	$d, -t$	$d, -t$	t
$d-$	$t, (d-)$	$t, (d-)$	t	t	t, d	t	t	d	d, t^{13}	d, t^7	d, t^7	t
d	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	d
$s-$	s	s	h	s	s	s	s	θ, s^{15}	s	s	s	s
s/\check{V}	s	s	θ	s	s	s	s	θ, s^{15}	s	s	s	s
s/\bar{V}	s	s	θ	s	s	s	s	θ, s^{15}	s	s	s	s
n	n	n	n	n	n	n	n	n	n	n^{21}	n	n
r	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r
l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l
$\check{c}-$	\check{s}	\check{s}	s	\check{c}	\check{c}	\check{c}	\check{c}	\check{c}	\check{c}	\check{c}	\check{c}	\check{c}
\check{c}/\check{V}	\check{s}	\check{s}	s	\check{c}	\check{c}	\check{c}	\check{c}	\check{c}	\check{c}	\check{c}	\check{c}	\check{c}
\check{c}/\bar{V}	\check{s}	\check{s}	s	\check{c}	\check{c}	\check{c}	\check{c}	$-\check{z}-, -\check{c}$	\check{z}	$-\check{z}-, -\check{c}$	$-\check{z}-, -\check{c}$	\check{c}
$j-$	\check{z}	j	j	j, \check{z}^{22}	j, \check{z}^{22}	\check{z}	j	j	j	j	j	j
j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j
n^{23}	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j
\check{r}	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z
λ/\check{V}	s	s	\check{s}	\check{s}	\check{s}	\check{s}	\check{s}	\check{s}	\check{s}	\check{s}	\check{s}	\check{s}
λ/\bar{V}	s	s	\check{s}	\check{s}	\check{s}	\check{s}	\check{s}	\check{s}	\check{s}	\check{s}	\check{s}	\check{s}
k^{-25}	k, q^{26}	k	k, q^{26}	k	k, g, q^{26}	k, g, q^{26}	k	k, G^{26}	k, G^{26}	k	k	k, q^{26}
k/\bar{V}	$-g-/-\gamma-$ $-k/-q^{-2}$ $-k/-q^{26}$	$-g-, -k^{-2},$ $-k$	$-g-/-\gamma-$ $-k/-q^{-26}$ $-k/-q^{26}$	$-g-, -k^{-2},$ $-k$	$-g-/-\gamma-$ $-k/-q^{-26}$ $-k/-q^{26}$	$-g-/-\gamma-$ $-k/-q^{-26}$ $-k/-q^{26}$	$-g-, -k-,$ $-k$	k, q^{26}	k, x^{26}	k	k	k, q^{26}

ПТ	Каз., ккалп.	Ног.	Башк.	Тат.	Кум.	КБ	Кар.	Турк.	Аз.	Гаг.	Тур.	Хал.
k/\bar{V}	-g-/ɣ- -k/-q ² -k/-q ²⁶	-g-, -k ² , -k	-g-/ɣ- -k/-q- -k/-q ²⁶	-g-, -k ² , -k	-g-/ɣ- -k/-q- -k/-q ²⁶	-g-/ɣ- -k/-q- -k/-q ²⁶	g-, -k-, -k	-g-/ɣ- -k/-q ²⁶	-g-/ɣ- -k/-x/ -G ⁷	-g-/0-, -k	-ɣ-, -k	k, q ²⁶
g ⁻³⁰	k	k	k	k	k, g	k, g	k	g	g	g	g	k
g	-w-/j-, -0/-w/j ⁴	-w-/j-, -0/-w/j ⁴	-w-/j-, -0/-w/j ⁴	-w-/j-, -0/-w/j ⁴	-w-/j-, -0/-w/j ⁴	-w-/j-, -0/-w/j ⁴	g/w/j/0 ⁴	ɣ/w/j ⁶	ɣ/w/j ⁶ , -0 ³²	ɣ/w/j ⁶ , -0 ³²	ɣ/w/j ⁶ , -0 ³²	ɣ/w/j ⁸ , -0 ³²
ɣ	ɣ, -j-, n ³⁵	ɣ, j-, n ³⁵	ɣ, j-, -g-, n ³⁵	ɣ, -j-, -g-, n ³⁵	ɣ, -j-, n ³⁵	ɣ, j-, -g-, n ³⁵	ɣ, j-, -g-, n ¹⁵	ɣ ³⁶	n, j	n, m, j ⁶	n, m, j ⁶	ɣ, j, g, n ³⁷

Примечания к табл. 2а и 2б.

¹ $b > m/_N$ по слегка различающимся правилам в разных языках, кроме тур. и гаг. То же верно для озвончающегося * p - при носовом во втором слог.

² Озвончается граница морфемы и аналогически приравненное к этому случаи.

³ Проблема орфографии, есть дублиеты. Пишут о неотражаемом в графике озвончении границы морфемы, по-видимому, независимо от долготы и только в кыпчакизированных диалектах. Озвончение после первично долгого с фрикативизацией часто в нормативном словаре, но, поскольку по внешнему виду это совершенно то же самое, что наблюдается в хорезмских огузских диалектах узбекского, видимо, это — влияние огузских диалектов на норму.

⁴ В зависимости от вокалического окружения.

⁵ После огубленных гласных.

⁶ В зависимости от вокалического окружения и с варьированием по диалектам.

⁷ См. подробнее: СИГТЯ 2002.

⁸ * t -, * d -, * $č$ - > $č$ - перед * i , * $ɨ$.

⁹ - d - в интервокальном сочетании * $-rt$ - и в начале служебной морфемы.

¹⁰ Озвончение в шорском и хакасском в интервокале, видимо, нерегулярно отмечено в материалах Вербицкого.

¹¹ $t > d$ в начале служебной морфемы.

¹² * $-t$ -, $-č$ - > $č$ перед * i , * $ɨ$.

¹³ Перед - x , см. подробнее: СИГТЯ 2002.

¹⁴ Варьирование по диалектам и записям.

¹⁵ С различиями по диалектам.

¹⁶ > $š$ перед * i , * $ɨ$.

¹⁷ Позиции неясны.

¹⁸ > $ž$ перед * i , * $ɨ$.

¹⁹ В диалектах возможны выпадения в интервокальной позиции, с назализацией гласного.

²⁰ Возможны диалектные варианты с $ž$ -.

²¹ Возможны диалектные варианты с $ž$ -, $ž$ - перед узкими гласными.

²² j перед a , o , $ö$, u , $ü$, $ä$; $ž$ перед e , i , $ɨ$; + диалектное варьирование.

²³ В большинстве языков не отличается по рефлексам от - j -, но везде, где возможно, вызывает переход * b - > n -.

²⁴ Часто дает назализацию начального $j > n$.

²⁵ Перед задними гласными в праторкском нельзя различить глухое * k - и звонкое * g -, см. подробнее: СИГТЯ 2002. В этом случае мы пишем обычно * K -.

²⁶ В зависимости от рядности гласных.

²⁷ С распределением по широким и узким гласным.

²⁸ В зависимости от исконной рядности гласных.

²⁹ В зависимости от исконной рядности гласных. *K- > j- перед исконным дифтонгом.

³⁰ Различие гуттуральных по глухости–звонкости восстанавливается только в переднерядных основах, см. подробнее СИГТЯ 2002.

³¹ Оглушение конечного -g — неоднократно отмечавшаяся характерная черта карлукских языков; и в уйг., и в узб. оно, однако, происходит нерегулярно, по-видимому, в связи со словообразовательными аналогиями.

³² На конце неодносложного слова. См. подробнее СИГТЯ 2002.

³³ По диалектам, с назализацией гласного.

³⁴ -g-/-0- в диалектах.

³⁵ В некоторых сочетаниях, на конце неодносложного слова.

³⁶ В сочетании с палатальными согласными *п*, в некоторых вокалических окружениях *ј*.

³⁷ Распределение неясно.

Таблица 3а

Соответствия «вокально-консонантных» комплексов со звонкими и их реконструкция в праторкском

ПТ	Чув.	Як.	Тув.	Тоф.	Хак.	Шор.	Сюг.	Др.-уйг.	Крх.	Тур.	Гаг.	Аз.	Турк.
<i>ab</i>	ɸ ^w /u	<i>ia</i>	<i>aγ</i>		<i>ob</i>		<i>av</i>	<i>av</i>	<i>av</i>	<i>av</i>	<i>aw</i>	<i>ow</i>	<i>ow</i>
<i>āb</i>	ɸ ^w /u	<i>ia</i>	<i>aγ</i>	<i>aγ</i>	<i>ab</i>	<i>ap</i>		<i>av</i>	<i>av</i>	<i>av</i>	<i>aw</i>	<i>ow</i>	<i>āw</i>
<i>ag</i>	ɸ ^w /u	<i>ia</i>	<i>aγ</i>	<i>aγ</i>	<i>aγ</i>	<i>aγ</i>	<i>aγ</i>	<i>aγ</i>	<i>aγ</i>	<i>aγ</i>	<i>ā</i>	<i>aγ</i>	<i>aγ</i>
<i>āg</i>	ɸ ^w /u	<i>ia</i>	<i>aγ</i>	<i>aγ</i>	<i>aγ</i>	<i>aγ</i>	<i>aγ</i>	<i>aγi</i>	<i>aγ</i>	<i>aγ</i>	<i>ā</i>	<i>aγ</i>	<i>āγ</i>
<i>aba</i>	ɸva	<i>aba</i>	<i>ā</i>	<i>ā</i>	<i>aba</i>	<i>aba</i>		<i>aba</i>	<i>ava</i>	<i>ava</i>	<i>awa</i>	<i>awa</i>	<i>u/owa</i>
<i>aga</i>									<i>aγa</i>	<i>aγa</i>			
<i>aqa</i>	ɸva	<i>ā</i>	<i>ā</i>					<i>aγa</i>		<i>aγa</i>		<i>aγa</i>	<i>aγa</i>
[<i>abo</i>]		<i>aba</i>			<i>abo</i>								
<i>abi</i>	ɸva	<i>abi</i>	<i>ā</i>	<i>ā</i>	<i>abi</i>	<i>abi</i>	<i>ō, awi</i>	<i>abi</i>	<i>avi</i>	<i>avi</i>	<i>awu</i>	<i>owu</i>	<i>owu</i>
<i>agi</i>	u, ɸv(ɸ)	<i>ia</i>	<i>ā</i>	<i>ā</i>	<i>ā</i>	<i>ā</i>	<i>aγi</i>	<i>aγi</i>	<i>aγi</i>	<i>aγi</i>	<i>ā</i>	<i>aγi</i>	<i>aγi</i>
<i>aqi</i>		<i>ia</i>						<i>aγi</i>	<i>aγi</i>	<i>aγi</i>	<i>ā</i>		<i>aγi</i>
<i>abu</i>	ɸvɸ, vɸ/u	<i>abi, obu</i>	<i>ā</i>	<i>ā</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>		<i>avu</i>	<i>avu</i>	<i>avu</i>	<i>awu</i>	<i>owu</i>	<i>owu</i>
<i>agu</i>	#vɸ, u, u#, av#	<i>ō</i>	<i>ō, ā#</i>	<i>ā, ā#</i>	<i>ō, o#</i>	<i>ō, a#</i>			<i>aγu, oγu, onu</i>	<i>avu</i>	<i>awu</i>	<i>owu</i>	<i>owu</i>
<i>abu</i>	ɸvɸ				<i>ō</i>	<i>ō</i>							
<i>agu</i>	ɸ, ɸvɸ	<i>uo</i>	<i>ō</i>	<i>ōC, ā</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>o</i>	<i>aγu</i>	<i>aγu, oγu</i>	<i>avu</i>		<i>owu</i>	<i>owu</i>
<i>āgu</i>		<i>ɸ</i>	<i>ō</i>	<i>ā</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>o</i>	<i>aγu</i>	<i>aγu</i>	<i>aγu</i>	-	<i>aγi</i>	<i>āwi</i>
<i>ob</i>	u, ɸv	<i>uo</i>	<i>uγ</i>	<i>uγ</i>	<i>uγ</i>		<i>uγ</i>	<i>ov</i>	<i>ov</i>	<i>ov</i>	<i>ū</i>	<i>ow</i>	<i>ow</i>
<i>og</i>	u, ɸv, #vɸ, ɸv	<i>uo, ō</i>	<i>oγ</i>		<i>oγ</i>	<i>oγ</i>	<i>oγ</i>	<i>oγ</i>	<i>oγ</i>	<i>oγ</i>	<i>ō, ū</i>	<i>oγ</i>	<i>oγ</i>
<i>ōg</i>					<i>oγ</i>	<i>oγ</i>	<i>oγ</i>	<i>oγ</i>	<i>oγ</i>				<i>ōγ</i>
<i>oba</i>		<i>obo</i>			<i>ā</i>					<i>ova</i>	<i>uwa</i>	<i>owa</i>	
<i>oga</i>		<i>uo</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>ō, ā</i>	<i>ō</i>	<i>oγi, oγu</i>	<i>oγu</i>	<i>oγu, oγo</i>	<i>oγa</i>	<i>uwa</i>	<i>oγa</i>	<i>oγa</i>
<i>ogi</i>	<i>ivə</i>		<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>o</i>	<i>oγi</i>	<i>oγi</i>	<i>oγu</i>	<i>ū</i>	<i>oγu</i>	<i>owu</i>
<i>obu</i>	və-, ivɸ	<i>obu</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>ū</i>								
<i>ogu</i>	ɸvɸ, ivə	<i>uo, ō</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>oγu, uγu</i>	<i>oγu</i>	<i>oγu</i>	<i>oγu</i>	<i>ō, ū</i>	<i>oγu</i>	<i>oγu</i>
<i>eb</i>	<i>av, və?</i>	<i>ie</i>	<i>ōg</i>	<i>ōg</i>	<i>ip#, ib</i>	<i>ep#, eb</i>	<i>(j)ū, ij</i>	<i>ev</i>	<i>ev, öv</i>	<i>ev</i>	<i>ew</i>	<i>ew</i>	<i>ōj</i>

ПТ	Чув.	Як.	Тув.	Тоф.	Хак.	Шор.	Сюр.	Др.- уйг.	Крх.	Тур.	Гар.	Аз.	Турк.	
eg	av-, aj-	ie	eγ	eγ	ig	eg	ig	eg	eg	eγ	i	āj	eγ	
ēb	av	ie	eγ	eγ				ev	ev	ev	ew		āw	
eg	iv-	ī	eγ	eγ	ig	eg		eg	eg	eγ	i	āj	eγ	
ebe	ave	ebe	eve	ebe	ibe		e, i	ebe	eve	eve	ewe	ewā	ōje	
ege		ē, ie	ē		ē	ē	ege	ege	ege	eγe,eje			eγe	
ēbe					ibe	ibe								
ēbe	ɔva	ibe	eve		iba,ebe		eve?							
egō		üō	ō	ō	ō			ōgō	igi	iγi		iji	iγi	
ebi	avu/avb	ebi	evi	ebi	ibə	ebi	ɛγɛ	evi	evü	evi	ewi	ewi	ōwü	
egi	avə	ie	ē		ī	ī	ege	egi	egi	eγi, eji		āji	eγi	
ēbi	ave	ibi				ibi								
egi	ivə	ī	ī	ī	ī	ī, egi	igi	igi	igi	iji	ī	iji	iγi	
ebü	ɔva	ōbü	ō	ō	ō	ō	jü	ō	ō	ō	ō	ō	ō	
egü		üō	ō	ē	ō		ōgü	ōgü		ōjü	ü	ōjü	ōwü	
ōb								ōv		ōv	[iüv]	ōj	ōw.ōj	
ōg	ə ^w	üō	ōj		üg	ōg	üg	ōg	ōg	ōg	ōγ, öv, ōj	ü	ōj	ōw
ōge	ɔva	üō	ō	ō	ō	ō		ōge	ōge	iüve	iüwe	ōγā	ōwe	
ōgü		üō	ō	ō	ō	ō, ü		ōgü	ōgü	ōγü	ü	ōjü	ōwü	
ib	iv	ü	uγ	uγ	uγ		o(w)	uv	uv	u	u	u	uw	
ig		ī	ɛγ		ɛγ	ɛγ	ɛγ	ɛγ	ɛγ	ɛγ	ī	ɛγ	ɛγ	
iba	ɔva		ā	ā				uva	uva	iva	uwa	uwa	uwa	
iga			ā	ā	ā	ā		ɛγa	ɛγa	ɛγa				
igt		ijɛ	ī	ī	ī			ɛγɛ	ɛγɛ	ɛγɛ	ī	ɛγɛ	ɛγɛ	
ibu	ɔvb, avə/ō		ij		ō				ovu	o	o	o	oγu	
igu			ā#											
īgu			ī	ī	ī	ī	uγu, oγu	ɛγu	ɛγu	ɛγɛ		ɛγɛ	iγu	
ub	av	ü	uγ	uγ	uγ	uγ	u(w)	u	u	u	u	u(w)	uw	
ug	ɔ ^w v	ü	uγ	uγ	uγ	uγ		u		uγ	uγ	uγ	uγ	
üg	ɔ ^w v								u	u	ü	uγ	iγ	
uba		uba	ü	ü	ü		o			uva		u	uw	
[uga]						ō								
ubi								u	u	u	u	u	ü	
ubu		ubu						u	u, uvu	u	u	u	uvu	
ugu	ɔ ^w , ɔ ^w v, ɔ ^w	ü	ü	ü	ü	ü	uγu	uγu	uγu	oγu	ü	oγu	uγu	
ib	av	üō						iv	i, iüv	iv		iw	iγ	
ig		ī						ig	ig	iγ, ij	ī	ij	iγ	
īg								ig	ig	iγ			iγ	
ibe	ave													
ibi		ibi												
igi	i	[iü]	ē?					igi	igi	i	i	i	ī	
igü		ü	ü						igü	ü#		ü#	i	
üb		ü						üb, ü#	üb, ü#	ü	ü	ü, üj#	üj	

ПТ	Чув.	Як.	Тув.	Тоф.	Хак.	Шор.	Сюр.	Др.-уйг.	Крх.	Тур.	Гар.	Аз.	Турк.
üg	ü, ivə, ə ^{vy}	ü, ī	ürγ	ürγ	üg	üg		üg	üg	üj, ürγ	ü	üj	üw
übe								ive	ive	ive	üwe	üwä	öwe
üge	ə ^{ve}	ü	(j)ürγe		(j)üge	ü	(j)üge		ügö	oja		üje	üwe, uja
ügü	#vi	ü	ü, (j)ürγü		ü, (j)ügü	(j)ügü	ügü	ügü	ügü	ürγü	-	üjü	üwü

Таблица 3б

Соответствия «вокально-консонантных» комплексов со звонкими и их реконструкция в праторкском (продолжение)

ПТ	Сал.	Узб.	Уйг.	Кар.	Кум.	Балк.	Тат.	Башк.	Ног.	Каз.	Ккал.	Кирг.	Галг.
ab		aw	o	aw	uw	uw	aw, uw#	aw, iw#	aw, uw#	aw, uw#	aw	ō, ü, ü#	ū, ü#
āb	ō	aw	ow	aw	aw#	aw, uw#	aw#	aw#	aw#	aw#		ū#	ap#
ag	ax	ay	ay	aw	aw	aw	aw	aw	aw	aw	aw	ō, ā-	ū, ā-
āg			ay	ay, aw	aw	aw	aw	aw	aw	aw	aw	ō	ū
aba		awɔ	uwa	awa, uwa	uwa	uwa	uwa	ɨwa	uwa	uwa	uwa	aba	aba
a/gga	ay/x	ay	aya				aya, ā	aya, ā	aya	aya	aya, ā	ā	ā
[abo]												ō	obo
abi	ō	awu	awu	awu, uwu	awu	awu	awɨ	awɨ	awɨ	awɨ	awɨ	ō	abi
agi	ayɨ	ayi	eɣi	ayɨ, awu	awu	awu	awɨ	awɨ	awɨ	awɨ	awɨ	ō	ō, ü
agi				awu								ū	ū
abu	u	awu	owu	awu, uwu	uwu	uwu	uwɨ	uwɨ	uwɨ	uwɨ	uwɨ	ū	ū
agu	o	ay, awu -ay/-aw	oyu	uwu, awu, ow#, uw#	uwu aw#	uwu ow#	u, uwɨ aw#	u, uwɨ, ɨwɨ, aw	uwɨ aw#	uwɨ aw#	uwɨ aw#	ū, ö#	ū, u#
abu		awu	owu	awu, uwu	uwu	uwu	uwɨ	uwɨ	uwɨ	uwɨ	uwɨ		
agu		awu	oyu	uwu	uwu	uwu	u, uwɨ	u, uwɨ, ɨwɨ	uwɨ	uwɨ	uwɨ	ū	ū
āgu	-	ayu	oya	ayu, uwu	ayu	ayu	ayu	ayu	ayu	ayu	ayu	ayu	ayu
ob		uw		uw	uw	uw	uw	ɨw	uw	uw	uw	ū	ū
og	oy	oy, uy	oy, uy	oy, uw	uw	uw	uw	ɨw	uw	uw	uw	ū	ū
ōg		oy	oy							oq#			
oba		uwa	uwa, uga	uwa	uwa		(u)wa	(ɨ)wa	uwa	uwa	uwa	uba	ō
oga		oyɔ	oya, oya	uyɔ	uwa	uwa	uwa	ɨwa	uwa	uwa	uwa	ō	ō
ogi	ō	awu	oya	uwu	owu	uwu	uwɨ	ɨwɨ	uwɨ	uwɨ	uwɨ	ū	ō
obu							uwɨ	ɨwɨ				ū	ū
ogu	oxu	oyi	oyu	oyu, uwu	uwu	uwu	uwɨ	ɨwɨ	uwɨ	uwɨ	uwɨ	ō	ō
eb		oj	ōj	ev, iw, üj	üj	üj	ōj	ōj	üj	üj	üj	üj	üj, ü
eg		ij	i				i	e	ij	ij	ij	ē, ij-	ē, ij-
ēb	ü	aw	ō	ōw	üj		üj	ōj	üj	üj	üj	ij	ij
eg		eg	eg	eg, ij	ij	ij	ij	ij	ij	ij	ij	ij	ij
ebe	ōje	uja	ōgä	üje	üje	üje	ōjä	ōjä	üje	üje	üje	ō	ō
ege		ija	ijä				ijä	ejä	ije	ije	ije	ē	ē
egö		oga	ōgä	üwe	üje		ōjä	ōjä	üje	üje	üje	ō	ō

ПТ	Сал.	Узб.	Уйг.	Кар.	Кум.	Балк.	Тат.	Башк.	Ног.	Каз.	Ккал.	Кир.	Галг.
<i>ebi</i>		<i>iwi</i>	<i>ögü</i>	<i>ewi, iwi, üwü</i>	<i>üjü</i>	<i>üjü</i>	<i>öje</i>	<i>öjö</i>	<i>üji</i>	<i>üji</i>	<i>üji</i>	<i>ebi</i>	<i>ebi</i>
<i>egi</i>	<i>ıye</i>	<i>egi</i>	<i>egä</i>	<i>ı</i>			<i>i</i>	<i>i</i>	<i>iji</i>	<i>iji</i>	<i>iji</i>	<i>iji</i>	<i>iji</i>
<i>ebi</i>		<i>iwi</i>		<i>iwi, üwü</i>			<i>üje</i>	<i>ewe</i>				<i>ibi</i>	<i>ibi</i>
<i>egi</i>	<i>ixi</i>	<i>iji</i>	<i>iji</i>				<i>ije</i>	<i>eje</i>		<i>iji</i>		<i>igi</i>	<i>ı</i>
<i>ebü</i>		<i>o</i>	<i>ö</i>	<i>ö, e</i>	<i>ö</i>		<i>ü</i>	<i>ü, ö</i>		<i>ü</i>	<i>ü</i>	<i>ö</i>	<i>ö</i>
<i>egü</i>		<i>oga</i>	<i>ögä</i>										
<i>öb</i>												<i>ö</i>	
<i>ög</i>		<i>uj, ug, uw</i>	<i>ü(g) ö(g)</i>	<i>ög, üw, iw</i>	<i>üj</i>	<i>üj</i>	<i>öj</i>	<i>öj</i>	<i>üj</i>	<i>üj</i>	<i>üj</i>	<i>öj</i>	<i>ö</i>
<i>öge</i>		<i>oga</i>	<i>ögä</i>	<i>öge</i>	<i>öge</i>	<i>öge</i>	<i>üge</i>	<i>üge</i>	<i>öge</i>	<i>öge</i>	<i>öge</i>	<i>ö</i>	<i>ö</i>
<i>ögü</i>		<i>uja</i>			<i>üjü</i>	<i>üjü</i>	<i>öje</i>	<i>öje</i>	<i>üji</i>	<i>üji</i>	<i>üji</i>	<i>üjü</i>	<i>ü</i>
<i>ib</i>	<i>u</i>	<i>uw</i>	<i>u</i>	<i>uj, uw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>u</i>	<i>ıw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>ü</i>	<i>ü</i>
<i>ig</i>	<i>ix</i>	<i>ıy</i>	<i>ıy</i>	<i>ıy, ij</i>	<i>ı(j)</i>	<i>ı(j)</i>	<i>ı(j)</i>	<i>ı(j)</i>	<i>ı(j)</i>	<i>ı(j)</i>	<i>ı(j)</i>	<i>ij</i>	<i>ij, ü</i>
<i>iba</i>	<i>uwa</i>	<i>uwa</i>	<i>uwa, uga</i>	<i>uwa</i>	<i>uwa</i>	<i>uwa</i>	<i>uwa</i>	<i>ıwa</i>	<i>uwa</i>	<i>uwa</i>	<i>uwa</i>		
<i>iga</i>						<i>ıya</i>							
<i>igt</i>	<i>ıxt</i>	<i>ıyt, tji</i>	<i>ıyt, tji</i>	<i>ıyt, tjt</i>	<i>ıyt, tjt</i>	<i>tjt</i>	<i>tjt</i>	<i>tjt</i>	<i>tjt</i>	<i>tjt</i>	<i>tjt</i>	<i>tjt</i>	<i>igt</i>
<i>ibu</i>	<i>ıyu</i>	<i>uwa</i>	<i>uwa</i>	<i>uwa</i>	<i>uwa</i>	<i>uwa</i>	<i>uwa</i>						
<i>ıgu</i>				<i>ıyt, uvu</i>							<i>uwı</i>		<i>ıgt</i>
<i>ub</i>	<i>u</i>	<i>uw</i>	<i>u(j)</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>ıw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>ü</i>	<i>ü</i>
<i>ug</i>		<i>uy</i>	<i>uy</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>ıw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>ü</i>	<i>ü</i>
<i>üg</i>		<i>uy</i>	<i>uy</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>ıw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>uw</i>	<i>ü</i>	<i>ü</i>
<i>uba</i>		<i>uw(a)</i>		<i>uba, uwa</i>	<i>uw</i>		<i>uwa</i>	<i>ıwa</i>	<i>uw#</i>	<i>uw#</i>	<i>uw#</i>	<i>ü</i>	<i>ü</i>
<i>ubı</i>										<i>uwı</i>	<i>uwı</i>		
<i>ubu</i>		<i>u</i>	<i>uwa</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>ü</i>	<i>ü</i>
<i>ugu</i>	<i>ıyu</i>	<i>ıyu</i>		<i>ıyu, uvu</i>	<i>uvu, u</i>	<i>uvu, u</i>	<i>uwı</i>		<i>uwı</i>	<i>uwı</i>	<i>uwı</i>	<i>ü</i>	<i>ü</i>
<i>ib</i>		<i>uw</i>		<i>üj, üw</i>	<i>üj</i>	<i>üj</i>	<i>öj</i>	<i>öj</i>	<i>üj</i>	<i>üj</i>	<i>üj</i>	<i>üj</i>	<i>ü</i>
<i>ig</i>		<i>ig</i>	<i>i(j)</i>	<i>i(j)</i>	<i>i(j)</i>	<i>i(j)</i>	<i>i, e</i>	<i>e</i>	<i>ij</i>	<i>ij</i>	<i>ij</i>	<i>ij, i</i>	<i>ij</i>
<i>ibe</i>							<i>öje</i>	<i>öje</i>	<i>üje</i>	<i>üje</i>			
<i>igi</i>	<i>ı</i>	<i>igi</i>	<i>igi</i>	<i>igi</i>	<i>igi</i>	<i>iji</i>	<i>ege</i>	<i>ege</i>	<i>iji</i>	<i>iji</i>	<i>igi</i>		
<i>ıgü</i>							<i>ö#</i>	<i>i#</i>	<i>i#</i>	<i>i#</i>			
<i>üb</i>												<i>ü</i>	<i>ü</i>
<i>üg</i>		<i>ug</i>	<i>üg</i>	<i>üj, iw</i>	<i>üj</i>	<i>üj</i>	<i>öj</i>	<i>öj</i>	<i>üj</i>	<i>üj</i>	<i>üj</i>	<i>üj</i>	<i>üj</i>
<i>übe</i>							<i>öje</i>	<i>üje</i>					<i>ö</i>
<i>üge</i>		<i>uga</i>	<i>ügä</i>	<i>üge</i>	<i>üge</i>	<i>üge</i>	<i>öge</i>	<i>üge</i>	<i>üwe</i>	<i>üge</i>	<i>üwe</i>	<i>ügö</i>	<i>üjge</i>
<i>ügü</i>	<i>üxü</i>	<i>ugu</i>	<i>ügä</i>	<i>uvu</i>	<i>uvu</i>		<i>öge</i>	<i>üge</i>	<i>uwı</i>	<i>ügi</i>	<i>ügi, uwı</i>	<i>ügü</i>	<i>ügü</i>

Реконструкция пратюркского консонантизма, как мы видим, имеет почти традиционный алтаистический вид. Ниже обсуждаются некоторые ее модификации⁵ и другие моменты, существенные для генеалогической

⁵ Традиционные системы соответствий между тюркскими языками см., например, в Ряс. Мат.; Щербак 1970 и СИГТЯ 1984.

классификации тюркских языков. Особенно интересует нас в данном случае, как предполагаемые данной реконструкцией последующие фонетические развития соотносятся по времени (и географической локализации) с первым, наиболее заметным в классификационном отношении разделением: на «булгарскую» и «общетюркскую» группы. При этом наиболее ранние стадии собственно булгарской фонетической истории известны прежде всего по ранним заимствованиям из языков булгарской группы. Поэтому ниже предпринято несколько экскурсов в фонетику булгаризмов различных языков.

1. Начальная звонкость/глухость

Начальная звонкость/глухость (в фонетической реальности скорее слабость/сила) взрывных дентальных восстанавливается, как было предварительно показано уже в Илл.-Св. 1963; Илл.-Св. 1965, на огузском и отчасти саянском материале, при этом соотносясь с праалтайскими непрдыхательным **t-* и придыхательным **t'-*; вновь выявленные подробности соответствий см. в Дыбо 1991; СИГТЯ 2002, 68–80; Дыбо 2005. По-видимому, различие по звонкости на начальных дентальных имелось и в рано отделившемся от остальных тюркских языков булгарском диалекте, послужившем источником булгаризмов в венгерском языке: на материале этих булгаризмов *d-* соответствует пратюркскому **d-*, а *t-* — пратюркскому **t-* (см. Илл.-Св. 1963, 44; СИГТЯ 2006, 68–69). Одна из проблем, возникающих при установлении хронологии процессов, прошедших на «общетюркских» языках — это вторичное озвончение *t > d-* перед срединным звонким взрывным, **r* и **ř*. Процесс захватывает огузские языки вместе с саянскими⁶, и должен был пройти до перехода *d* срединного в *j* или фрикативный. С другой стороны, поскольку ни в каких языках, кроме огузских и саянских, соответствующее фонологическое противопоставление не сохранилось, не ясна верхняя временная граница процесса. По-видимому, в ее определении может помочь рассмотрение булгарских заимствований в венгерском. Оказывается, что описанное огузо-саянское озвончение в венгерских булгаризмах не отражено (СИГТЯ 2006, 69; подробнее см. в след. кн.). Таким образом, по-видимому, это озвончение имело место уже после отпадения булгарской ветви, являясь притом «общетюркским» процессом.

Начальная звонкость/глухость (слабость/сила) гуттуральных хорошо восстанавливается на огузском материале (только при гласных переднего ряда, см. СИГТЯ 2002, 80–83), при этом регулярно соответствуя праал-

⁶ Ср. начальный глухой в огузских рефлексах слова ‘курица’: ПТ **takıgu*, праогузо-кыпчакское (с метатезой) **tagıku*, без озвончения перед срединным звонким, т.е. процесс озвончения нельзя считать собственно огузским.

тайским: *g- — звонкому *g- и непридыхательному *k-; *k- — придыхательному *k'-. Саянский материал пока не укладывается ни в какую интерпретацию, более того, неясны соответствия *k-* — *x-* между тувинским и тофаларским. По-видимому, на саянских гуттуральных мы видим результат действия еще большего количества вторичных процессов, чем на денгальных⁷. Неясно отношение к огузскому (и пратюркскому, поскольку огузское восходит к праалтайскому) противопоставлению древнебулгарского материала: среди венгерских переднерядных булгаризмов только три начинаются на *g-*: *görény* ‘хорек’ (MNYTESz I 1089; тюрк. глухость–звонкость неясна: из огузских языков встречено только в туркм. в составе композитов, как *alažagözen*, так что звонкость может быть стыковой; по внешним соответствиям скорее глухой, см. ЭСТЯ 1997, 87; СИГТЯ 2002, 164), *güzü* ‘полевая мышь’ MNYTESz I 1113 (тюрк. глухость–звонкость неясна: в огузских языках не встречено, см. СИГТЯ 2000, 167, ЭСТЯ 1997, 153–154, внешних параллелей пока не обнаружено) и *gödény* ‘пеликан’ (тюрк. глухость–звонкость неясна: заднерядное слово, см. ЭСТЯ 2000, 83–85; развитие переднего ряда в венг. — аналогично *bölény* ‘зубр’ < тюрк. *bulan* ‘лось’, см. Lig. MNYTK I 211; внешних параллелей к тюрк. пока не обнаружено: монг. и ПТМ в ЭСТЯ — явные заимствования; тюрк., возможно, из обско-угорского, см. Róna-Tas Infl. 749). И Лигети (op. cit.), и Рона-Таш (RT 1997, 49) полагают, что это — внутривенгерское озвончение, которое, впрочем, возможно, было как процесс индуцировано взаимодействием с тюркскими языками⁸.

Что касается начальной звонкости/глухости на губных, реконструкция противопоставления не вполне надежна. И огузские, и саянские языки имеют фонологическое противопоставление типа *b-* — *p-*, причем исконных форм с *p-* в каждом из языков исчезающее количество и эти формы не соответствуют друг другу, ср. СИГТЯ 2002, 80. Значительная часть слов с *p-* — это заимствования, а также экспрессивные слова, которые, возможно, по своему функциональному статусу нуждаются в усилении начала. По внешним соответствиям в любом языке набор исконных форм с *p-* восходит частично к праалтайским корням с **p-*, частично к праалтайским корням с **b-* и даже с **m-*, на первый взгляд, совершенно беспорядочно. Однако можно отметить, что те из тюркских этимологий, которые восходят к алт. **m-* и **b-*, могут получать в огузских языках рефлекс с **p-*, если внутри слова имеется позиция, приводящая к фарингализации в тувинском, т.е. за исконно кратким гласным следует исконно придыхательный (глухой) шумный:

⁷ Не исключено влияние просодических факторов типа фонационных, обнаруженных в сибирско-тюркских языках, но пока описанных недостаточно, ср. Дыбо 1986.

⁸ О венгерском анлаутном озвончении см. MNT 1967, 125 — это явление в сравнительно-историческом отношении еще не объяснено; ср. некоторые соображения по этому поводу в след. кн.

Алт. **m*-: 1. ПА **mále* > ПТ **bīl(ik)* ‘кошка’, тур. *pışık* (диал.), *pisi*, аз., туркм. *pişik*; 2. ПА **müsi* > ПТ **bus* ‘пар, туман’, тур. *pus*; 3. ПА **máli* > ПТ **baltu* ‘топор’, тур., аз. *balta*, туркм. *palta*, тув. *ba'ldi* (Бичелдей 2001, 99); 4. ПА **māndo* > ПТ **botu* ‘верблюжонок’, тур. *potak* (диал.), аз. *pota* ‘буйволенок’; 5. ПА **mét'í(rkV)* > ПТ **böteke* ‘зоб птицы, почки животных’, аз. *pätänäk*, туркм. *peteke*.

Алт. **b*-: 1. ПА **borso(k'V)* > ПТ **borsuk*, **borsmuk* ‘барсук’, тур. *por-suq*, аз. *porsuG*; 2. ПА **bīālmī* > ПТ **bał-mak* ‘ботинок, обувь’, тур. *başmak*, *pašmak*, аз. *başmaG*, туркм. *başmaq*, *pašmaq*; 3. ПА **bīālu* > ПТ **bāl-* ‘грязь, глина’, тур. *balčik*, аз. *palčīG*, туркм. *palčiq*⁹.

Те же из тюркских этимологий, которые восходят к алт. **p*-, могут получать в огузских языках рефлексы с **p*- и в случае позиции фарингализации, и в других случаях.

а) 1. ПА **pīlži* > ПТ **bīlč-* ‘свариваться, созревать’, тур., гаг. *piš-*, аз., туркм. *biš-*, тув. *bīš-*; 2. ПА **pēk'i* > ПТ **bek* ‘крепкий, прочный’, др.-уйг. *bek*, крх.-уйг. *bek* (МК), тур., гаг. *pek*, туркм. *bek*, тув. *be'k*; 3. Ностр. **pUšV* ‘прятать, оставлять’ (ср. Дубо 2004): Ур. ФВ **pise* ‘bleiben, verbleiben, steckenbleiben’ (UEW 732), ПИЕ **paus-* ‘оставлять, бросать’ (WP II 1), ПА **bīüsü* (~ *p-*) (EDAL 364) > ПТ **bus-* ‘прятаться, устраивать засаду’, др.-уйг. *bus-* (Suv.), крх.-уйг. *bus-* (МК, QB, IM), тур. *pus-*, аз. *pusGu* ‘засада’, туркм. *bus-*; 4. ПА **p/bīōk'à(rV)* > ПТ **bakir* ‘медь; налет, патина’, тур., гаг. *bakir*, аз. *paxir*, туркм. *baqir*; 5. ПА **p/bōrk'i* > ПТ **bōrk* ‘шапка’, тур. *bōrk*, (диал.) *pōrk*, аз. *bōrk* (диал.), туркм. *bōrik*, тув. *bō'rt* (Бичелдей 2001, 107), тоф. *bō'rt*.

б) 1. ПА **pīāri* > ПТ **biarṣak* ‘палец, большой палец’, тур. *parmak*, диал. *barnak*, гаг. *parmak*, аз. *barmaG*, туркм. *barmaq*; 2. ПА **pīāt'e* > ПТ **biāt* ‘быстрый’: др.-уйг. *bat*, крх.-уйг. *bat* (МК), тур. *pat* ‘вдруг’, туркм. *bāda* ‘сразу’, тув. *pat*; 3. ПА **pūne* > ПТ **būn-* (/ **bīn-*) ‘ехать верхом’, тур. *bin-*, гаг. *pīn-*, аз. *min-*, туркм. *mün-*; *mīn-* (диал.), тув. *mun-*; 4. Ностр. **pūlcV* ‘блоха’ (ОСНЯ 2, 99–100) > ПА **pīure* > ПТ **būrče* / **bürge* ‘блоха’, тур., гаг. *pire*, аз. *birā*, туркм. *büre*; 5. ПА **pūt'ò* > ПТ **būta-* ‘срезать ветви, ветвь’, тур., гаг. *buda-*, *budak*, аз. *buda-*, *budaG*, туркм. *pūda-*, *pūdak*, тув. *bu'duk*.

⁹ В EDAL можно найти три исключения, когда в огузском присутствует оглушение при отсутствии позиции фарингализации. Это следующие случаи: 1. ПА **buda* > ПТ **bodu-* ‘прикреплять; деревянный гвоздик в носовой перегородке верблюда; гвоздь’, тур. *pöjra* ‘втулка в колесе’ (VEWT 386 — этимологии нет), гаг. *pojra* или *pöjra* ‘чугунная втулка в ступице колеса’, туркм. *bijli*. Турецкая и гагаузская формы, судя по месту ударения, должны быть новыми заимствованиями. 2. ПА **mīuū* > ПТ **buī-* / **boī-* ‘причинять вред, разрушать’, тур. *boz-*, аз. *poz-*, туркм. *boz-*, гаг. *boz-*; пожалуй, здесь пейоративное усиление в аз. 3. ПА **bīōla* > ПТ **bālan* ‘калина’, аз. *palan*. Форма приведена по Радлову, Р IV 1163; судя по порядку подачи языков в словарной статье Радлова (Tel., Ad., Schor.), это опечатка вместо Alt.

В большинстве случаев, однако, при наличии позиции фарингализации огузские языки не демонстрируют рефлексов с *p*-, безразлично к происхождению начального согласного; по EDAL таких примеров 18 на ПА **b*-, 8 на ПА **m*-, 9 на ПА **p*-. В целом картина отражает, по-видимому, состояние «умирающего» фонологического противопоставления в праогузском, не успешного окончательно исчезнуть до распада праогузского на дочерние языки; это довольно естественно для явлений, связанных с просодией (каковой является, например, тувинская фарингализация).

Что касается венгерских булгаризмов, то в группах с ПА **b*- и **m*- они показывают регулярное *b*-¹⁰: 1. Ностр. **bUkV* (ПИЕ **bhouk*^v- ‘пчела, трутень, слепень’, груз. *bukuka* ‘комар’) > ПА **bjūki*¹¹ > ПТ **bōke-lek* ‘овод’, аз. *bōjālāk*, туркм. *bōkelek*. Венг. *bōgōly* (чув. *p^wvan* — следствие контаминации с другим корнем), ПТ **bōg*, **bōg-en* (EDT 323; VEWT 82–3; СИГТЯ 2000, 184). 2. ПА **bjōru* > ПТ **buša-gu* ‘теленок’, тур. *buzayı*, гаг. *buzā*; аз. *bızov*, туркм. *buzaw*, тув. *bizā*. Венг. *borjú* (чув. *p^wru*). 3. ПА **bōgē* > ПТ **bōgū* ‘мудрец, колдун’, тур. *böjü*, гаг. *bū*. Венг. *bű* ‘колдовство’. 4. ПА **bjōr[é]* > ПТ **bēr-* ‘давать’, **bēr-ig* ‘то, что дают’. Венг. *bér* ‘плата’ (чув. *paru*). 5. ПА **mjāk'o* > ПТ **b(i)āka* ‘лягушка’, др.-уйг. *baqa*, крх.-уйг. *baqa* (МК), тур. *bā*, гаг. *qurbā*, аз. *baqa*, туркм. *Gurbāya*, тув. *paga*, тоф. *baqa*. Венг. *béka*. 6. ПА **mūk'o* > ПТ **būka* ‘бык’, тур. *boa*, гаг. *buga*, *bua*, аз. *buga*, туркм. *buGa*, тув. *buqa*, тоф. *buxa*. Венг. *bika*¹².

В том числе, в позиции фарингализации оглушения не происходит: **borsuk* (см. выше), венг. *borz* = чув. *porš*; ПА **būkā* > ПТ **bukagu* ‘пути, цепь, веревка’, тур. *bukaq*, гаг. *bukaa*, *būkaa*, аз. *buxov*, туркм. *buqaw*. Венг. *békó* (чув. *p^wvan*); ПА **būkrV* > ПТ **burčak* ‘бобы, горох’, тур. *burçaq*, гаг. *borčak*, туркм. *burčak*. Венг. *borsó* (чув. *p^wrza*, *p^wrže*); ПА **bōjle* > ПТ **bol* ‘пустой’, тур., гаг., аз., туркм. *boš*, тув., тоф. *bo'š*, чув. *pož*; **bol-u-g* ‘разрешение уйти’. Венг. *bú(l)csú* ‘прощание’; ПА **mūsi* > ПТ **bus* ‘пар, туман’, тур. *pus*. Венг. *bús*.

¹⁰ Возможное исключение: ПА **máro* > ПТ **bōr* ‘мел, глина, пыль’: тур. *bor*, диал. *por*, *pur*; туркм. диал. *bōr*; чув. *pur*, *por* (VEWT 80; ЭСТЯ 1978, 192–193; СИГТЯ 2000 100, 376; Федотов I 444). (?) Венг. *por* ‘пыль’ (MNYTESz III 252–253) — этимология неясна, предлагаемой финноугорской противоречит начальное *p*-, а не *f*-; из тур. диал., где экспрессивное усиление?

¹¹ Вопреки EDAL, не ПА **pjūk'i*: ПТ **bōkelek*, ПМонг. **bōküme* ‘овод, комар’, ПЯп. **pinkurasi* ‘вид цикады’, в EDAL ПТМ параллель — **peke* (< **puke* ?) ‘гнида’ > эвенк. *heke* (ССТМЯ II 362). Лучшей параллелью кажется маньчж. *bekto* ‘слепень’ (ССТМЯ I 123) как по семантике, так и по фонетике.

¹² Нерелевантны следующие примеры: ПА **māli* > ПТ **baltu*, тур. *balta* ‘топор’, венг. *balta* (из тур.); ПА > ПТ **bič-* / **bič-* ‘резать’, тур., гаг., аз., туркм. *bič-*, тув., тоф. *bīš-*. Венг. *biczak* ‘нож’ из тур. *bičak*; булгаризм исключен, так как в булгаризмах тюркскому **č* соответствует венг. *s* (как в *borsó*). В одном случае мы имеем венг. *m-*, когда в слове имеется носовой второго слога, обеспечивающий назализацию начала по отдельным тюркским языкам: ПА **mōne* (~ *-o*) > ПТ **bōn-* ‘черная смородина; орех’, чув. *тѣѣр*, як. *тōññoḡon*; венг. *mogyóro* ‘орех’.

Для группы этимологий, восходящих к ПА **p-*, нашлось четыре предположительных венгерских булгаризма, три из которых дают *p-*: 1. ПА **püti* (~ *-ju-*, *-e*) > ПТ **büt-iš-* ‘переплетаться, примыкать’; **büt-ir-* ‘плести, ткать’, крх. *bütüš-* (МК), тур., аз., туркм. *bitiš-*, узб. *bitiš-*, каз. *bitis-* ‘мириться’, чув. *pə^wdə^wr-*, татар. *böter-* ‘крутить, свертывать’, башк. *bötörgös* ‘деталь ткацкого станка’ (EDT 309–310; Федотов 1, 427). Венг. *pödör-* ‘скручивать между пальцами’. Несмотря на то, что в MNYTESz II 273 утверждается, что тюркская этимология (предполагавшаяся Гомбоцем) ошибочна, финноугорской этимологии не найдено, при том, что имеется точно соответствующая чув. форма, по-видимому, проникшая в башкирский и татарский. 2. ПА **pǐǒltorV* (*/-ld-*) > ПТ *bıldırçın* ‘куропатка’: тур. *bıldırçın*, аз. диал. *bıldırçın*, чув. *pə^wldə^wr.ʒan* ‘трясогузка’. (?) Венг. *pacsirta* ‘жаворонок’ MNYTESz III 53 (предлагается этимология от звукоподражания). 3. ПА **püre* > ПТ **bür-tik* ‘зерно, почка’, тур. *bürçük*, диал. *bürtük*, чув. *pə^wr.ʒe* ‘зернышко, ниточка, перышко, частичка’. (?) Венг. *perc* ‘минута’ MNYTESz III 159–160 (этимология неясна). Четвертая форма — ПА **pélaba(nV)* > ПТ **balbal* ‘каменная колонна на могиле, истукан’, др.-тюрк. *balbal*, венг. *bálvány* (булг. > др.-рус. *bolvanъ*). Этот случай может быть нерелевантен, во-первых, потому, что в ПТ начало рано могло выровняться в силу редуцированного облика слова, во-вторых, потому, что ПТ в принципе может быть монголизмом (из ранне-монг. **bari-βal* > письм.-монг. *barimal* ‘скульптура’). Таким образом, с некоторой степенью уверенности можно конструировать следующее развитие событий. В пратюркском противопоставление **p-* — **b-* существовало, и оно было унаследовано болгарской группой, что отразилось в заимствованиях в венгерский, но впоследствии было стерто процессом тотального оглушения в чувашском. В общетюркском или в праогузском (это неясно, поскольку неясно устройство противопоставления в саянских) распространение **p-* стало расширяться за счет добавления к рефлексам старого **p-* случаев вторичного оглушения под влиянием следующего согласного (или просодии, наводимой этим согласным). Но затем, после распада праогузского, уже разделенные огузские языки подпали под действие ареальной изоглоссы тотального **b-*, до того уже накрывшей большую часть тюркских языков. На более позднем этапе начальное **p-* используется как маркер «нестандартного» слова — заимствования или имитатива, в частности, с экспрессивной семантикой.

Заслуживает обсуждения реконструкция противопоставления начальной глухости/звонкости в аффрикатном ряду. Сейчас у меня нет уверенности, что для пратюркского состояния следует восстанавливать начальное *ǰ-* = *č-* как аллофон срединного и конечного *-j-* (хотя с фонологической точки зрения это, как будто, совершенно неважно, однако при определении и хронологизации древних заимствований оказывается довольно существенным). Основания для реконструкции в начальной позиции звонкой аффрикаты изложены в СИГТЯ 2006, 26–27; это в первую оче-

редь аффрикатная или восходящая к аффрикатной рефлексация в большей части тюркских подгрупп: «Только в некоторых кыпчакских языках, в узбекском, карлукском, в огузских языках и в языках центрально-азиатских памятников произошел переход пратюрк. *ǰ- в *j-*, что типологически целесообразно интерпретировать как ареальную инновацию, тем более, что в наиболее удаленных ветвях — в чувашской, якутской, тувинской, кахасской — представлен аффрикатный рефлекс». Венгерские болгаризмы наиболее древнего вида (Pre-Conquest Layer, по: Róna-Tas Infl. 752–756; к таким следует относить, в частности, формы с сохранением **lč(-)*, кластером, который в общетюркском совпал с *š*, а в чувашском — с *ś < *č*) также дают основания для реконструкции аффрикаты — ср. тюрк. **jürük* ‘перстень’ > венг. *gyűrű* (чув. *śǰw̄r̄w̄*), тюрк. **jēmīlč* ‘фрукт’ > венг. *gyümölcs* (чув. *śímās*). Однако заимствования из пратюркского в прасамодийский (в первых веках до нашей эры), довольно очевидным образом датируемые исходя из исторических и археологических данных, определенно указывают на начальный **j-*: ПТ **jūr* ‘сто’ > ПС **jür* ‘сто’, ОТ **junt* ‘лошадь’ > ПС **juntā* ‘лошадь’, ОТ **jama-* ‘лагать, штопать’ > ПС **jemnə-*, ОТ **jasa-* ‘строить, устраивать’ > ПС **jese-* ‘ставить чум’; сомнительно, чтобы эти заимствования проникли из огузских или карлукских языков (еще и отражая ПТ **ř* как *r*); при этом та же прасамодийская фонема выступает в качестве протезы в заимствованиях с неприкрытым передним гласным: ПТ *(*h*)*ekiř* ‘близнецы’ > ПС **jekə* ‘близнец’; ПТ **ūr* ‘жир’ > ПС **jür* id. Приходится, по-видимому, предполагать, что пратюркский ǰ фонетически и функционально был весьма близок к *j-* (представляя собой, по-видимому, нечто вроде палатального взрывного, подобно горноалтайскому *ǰb-*), что в сибирских языках вполне наблюдается, ср. соответствия ПС **j-*: нганас. *d’-*, энец. ǰ-, ненецк. *j-*, селькуп. *č-/k-/θ-*, камас., матор. *č-/ǰ-/n-*.

Неединообразие венгерских соответствий начальному тюркскому **j-* обычно трактуется как диалектные или временные различия в языкоисточнике (см., например, Lig. MNyTK I 79, 291–292). Попробуем рассмотреть материал.

В одном случае в венгерском болгаризме **j-* отражается как 0. Это — один из трех случаев перед венг. *i*, в данном случае отражающим, по-видимому, булг. **ǰ*, происходящее из ПТ **a*, которое дало *ǰ* в чувашском и якутском (ср. также венг. *tinó* < булгар. **tīnag* > чув. *tīna*, ПТ **dāna* ‘теленок’): венг. *ír-* ‘писать’ < ПТ **ǰar-* > чув. *śír-* (ПА **ǰǰǰǰǰǰ*)¹³. Вот остальные случаи (их приводит и Л. Лигети).

¹³ Ср. Róna-Tas 1992, где предлагается другое происхождение для венгерского слова: тюрк. *ǰr-* ‘делать зарубки’; заметим, что в этом случае надо предполагать очень позднее заимствование, поскольку стандартное отражение ПТ **ǰ* в старых заимствованиях — венг. *a* (см. след. кн.). А. Рона-Таш обосновывает этот свой взгляд положением о позднем развитии чув. *ǰ* в соответствии с общетюркским *a*; иной взгляд, фактически совпадающий с нашим (что здесь особая пратюркская фонема), он излагал в Róna-Tas Infl. 753.

Венг. *dió* (MNYTESz I 641) < ПТ **jangak* ‘гречский орех’, др.-тюрк. *jaŋaq* (орхон.), крх.-уйг. *jaŋaq* (МК), чаг. *jaŋaq* (Рав. С.; Бор. Бад.), узб. *jaŋaq*, н.-уйг. *jaŋaq*, *jaŋaq*, хал. *jaŋaq*, туркм. *jaŋaq*, *jaŋaq* (диал.), татар. *jaŋaq*, *jaŋaq* (диал.), казах., ккалп. *jaŋaq*, кирг. *jaŋaq*, *jaŋaq* (VEWT 186; ЭСТЯ 1989, 59–60; СИГТЯ 2000, 112). Отметим, что по внешним соответствиям (ПА **naŋo* ‘орех’, ПМонг. **ziŋag*, ПТМ **naŋu-*, ПЯп. **tamai* EAS I 75; АПиПЯЯ 78; Дыбо 1996, 10) в данном случае реконструкция **a* маловероятна; скорее можно ожидать в ПТ дифтонга *ia*, который отражается в венг. как *a* с предшествующей палатализацией или *e* (см. ниже о вокализме болгарских заимствований), а в настоящем слове, в результате стяжения, как *i*.

Венг. *disznó* (**ziŋnaŋ*, MNYTESz I 646–647) < ПТ **jas-na-* ‘свинья’, чув. *siŋna* (Федотов II 77). ПА **zési* ‘копытное животное, дичь’, ПТМ **sesi-n* ‘стадо (олений, диких животных)’, ср.-кор. *sàsám* ‘олень’, ПЯп. **sisi* ‘олень’, др.-яп. *wi-no-sisi* ‘свинья’ (EAS I 102; АПиПЯЯ 79). Здесь, очевидно, мы имеем дело с ассимилятивным эффектом, который впоследствии полностью уподобил первый согласный второму в чувашском, а на болгарском этапе усилил фрикативную компоненту в **j-*. Ср. сходные развития в языках саянской группы: ПТ **jildis* — тув., тоф. *sildis* ‘звезда’; ПТ **jildis* — тоф. *sildis* ‘корни растений’; ПТ **jüksük* — тув. *čüksük*, тоф. *süksük* ‘наперсток’ (СИГТЯ 2002, 630).

Поскольку в собственных венгерских словах сочетание начальной звонкой палатальной с последующим *i* не запрещено, можно полагать, что развитие **ji* > **i* — принадлежность языка-источника. Перед другими гласными мы имеем значительное число примеров с *gy-*:

Венг. *gyertya*, ст.-венг. *gertya* ‘свеча’ < ПТ **jar-* (чув. *šor-da*, ПА **zēra*);

Венг. *gyárt-*, ст.-венг. *gart-* ‘производить’ < ПТ **jarat-* > чув. *šoraš-* (ПА **žára*);

Венг. *gyász*, ст.-венг. *gaz-* ‘траур’ < ПТ **jās* > чув. **šos* (> мари *sös* ‘Gedächtnisfeier’, ПА **ziāsu*);

Венг. *gyaláz* ‘оскорблять’ < ПТ **jala* ‘клевета, ложь’;

Венг. *gyáva* ‘трус’ < ПТ **jab-* ‘плохой’ (ПА **debi*);

Венг. *gyapjú* ‘шерсть’ < ПТ **jarayu* (ПА **lep’a*);

Венг. *gyarló* ‘дефектный, несовершенный, порочный’ < ПТ **jarliŋ*, либо к ПТ **jar-* ‘бедный, плохой’ (EDT 967; VEWT 1 89, 190; ЭСТЯ 1989, 143; СИГТЯ 2000, 334–335), либо к ПТ **jār-* ‘промахиваться, грешить’ (др.-уйг. *jaz-*, туркм. *jāz-*, якут. *šās* - VEWT 193; ЭСТЯ 1989, 72–73; TMN IV 162; EDT 983–984). Вторая этимологическая гипотеза не согласуется с обычным отражением в венгерских болгаризмах ПТ **a* как *i* и должна быть отброшена.

Венг. *gyalu* ‘рубанок’ < ПТ **jił-* ‘тереть, полировать’;

Венг. *gyalom* ‘рыболовная сеть’ < ПТ **jiłim* > чув. *šiləm* (ПА **nable*);

Венг. *gyomor* ‘желудок’ < ПТ **jumir* ‘кишки, внутренности’, крх.-уйг. *jumur* (МК), тув. *čumur* ‘сычуг’, тоф. *numur* ‘сычуг’ (EDT 937–938);

Венг. *gyűl-* ‘собираться’, ст.-венг. caus. *gewyt-* < **jig-* ‘собирать’ + Pass. *-il-* (ПА **njugu*);
 Венг. *gyeplő* ‘вожжи’ < ПТ **ji/ip* > чув. *šip* ‘нитка’ (ПА **čip’ù*);
 Венг. *gyűszű* ‘наперсток’ < ПТ **jib-sek*;
 Венг. *gyöngy* ‘жемчуг’, ст.-венг. *gungu* < ПТ **jinčü*;
 Венг. *gyűrű* ‘клен’ < ПТ **jiřük* ‘ольха’ > чув. *širak* (ПА **žjaru(kV)*);
 Венг. *gyűrű*, ст.-венг. *girew, gyrow* < ПТ **jürü-g* ‘перстень’ (чув. *šəʷrəʷ*, ПА **dürü*);
 Венг. *gyűlöl* ‘гневаться’, ст.-венг. *gylewly* < ПТ **jül-* ‘гневаться’, чув. *silə* (ПА **düli*);
 Венг. *gyúr-*, ст.-венг. *gour-* < ПТ **jugur-* ‘месить’ > чув. *šəʷr-*;
 Венг. *gyom*, ст.-венг. *gom* ‘трава’ < ПТ **jom* ‘сорняк’ > чув. *šom* (ПА **íamo*);
 Венг. *gyenge* ‘слабый’ < ПТ **jeji-k, *jengü-l* > чув. *šəʷmʷl* (ПА **ziŋke*);
 Венг. *gyermek* ‘молодой’ < ПТ **jermek* > чув. *šarmək* (ПА **ňjari*);
 Венг. *gyékény*, ст.-венг. *geken* ‘циновка’ < ПТ **jeken* ‘тростник’ (ПА **dék’á*);
 Венг. *gyümölcs*, ст.-венг. *gemils-* < ПТ **jēmilč* ‘фрукт’ > чув. *šiməs* (ПА **lěmo*).

Кроме того, имеется несколько предположительных булгаризмов, в которых **j-* отражен как *sz-*, т.е. так, как обычно отражаются ПТ **s-* и ПТ **č-*. Вот эти слова¹⁴.

Венг. *szérű* ‘гумно’. Связывают с ПТ **jürük* ‘перстень’ (в связи с кольцеобразной формой). Гораздо естественнее, на мой взгляд, производить его от тюрк. **ser-ig, *ser-gi*, ср. чув. *sarəm* ‘раскладка снопов на току для молотыбы’, к глаголу **ser-* ‘настилать, раскладывать’, чув. *uraj cappu* ‘половицы’ (букв. ‘настил пола’, удвоение говорит, скорее, о **sarə* < **seri* < **serg/ki*, см. СИГТЯ 2006, 53), Федотов II 14–15.

Венг. *szűcz* ‘скорняк’. Интерпретируют как **jib-či* от **jib-* ‘шить’, ср. чув. *šəʷvəʷ*, *šəvəs* ‘портной’. Фонетически возможно, а семантически гораздо лучше связывать с ПТ **soj-* ‘сдирать шкуру’ > чув. *sü-* (VEWT 425; EDT 858; ЭСТЯ 2006, 283–285).

¹⁴ Еще три этимологии с венг. *sz-* из тюрк. **j-*, предложенные Л. Рашоньи и приняты М. Палло (Palló 1961), не получили признания. 1) *szarmy* ‘крыло’ из ПТ **jağrum* ‘лопаточная часть спины’: венг. слово имеет обско-угорскую этимологию, возводясь к ПОУ **sOrV* ‘Unterschenkel’ (UEW 890); 2) ст.-венг. *szar, szahar* ‘шафранно-желтый’ — ПТ **jağur* ‘бурый’: семантическое соответствие не полное, к тому же в тюркизмах **agy-* обычно дает не *á*, а *ó* — см. след. кн., в разделе о тюркизмах в венгерском (никаких оснований восстанавливать ПТ **jagař*, вопреки Stachowski 1999, 101, тюркский материал не дает); 3) ст.-венг. *szar* ‘лишенный растительности; лысый’ — ПТ **jar-* ‘лущить, обдирать зерно’: тюрк. глагол выделяется на основании як. *sār-* ‘линять (о птицах)’, чув. *šor-* ‘лущить зерно’, татар. *jar-* ‘лущить’, которые могут быть сгруппированы и в другие этимологии (см. ЭСТЯ 1989); конкретного прилагательного от этого глагола, которое можно было бы признать непосредственным источником венг. слова, в тюркских языках не обнаруживается.

Венг. *szől(l)ő* (MNYETSz III 794) ‘виноград’. Интерпретируют как **šid-ley* < ПТ **jidge-lek* > чув. *širla* ‘ягода’. Некоторая сложность с вокализмом состоит в том, что в основном вторичная огубленность первого слога в венгерских тюркизмах может обеспечиваться либо праторкским огубленным второго слога (как в *bölcső* ‘люлька’, ПТ **bēlcük* > *bēšük*, как показал Клосон (EDT 381); рефлекс немотивированного огубленного отражен в н.-уйг. *böšük*), либо влиянием на узкий соседнего губного согласного (*gyümölcs*, ср. — с широким — *szemölcs* ‘прыщ’ MNYETSz III 718–719, < ПТ **čim-* ‘прыщ’, хак. *simiske*, см. подробнее в след. кн.), либо вообще стяжением гласного с *-v-*, восходящим к **b* или **g* (как в *gyúr-*). Здесь же приходится предполагать огубленность из-за второго слога *lő* < **lew* < **lek*. Почему бы не считать это слово, например, суффиксальным образованием от угорской основы, отраженной в обско-угорском **sǭγ-* ‘Blaubeere; Heidelbeere’: манси **š^wwnā*, ханты **se^wwāmsəγ* (Honti 577)?

Остаются два слова с начальным *sz-*: 1. Венг. *szél* (*szelet*) ‘ветер’ < ПТ **jel*, чув. *šil* (ПА **žāli*). Чередующаяся долгота — по правилу Хелимского (Хелимский 1979). 2. Венг. *szér* ‘место’ (в составе ряда топонимов). Д. Шинор (Sinor 1990) сопоставил это слово с ПТ **jer* ‘земля’ > чув. *šār*. По всей видимости, эти слова можно относить к заимствованиям из дунайско-булгарского¹⁵, в особенности, конечно, это оправдано для компонента топонимов на территории Венгрии.

Итак, для языка-источника древнейших венгерских булгаризмов можно предполагать выпадение рефлекса начального **j-* перед *ǰ*. Такое явление известно во многих тюркских языках (в азербайджанском — как закономерное, см. СИГТЯ 2002, 55) и говорит в пользу глайдового, а не фрикативного, тем более не аффрикатного качества *j-* в этой позиции. При этом в заимствованиях из, по-видимому, того же языка имеются отражения начального **j-* как *d-*образного звука (не перед **ǰ*, **i*): осет. *доγ/дуγ* ‘скачки’ (Аб. I 373) при др.-тюрк. *joγ* ‘поминки’ (EDT 895) (ср. также произношение Западнотюркского каганата, зафиксированное в середине VI в. н.э. Менандром: *δοχία* ‘поминки’ и *Δαιχ* ‘Яик’; впрочем, возможно, в это время в среднегреческом уже шел переход *ǰ* в межзубный фрикативный; также ср. хазарское слово в греч. передаче на начало VIII в.: *δοχή* Golden 2005, 214). Что касается дунайско-булгарского, имеется ст.-слав. *дохъторъ* *просκεφάλαιον* (Зогр., Супр.) из др.-булг. **jatqur*, чув. *šьDar*, *šǰDar* ‘подушка, постель’ (Федотов II 158–159), — неверно в VEWT (к монг. *žoydar* ‘пучок верблюжьей шерсти для набивания подушки’): от тюрк. **jat-qu-r* (по глаголу **jat-* ‘лежать’)? Ср. др.-тюрк. *jatug* ‘спальные места’, *jatug* ‘войлочный лежник’, источник славянских форм действительно, скорее, булгарский (ср. ст.-слав. **ѦТХУѦЛЬНИЦА** ‘гостиница’ с «кумано-печенежским» рефлексом **j-*), но и южн. ц.-слав. **ѦГѦТЪ** ‘воин’, в

¹⁵ О различии заимствований из общепулгарского и из дунайско-булгарского см. в след. кн.

греческой передаче τζιγάτον (Асс.) ‘мечник’ (**jegit*). Данные Преславской надписи, надписи на сокровище из Надь-Сент-Миклоша и именника булгарских князей, пожалуй, трудно использовать для доказательства чего-либо, в силу того, что предлагавшихся дешифровок несколько, но кажется, все дешифровки согласны в толковании формы из именника **читѣмь** ~ чув. *šičəm*, тюрк. **jetti-N-č* ‘седьмой’; ср. также выше два венгерских булгаризма с *sz-* < **j*. Похоже, таким образом, что в дунайско-булгарском (VII–X вв.) мы застаем процесс перехода раннебулгарского *d' > č*. В волжско-булгарских надписях для рефлексов **j*- употребляется единообразно араб. *ح*, т.е. звонкая аффриката, но поскольку той же буквой обозначается внутрисловное *č* (*kičīn* ‘маленький’ Erdal 1993, 121), возможно, впрочем, и озвонченное, никаких выводов сделать нельзя. Косвенным свидетельством в пользу звонкой аффрикаты в волжско-булгарском анлауте является сепаратное восточнославянское заимствование **žьпѣsigь*, рус. *жѣмчуг*, диал. *зѣмчуг*, укр. *жѣмчуг*, *жѣнчуг*, блр. *жѣмчуг*, др.-русск. *женчугъ* СПИ; впервые *жьнчугъ* в 1161 г. в надписи Ефросинии Полоцкой; также у Кирилла Туровского см.: Срезн. I 855; Фасм. 2, 46; ср. венг. *gyöngy* ‘жемчуг’); территория распространения славянских форм указывает на волжско-булгарский источник; о тюрк. *jinčii* ‘жемчуг’ см. ниже.

Все это, кажется, говорит в пользу высказанной выше гипотезы о вторичном характере аффрикатного произношения пратюркского **j*-.

2. Срединная звонкость/глухость

Срединные аллофоны звонких (слабых, непридыхательных) взрывных (за исключением аффрикатного ряда), очевидно, были спирантами: имеет смысл рассматривать сохранение фрикативности интервокальных аллофонов взрывных звонких именно как архаизм, а дефрикативизацию их как инновацию, исходя из несвязности изоглосс фрикативности и, напротив, четкой локализации изоглосс дефрикативизации.

Относительно срединного **d* (*δ*) реконструкция традиционная, с добавлением специфических особенностей рефлексации в болгарском. В болгарском **-δ-* > *j* в основах, содержащих *r*, и **-δ-* > *-r-* в других контекстах (хронологически это правило, видимо, действовало после совпадения в булг. **r* и **ř*, ср. чув. *xujър* ‘кора’ < ПТ **Kadř*, ОТ *kadiz*). Полный набор примеров см. в СИГТЯ 2006, 34–37. Там же предложено еще одно правило: **-δ-* > *j* в составе кластеров и на конце односложных слов, **-δ-* > *r* в интервокале и на конце глагольных корней, — но сложность таких позиций (неустойчивых в силу морфонологических чередований в словоизменении) уменьшает ее надежность. Временные границы этих процессов определяются следующим образом: в ранних венгерских булгаризмах, таких как *bodor* ‘кудрявый’, ст.-венг. *budrig* (MNYTESz I 319) < ПТ **budra*

‘кудри’ (ЭСТЯ 1978, 245) (в чув., где слово не зафиксировано, ожидался бы *j* на месте **d*), а также *búza* ‘пшеница’ < ПТ **bugda-j* EDT 312 (чув. *p̣ərri*), *túzok* ‘дрофа’ < ПТ **toḡdak* (чув. **ṭəraχ*) (VEWT 483), отражаются аллофоны *δ* и *d* (об их возможном распределении см. в след. кн.: [NB: Вопреки, кажется, общему убеждению, -z- — не следствие угорского процесса **t* > *d* > *z*, который проходил раньше, ср. венг. аланское заимствование *híd* ‘мост’, осет. *xid* — без такого перехода, но иранское заимствование в общеугорский, венг. *nemez*, манси *nément*, ханты *nāmel* ‘войлок’, осет. *nytaet*, праиран. **namata*, — с таким переходом]), но в хазарском киевском письме (X в.) имеем уже форму *oqurim* ‘я читал’ (*r* на месте *d* в показателе претерита — KMTL 336–338)¹⁶. Ср. также хазарский титул *Toubdoβos* (VII в.) в соответствии с др.-тюрк. и крх.-уйг. *tudun* (EDT 457) при древнерусской передаче волжско-булг. *трунь* (Троицк. летоп. под 1230 г.), а также рус. ц.-слав. (из волжско-булг.) *коуригъ* ‘дружка, шафер’ (Райнхарт 2006) < ПТ **güde-gü*. Между прочим, *búza* — еще один аргумент в пользу последовательности переходов в болгарском: сначала *ř* > *r*, потом *-δ-* > *-r-* (иногда сходство этих процессов считается доказательством ротацистской гипотезы с постулированием для болгарского порядка правил *-δ-* > *z*, *z* > *r*): болгаризмы в венгерском имеют регулярное *r* в соответствии с ПТ **ř* (см. выше ПТ **buřa-gu* ‘теленок’, венг. *borjú*).

Старые звонкие (в нашей реконструкции — фрикативные) губной и гуттуральный в большинстве вокально-консонантных комплексов в большинстве языков выпадают. Наличие комплексных развитий со сложными условиями, определяющимися как консонантным, так и вокалическим составом комплексов, является одной из характерных черт фонологического развития тюркских систем. Не случайно такие развития рассматриваются в традиционной сравнительно-исторической тюркологии как классификационно существенные (ср. классификационный признак, основанный на рефлексии *tāu* ‘гора’ в классификации Самойловича). На этом многообразии рефлексов, тем не менее, достаточно четко выделяются совершенно определенные направления развития, проявляющиеся в разных языковых подгруппах и территориальных зонах. Подробно см. СИГТЯ 2006, 75–116. Здесь приведем таблицу, отражающую основные тенденции развития вокально-консонантных комплексов (см. табл. 4). В таблице сняты позднейшие по времени процессы падения фрикативных и глайдов.

Хорошо видно, что процессы дефрикативизации губного связаны с северо-востоком тюркской территории и затухают по мере распространения на юго-запад. Дефрикативизация заднеязычного — явление, ограниченное карлукскими и кыпчакскими языками, причем в довольно узком классе позиций: только в переднерядном вокалическом окружении, в кыпчакских языках — еще и при сохранении заднеязычного вследствие диссимилятивного развития (запрет на переход в *j* и, следовательно, сохранение и последующая

¹⁶ О болгарском характере хазарского см. подробнее в след. кн.

дефрикативизация гуттурального, действует при наличии в слове еще одного *j, ср. ПТ *kegej ‘спица’: чаг. *kegäj* (Vám.), узб. *kegaj*, кум. *gegej*, кбалк. *kegej*, татар. *kigi, kigäj*, ног., каз., ккалп. *kegej*; ПТ *jegit/*jigit ‘юноша, храбрец’: ст.-кыпч. *jigit* (Abu H.; Ettuh.), узб. *jigit*, н.-уйг. *žigit*, караим. К., Т., Г. *jigit*, караим. Т. *īgit*, караим. Т., Г. *igit*, кум. *jigit, igit*, кбалк. *žigit, zigit*, татар., башк. *jeget*, ног. *jigit*, каз., ккалп. *žigit*; но ПТ *degin ‘белка’: чаг. *tejin* (Sangl.), узб. *tijin* ‘мышь-соня’, н.-уйг. *tijin*, татар. *tijen*, башк. *tejen*, каз. *tijin, tijn*; ПТ *egin ‘плечо’: чаг. *egin* (Абуш.; Pav. С.), *in* (Pav. С.) ‘спина’, узб. *egin*, караим. Т. *īn*, караим. Т., Г. *in*, татар., башк. *iŋ-baš*, ног., каз., ккалп. *ijin*).

Существенная довольно новая изоглосса, захватывающая почти всю карлукско-кыпчакскую территорию до северных диалектов алтайского языка исключительно — развитие *g > v* вне зависимости от лабиализующего воздействия окружающих гласных (т.е. в позициях *-ag(ǃ-), -ǃg(a-)*)¹⁷. Такого развития нет в крымско-караимском, огузских и в новоуйгурском языке, т.е. на периферии ареала. Заметим, что такое же развитие характерно и для чувашского языка, причем О.А. Мудрак датирует его среднечувашским периодом (XI–XIV вв., см. СИГТЯ 2002, 683, — в частности, уже после устранения позиции *a-a* вследствие перехода *ǃ > ɔ*), что позволяет ему связать явление с распространением кыпчакской произносительной манеры. Однако в чувашском такие же эффекты дают и переднерядные позиции (*-eg- > -av-, -eǃg- > -iv-, -egi- > avǃ, -eǃgi- > ivǃ*)¹⁸, в которых в пределах описываемой изоглоссы (в частности, в кыпчакских языках) *g > j*. Венгерские булгаризмы сами по себе, в общем, не позволяют ни доказать, ни опровергнуть такую датировку, поскольку в венгерском прошел собственный процесс перехода *-g(-) [и -k(-)] > -v-* с похожими позициями, который мог захватить и булгаризмы, в зависимости от времени прохождения (известно, что венгерский процесс вокализации согласных прошел до XIII в. (ОФУЯз 1976, 380), но не вполне ясно, насколько раньше этого времени). Ср.:

*Булгаризмы (возможно, и ранние заимствования
из других тюркских языков)*

Со следами лабиального согласного:

Венг. *jó* ‘жидкий’ (Pl. *joc* с 1078 г.) < ПТ *jig (Lig. MNyTK I 184).

Венг. *gyűl-* ‘собираться’, ст.-венг. Caus. *gewyt-, gǃyǃt-* (с 1372 г.) < ПТ *jǃg- ‘собирать’ + Pass. *-ul-* или Caus. *-ut-*.

¹⁷ В якутском развитие похожее, но иначе устроенное позиционно (причем сама позиция похожа на позиционные условия, определяющие в якутском рефлексацию заднеязычного глухого). С северо-востока с этой изоглоссой граничит произносительная манера, которая в части позиций превращает *b > *v в γ (саянские, кыргызские, североалтайские и отчасти якутский). Все эти изоглоссы нельзя считать древообразующими, поскольку они перекрывают древесное членение, образуемое более ранними процессами развития *-ǃ-*.

¹⁸ Но *igi > *iji: ПТ *jigirme ‘двадцать’ > чув. *širəm*.

Тенденции развития вокально-консонантных комплексов

	Чув.	Як.	Саян.	Кырг.	Сев.-алт.	Ц.-Вост.	Кыпч.	Карлук.	Огуз.
* δ	<i>r/j</i> (дис- симиля- тивно)	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>z</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>
* ν	* ν	- <i>b</i> - * ν # (по- сле узких гласных), * γ # (в прочих случаях)	* <i>b</i> -(/ <i>e</i> <i>i</i>), * γ - (в прочих случаях) * γ # * ν # (> * γ # после узких гласных; > * <i>b</i> # в прочих случаях)	* ν - (в хак., шор. > * ν - в соседстве с огублен- ными гласными; > - <i>b</i> - в прочих случаях) * ν # (> * γ # после узких гласных; > * <i>b</i> # в прочих случаях)	* ν - (> * ν - в соседстве с огубленными гласными, > - <i>b</i> - в прочих случа- ях) * γ #	* ν - (> <i>b</i> , > 0 в соседстве с * <i>u</i>) * ν # > 0 (> * <i>j</i> # в переднерядных словах)	* ν	* ν	* ν
* γ	* ν	* ν - (после узких гласных), * γ - (в прочих случаях) * γ #	* γ - * γ #	* γ - * γ #	* γ - (> * <i>j</i> - в соседстве с <i>i</i>) * γ # (> * <i>j</i> # в соседстве с <i>i</i>)	* γ - (> * γ - между широкими глас- ными, иначе > * ν - в заднерядных, > <i>j</i> - в переднерядных и в сочета- нии * <i>igi</i> -) * ν #, * <i>j</i> # в переднерядн. и * <i>igi</i> #	* γ - (> <i>v</i> / <i>V</i> лаб.) * γ #	* γ - (* <i>avi</i> -> * <i>avi</i> -) * γ #	

Венг. *ól* ‘хлев для мелкого скота’ (*ol* 1208 г., *ohul* 1211 г., *oul* 1297 г.) < ПТ **agil*.

(?) Венг. *küllő* ‘спица колеса’ (*kulu* 1305 г.) < ПТ **kegej* ‘спица колеса’ (ЭСТЯ 1997, 17) + *-*lig*.

Венг. *bő* (с 1130 г., что исключает вторичную, собственно венг. огубленность под действием начального согласного) ‘просторный, богатый’ < **beg*.

Без следов лабиальности:

Венг. *ács* ‘плотник’ (*alcs* с 1233 г.) < ПТ **añ-gač*, чув. *jǎvǎš* ‘дерево’ (ЭСТЯ 1974, 71–73) + -*čǎ*.

Венг. *tér-* ‘поворачивать’ (с 1372 г.) < ПТ **Tegir-* ‘окружать’, чув. *tavra* ‘окрестность’ (ЭСТЯ 1980, 176–179).

Слова с обско-угорской этимологией

Со следами лабиальности:

Венг. *üt-* (1251 г. *it-*, 1372 г. *ewt-*) ‘бить, рубить’, обско-угор. **jektä-* (Honti **(j)ēkät-* 182), ПУр. **äktV-* ‘бить, рубить, резать’ (UEW 23).

Венг. *sző-* ~ *szöv-* (1213 г. *sceu-*) ‘ткать, вязать’, *sövény* ‘Hecke, Zaun, Umzäunung’, обско-угор. **seyä* (Honti **sēy-/sōy-* 571), ПУр. **säkV* (**säyV*) ‘плести, вязать’ (UEW 471).

Венг. *nevet-* ‘смеяться’ (1372 г. *meuet-*) < ПУр. **mEkV-* (**mEyV*) ‘lachen’ (только манси *mävät-*, *mäyät-*, *mowint-* ‘смеяться’, *müväl-*, *mäyäl-*, *mäyl-*, *mowal-* ‘засмеяться’) (UEW 872).

Венг. *viv-*, *vi-*, *visz-* (1372 г. *viu-*) ‘нести, вести’, *vév-*, *vě-*, *vész-* ‘брать, покупать’, *visel-* ‘нести, вести; (устар.) быть беременной’, обско-угор. **wi-*, **wiy-* (Honti **wī-*, **wij-/wiy-* 651), ПУр. **wiye* ‘брать, нести’ UEW 573.

Венг. *jöv-*, *jö-*, др.-венг. *jǒ*, диал. *gyön*, *gyǒn*, *gyün*, *gyünn*, *jün* (1372 г. *jewue*) ‘kommen, geraten’, обско-угор. **ji-*, **jiw-* (Honti **jü-*, **jüy-* 169), ПУр. **jEḡV*, **jEyV* (**jEkV*) ‘приходить’ (UEW 109).

Венг. *rövid* (1275 г. *reuid-*) ‘kurz; (др.-венг.) wenig’, ПУр. **rikV* (**riyV*) ‘(abgeschnittenes) Stück; (ab)schneiden’ (только ханты *riy-* (Тремьюган) ‘zerlegen (z. B. ein Rentier)’, *riy-* (Юган, Усть-Юган, Усть-Аган) ‘резать, изрезать (например, мясо, рыбу на куски)’) (UEW 883).

Венг. *szőr* ‘волосы’ (1307 г. *zeur-*), *sörény* ‘грива’ (др.-венг. *sereñe*), ПУр. **säyV-rV* ~ **säkrV* ‘волосы’ (UEW 886).

Без следов лабиальности:

Венг. *mét-háló* (диал.) (1585 г. *met*) ‘Treibnetz ohne Senker’, *mét-fa* ‘gegabeltes Holz zum Aufhängen des obigen Treibnetzes’, обско-угор. **mektä-* (Honti **mēkät-* 385), ПУр. **mäktV* ‘eine Art Netz; Netz auswerfen’ (UEW 868).

Венг. *ia-fia*, *ija-fia* (диал.) (1519 г. *yuatok*) ‘seine (ihre) Kinder’, обско-угор. **äyäj* (Honti **ēy* 7), ПУр. **äkV* (~ **äyV*) ‘Tochter, Mädchen’ UEW 835.

Венг. *tetű* (acc. *tetűt*, *tetvet*, 1395 г. *tethew*), обско-угор. **täktmä* (Honti **tēk(t)əm* 3), ПУр. **täje* ‘Laus’ (UEW 515). Кажется, угорская форма не обязательно возводится к прауральскому состоянию, а может быть заим. из ПТМ в праугорский (ПТМ **ti-kte* ‘вошь’, Сибэ *čixē* (2255), маньчж. *čixe*,

ульч. *tiqte*, орок. *tikte*, нан. *čikte* ССТМЯ II 179). Ср. ПТМ **ī-le-/*ī-na-* ‘искать вшей в волосах’ (ССТМЯ II 181), ПА **i'ijV* вошь, тюрк. **Ti-* (др.-уйг. *ti-ler*, EDT 501).

Венг. *táj* ‘Gegend, Landschaft, Region’ (1435 г. *thaja*), ПУр. **tayV* (**takV*) ‘Ort, Stelle’ (только ханты *tāŋj, tāχə, tāχa* ‘Ort, Stelle’) (UEW 892).

Во всяком случае, *w*-образные развития в венгерском засвидетельствованы с XI в. Один из наиболее ранних засвидетельствованных случаев потери конечного *-g* в тюркизме — венг. *bú(l)csú* ‘прощание’ (950 г. $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$ $\tau\omicron\upsilon\ \beta\omicron\upsilon\lambda\tau\zeta\omicron\upsilon$) < **bol(č)ug*, др.-тюрк. *bošuy* ‘разрешение уйти’. Можно полагать, таким образом, что соответствующее развитие проходило в венгерском перед XI в. и захватило болгаризмы и первого и второго поколения (о которых см. след. кн.; а также, соответственно, и кумано-печенежские заимствования, может быть, частично — см. там же о наличии восстановлений конечных гуттуральных в заимствованиях с помощью морфологического переразложения). При этом дунайские болгаризмы в старославянском сохраняют *g* (или *γ*). Конец слова: **кѣнига** < **kijniġ*, *коуригъ* ‘шафер, дружка’ (Райнхард 2006) < **güde-g(i)* ‘зять’; внутри основы: **чиготъ** < **Egit* ‘юноша, храбрец’. Не исключено, но довольно ненадежно, что ст.-слав. **воуѣрегъ** ‘почка’, русск.-цслав. **воуѣрѣгъ**, болг. *бубрек*, сербохорв. *бубрег* (< **bögrek*) Фасм. 1, 226 отражает переход *γ > v* после огубленной гласной (тур. литер. *böbrek*, возможно, из **bövrek* под болг. влиянием?). В болгарском именнике имеются, как будто, **шегоръ** ‘бык’ (тюрк. *šəŋr* ‘корова’), но и **теку** ‘курица’ (тюрк. **tiakıru*), т.е. в дунайско-болгарском можно заметить протекание процесса *γ > v* в присутствии огубленных гласных, но еще хорошее сохранение *γ* в иных позициях.

В волжско-болгарском уже видно развитие чувашского типа, т.е. с максимально распространенной лабиализацией: *oul* ‘сын’, *elü* < **elig* ‘рука’, *belü* < **belig* ‘признак’, *ellü* < **ellig* ‘50’ Erdal 1993 (при, например, татарском *илле* ‘50’), но все-таки *žiyermi* ‘20’¹⁹. Можно, таким образом,

¹⁹ Вост.-слав. *жычугъ*, *ватага*, *юрата* и пр. по отражению **g* должны были бы, по видимому, возводиться к более раннему волжско-болгарскому состоянию; с другой стороны, ни для одного из них нет однозначных свидетельств именно **g* в форме-прототипе: озвончению при заимствовании регулярно подвергается **k* (см. ниже); в венгерских параллелях, как уже говорилось, конечный **-k* ведет себя точно так же, как **-g*. Ср.: *юрата* ‘сыворотка, пахтанье’, венг. *iró* ‘сыворотка, пахтанье’; Фасм. 4, 532 — ПТ **qgur* ‘молозиво’, крх.-уйг. *aγuz* (МК), чув. *իրի* (3Sg.) < **ırə* < **ırək*, як. *uosax*, предполагаем волжско-болгарский прототип **ıvrax*. *Vataga*, укр. *vataga*, др.-русск. *vataga* ‘шатер’, грам. 1234–1304 гг.; Ипатьевск. летоп. под 1184 и 1190 г. < ПТ **ōtag*, крх.-уйг. *otay* (МК), як. *otū*, тув., шор. *oday*, сюг. *otay*, узб. *otow*, тур., гаг. *oda*, карaim. *oda*, кум. *otaw*, кбалк. *otow*, ног., казах., ккалп. *otaw*, кирг. *otō*, галт. *odū*; **otak* ‘шалаш; комната’, хак., сюг. *otax*, н.-уйг. *otaq*, тур. *otak*, аз., туркм. *otaG* (EDT 46; VEWT 366; ЭСТЯ 1974, 484–487; TMN II 66–67; СИГТЯ 2000 496); волжско-болгарский прототип, соответственно, **vatax*. *Lacuga*, др.-русск. *alachuga*, *olacuga* ‘палатка, хижина’, например, в I Софийской летописи под 1379 г. (Фасм. 2, 468), из тюрк. **(a)laču-k* ‘хижина, шалаш, маленькая юрта’: др.-уйг. *alaču*; крх.-тюрк. *alaču* (МК); кум. *alacıq*, башк. *alasaq*,

полагать, что развития в дунайско-булгарском и волжско-булгарском — поздние и не связаны между собой, а также независимы от венгерского развития. Волжско-булгарское развитие еще можно считать сходным с центральнокыпчакским, но дунайско-булгарское специфического сходства не обнаруживает (хотя похоже на огузское и периферийное кыпчакское — наведено более ранним потоком кыпчаков?).

Процессы, проходящие в интервокальной и конечнослоговой позициях с пратюркскими глухими (придыхательными), подробно описаны в СИГТЯ 2006, 118–148. Здесь упомяну о том, что результаты фонетических процессов в этой позиции неоднократно перекрывались уже в разделенных языках процессами парадигматической унификации. Сняв позднейшие морфонологические процессы, мы получаем следующую картину возникновения новых звонких по группам языков:

ПТ	Огуз.	Кыпч.	Узб.	Н.-уйг.
*-p-	$p/\check{V}_-, b/\bar{V}_-$	$p/\check{V}_-, b/\bar{V}_-$	$p/\check{V}_-, b/\bar{V}_- (> -v-)$	-Ap-, -Ib-
*-t-	$t/\check{V}_-, d/\bar{V}_-$	$t/\check{V}_-, t/\bar{V}_- < *t'$ $d/\bar{V}_- < *t$	$t/\check{V}_-, t/\bar{V}_- < *t'$ $d/\bar{V}_- < *t$	$t/\check{V}_-, t/\bar{V}_- < *t'$ $d/\bar{V}_- < *t$
*-k-	$k/\check{V}_-, g/\bar{V}_-$	$k/\check{V}_-, k/\bar{V}_- < *k'$ $g/\bar{V}_- (> -\gamma-) < *k$	$k/\check{V}_-, k/\bar{V}_- < *k'$ $g/\bar{V}_- (> -\gamma-) < *k$	$k/\check{V}_-, k/\bar{V}_- < *k'$ $g/\bar{V}_- (> -\gamma-) < *k$

Из этого можно, во-первых, сделать вывод о существовании, по крайней мере в отношении этих процессов, явной карлуко-кыпчакской общности, во-вторых, о релевантности исторической долготы гласного не только для праогузского и прасаянского (поскольку она определяет позиции саянской фарингализации и огузского озвончения), но и для пракарлуко-кыпчакского состояния, в-третьих, о специфическом положении предка новоуйгурского языка в этой общности (возможно, вторичным образом втянутого в круг карлуко-кыпчакских языков, а первоначально более близкого языкам Сибири (?). Кыргызской группе? Ср. независимое от исторической долготы развитие звонкости губного).

Материал венгерских булгаризмов показывает хорошее сохранение оппозиции по долготе на гласных (см. след. кн.), но в отношении таких озвончений нерелевантен²⁰, что естественно, поскольку новые озвончения проходили по тюркским подгруппам уже после разделения общетюркской группы.

Проблему представляет то, как с этими процессами связана известная карлукская особенность — оглушение старого звонкого (видимо, фрика-

ккалп. *lašiq*, каз. *lašiq*; кирг. *alačiq*, алт. *alančiq*, хак. *alačiq*, шор. *alančiq*; тув., тоф. *alažiq*; як. *alaha*; волжско-булг. **(i)laču-x. Жьньчугъ*: ПТ **jinčü* ‘жемчуг’ с рунич., в современных языках — повсеместно, кроме Сибири, без суффиксов, венг. *gyöngy* (с закономерным отпадением конечной узкой гласной); волжско-булгарский прототип **žinčük*? С другой стороны, случай, где можно быть уверенным в *-g- интервокальном, *юрага* < **agur-ak*, демонстрирует его падение.

²⁰ О дунайско-булгарском озвончении интервокальной позиции см. след. кн.

тивного) на конце неодносложной основы. Просмотр материала демонстрирует, что те слова, которые подверглись этому оглушению, подчиняются совершенно тому же чередованию, что и неодносложные со старым глухим концом (узб. *oziq* — *oziyi*, н.-уйг. *uruq* — *uruyi*), но есть и такие слова (причем достаточно употребительные), которые сохранили конечную звонкость и не имеют никакого чередования (узб. *uruq* — *uruyi*, *uluq* — *uluyi* и даже, при переходе суффикса *-*luq* в *-liq*, *qutluq* — *qutluyi*). Ср. также чрезвычайно неоднобразное отражение старого звонкого на конце неодносложной основы в уйгурских диалектах: хотан. *atluy* ‘всадник’, *ačɣu* ‘кислый’, *kičig* ‘маленький’, *ašɣu* ‘седой’, *altɨ aɟlɨq* ‘шестимесячный’, но *altun bašɣu* ‘золотоголовый’, *ulaq* ‘скотина’, *uruq* ‘семечки’, *uluq* ‘большой’, *očaɣ* ‘печь’; Аксу *očaɣ* ‘печь’, Кашгар *tariɣ* ‘просо’. Такое количество «исключений» предполагает действие морфонологических процессов.

Аналогичное рассмотрение поведения пратюркского конечного звонкого гуттурального в огузских и кыпчакских языках приводит к предположению в каждой из групп следующих фонетических и морфонологических развитий в позиции конца основы.

Карлуки: а) $k > G$, б) $\gamma > \gamma$, в) $\gamma > w$ в части позиций, в) оглушение на конце слова, в том числе сохранившихся старых звонких, и возникновение чередования, г) унификация вида основы в однословах и иногда в неоднословах²¹.

Кыпчаки: а) $k > G$, б) $\gamma > w/j$, в) оглушение на конце слова и возникновение чередования, г) генерализация чередования на морфологической границе в словоизменении.

Огузы: а) $k > G$, б) $\gamma > \gamma$, в) оглушение на конце слова, в том числе старых звонких, и возникновение чередования, г) унификация вида основы в однословах и иногда в неоднословах, д) падение фрикативного γ на более чем одноморфовом расстоянии от начала слова.

Признание такого развития, соответственно, влечет за собой отрицание того, что огузские и кыпчакские языки вместе генетически противопоставлены карлукским по процессу падения старого звонкого на конце неодносложной основы: это падение в огузской и кыпчакской группах явно проходило раздельно, падали совершенно разные звуки, и, кроме того, в обеих группах соответствующий процесс явился наиболее поздним в циклах связанных переходов, различных для этих групп. Специфической близости огузской и карлукской групп также не наблюдается: сходство соответствующих циклов обеспечено исключительно периферийным положением этих групп по отношению к центральным изоглоссам «общетюркской» территории, а именно утере фрикативного γ , замещавшегося w и j .

Итак, процессы развития взрывного консонантизма объединяют карлукские и кыпчакские языки, отличая их от огузских. Отметим еще раз, что в йотацированном сибирском языке — горноалтайском — озвончение ин-

²¹ Пример «втягивания» в морфонологическое развитие односложной основы со старым звонким на конце: **say* ‘здоровый’ – нуйг. *saq*, *saq-aj-*, *say-la-*, при узб. *say*.

тервокального глухого, скорее всего, носит чисто фонетический характер, захватывая в одинаковой степени позиции после первично долгих и первично кратких и распространяясь на зубной глухой, таким образом, по этому процессу он хорошо отделяется от выше рассмотренных подгрупп.

3. Процессы позиционной назализации начального *b-

Другое явление, возможно, существенное для классификации рассматриваемых языковых подгрупп, — процессы позиционной назализации начального *b-. Известно, что ни в каких позициях не назализуется *b- в западногузских языках; наличие назализации в азербайджанском и туркменском часто связывают с кыпчакским влиянием. Можно ли отождествлять азербайджанский, туркменский и кыпчакские процессы? Ответ явно отрицательный. В самом деле, азербайджанское правило (см. СИГТЯ 2002, 55):

*b- > m- при наличии носовых в исконной основе: переход происходит, если в основе носовой реально представлен на синхронном уровне и при этом находится внутри того же слога, что b- (т.е. в закрытом слоге): *mān* ‘я’, *min-* ‘сидеть верхом’, *min* ‘тысяча’, *mun̄ʒuG* ‘бусы’; в противном случае перехода не происходит: *bāniz* ‘лицо’, *bujnuz* ‘рог’, *bojun* ‘шея’, *bānäk* ‘родинка’, *bejin* ‘мозг’, *bajil-* ‘слабеть’, *bijan* ‘солодка’, *buna* ‘этому’. Если в морфологически производных формах положение носового относительно слогораздела меняется, то начальный согласный при этом не меняется (но это следствие выравнивания по производящей форме): *mānā* ‘мне’, *bānzā-* ‘быть похожим’, *bojnuäjri* ‘кривошей’.

В туркменском:

*b- > m- при наличии старого носового в основе, рефлекс которого непосредственно следует за гласным: *men*, *muna*, *maj* ‘жир’, *mōj* < **mögen* ‘фаланга’, *mejiz* ‘лицо’ (но *bujnuz* ‘рог’ < **bujnuz*, *bejni* ‘мозг’ < **bejji*). Так же устроено правило в восточноанатолийском турецком и, например, в турецком диалекте Эдирне (СИГТЯ 2002, 47).

Туркменское и азербайджанское правила явно не похожи друг на друга, причем туркменское правило формально идентично правилу, действующему в западнокыпчакских языках (не ногайских), но результаты действия туркменского и кыпчакского правил разные, поскольку они проходят над уже разошедшимися под действием других правил формами (ср. татар. *mi* ‘мозг’ < **miĵ* < **bejji*, *mögez* ‘рог’ < **mögez* < **bujjiz*). Таким образом, это одновременные процессы, не объединяющиеся генетически (и, следовательно, бесполезно говорить, как это часто делается, о «кыпчакском влиянии», нарушающем чисто огузскую генетическую принадлежность туркменского и, тем более, азербайджанского языков). Соответственно, для различных тюркских языков следует искать различно устроен-

ные фонетические правила, действие которых может быть сбито процессами парадигматической унификации.

4. Реконструкция палатального носового

В праторкской реконструкции, отраженной в СИГТЯ 2002 и СИГТЯ 2006, конкурируют два способа восстанавливать праторкский носовой палатальный. Оба они при этом признают необходимость восстанавливать кроме **ñ* еще и ряд кластеров, включающих *j* и носовой. Мною (Дыбо 1991; 1996; СИГТЯ 2002) было предложено на месте рясяненковского **ǰ* восстанавливать кластер **jŋ*, а для сходных случаев рефлексации без показаний на наличие велярного компонента восстанавливать кластер **jɲ*, который в интервокале сохраняется, а попадая на конец слова, разрешается вставным гласным. Различие рефлексов **jɲ* в словах ‘овца’ (< **kojn*), ‘пазуха’ (< **kōjn*) в кыпчакских, карлукских и южносибирских языках предлагалось объяснять за счет позиционного распределения: после первично долгого гласного — (*jɲ*), после краткого — *j*. Недостаток такого решения (принятого и в EDAL) состоит в слабости свидетельств в пользу первичной долготы гласных в соответствующих основах — это практически як. *xōj*, *xōññ* ‘пазуха’, *ōñño* ‘играть’, *mōj*, *mōññ* ‘шея’, при туркм. *Goj(u)n*, *oj(u)n*, *boj(u)n*, т.е. только якутская, а не туркменская долгота, причем в якутском — не правильный рефлекс первичного долгого, *uo*, а долгий *o*.

Со своей стороны, О.А. Мудрак (Мудрак 1994; СИГТЯ 2006), с обычным для его реконструкций пренебрежением к огузским рефлексам (в этом его трудно упрекать, поскольку традиционные реконструкции как раз гиперориентированы на огузские рефлексy), предполагает, что **ñ* дает в огузском нераспределенную двойную рефлексацию: *j* и *j(ɨ)n*²². Для ‘ов-

²² Пример кластерной рефлексации *-*ñ*- в интервокале — этимология ПТ **qūñat* ‘солнце’ (огуз. тур., турк. *güneş* (с переходом в передний ряд из-за -*jn*- < *-*ñ*-), татар. *kojaş*, шор. *kujaş*, куу *kōjōš* (с вторичным развитием аналогичным огузскому) *id.* и др., як. *kujās* ‘жара, жаркий день’, чув. *xəvel* ‘солнце’ СИГТЯ 2006, 40), принятая и в EDAL, — конечно, недоразумение. В переднерядном слове нет ни следа палатальности *n*, ср. **gūn(-e)* ‘солнце, день, солнцек’, чув. *kon*, як., долг. *kūn*, тув., тоф. *xūn*, хак., шор. *kūn*, сюг. *kun*, др.-тюрк. *kūn* (орхон., др.-уйг.), *kūneš* (Брк Битиг), крх.-уйг. *kūn*, (МК), *kūneš* (Tefs.), чаг. *kūneš* (Pav. С.; Абуш.; Бор. Бад.), *kūn* (Pav. С.; МА), узб. *kun*, н.-уйг. *kūn*, хал. *kīn*, *kūn*, *kinās* ‘sonnig’, тур., гар. *gūn*, *gūneš*, аз. *gūn*, *gūnās*, туркм. *gūn*, *gūneš*, салар. *gūn*, караим. *kūn*, *kūneš*, кум. *gūn*, *gūneš*, кбалк. *kūn*, татар. *kōn*, башк. *kōn*, *kōnās*, ног., казах., ккалп., кирг., галт. *kūn* (VEWT 309; EDT 725, 734; ЭСТЯ 1980, 100–104; СИГТЯ 2000, 20–21; Федотов I 306–307; Stachowski 164). А ПТ **gūñal* ‘солнцек, солнце; жар, в том числе угли’ (но никогда ‘день’), чув. *xəvel*, як. *kujās* ‘жар’, долг. *kuñās* ‘жар’, шор. *qujaş*, др.-уйг. *isig qujaş*, крх.-уйг. *qujaş* (МК), чаг. *qujaş* (Sangl.; Абуш.; Pav. С.), узб. *qujāš*, н.-уйг. (диал.) *qojaş*, тур. (диал.) *gujaş*, туркм. *qujāš* (диал.), караим. *qujaş*, *qujas*, татар., башк. *qojaş*, ног. *qjjas*, ккалп. *qujāš*, галт. диал. *qujāš* (VEWT 301; EDT 679; ЭСТЯ 2000, 112–113; СИГТЯ 2000, 64–65, 77–78; Федотов II 340–341, Stachowski 161) — явно отглагольное производное от ПТ **Kuǰ-* ‘гореть, пригорать’

цы' он восстанавливает конечный *ń* (**koń*), а для 'пазухи' и под. — конец слова -**j(ɨ)ń* с позиционно выпадающим узким гласным (**koj(ɨ)ń*, **oj(ɨ)ń*, **toj(ɨ)ń*), при этом удачно объясняется якутская долгота как полученная из стяжения. Такой конец слова предлагается отличать еще от **-jɨn* с **n* непалатальным, как в слове **qij(ɨ)n* 'мучение': здесь в чув. имеем рефлекс *xən* в противоположность *j*-образным рефлексам в чув. *xü*, *xəv* 'пазуха', *vъjъ*, *vъjj*- 'игра', *tъj*, *tъj-* 'шея'. Сразу отмечу, что для того, чтоб объяснить это различие в чувашском, не обязательно восстанавливать **j(ɨ)ń* vs. **j(ɨ)n*, поскольку для этого достаточно ввести в историю чувашской фонетики правило стяжения **ijɨ* > **ɨ*, **iji* > **i* (как наблюдаем и в огузских языках), предшествующее развитию **jn* > *j*; так объясняется и ПТ **kɨjɨn* 'мучение', як. *kññā-*, кыпч. *qɨjɨn*, туркм. *qñn*, *qñna-*, чув. *xən*, и ПТ *(*h*)*jijn* 'нора, берлога', як. *ñn*, кирг. *jijn*, туркм. *hñn*, чув. *jənpə* (начальный *j* — регулярно из неприкрытого **ɨ*).

При этом О.А. Мудрак полагает, что **koń* 'овца' — основа, в которой уверенно реконструируется конечный **ń*. Это как раз неудачно, поскольку имеется еще несколько основ, явно претендующих на реконструкцию конечного **ń*, где рефлексы, в общем, совпадают с традиционно предполагавшимися для интервокального **ń* и не показывают в огузском предполагаемого О.А. Мудраком расщепления конечного **ń* на сочетание *j* + *n*. Это в первую очередь такие примеры, как:

1. ПТ **bań* 'жир', як. *as-maǰax* (Пек.), хак. *sar-maj* 'масло' (саг.), чаг. *maj* (Рав. С.), узб. *m.aj*, н.-уйг. *maj*, туркм. *maj*, караим., кум., татар., башк., ног., казах., ккалп. *maj*, кирг. *maj*, галт. *maj* (VEWT 322; СИГТЯ 2000, 453–454; носовой твердо восстанавливается по назализации **b*-).

2. ПТ **āń(k)* 'луна, месяц', чув. *oǰъx*, як. *ɨj*, долг. *ɨj* 'месяц', тув. *aj*, тоф. *aǰ*, хак., шор., сюг. *aj*, др.-тюрк. *aj* (орхон., др.-уйг.), крх.-уйг. *aj* (МК; QB), чаг. *aj*; куман. *ań*, узб. *ɔj*, н.-уйг. *aj*, хал. *hāj*, тур., гаг., аз. *aj*, туркм. *āj*, салар. *aj*, караим., кум., кбалк. *aj*, татар., башк., ног., казах., ккалп., кирг., галт. *aj* (VEWT 10; TMN II 169; EDT 265; ЭСТЯ 1974 98–99; Мудрак 1994, 178; Федотов II 271; СИГТЯ 2000, 55, 76–77; Stachowski 258).

3. ПТ **kōń*- 'гореть', **kōń-e* 'сажа', чув. *kü*, *kə^wv* (Ашм.), *kə^wsek*, *kə^wvajt*, тув. *xō*, тоф. *xō*, хак. *kōj-*, *kōje*, шор. *kōj-*, др.-уйг. *kōj-*, крх.-уйг. *kōn-* (МК — аргу), *kōj-* (МК; QB), чаг. *kōj-* (Абуш.; МА; Бор. Бад.; Рав. С.), узб. *kuj-*, *kuja*, н.-уйг. *kōj-*, *küj-*, *kōjdür-*, хал. *kī^en-*, тур. (диал.) *kōj-*, *küj-*; *küje*, туркм. *kōj-*, *küjō* (диал.), салар. *kōj-*, кум. *güj-*, кбалк. *küj-*, татар. *kōj-*, башк. *küj-*, ног., казах., ккалп. *küj-*, *küje*, кирг. *küj-*, *kō*, галт. *küj-*, *kō* (VEWT 309;

(ЭСТЯ 2000, 112), ср. еще тоф. *xijmaq* 'зола'. Предположительные заимствования в венг. *hajnal* 'утренняя зоря', ханг. *quñl* на самом деле восходят к прауральскому состоянию: ПУр. **koje* 'Morgenröte', фин. *koi* 'Morgendämmerung', эст. *koi-valge* 'Abendröte', коми *kja* 'Röte am Himmel', ханты *kuñəl*, *quñəl* 'Röte am Himmel', манси *khoj*, *khuj*, *χuj* 'Morgenröte', венг. *hajnal* 'Tagesanbruch, Morgenroth', немец. *χājer*? 'Sonne; klar (Wetter)' энец. *kāja* 'Sonne', нганас. *kou*, сельк. *kuetj*, *kyetj* 'Hitze', *kuetje*, камас. *kuja* 'Sonne', койб. *куя*; матор. *кае*, *кайя*; тайги *хая* (UEW 167).

EDT 726, 730; ЭСТЯ 1997, 88–89, 133; СИГТЯ 2000, 362; Мудрак 1994, 75).

4. ПТ **sɨn* ‘подарок (от нижестоящего вышестоящему); почет’, чув. (*sɨj* < татар.), тув., тоф. *sɨ-ɣa-* ‘угощать’, хак. *sɨj*, *sɨjɨx*; *sɨj-la-* ‘угощать’, шор. *sɨj*, сюг. *si-la-*, крх.-уйг. *siɨüt* (МК) ‘a gift without a return gift’ (< **sɨn-güt*), куман. *sɨj-la-* ‘почитать’, узб. *sɨj* (диал.), тур. *sɨj-lɨ* ‘уважаемый’ (диал.), туркм. *sɨ-la-* ‘почитать’, караим., кум., кбалк., татар. *sɨj*, башк. *hɨj*, ног., казах., ккалп. *sɨj*, кирг., галт. *sɨj* (EDT 836; VEWT 415; СИГТЯ 2000 350; ЭСТЯ 2003, 394–395).

Целесообразно отличать от них в реконструкции ПТ **Kojn* ‘овца’, тув. *xoj*, тоф. *hoj*, хак., сюг. *xoj*, др.-тюрк. рун. *qoɨ* (Брк Битиг, 40), МК *qoj*, аргу (МК) *qon*, чаг. *qoj*, узб. *qoj*, н.-уйг. *qoj*, хал. *qoʔn*, тур. *koj(u)n*, аз., турк. *Goj(u)n*, караим., кум., кбалк. *qoj*, татар., башк. *quj*, ног., каз., ккалп. *qoj*, кирг., алт. *koj* (СИГТЯ 1997, 431; ЭСТЯ 2000, 24–26)²³.

Итак, в настоящий момент мы склонны принимать, что пратюркский **n* отражается как др.-тюрк. рунич. *n̄*; *n*-диалект древнейг. (Gab. AG 2–5, 53) *n*; *j*-диалект др.-уйг. *j*; аргу и болгарский (по Махмуду Кашгарскому) *n*; крх.-уйг. *j*, в современных языках — як. *ǰ/j*; тув., тоф. *ǰ/j*; в прочих языках — огуз., кыпч., карл., сиб. (горноалтайский с диалектами, кыргызская (хакасская) группа) *j*; чув. *j*, который, как и рефлекс ПТ **-j-*, может особым образом развиваться в сочетании с различными гласными. Соответственно, кроме уже приведенных, принимаются, в частности, реконструкции из Ряс. Мат., 177–181 (см. также EDAL): **aŋaq* ‘чаша’, **aŋɨ* ‘зло’, **baŋ-* ‘гнуть, косолапый’, **bāŋa-* ‘подошва, лапа’, **baŋil-* ‘исчезать’, **bɨŋɨq* ‘усы’, **bɨŋan* ‘лебедя, солодка’, **bɨŋɨq* ‘кошка’.

В следующих основах я принимаю реконструкцию кластеров²⁴:

а) **jn* интервокальный в переднем ряду: ПТ **kōjnek* ‘ведро, сосуд’, тув. *xōnek*, хак., шор. *kōnek*, др.-уйг., крх.-уйг. *kōnek* (МК; QB), узб. *kōnak*, тур. *kōnek* ‘деревянное ведро’, *gōjnik* ‘небольшой кувшин’ (диалектные варианты?), туркм. *kōnek*; татар. диал., башк. *kūnek*, ног., каз. *kōnek*, кирг. *kōnök*, галт. *kōnök* (ЭСТЯ 1997, 104–105; VEWT 290).

Интервокальный в заднем ряду: ПТ **bajnak* ‘навоз’, тув. *mɨjaq*, тоф. *mɨjaq*, др.-тюрк. *majaq* (др.-уйг.), крх.-уйг. *majaq*, *bajnaq* (МК — огуз.), н.-уйг. *majaq* (VEWT 322, 336; EDT 350).

ПТ **dajna-k* ‘посох’ (производное от рефлексива к глаголу **daja-* ‘опирать(ся)’, чув. *toja*, як. *tajax*, *taǰax*, долг. *tajax*, *taŋak*, тоф. *daǰaq* (Рас. ФиЛ), хак. *tajax*, др.-уйг., крх.-уйг. *tajaq*, узб. *tajɨq*, н.-уйг. *tajaq*, тур.

²³ Такая реконструкция неплохо согласуется с внешними соответствиями: ПТ **Kojn* ‘овца’ (> монг. *qoni(n)*) > эвенк. *konin* etc., см. TMN III 564; Щербак 1997, 139; Doerfer MT 37; вопреки KWb 194 и VGAS 70, вряд ли общеалт. **koni*), ПМонг. **gewü-n* ‘кобыла’, ПТМ **gibu-* ‘косуля’ (ССТМЯ 1, 148), ПА **giabo(nV)*, Пур. **kewe* ‘Tierweibhen’ (UEW 152). Ср. также ПТ **Kojyn* ‘пазуха’ — ПА **k’obani*, ПТ **bojyn* ‘шея’ — ПА **mójno* (EDAL).

²⁴ Некоторая неустойчивость рефлексов — за счет особых развитий в сочетании с различными гласными.

dajak, аз. *dajaG*, туркм. *tajaq*, кум., кбалк. *tajaq* (VEWT 455; EDT 567; ЭСТЯ 1980, 125–127; Федотов II 259–260; Stachowski 215).

(?) ПТ **sijn-ak* ‘тело, рост’ (карлуко-кыпчакское), узб. *sijaq*, уйг. *sijaq*; ног., ккалп., каз. *sijaq*; кирг. *sijaq* (СИГТЯ 1997, 273); реконструкция обусловлена связью слова с ПТ **sijn*, см. ниже.

Условно восстанавливаемое ПТ **Kājnat* ‘крыло’ дает соответствия как в переднерядном контексте; ср. также уникальный тип палатализации начального согласного в чув.: чув. *sonat*, як. *kīnat*, *kījīat*, долг. *kīnat*, тоф. *hanat*, хак. *xanat*, шор. *qanat*, сюг. *kijnat*, др.-уйг. *qanat* (Брк Битиг), крх.-уйг. *qanat* (МК; QB), чаг. *qanat* (Абуш.; МА), узб. *qanət*, н.-уйг. *qanat*, тур., гаг. *kanat*, аз. *Ganad*, *gānād* (диал.), туркм. *Gānat*²⁵, салар. *qanat* (Какук; ССЯ); караим., кум., кбалк., татар., башк., ног., каз., ккалп., кирг., галт. *qanat* (VEWT 230; TMN III 518; EDT 635; ЭСТЯ 1997, 252–253; Федотов II 137; СИГТЯ 2000 149–150; Stachowski 168).

После согласного: ПТ **tur(u)jna* ‘журавль’, чув. *tʷrna*, (диал.) *təʷrne*, як. *turuja*, долг. *turuja*, тув., тоф. *durujā*, *turuja*, др.-тюрк. *turuja* (Брк Битиг, 94), крх.-уйг. *turna* (МК), тур. *turna*, аз., туркм. *durna*, татар. *torna*, казах. *tırna*, кирг. *turuna* (VEWT 501; TMN III 199; EDT 551; ЭСТЯ 1980, 301–302; СИГТЯ 2000, 173).

Конечный: ПТ **Kojn* ‘овца’, тув. *xoj*, тоф. *hoj*, хак., сюг. *xoj*, др.-уйг. рун. *qoj* (Брк Битиг, 40), МК *qoj*, аргу (МК) *qon*, чаг. *qoj*, узб. *qoj*, н.-уйг. *qoj*, хал. *qoʷn*²⁶, тур. *koj(u)n*, аз., турк. *Goj(u)n*, караим., кум., кбалк. *qoj*, татар., башк. *quj*, ног., каз., ккалп. *qoj*, кирг., алт. *koj* (СИГТЯ 1997, 431; ЭСТЯ 2000, 24–26).

(?) ПТ **sij(j)n* ‘тело, стан, внешность’, тув., тоф. *sijn*; хак., шор. *sijn*, др.-уйг., крх.-уйг. *sijn*; ср.-уйг. *sijn*; ср.-кыпч. *sijn*; узб., н.-уйг. *sin*, тур. *sin*; татар. *sijn*, ног., ккалп., каз. *sijn*; кирг., алт. *sijn*, куманд., туба, леб. *sijn* (чув. *sɛn* из татар., поскольку нет перехода *s > š* перед **ɟ*; СИГТЯ 1997, 273). Кластер восстановлен ради сопоставления с *sijak* (см. выше); предположительно, в языках рано предействовало стяжение **ij > i*²⁷.

ПТ **Kijn* ‘ножны, чехол’, чув. *jəpə*, диал. *əpə*, як. *kīn*, тув., хак. *xīn*, шор., сюг. *qin* (ЯЖУ), крх.-уйг. *qin* (МК; QB), чаг. *qin* (Рав. С.), узб. *qin*, (хорезм. диал.) *qijn*, н.-уйг. *qin*, тур., гаг. *kīn*, аз. *Gīn*, туркм. *Gīn*, караим., кум., кбалк. *qin*, татар., башк. *qin*, ног., казах., ккалп. *qin*, кирг., галт. *qin* (VEWT 264; EDT 630–631; Егоров 79; СИГТЯ 2000, 571; ЭСТЯ 2000, 217–218). В чувашском — палатализация вследствие метатезы таутосиллабического сочетания *Vj* (ср. *jıyır-* ‘звать, кричать’ < ПТ **kijjır-*, МК *qıqır-*, тоф. *qihır-*, як. *kigır-*, хак. *xıyır-*, сюг. *qıxır-*, алт. *kijgır-*, кыпч. **qijjır-*).

²⁵ В СИГТЯ 2006 ошибка: «турк. *qanāt* (долгота второго гласного в результате упрощения консонантной группы)»; в туркм. долгота на первом слоге.

²⁶ В заглавии словарной статьи D–T 178 стоит *qoʷn*, без долготы, в отличие от ‘пазухи’, но ясно, что это никакого фонологического смысла не имеет.

²⁷ Ср. возможное внешнее сопоставление ПТМ **sewen* ‘дух–помощник шамана; его изображение, идол’ (ССТМЯ I, 135).

б) *jɣ: интервокальный в переднем ряду *köjɣe-*lek* ‘рубашка’, як. *köhügäs* ‘старинное название дохи’ (Пек.), тув. *xöjleŋ*, хак. *kögenek*, шор. *künek*, крх.-уйг. *könlek* (МК), чаг. *könlek* (Sangl.; МА; Пав. С.; Бор. Бад.), *köjneк* (Пав. С.), узб. *kojnak, kojlak*, н.-уйг. *könläk, köñnek*, тур. *köjnäk*, диал. *gönlek*, гаг. *gölmäk*, аз., туркм. *köjneк*, диал. *gömlek*, караим. *kölmek*, кум. *gölek*, кбалк. *kölek*, татар. *külmäk*, башк. *küldäk*, ног., ккалп. *köjlek*, кирг. *köjneк*, галт. *künek* (VEWT 290–291; EDT 732; ЭСТЯ 1997, 89–90; СИГТЯ 2000, 384, 476–477; > письм.-монг. *küjileg*, калм. *kilæg* (KWb 234), ср.-монг. *könlek* TMN III 615; Щербак 1997, 128).

Интервокальный в заднем ряду: ПТ **bujɣɨ̃* (**büjɣɨ̃*)²⁸ ‘рог’, чув. *тыҗага*, як. долг. *tuos*, тув., тоф. *tijis*; хак., шор. *mūs*, сюг. *тоҗис*, др.-уйг. *müjüz*, крх.-уйг. *münüz* (МК), чаг. *münüz, mügiz* (Пав. С.), узб. *moğiz*, н.-уйг. *müñgüz*, тур. *bojnuz*, гаг. *bujnus*, аз. *bujnuz*, туркм. *bojnuz, bujnuz*, салар. *тоҗиз*, караим. *туңгуз*, кум., кбалк. *müjüz*, татар. *mögez*, башк. *mögöd*, ног., казах., ккалп. *tujiz*, кирг. *müjüz*, галт. *mūs* (VEWT 347; EDT 352; ЭСТЯ 1978, 243; СИГТЯ 2000, 148, Stachowski 183).

ПТ **tujɣak* ‘копыто’, як. *tuɣax*, долг. *tuñak*, тув. *dujuɣ*, тоф. *duɣuɣ* (Рас. Фил), *tujuy*, хак. *tujyax*, шор. *tujyaq*, сюг. *tujay*, *tijy*, крх.-уйг. *tujay* (МК), *tujnaq* (ИМ), чаг. *tuwaq*, узб. *tujɔq*, н.-уйг. *tuvaq*, тур. *dujnak*, туркм. *tojnaq*, салар. *c’inaɣ* (ССЯ), караим., кум., кбалк. *tujaq*, татар., башк. *tojaq*, ног., казах. *tujaq*, ккалп. *tujaq, dojnaq* (< туркм.?), кирг. *tujaq*, галт. *tujyaq* (VEWT 499–500; EDT 519; СИГТЯ 2000, 147; Stachowski 230).

ПТ **ɨjɣɨ̃-la-* ‘плакать’, як. *ɨjɨ̃la-*, тув. *ɨjɨ̃la-*, *ɨla-*, хак., шор. *ɨɣa-*, крх.-уйг. *аҗила-* (?) ‘to cry, howl (of a donkey)’ (МК), ст.-кыпч. *ɨjle-* (Ettuh.), узб. *ingala-*, хал. *ɨlän-*, тур. *inle-*, диал. *ɨjile-*, гаг. *inne-*, аз. *inlä-*, туркм. *ɨjle-*, где сначала *-jɨ̃* > *-i-*, дав в огузском передний ряд; караим. *inle-*, татар. *engel-de-*, башк. *ɨjla-*, казах. *ɨñqil-da-*, ккалп. *ɨjil-da-*, кирг., галт. *ɨjla-* (VEWT 172; EDT 186; ЭСТЯ 1974, 366–367). Колебания ряда, как и выше, связаны со стяжениями *ɨ c j*.

ПТ **jajɣak* ‘щека, челюсть’, як. *sɨjɣax*, долг. *hɨjɣäk*, тув. *čāk*, хак. *nāx*, шор. *nāq*, сюг. *jaɣaq, jɨjɣaq*, крх.-уйг. (МК), чаг. *jaɣaq* (Абуш.; Sangl.), узб. *jɔɣɔq*, (кыпч. диал.) *žay*, н.-уйг. *jaɣaq*, тур., гаг. *janak*, аз. *janaG*, туркм. *jaɣaq*, салар. *jaɣax* (ССЯ), караим. *janax, jajaх, jaɣaq*, кум. *jajaq*, кбалк. *žjɨjɣaq*, татар. *jaɣaq*, башк. *jaɣaq*, казах., ккалп. *žaq*, кирг. *žāq*, галт. *d’āk* (EDT 948; VEWT 187; ЭСТЯ 1989, 123; СИГТЯ 2000, 219–220; Stachowski 119; предположение о сочетании в ПТ опирается на рефлексy *j* в кбалк. *žjɨjɣax*, кум. *jajaq*, караим. *jajaх*; можно предположить, во всяком случае для *j*-языков, раннюю диссимиляцию **jajɣak* > **jaɣak*).

Конечный: **bejɣ(i)* ‘мозг’, чув. *тiтэ*, як. *mejī*, долг. *meñi*, тув. *mē*, тоф. *mā*, хак. *mī*, шор. *mī-s*, др.-тюрк. *meji, meji* (др.-уйг.), *meji* (МК, QB), чаг. *miji* (МА), *mejn* (Sangl.), узб. *mija*, н.-уйг. *miñä*, хал. *mein*, тур., аз. *bejin*,

²⁸ Появление переднерядного варианта — за счет столкновения в основе нескольких палатальных?

-jni, туркм. *bejni, tejni*, караим., кум. *miji*, кбалк. *tije*, татар. *mi*, башк. *teje*, ног., казах., ккалп. *mij*, кирг., галт. *mē* (VEWT 70; EDT 348–349; ЭСТЯ 1978, 106–107; TMN IV 35; СИГТЯ 2000 195; Stachowski 178).

Кроме того, особые рефлексy дают конечные сочетания *-jɨn:

ПТ **bojɨn*²⁹ ‘шея’: чув. *тəj* (с диссимилятивным развитием гласного после губного?), як. *mōj* (*тоһһо-*), долг. *тиоj*, тув. *тоjun*, тоф. *mōän* (*тоjnu*), хак. *тоjɨn*, шор. *тоjun*, сюг. *тоjin*, др.-тюрк. *bojɨn* (др.-уйг.), *bojun, bojɨn* (МК), *bojun* (QB), чаг. *bojn, bojun* (Sangl.; MA), узб. *bojin*, н.-уйг. *bojun*, хал. *būn*, тур. *boyun, -ynu*, гаг. *bojnu*, аз. *bojun, -jnu*, туркм. *bojun*, сал. *bojnı*, караим., кум., кбалк. *bojun*, татар., башк. *туйjɨn*, ног., казах., ккалп. *тоjɨn*, кирг., галт. *тоjun* (VEWT 80; EDT 386; ЭСТЯ 1978, 180–182; СИГТЯ 2000, 233–234; Stachowski 183). Ср. кирг. *тоjnoq* ‘верблюжья шея’.

ПТ **Kojɨn* ‘пазуха’: чув. *xəʷ, xü*, диал. *xüt* (стяжение **oj* > *ü*, ср. ПТ **soj-* ‘сдирать шкуру’ > чув. *sü*), як. *xōj* (*хоһһо-*), долг. *коннок*, тув. *хоj*, *хоjun*, хак. *хоjɨn*, шор. *qojɨn*, сюг. *qoin*, др.-тюрк. *qojɨn* (енис., др.-уйг.), *qoj* (МК), ср.-кыпч. *qojɨn* (Абу Н.), узб. *qojɨn*, н.-уйг. *qojɨn*, хал. *qōn*, тур. *koynun, -ynu*, гаг. *qojnu*, аз. *Gojun, -jnu*, туркм. *Gojun*, караим. *qojun, qojɨn*, кум., кбалк. *qojɨn*, татар., башк. *қуйjɨn*, ног., казах., ккалп., кирг., галт. *qojɨn* (VEWT 280; EDT 631; СИГТЯ 2000, 243–244; ЭСТЯ 2000, 26–27; Stachowski 152).

ПТ **ojɨn* ‘игра’: чув. *vʷjʷ*, як. *ōññü*, тув. *ojun*, хак. *ojɨn*, шор. *oin*, сюг. *oin, ujin*, др.-уйг., крх.-уйг. *ojun* (МК), узб. *ojin*, н.-уйг. *ojun, ojan*, тур., гаг., аз., туркм., караим., кум., кбалк. *ojun*, татар., башк. *ujɨn*, ног., казах., ккалп. *ojɨn*, кирг. *ojun*, галт. *ojɨn* (EDT 274, 275; ЭСТЯ 1974, 435–436; Stachowski 190, 198). Заметим, что производный глагол *ojna-* ‘играть’ не всегда вызывает правильные рефлексy интервокального кластера, поскольку, видимо, перестроен по производящему имени: як. долг. *ōññō-*, тув., хак. *ojna-*, др.-тюрк. *ojna-* (др.-уйг.), крх.-уйг. *ojna-* (МК), узб. *ojna-*, н.-уйг. *ojni-*, хал. *ūna-*, тур., гаг., аз., туркм. *ojna-*, караим., кум., кбалк. *ojna-*, татар., башк. *ujna-*, казах., ккалп. *ojna-*, кирг., галт. *ojno-*.

ПТ **Kjɨɨn* ‘вина, беда’, чув. *xən* (раннее стяжение **ijɨ* > **ɨ*?), сюг. *qɨn*, др.-тюрк. (орхон.) *qjɨɨnɨ* (Асс.), др.-уйг. *qjɨn, qɨn*, крх.-уйг. *qɨn, qjɨɨn* (QB), чаг. *qjɨɨn* (Абуш.; Бор. Бад.; MA), *qɨn* (Рав. С.), узб., н.-уйг. *qijin*, тур. *kjɨɨn, kjɨɨnç*, туркм. *qɨn*, караим. *qjɨɨn, qejin*, кум., кбалк. *qjɨɨn*, татар., башк., ног. *qjɨɨn*, казах. *qjɨɨn, qɨnç-ıl-* (**kjɨɨn-ç*) ‘расстроиться’, ккалп., кирг., галт. *qjɨɨn* (VEWT 264; EDT 631; ЭСТЯ 2000, 218–219; Stachowski 168). Отыменной глагол *kjɨna-* (но не другие производные) ведет себя так же, как *ojna-*, т.е. в большей части случаев демонстрирует, так сказать, синхронную производность от *kjɨɨn*: як. *kññā-*, тув. *xjɨna-*, хак. *xjɨx* (**kjɨɨk*), *xjɨal* (**kjɨɨnal*),

²⁹ Рясянен восстанавливает **boj* при том, что по рефлексам нет отличий от названия пазухи, где он восстанавливает **koñ*; по-видимому, *ñ* введено здесь ради совпадения с тунг. *тоjɨn*.

шор. *qijiq-ta-*, *qijal*, но *qijnaγ* (вторичное производное) др.-тюрк. *qina-* (др.-уйг.), *qina-* (МК; QB), чаг. *qina-* (Sangl.), узб., н.-уйг. *qijna-*, тур. *kina-*, аз. *Gina-*, туркм. *Gina-*; караим., кум., кбалк. *qijna-*, татар. *qijina-* ‘затруднить’, башк. *qijna-*, ног., казах., ккалп. *qijna-*, кирг. *qijit-* (**kijn-it-*) ‘затруднить’, *qijna-*, галт. *qijna-*, *qijal*, диал. (туба) *qij(a)-* (**kijna-*).

ПТ **ijin* ‘берлога, яма’, чув. *jənə*, як., долг. *in*, др.-тюрк. *in* (др.-уйг.), крх.-уйг. *in*, *jin* (МК), хал. *hīn*, туркм. *hīn*, кирг. *ijin* (EDT 166; VEWT 172; Егоров 79; Stachowski 131). В этом примере также наблюдаются ранние стяжения *-ijit-* > *-ī-*, *-ī-*, *-iji-* > *ī*.

5. Проблема *λ* и *ř*

Проблема *λ* и *ř* решается с зетацистско-сигматистских позиций, с небольшой модификацией классического перехода ПТ *-λč* > чув. *š* и модификацией О.А.Мудрака, показавшего (Мудрак 1989; Мудрак 1994; СИГТЯ 2006), что в чувашском *λ* > *l* на конце слога и > *š* в интервокальной позиции, *ř* > *r*, но **řs* > чув. *s*, общетюрк. *z*; см. подробно (СИГТЯ 2006, 26–32, 35–38).

6. Регулярная палатализация *t* > *č*, *ś* < *č*

В чувашском, кроме традиционно отмечаемой палатализации зубных (**t-*, **s-*; *čol* < **tiāl* ‘камень’) и гуттуральных (*jur* < **kiār* ‘снег’) (Вл.–Поп. 1924, см. ниже) перед старыми дифтонгами (**s-* и перед *i*, *ɨ*), постулируется регулярная палатализация *t* > *č*, *ś* < *č* в соседстве с **i*, **ɨ* (раньше отмечалась в основном для морфологических границ, см. подробно: Мудрак 1989; Мудрак 1994; СИГТЯ 2006, 56–62). По данным ранних болгаризмов в венгерском палатализация зубных взрывных и палатализация спиранта **s* проходила в болгарских языках, хотя и в одинаковых позициях, но совершенно не одновременно. Палатализация **s-* перед пратюркскими дифтонгами и **i*, **ɨ* совершенно регулярна в материале болгаризмов, в том числе древнейшего периода (см. след. кн., отражается как венг. *s-*, фонетически *š*). Палатализация зубных взрывных в этом материале не отражена вообще, в том числе в явных заимствованиях из дунайско-булгарского (ср. дунайско-булг. **текв** ‘курица’ при чув. *čь^wγь^w* (**tioxū* < **tiakigu*) и венг. *térd* ‘колени’, ПТ **dř̥* ~ **d̥j̥r*, чув. *čər-puśši*). В волжско-булгарских эпитафиях палатализация взрывных зубных отражена нерегулярно, видимо, она находится в процессе становления (подробно см. Erdal 1993, 126; о колебаниях типа *elti* и *velči* под 1307 г., см. Róna-Tas 1976)³⁰; **s* > *š* перед

³⁰ Волжско-булгарское ТWXČI ‘куровод’ мы, вслед за Т. Текином, интерпретируем как *t(i)ox(u)čy*, а не как предлагает М. Эрдаль, **tawixčy*, см. Erdal 1993, 125. Его трактовка потребовала бы гипотезы о кыпчакском заимствовании в язык волжско-булгарских эпитафий. Подробнее о болгарском и огузо-кыпчакском развитиях назва-

i, *ɨ* отражается совершенно регулярно (Erdal 1993, 128). Следовательно, палатализация **s* прошла еще в прабулгарском, а палатализация взрывных зубных — только в волжско-булгарском, причем не ранее XIV в. Что касается палатализации гуттуральных, то она проходит в другой позиции, только перед старым дифтонгом и, по-видимому, также довольно поздно; в материале булгаризмов в венгерском и в материале дунайских булгаризмов в славянском она не отражается, поскольку не встретилось соответствующих лексем; в языке волжско-булгарских эпитафий имеем ‘кровь’ XY’N (т.е. *xian*) (ноябрь 1357 г.) — Erdal 1993, 52; таким образом при отражении старого дифтонга переход *x*- > *j* (совр. чув. *jon* ‘кровь’ < ПТ **Kiān*, туркм. *Gān*) еще не прошел.

7. Проблема начального *h*-

Проблема начального *h*- как тюркского наследника алт. **p*'- (в других алтайских языках — объекта действия закона Рамстедта–Пеллио) была обоснована Г. Дёрфером в связи с его исследованиями халаджского *h*-. Во введении к EDAL С.А. Старостин рассмотрел соответствующий материал, уже опираясь на принятую там версию алтайской реконструкции; в этом материале обнаружилось следующее распределение:

Халадж. *h*- — ПА **p*'- — 19 случаев.

Халадж. *θ*- — ПА **p*'- — 6 случаев, которые легко объясняются как азербайджанские заимствования.

Халадж. *θ*- — ПА **θ*-, **η*- — 39 случаев.

Халадж. *h*- — ПА **θ*-, **η*- — 28 случаев.

Из этого делается вывод, что отсутствие *h*- в халаджском когнате с определенностью указывает на отсутствие **p*'- в алтайской праформе, но наличие *h*- в халаджском ни о чем не говорит, так как это *h*- практически с равной вероятностью может быть первичным или вторичным. Поэтому и в EDAL, и в СИГТЯ 2006 принята запись тюркских праформ с **θ*-, независимо от халаджских данных. Ниже мы, однако, при наличии халаджских данных, согласуемых с праалтайскими, выписываем **h*-. Возможным подтверждением наличия особого рефлекса начального поствелярного еще в дунайско-булгарском являются старославянские заимствования из дунайско-булгарского: широко известное **xoroggy*, -*ъве* ‘знамя, стяг’ — др.-тюрк. *urungu* EDT 362 (др.-тюрк. как компонент имени собственного, др.-уйг. *urungu-lug* ‘имеющий флаг’, ср.-уйг. *uurgu* ‘флаг’ IM; из др.-уйг. заимствовано монг. *orungo*, *orunga* ‘знак, знамя’, калм. *orɣɔ* KWb 289; возможные алтайские сопоставления см. в Менгес ВЭ, 158–160) и вновь обнаруженное ст.-сл. **халжга** ‘изгородь, огороженное место’, в новых языках также «улица», «чаща, расселина», которое я предлагаю считать заим-

ния курицы см. след. кн., в разделе о вокализме булгарских заимствований в венгерском.

заимствованием из дунайско-булгарского рефлекса ПТ **ala-n* / **ala-ŋ* ‘равнина, лужайка, открытое пространство, площадь’ (EDT 147; ЭСТЯ 1974, 134–135), ПА **p’ālà*. См. еще след. кн., в разделе о славянских булгаризмах.

ВОКАЛИЗМ

Развитие вокалических систем менее показательно для классификации тюркских диалектов раннего периода.

Для праалтайского сейчас восстанавливается десингармонистическая система **i, *e, *u, *o, *a* с тремя дифтонгами, встречающимися только в первом слоге (**iu, *io, *ia*). В результате воздействия вокализма непервого слога на вокализм первого слога возникают куда более богатые системы в языках отдельных алтайских групп.

Таблица 5

Соответствия праалтайских гласных (по: EDAL 103)

Палт.	ТМ	Монг.	Тюрк.	Яп.	Ср.-кор.
<i>*a-a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a (Pa-/Pa-)</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
<i>*a-e</i>	<i>a</i>	<i>a [i]</i>	<i>a-, ĩ</i>	<i>ə</i>	<i>a</i>
<i>*a-i</i>	<i>a</i>	<i>a [e]</i>	<i>e [a]</i>	<i>i</i>	<i>a [i]</i>
<i>*a-o</i>	<i>a</i>	<i>a [i, e]</i>	<i>o (ja, aj)</i>	<i>a</i>	<i>ǎ [o]</i>
<i>*a-u</i>	<i>a</i>	<i>a [u]</i>	<i>a</i>	<i>u</i>	<i>a [u]</i>
<i>*e-a</i>	<i>e</i>	<i>a [e]</i>	<i>a (a) [e]</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
<i>*e-e</i>	<i>e</i>	<i>e (ja-)</i>	<i>e (eR; ja-)</i>	<i>ə</i>	<i>a [i, ĩ]</i>
<i>*e-i</i>	<i>e</i>	<i>e [i]</i>	<i>e (eR; ja-)</i>	<i>i</i>	<i>i [ĩ, a]</i>
<i>*e-o</i>	<i>e</i>	<i>a [e, Pü/Pö, üP/öP]</i>	<i>a [e]</i>	<i>ə[a]</i>	<i>ǎ [u]</i>
<i>*e-u</i>	<i>e</i>	<i>e [a, Po, oP]</i>	<i>e [a, a]</i>	<i>u</i>	<i>u [a]</i>
<i>*i-a</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i [i]</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
<i>*i-e</i>	<i>i</i>	<i>e [i]</i>	<i>e (eR)</i>	<i>i</i>	<i>i [i]</i>
<i>*i-i</i>	<i>i</i>	<i>i (Pe)</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>
<i>*i-o</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i [ə]</i>	<i>u [i]</i>
<i>*i-u</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i [i]</i>	<i>u</i>	<i>i [i]</i>
<i>*o-a</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>o</i>	<i>a</i>	<i>ǎ [u]</i>
<i>*o-e</i>	<i>u</i>	<i>ö [ü, o]</i>	<i>ö [o]</i>	<i>ə</i>	<i>i [u]</i>
<i>*o-i</i>	<i>u</i>	<i>ö</i>	<i>ö [o]</i>	<i>u</i>	<i>u</i>
<i>*o-o</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>o</i>	<i>ə</i>	<i>ǎ</i>
<i>*o-u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>ǎ [u]</i>
<i>*u-a</i>	<i>u</i>	<i>a [u]</i>	<i>u [o]</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
<i>*u-e</i>	<i>u</i>	<i>u [ü, ö]</i>	<i>ü</i>	<i>ua (Pa-)</i>	<i>i [a]</i>
<i>*u-i</i>	<i>u</i>	<i>ü [ö]</i>	<i>ü [u]</i>	<i>u</i>	<i>u [i]</i>
<i>*u-o</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>ə</i>	<i>u [i]</i>
<i>*u-u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>

ПАЛТ.	ТМ	Монг.	Тюрк.	Яп.	Ср.-кор.
*ja-a	ia (Si)	a	ia, ja [e]	a	ǎ (Pa, aP)
*ja-e	i	i [a, e]	ia, ja	ə	i [(j) ə]
*ja-i	ia (Si)	i [e]	ia, ja [e]	i	ǎ [(j) ə]
*ja-o	u	e	ia, ja, pa	a	ǎ [u]
*ja-u	u	a, u	e, a, Pa	u	u [(j) ə]
*jo-a	u	a, u	ia, ja, pa	a	u [ǎ]
*jo-e	u	e, ö	e, a, Pa	ə [u]	u [jə]
*jo-i	u	i [e, ö]	ia, ja, pa	i	u [ǎ]
*jo-o	i	ö [ü, u]	o [u]	ə[a]	i, (j) ə
*jo-u	ia (Si)	e [i, u]	u [o]	u	ǎ [u, jə]
*ju-a	u	u [i]	i	a	a
*ju-e	ü, Pu	ö [ü, u]	ü, iR [ö]	u [ə]	(j)a [u]
*ju-i	i (Pu-)	ö [ü, u]	ü [ö]	i	i (i, u)
*ju-o	ü	u	u [o]	u [ə]	(j)a [u]
*ju-u	u	i [u, ü, ö]	i	u	u (i, i)

Система пратюркского вокализма реконструируется в следующем виде:

Вокализм первого слога

Ряд \ Подъем	Передний	Передний	Задний	Задний
	- огубленность	+ огубленность	- огубленность	+ огубленность
Верхний	i	ï	ɨ	u
Средний	e	ö	a	o
Нижний	e		a	

+ долгие в первом слоге — удвоение системы.

+ восходящие дифтонги в первом слоге, по-видимому, также различающиеся по долготе вокалической части.

Дифтонги

Ряд \ Подъем	Передний	Задний	Задний
	+ огубленность	- огубленность	+ огубленность
Средний	ïö		jo
Нижний		ja	

Вокализм непервого слога

I	U
A	O

фонетически, т.е. включая сингармонические варианты по ряду, распределенные в зависимости от первого слога:

i	ï	ɨ	u
e	ö	a	(o)

Таблица 6

Базовые соответствия тюркских гласных

*П	ДУ	Крх.	Як.	Тув.	Тоф.	Хак.	Шор.	Ойр.	Кирг.	Уйг.	Узб.	Каз., ккалп.	Ног.	Башк.	Тат.	Кум.	КБ	Карим.	Турк.	Аз.	Гаг.	Тур.	Хал.	Чув.
i	i	i	i	i	i	ə	i	i	i	i	i	i	i	e	e	i	i	i	i	i	i	i	i	ə, ɔ ¹
ī	i	i	ī	i	i	ə	i	i	i	i	i	i	i	e	e	i	i	i	ī	i	i	i	ī ¹	ə, ɔ ¹
e	(i)	(i)	i	e	e	i	e	e	e	e, ä ²	e	e	e	i	i	e	e	e	e	ä, e ³	e	e	ä	i
ē	(i)	(i)	ie	e	e	i	e	e	e	e, ä ²	e	e	e	i	i	e	e	e	ī	e	e	e	ī ²	a
e	(e)	(e)	e	e	e	i	e	e	e	e, ä ²	e, a ⁴	e	e	i	i	e	e	e	e	ä, e ⁴	e	e	ä	a ⁵
ē	(e)	(e)	ie	e	e	i	e	e	e	e, ä ²	e	e	e	i	i	e	e	e	ā	ä, e ⁴	e	e	ā	a ⁵
a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a, e ⁶	a, ɔ ⁷	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	o ⁸
ā	a	a	ā	a	a	a	a	a	a	a, e ⁶	a, ɔ ⁷	a	a	a	a	a	a	a	ā	a	a	a	ā ^a	o ⁸
ɑ	a	a	ɨ	a	a	a	a	a	a	a, e ⁶	a, ɔ ⁷	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	ɨ
ā	a	a	ɨ	a	a	a	a	a	a	a, e ⁶	a, ɔ ⁷	a	a	a	a	a	a	a	ā	a	a	a	ā ^a	ɨ
ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	i	i	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	i	ə, ɔ ⁹
ɨ̄	ɨ	ɨ	ɨ̄	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	i	i	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ̄	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ̄ ¹	ə, ɔ ⁹
u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	o	o	u	u	u	u	u	u	u	u	ɔ ¹⁰
ū	u	u	ū	u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	o	o	u	u	u	ū	u	u	u	ū ^u	ɔ ¹⁰
o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	u	u	o	o	o	o	o	o	o	o	vɨ̄-, -u ⁻¹¹
ō	o	o	uo	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	u	u	o	o	o	ō	o	o	o	ū ^o	v <u>u</u> -, - <u>u</u> ⁻¹¹
ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü	u	ü	ü	ö	ö	ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü/ü ¹²	ə ¹³
ū	ü	ü	ū	ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü	u	ü	ü	ö	ö	ü	ü	ü	ū, ü ^j	ü	ü	ü	ū ^u , ü ¹²	ə ¹³
ö	ö	ö	ö	ö	ö	ö	ö	ö	ö	ö	o	ö	ö	ü	ü	ö	ö	ö	ö	ö	ö	ö	ö, e ¹²	vi-, -u/-ü ⁻¹⁴
ō	ö	ö	üō	ö	ö	ö	ö	ö	ö	ö	o	ö	ö	ü	ü	ö	ö	ö	ō	ö	ö	ö	ī ^e	vɑ, -ɨvɑ

Примечания к табл. 6:

¹ После и перед *š*.

² Закрытый вариант — в позициях так называемого «уйгурского умлаута» (при *ä, i* второго слога).

³ Закрытый вариант — после *j*-, перед шипящими *š, č* и общеогузскими *j* (но не перед собственно азербайджанским, из огуз. **g*), *v*, в прочих случаях — открытый.

⁴ *-a-* — относительно редкий, по-видимому, диалектный вариант.

⁵ *> e* в соседстве с палатальными.

⁶ Вариант *e* — в позициях «уйгурского умлаута» (при *ä, i* второго слога).

⁷ Подробности см. в Мудрак 2005.

⁸ = верховое *o*, низовое и литературное *u*. *O > u* в соседстве с *g* и *v*.

⁹ *ʷ* — после и перед *š*. В неприкрытом слоге *> jʷ*. Подробно см.: Мудрак 1994.

¹⁰ **uvC > uC*. Лабиализация *ʷ* отмечается в верховом диалекте (но следует помнить, что в окружении губных согласных в этом диалекте лабиализация автоматическая).

¹¹ В малокарачинском говоре *vu*.

¹² По диалектам.

¹³ Лабиализация *ə* отмечается в верховом диалекте (но следует помнить, что в окружении губных согласных в этом диалекте лабиализация автоматическая).

¹⁴ Рядом с гуттуральными согласными **ð* совпадает с *u*.

Заднерядное *o* второго слога в корневых морфемах надежным образом реально не встретилось (?), но оно, видимо, может быть реконструировано в некоторых служебных морфемах (см. ниже).

Рассмотрим модификации по сравнению с классической реконструкцией и реконструкцией, представленной в СИГТЯ 2006.

1. Чувашско-общетюркские соответствия гласных

Относительно чувашско-общетюркских соответствий гласных см. подробно Мудрак 1994; СИГТЯ 2006, 159–223.

2. Долгота

Долготы восстанавливаются на основании туркмено-якутского соответствия по долготе, с привлечением огузского озвончения. Этим данным соответствует наличие при краткости — отсутствие при долготе фарингализации в тувинском (спорадически отражаемой в орфографии и в большинстве случаев отмеченной в Бичелдей 2001 и в тофаларском (по: Рас. Фил; Рассадин ТС); соответствие впервые сформулировано в Илл.-Св. 1963). Относительно спорадического сохранения первичной долготы **ā*, **ō* в гагаузском см. СИГТЯ 2002, 23–24. Кроме того, в азербайджанском первичная долгота отражается в различной рефлексии **e* закрытого и открытого; в туркменском — в рефлексии вокально-консонантных комплексов (*av > ov*, но *āv* сохраняется). Тройное противопоставление по долготе в халаджском мы считаем нефонологическим (ср. многочисленные варианты записи в случае полудолготы), но сверхдолгота в халаджском соответствует ос-

тальным тюркским данным по долготе. Надо сказать, что полностью подтверждается гипотеза М. Ряснена об отражении пратюркской оппозиции по долготе в прабулгарском источнике заимствований в венгерский язык (см. в след. кн.)³¹; опосредованно отражается эта оппозиция в дунайско-булгарских заимствованиях в славянские языки. Как будто, пратюркское противопоставление по долготе частично отражается в графике волжско-булгарских эпитафий (Erdal 1993, 149–151); судить об отражении его в волжско-булгарских заимствованиях в восточнославянские языки материал пока не позволяет (возможный пример на **ō* ~ **o*: *vataga* ‘шатер’: ПТ **ōtag* vs. *ворь*: ПТ **ogrī*).

3. Реконструкция закрытых гласных

Закрытое *a* восстанавливается для соответствия ОТ *a* — чув. *ɨ*, як. *ɨ*. Подробности см. в Мудрак 1993; СИГТЯ 2006, 205–208. Отметим, что якутский (менее регулярно — другие тюркские языки) может развивать вторично *ɨ* из незакрытого *a* в таутосиллабическом сочетании с *j* (ср. *ij* ‘луна’, *kiʃat* ‘крыло’, *ij-* ‘показывать, описывать’). Идея, что здесь мы имеем дело не с чувашской инновацией перехода ПТ **a* > *ɨ* (не распределенного с переходом **a* > *o*), а с отражением специфической пратюркской фонемы, принадлежит Г. Дёрферу (Doerfer 1975–1976); О.А. Мудрак установил регулярное соответствие с якутским и вывел из сравнения спорадические развития в тувинско-тофаларском. Подтверждают это соответствие венгерские заимствования из прабулгарского, которые абсолютно регулярно отражают ПТ **a* как *i* в словах заднего ряда (см. след.кн.; пример: ПТ **jaʃ-* ‘писать’, чув. *šir-* > венг. *ír-*), что, очевидно, свидетельствует о прабулгарском *ɨ*-образном характере этого гласного (ПТ **a* отражается как *a* (с сохранением противопоставления по долготе), ПТ **ɨ* — также как *a*, примеров с долгим не встретилось).

Относительно реконструкции закрытого и открытого *e* для пратюркского полного согласия среди авторов фонетического раздела СИГТЯ 2006 не достигнуто. В EDAL применена реконструкция О.А. Мудрака (см.: Мудрак 1993; Мудрак 1994; СИГТЯ 2006), однако я продолжаю придерживаться своих взглядов на соответствия (см.: Дыбо 1992; СИГТЯ 2002, 39–44). Различия между этими двумя реконструкциями сводятся к следующему. Обе они согласны, что в праогузском рефлексы кратких *e*-образных звуков не различают старой закрытости/открытости. В азербайджанском закрытое и открытое *e* распределены вторичным позиционным образом, а именно: после *j-*, перед шипящими (*š*, *č*) и общеогузским *j*

³¹ В более позднем слое заимствований отражение более сложное; в частности, в силу устройства древневенгерской системы, венгерский отражает как *a* долгое любое *a* дунайско-булгарского источника и как *a* краткое *o* краткое дунайско-булгарского источника, подробно см. след. кн.

(но не перед собственно азербайджанским, из огуз. *g)³² имеется закрытый рефлекс, в прочих случаях открытый. Таким образом, ситуация в азербайджанском — вторичная по отношению к туркменской, где рефлексы кратких вообще не различаются. Для кратких, таким образом, выделяется два основных ряда соответствий (О.А. Мудрак не рассматривает халаджские).

*e : огуз. *e, якут. e, чув. a; халадж. ä.

*e : огуз. *e, якут. i, чув. i (перед носовыми и r после s > ə); халадж. ä (возможно, i перед шипящими).

Примечание. Безусловно, в халаджском, вопреки Дёрферу, отсутствует фонематическое противопоставление e и ä, это варианты (кажется, свободные, а возможно, диалектные — ср. о диалектных различиях в халаджском Doef. GCh. 3–4). Старое противопоставление открытого и закрытого e при этом отчасти отражается — см. соответствия.

Что касается долгих, то по реконструкции СИГТЯ 2006 праогузское (опирающееся на туркменское и азербайджанское) противопоставление \bar{e} — \bar{e} вторично. Противопоставление долгих узкого и широкого e реконструируется только на соответствиях як. \bar{l} , чув. i (узкий) — як. ie, чув. a (широкий). В огузском в соответствии с як. ie, чув. a выступают рефлексы \bar{e} перед согласными шипящими, n, z, рефлексы \bar{e} перед губными, дентальными, велярными шумными, v, ŋ, r. В соответствии с як. \bar{l} , чув. i выступают рефлексы \bar{e} — перед шипящими, z, d (< t), r, l, рефлексы \bar{e} — перед велярными и m. «Пратюркское противопоставление *e ~ *e в чистом виде сохранялось только перед несмягченными огузскими *d, *r и *ŋ [*e > i]» (СИГТЯ 2006, 201). Кроме того, в пратюркскую реконструкцию введена фонема e огубленное (в EDAL не отражена; ср. ниже), которая дает сложную рефлексацию в чув., в частности i перед l, а в огузском ее рефлекс — e открытое независимо от консонантного окружения.

По реконструкции СИГТЯ 2002, рефлексы долгих * \bar{e} и * \bar{e} в аз. и туркм. различают огузскую открытость/закрытость: это аз. ä (> e в тех же позициях, что рефлекс краткого), туркм. $\bar{ä}$ vs. аз. e (независимо от позиции), туркм. \bar{l} . Сопоставление огузского материала с якут. и чуваш. дает следующие ряды соответствий.

* \bar{e} : огуз. * \bar{e} , якут. ie, чув. a, халадж. ä

* \bar{e} : огуз. * \bar{e} , якут. ie, чув. a, халадж. \bar{l} (при начальном h- ä краткое)

Повторю, что СИГТЯ 2006 полагает, что два этих ряда соответствий представляют оба рефлекс широкого долгого e (в соответствии с якут. и

³² Относительно позиции перед v ситуация неясна, по-видимому, азербайджанская норма отражает диалектные колебания. Ср. в словаре Азизбекова (АПС 1965): ev ‘дом’, девир- ‘опрокидывать’, чевир- ‘переворачивать’, дэвə ‘верблюд’, кэвə-лə- ‘жевать’, кэвəзə ‘болтун’, кэвəр ‘лук-порей’, но сев- ‘любить’ и сəв- ‘ласкать’; в русско-азербайджанском словаре 1928 г. есть çevir- ‘поворачивать’ и çəvir- ‘переворачивать’, çəvik ‘поворотливый’. Ср. в диалекте Эрзерума — колебания ev/əv ‘дом’.

чув.), а в огузском они распределены по конечному согласному корня. Но распределения здесь не наблюдается, по крайней мере, финали корня **-t*, **-r* встречены в обоих рядах, ср.: а) ПТ **ē*: ПТ **(h)ēr* ‘муж’, эрз. *ār*, аз. *ār*, туркм. *ār*, якут. *er*, чув. *ar*, халадж. *hār*; ПТ **bēri* ‘вслед’, эрз. *bāri*, аз. *bāri*, туркм. *bāri*, халадж. *bārā*; ПТ **ēiūk* ‘сапог’, туркм. *ādik*, як. *eterbes*, чув. *aDā*; ПТ **gēl-* ‘зазубривать’, туркм. *gāt-*, чув. *kat-* ‘откальвать’, халадж. *kāiūk* ‘зазубрина’; = ‘лопата’, аз. *kātmān*, туркм. *gātmen*, чув. *katmak*; б) ПТ **ē*: ПТ **bēl-* ‘дать’, эрз. *ver-*, аз. *ver-*, туркм. *ber-*, якут. *bier-*, чув. *par-*, хал. *vīr-*; ПТ **dēr-* ‘собирать’, аз. *dār-/der-*, туркм. *tīr-*, якут. *terij-*; ПТ **ēt-* ‘делать’, эрз. *et-*, аз. *et-*, туркм. *et-*, pass. *edil-* (озвончение указывает на старую долготу), чув. *at-*.

Кроме того, в СИГТЯ 2002 для небольшого количества примеров, дающих для общеогузского и узкие, и широкие, и краткие рефлексы, а для якутского и чувашского — колебания узких и широких, иногда в чувашском сочетании с *j-*, вводится особая рефлексация дифтонгоидных (тауто-силлабических) сочетаний *e*-образного гласного с *j*-образным элементом срединного кластера. В этом случае рассмотренные фонемы модифицируются следующим образом: в огузских языках *j*-образный элемент бесследно исчезает (может быть, в некоторых случаях отражаясь в геминации срединного согласного); в якутском на него реагирует закрытый, а именно, **ēi > ī*, **ej > i*, в прочих случаях можно считать, что он бесследно исчезает. В чувашском после согласного любой дифтонгоид (**ej*, **ēj*, **ej*, **ēj*) > **ej > ji > i*; в неприкрытом слоге (в позиции не перед *r*) дифтонгоид, по-видимому, превращался в восходящий дифтонг (ср. сходное поведение у других гласных — Мудрак 1994; СИГТЯ 2006, 173 и далее), судя по имеющимся примерам переходов, краткий дифтонг развивался как **ej*, **ej* > **ej > *ji > ja*, а долгий дифтонг **ēj*, **ēj* > **jē > ja*. Дифтонгоидный элемент также, по-видимому, вызывал палатализацию начального *č*³³. Таким образом, мы имеем следующие ряды соответствий:

**ej*: огуз. **e*, якут. *e*, чув. *-i-/jə-*, *i-*; халадж. *ä*

1. дубить: аз. *ej-*, туркм. *ej-*, якут. *etirik* ‘скобель для обработки кожи’, чув. *ir-śə* ‘скорняк’, ПТ **ejd-*; 2. следовать: туркм. *ejer-*, чув. *jer-* (< **ajer-* < **ajer-*), ПТ **ejder-*; 3. (?) кислый: аз. *ākši*, туркм. *jüzüni egšit-* ‘принимать кислый вид’, чув. *jəksü* ‘горький, отвратительный’ (особое развитие сочетания — см. Мудрак 1988), ПТ **ejk-ılčü*; 4. плохой: тур. *eksik*, аз. *äskik*, туркм. *egsik*, чув. *jəksək*, *iksə-l*, ПТ **ejk-sü*; 5. затылок: туркм. *jeñse*, чув. *jəñse*, *əñse*, *inse*, ПТ **ejñse*; 6. нега, шутка: аз. *är-köjün*, якут. *erke*, чув. *jərkən* ‘проныра’, ПТ **ejr-ke*; 7. семья: эрз. *yeđdi*, аз. *jeddi*, туркм. *jedi*, якут. *sette*, чув. *šiččə*, халадж. *yēti/yätti*, ПТ **jejtj*; 8. приходиться: аз. *gäl-*, туркм.

³³ Подтверждением гипотезы о развитии через этап восходящего дифтонга в чувашском могут служить формы волжско-булгарских эпитафий: *bielim* ‘пятый’ и *žieti* ‘семь’ (BY’LM, CY’TY, аналогично старому дифтонгу в XY’N ‘кровь’); ср. *yel* ‘община’ (Y’L), см. Erdal 1993, 152–153.

gel-, якут. *kel-*, чув. *kil-*, халадж. *käl-*, ПТ **gejl-*; 9. нужно: аз. *gäräk*, туркм. *gerek*, якут. *kerex*, чув. *kir-le*, халадж. *käräk*, ПТ **gejr-*; 10. мозг: эрз. *bejin*, аз. *bejin*, туркм. *bejni*, *mejni*, якут. *mejī*, чув. *mime*, ПТ **mejji*; 11. ступка: тур. диал. *keli*, сиб.-татар. *kejle* (КСТТ 133), як. *kelī*, чув. *kilä*, ПТ **kejlig*.

**ēj*: огуз. **ē*, якут. *ie*, чув. *-i-*, халадж. *ī*^е

1. межа: туркм. *čāk*, чув. *čiGä*, ПТ **čējk(i)*; 2. есть: эрз. *ye-*, аз. *je-*, туркм. *ij-/je-* (первый вид основы морфонологически из *je-j- c j*, характерным для открытых глагольных основ в туркм., ср. *saj-* считать и под.), якут. *sie-*, чув. *ši-*, халадж. *yī-*, ПТ **jēj-*; 3. судно: аз. *gämi*, туркм. *gämi*, чув. *kime*, ПТ **gējmi*; 4. пять: эрз. *beš*, аз. *beš*, туркм. *bäš*, якут. *bies*, чув. *pillek*, халадж. *bīš*, ПТ **bējl-ek*; 5. (?) железа: аз. *bäz*, *väzi*, туркм. *māz*, *bez*, чув. *pür*, ПТ **bējř* < **bējř*; 6. прыгать: аз. *säk-*, туркм. *säk-dir-*, якут. *ek-kiree*, чув. *sik-*, ПТ **sējjk-*; 7. сумасшедший: эрз. *däli*, аз. *däli*, туркм. *däli*, чув. *tilär-*, ПТ **dējli*.

**ej*: огуз. **e*, якут. *i*, чув. *-i-/jə-*, *i-*; халадж. *ä*

Специфическое отражение можно усматривать в двух словах: 1. два, близнецы: эрз. *eki*, *ekiz*, аз. *iki*, *äkiz*, туркм. *iki*, *ekiz*, як. *ikki* два, чув. *ikkä*, *jəGär*, хал. *äkki*, ПТ **ejki-ř*; 2. висок: туркм. *čekge*, чув. *čigä*, ПТ **čejke*; дифтонгоид восстанавливается по палатализации рефлекса **č* в чувашском.

**ēj*: огуз. **ē*, якут. *ī*, чув. *-i-/ja-*; халадж. *ī*^е (в любой позиции)

1. точить: аз. *äjä* ‘напильник’ (неясно расширение; следствие сокращения?), туркм. *īge id.*, якут. *igī id.*, чув. *jaGa* ‘гладкий’, *jəGew* ‘напильник’ (с сокращением в старом трехсложном слове?), ПТ **ējke(-gü)*; 2. народ: эрз. *el*, аз. *el*, туркм. *il*, якут. *ilge*, чув. *jal*; (и ‘посол’: эрз. *eläci*, аз. *elci*, туркм. *ilci*), ПТ **ējl*; 3. вести: туркм. *elt-*, якут. *ilt-* (с неясными сокращениями), чув. *ješ-* (*a > e* между палатальными), ПТ **ējl-t/č-*; 4. отправиться: туркм. *iber-* ‘отправить’³⁴, якут. *ip-* ‘улизнуть’, чув. *jaBal-* ‘улизнуть’, ПТ **ējpe-*; 5. (?) проходить: тур. *er-*, диал. *er-*, *ir-*, якут. *irdee-*, чув. *irt-*, халадж. *īr-* ‘достигать’, ПТ **ējr-*; 6. уходить: тур. *git-*, эрз. *get-*, аз. *get-*, туркм. *git-*, як. *kit-*, чув. *kajt-*, ПТ **gējt*³⁵; 7. сосуд: туркм. *īdiš*, якут. *isit* (с метатезой), халадж. *hīdiš*, ПТ **ējti-lč-*; 8. воспитывать: туркм. *īdeg* ‘присмотр’, якут. *ūt-* ‘кормить, заботиться’, ПТ **ējt-*; 9. рано: аз. *er*, туркм. *ir*, чув. *ir*, халадж. *hīr*, ПТ **ējr*; 10. голень: туркм. *inžik*, якут. *inñiäx*, ПТ **ējn-čik*; 11. самец: эрз. *erkek*, аз. *erkek*, туркм. *erkek* (с неясным сокращением), якут. *irgäx*, халадж. *hirkäk*, ПТ **ējr-kek*³⁶; 12. фрукт: эрз. *yemiš*, аз. *jemiš*, туркм. *imiš*,

³⁴ Вряд ли из *id ber-*, как у Севортыяна (ЭСТЯ 1974, 322): ср. различие рефлексов начального *j-* в кыпчакском материале; ср. также якут. и чуваш. соответствия. Видимо, **jējp-* > **ējp-*.

³⁵ Нестандартный рефлекс в чув. может быть обусловлен вторичной этимологической связью с *kaj-* ‘идти, уйти’, о возможных этимологиях которого см. Федотов I 211–212.

³⁶ Возможно, таким образом, что это вовсе не производное по **er* ‘мужчина’, а самостоятельная основа.

чув. *šimās*, ПТ **ēj-mi-lč*; 13. пояс: аз. *bel*, туркм. *bīl*, якут. *bīl*, чув. *pilek*, халадж. *bīl*, ПТ **bējl-ek*; 14. люлька: эрз. *bešik*, аз. *bešik*, туркм. *bīšik*, якут. *bihik*, (чув. *pije*- качать), ПТ **bēj-lč-ük*; Возможно, сюда же 15. сучить, вить: аз. *eš-*, туркм. *tš-* (или < **eiš-*? Ср. чув. *jāsme* ‘тесьма — витой шерстяной шнур’, нестандартный рефлекс *š* > *s* в кластере?).

К настоящему времени нам неизвестны источники выявленных различий в праалтайском состоянии; можно только отметить, что, как будто, ими не всегда являются восстанавливаемые для праалтайского восходящие дифтонги. Ср., однако, очевидные случаи соответствия пратюркских сочетаний с *j* праалтайским кластерам с *j* и *ú*: ПТ **mejji* ‘мозг’ — ПА **majji*, ПТ **kejlig* ‘ступка’ — ПА **k'èlñi*, ПТ **bēñr* ‘железа’ — ПА **pūñgre*, ПТ **ējn-čik* ‘голень’ — ПА **p'ējñe*.

Что касается ранних свидетельств по болгарской группе языков, то на венгерских заимствованиях из прабулгарского пока не удастся выявить различий по открытости/закрытости *e*, возможно, в связи со сложностями установления типа *e* в древневенгерском. И славянские, и венгерские заимствования из дунайско-булгарского прекрасно различают рефлексы открытого и закрытого *e*: закрытый *e* отражается как *i* в славянском, *e* в венгерском (что может соответствовать в древневенгерском фонетическому качеству *e* (закрытого) краткого или *i* краткого), открытый *e* — как *a* в венгерском (примеров с долгой нет), *o* (при краткости) и *a* (при долготе) в славянском. Примеры см. в след. кн. Арабская графика волжско-булгарских эпитафий не позволяет судить о различии *e* и *e*, но, по-видимому, отличает рефлексы дифтонгоидов (см. выше). Волжско-булгарское заимствование в восточнославянский показывает рефлекс открытого краткого, похожий на дунайский: *ковьрь*: ПТ **Kebiř* ‘ковер’.

4. Реконструкция широких огубленных

В СИГТЯ 2006 восстанавливаются еще две огубленные фонемы для пратюркского: **ē* и **ā*. Выше уже упоминалось о **ē*; мы не вводим эту фонему в результирующую фонологическую систему. В сущности, она постулируется ради следующих моментов:

а) Объяснение туркм. *bāš* ‘пять’, *māz* ‘железа’, *dāli* ‘безумный’, не согласующихся с постулированным там же и чрезвычайно сомнительным вышеописанным распределением долгих узких и широких в огузском. Заметим, что даже такой ход оставляет в этой версии реконструкции необъясненными огуз. **ēt-* ‘делать’ (при чув. *at-* ‘делать’) и огуз. **tēr-* ‘собирать’ (при як. *ter-ij-* ‘собирать’).

б) Объяснение нескольких случаев огубленности узкого рефлекса *e* в чув., как нам кажется, в основном, позиционных. Так, по-видимому, чувашский рефлекс краткого закрытого регулярно дает огубленность при втором немотивированно огубленном гласном в пратюркской основе: чув. *tūpe* ‘холм, верхушка’, як. *tōbö*, ПТ **tepö*; чув. *türt-lax* ‘чересседельник’,

як. *törgü* ‘торока, багажные ремни у седла’, тур. *terki* ‘торока’, аз. *tärk* ‘круп лошади’, туркм. *tirki-š*, ПТ **terkü*; чув. *ürgän-*, сев.-зап. малокарач. *örgän-* ‘лениться’, огуз. **erin-*, туркм. *irin*, диал. *erin* ‘лениться’, ПТ **erük-*; чув. низов. *üzär*, верхов. *üsär*, *äsär*, сев.-зап. малокарач. *ösär* ‘пьяный’, як. *itir-* ‘пьянеть’, огуз. **esrik* ‘пьяный’, МК *esür-*, *esrük*, ПТ **esür-*, **esrük*; после *š* перед *r* и носовыми в позиции огубленности — сокращенный рефлекс: чув. *šәмьл* ‘легкий’, ПТ **jeŋgül*; чув. *šätär-* ‘разрушить’, ПТ **jemür-*; примерно так же объясняется чув. *кътърžьк* ‘хрящ’, ПТ **kemür-ček*. Известен пратюркский второй гласный для чув. *кътмаGa* ‘печка’, алт. *kemege* ‘яма для раскладывания огня’, куманд. *kömögö id.*, ПТ **KEmöke?* (см. СИГТЯ 1997, 359).

Остается три примера с *ə* в чув. в односложных основах в соответствии с ПТ **e*, **e*; из них два — после *š* перед *r* и носовым (и других рефлексов ПТ **e* в такой позиции не наблюдается): чув. *šän-* ‘победить’, ПТ **jeŋ-*; чув. *šar* ‘место’, якут. *sir*, ПТ **jer*. Третий пример — чув. *əm-* ‘сосать’, як. *em-*, т.е. ожидался бы открытый **e* в праформе и *a* в чувашском; еще М. Ряснен в VEWT 41 восстанавливает для чувашского **ö*, указывая на лабиализованные варианты в других языках (ср. также монг. **emkü- ~ *ümkü-*, тунг.-маньч. **um-* ‘пить’); но вообще-то открытый *e* в чув. не подвергается огублению, ни соседним согласным, ни даже вторым гласным? ср. : ПТ **sekü* ‘сиденье’, чув. *sagъ*. Так что это — действительно пока необъяснимый в нашей системе случай. Еще в двух случаях имеем в чув. нестандартное *ü*. Рефлекс дифтонгоида: чув. *pür* ‘гной, болячка’, туркм. *māz* ‘железá, язва’, ПТ **bēñr*, если чувашское слово действительно принадлежит к этой этимологии; не может ли оно быть связано с мариийским *pörem* ‘шрам, рубец (от раны)’, коми *pur-m-* ‘зарастать (о ране)’? Наконец, чув. *üt*, сев.-зап. малокарач. *üt* ‘мясо’, як. *et*, по якутскому — ПТ **et*, здесь огубленность в чувашском совершенно необъяснима. Однако вряд ли следует для объяснения двух или трех основ в одном языке вводить в реконструкцию специальную гласную фонему.

Примечание

В СИГТЯ 2006, 203–204 с помощью **ē* объясняется еще ряд слов, которые мы предпочитаем считать татарскими заимствованиями. Это чув. *puđene*, верхов. (зап.) *pod'ana* ‘перепелка’, турк. *bedene*, уйг. *bödüne*, узб. *bedene*, кбалк. *bedene*, сиб.-татар. *pedene*, татар. литер. *büdene*, позднее заимствование из монг. **bödene id.*; чув. *sürä-l-* ‘остывать; отсыревать’, татар. литер. *sürel-* ‘остывать; отсыревать’, *süren* ‘плохо истопленный, прохладный’, н.-уйг. *sörün* и др. из монг. *seri'un* (HY 5), *seri'ut-* (SH) ‘прохладный, свежий’; чув. *tüpele-* ‘бить, колотить’, татар. *tüpalä-* ‘бить, колотить по голове’, от ПТ **tepö-* (менее вероятным кажется образование от собственного *tüpe* ‘крыша, бугор’); чув. *tün-* ‘опрокидываться’, почему-то сравниваемое не с татар. *tün-* ‘опрокидываться’ < ПТ **dön-*, а с туркм. *tēn-* ‘вернуться (об альчике)’, як. *ten-* ‘отказываться’ (< ‘отвернуться’); чув. *tilxepe* ‘возжи’, татар. диал. *tilbi, tilbigä id.* из монг. *delbeg* ‘возжи’, ср.-монг. мн. ч. *delbeget* (SH) (см. также Róna-Tas 1971–1972, где чув. слово считается заимствованным непосредственно из ср.-монг.). Что касается чув. *täve* ‘верблюд’, фонетическое объяснение воз-

можно, если учесть его раннекыпчакским заимствованием (из формы типа **töve*), что не противоречит культурно-историческим фактам (конечно, приводимое в СИГТЯ 2006 як. *tebien* ‘верблюду’ — заимствование из монг. **teme-γen*, а восходит к ПТ **debe* ‘верблюду’ як. *taba* ‘олень’ с изменением рядности).

Здесь мы не имеем возможности подробно разобрать значительно более сложную конструкцию, построенную для обоснования ПТ **ā* (СИГТЯ 2006, 208–212). Заметим только, что в материал на это соответствие попадают, в сущности, все случаи, во-первых, когда рефлекс *ī* в соответствии с общетюркским **a* появляется в тувинско-тофаларском, во-вторых, когда имеется какая-нибудь нерегулярность в соответствии чув. *ī* — як. *ī*, регулярные примеры которого (а их достаточно много, 22 только по базе Алтайского словаря) относятся к ПТ **a*, **ā*. При этом в случае тувинско-тофаларского *ī* не обнаруживается дополнительного распределения типов якутско-чувашиской рефлексии (як. *a*, *o* перед огубленным гласным второго слога — чув. *o* vs. як. *ī* — чув. *ī*), ср.: а) между двумя шумными перед придыхательным як. *a* — чув. *o*: тув. *čī'p-/šīp-* ‘закрыть’, чув. *šop-*, як. *sap-*, ПТ **jap-*; тув. *čī'pī* ‘низкий’, як. *namisax*, ПТ **ja(n)pi-*; тув. *tī'p-* ‘найти’, чув. *top-*, як. *tap-*, ПТ **tap-*; тув. *tī'rt-* ‘тянуть’, чув. *tort-*, як. *tart-*, ПТ **īart-*; як. *ī* — чув. *ī*: чув. *sībъ* ‘рукоять’, тув. *sī'p*, як. *up*, ПТ **sap* ‘черенок, сустав’; чув. *xīp-* ‘разгораться’, тув. *kī'p/xīp-*, ПТ **karp-*; тув. *čī't-*, як. *sīt-*, ПТ **jat-* ‘лежать’; б) после **k* перед **r* в открытом слоге як. *a* — чув. *o*: тув. *kīrī* ‘предплечье’, чув. *xorъ* ‘локоть (мера длины)’, ПТ **karī*; як. *ī* — чув. *ī*: тув. *kīrī-* ‘стариться’, як. *kīrīj-*, ПТ **karī-*.

Всего на тувинско-тофаларское *ī* в соответствии общетюркскому **a* автор раздела обнаруживает 20 примеров, из них для 12 по якутско-чувашиским данным восстанавливалось бы **a*, для шести — **a*; разброс напоминает общее распределение этих пратюркских фонем (в базе EDAL 178:70), и его хотелось бы объяснить воздействием какого-то дополнительного фонетического фактора на тувинско-тофаларский материал. При отсутствии какой-либо регулярности в соответствиях других языков кажется более целесообразным относить это явление на счет внутренних тувинско-тофаларских процессов и не восстанавливать отдельной пратюркской фонемы.

5. Реконструкция восходящих дифтонгов

Восходящий дифтонг *ia* (долгий и краткий) вводится в пратюркскую реконструкцию вслед за работой Вл.–Поп. 1924 для соответствий общетюрк. *a* (соответственно *ā*) — чув. *jo-* в неприкрытом начале слова, *o* с палатализацией предшествующего гуттурального или дентального согласного после согласного (ПТ **Kiān* ‘кровь’, туркм. *Gān*, хал. *qān*, сал. *Ga(:)n*, як. *xān*, чув. *jon*; ПТ **Kiār* ‘снег’, туркм. *Gār*, як. *xār*, чув. *jor*; ПТ **Kiār-* ‘смешивать’, туркм. *Gār-*, чув. *jor-, jur-*; ПТ **Kiārī* ‘брюшной жир’, як. *qaha*, чув. *jor-var* ‘скромная пища’; ПТ **diāl* ‘камень’, туркм. *dāš*,

хал. *tāš*, як. *tās*, чув. *čol*; ПТ **čīāk* ‘время, пора’, туркм. *čāG*, як. *sax*, чув. *čox*; ПТ **siāk-* ‘думать’, туркм. *sāGin-*, як. *āx-*, чув. *šorъš*; ПТ **siārīg* ‘желтый, белый’, туркм. *sārī*, хал. *sāruγ* ‘оранжевый’, як. *arayas*; *arī* ‘масло’, чув. *šorъ*; ПТ **iak-* ‘течь’, туркм. *aq-*, чув. *jox-*). В отличие от классиков, монгольское соответствие ему устанавливается не так прямолинейно, см. выше в таблице 5. Конечно, неверна трактовка восходящего дифтонга как собственно чувашской инновации — развития праторюрского долгого *a* (ср. у К. Шёнига, *The Mongolic languages* 409). Ср. случаи, когда вполне надежному праторюрскому **ā* соответствует чув. *u* (*o*) без всякой палатализации: ПТ **Kār* ‘гусь’, туркм. *Gāz*, як. *xās*, чув. *xor*; ПТ **Kāruk* ‘кора’, туркм. *GābīG*, чув. *xobъ*; ПТ **dāla-* ‘кусать’, туркм. *dāla-*, чув. *tola-*, гесірг. *tola-š-*; ПТ **sāl* ‘плот’, туркм. *sāl*, як. *āl*, чув. *solъ*; ПТ **ār-* ‘сбиваться с пути’, туркм. *āz-*, хал. *hāz-*, як. *ās-*, чув. *or-*; ПТ **āt-* ‘шагать’, туркм. диал. *āt-*, *ādīm*, як. *atīllā-*, чув. *odъm*, *ot-*. С другой стороны, имеются случаи, когда при наличии дифтонга или палатализации в чувашском туркменский и якутский показывают краткость гласного (как выше ‘брюшной жир’ и ‘течь’), и должен восстанавливаться краткий дифтонг.

Венгерские заимствования из прабулгарского, как уже упоминалось в разделе о палатализациях, хорошо отражают палатализацию *s-* перед дифтонгом (венг. *sár* ‘грязь’, ПТ **siār* ‘болото, грязь, камыш’, чув. *šor(ъ)*, туркм. *sāz*) и, возможно, отражают упреждение рефлекса дифтонга после губного согласного (венг. *béka*, ПТ **b(i)āka* ‘лягушка’, туркм. *Gur-bāya* < ПА **mīāk'o* EDAL). Ср. сходный эффект в чувашском: «Праторюрский дифтонг **ja* дает в чувашском после согласного *-o-* с исторической палатализацией дентальных [**Tīa-* > *Ŧo-*] и переходом увулярных в *j-* [**q(‘)īa-* > *jo-*], после губных дифтонг дает *-ü-* (в сев.-зап. *-ö-*), т.е. переднерядный вариант [**Pīa-* > **P’o-* > *Pü-* (*Pö-*)]» (СИГТЯ 2006, 214, пример — чув. *pürne*, сев.-зап. *pörne* ‘палец’, ПТ **bjarnaq*). Палатализация *s-* перед дифтонгом отражена и в славянских заимствованиях из дунайско-булгарского: рус. диал. южн. *шарán* ‘молодой сазан, карп’, укр. *шарán* id., болг. *шeрán*, *шарán*, сербохорв. *шàран*, др.-чеш. *šaran*, польск. *szaran* (ПТ **siār-an*, VEWT 406; СИГТЯ 2000 179; ЭСТЯ 2003, 147–148). Волжско-булгарский отражает дифтонг графически: ‘кровь’ XY’N, см. выше.

В СИГТЯ 2006 введено еще несколько восходящих дифтонгов, реконструкция которых основана в первую очередь на чувашском материале. Из них в представленной здесь версии реконструкции нами определенно элиминируются дифтонги **jī*, **ju* и **je*.

Что касается **jī*, то большая часть объясняемых через него этимологий была рассмотрена выше, при описании срединных кластеров с **j*. Таким образом, для объяснения рефлексов нам кажется здесь предпочтительнее не вводить новую фонему в реконструкцию вокализма, а рассматривать особые рефлексы таутосиллабического сочетания **ij*. Это следующие случаи: 1) чув. *jīγr-* ‘звать, кричать’, МК *qīqīr-*, тоф. *qīhīr-*, як. *kīgīr-*, хак. *xīγr-*, стог. *qīχīr-*, алт. *kījīr-*, кыпч. **qījγr-*, ПТ **kījkīr-*; 2) чув. *jənə* ‘ножны’, як. *kīn*,

тув. *xin*, туркм. *qin*, ПТ **kijn*. В СИГТЯ 2006 отмечены особые случаи развития **i* перед *j* в чувашском, но все они — гетеросиллабические: чув. *хъj*- ‘сметь’, ПТ **kini*- id.; чув. *хъjax* ‘осока’, ПТ **kijyak* id.; чув. *хъj* ‘лучина; клин’, ПТ **kij*- ‘резать на узкие полоски’, **kijik* ‘клин’; чув. *тъяn* ‘лебеда’, ПТ **biinan* id.; чув. *šъjыр-* ‘царапать’, ПТ **siđin*- id. В то же время там же на с. 193 даются примеры метатезы *j* и развития начального дифтонга в чув. в начальных сочетаниях пратюркского **i* с **j*: чув. *jäge* ‘веретено’, ПТ **ijk-ek* id.; чув. *jänə* ‘берлога’, ПТ **ijnə* ‘нора, берлога, пещера’, МК *jin*; чув. *jar* (*jerr-i* < *jəra*) ‘след’, ПТ **ijrə* id., огуз. *(*j*)iz, туркм. *iz*, гаг. *jiz*, караим. *jiz*, кумык. *hiz*, *hiž* — развитие, аналогичное предполагаемому нами.

Еще один случай, чув. *jarəx* ‘идол, истукан, символ злого духа; негодяй, подлец’, як. *itik* ‘святой, священный’, тув. *idik*, хак. *izix*, алт. *ijik*, кирг. *ijik*, кбалк. *ijiq*, МК *iđuq*, орхон. рун. *iđuq^w*, по-видимому, вполне объясним из праформы ПТ **iđuk*. Дифтонгоидное развитие **i* постулируется для начала слова: «В начальной позиции **ii* - дает *jь-*» (СИГТЯ 2006, 188), примеры: чув. *jьуь*, *jьx* ‘проказа, золотуха’, ПТ **ik* ~ **ik* ‘болезнь’, чув. *jьль*, *jьl-mak* ‘петля’, ПТ **il-* ~ **il-* ‘цеплять’; чув. *jьran* ‘межа’, ПТ **iran* id., кыпч. **izan*; чув. *jьs* ‘дым, чад, угар’, ПТ **is* ‘копоть, чад’, огуз. **is*, тур. *is*, турк. *is*, як. *is*, кыпч. **is* etc. Для *jarəx* предлагается восстанавливать восходящий дифтонг, чтобы объяснить отличающую его от приведенных случаев вторичную переднерядность (не ⁺*jьрəx*). Но колебания по ряду показывают и другие чувашские (и не только чувашские!) слова с ПТ **i*, ср., с одной стороны, чув. *šьnla-* ‘слушать’ (объяснение «вторичный переход в задний ряд под влиянием татаризма *тьnla-*» не кажется достаточно убедительным), ПТ **iňla-* id.; с другой чув. *šəvə* ‘жидкий’, ПТ **šiviq* id. Почему бы не объяснить вторичный передний ряд в *jarəx* вторичным влиянием чув. *jarəp-* ‘испытывать отвращение, брезговать’, *jarəncək* ‘гадость, мерзавец’?

Дифтонг **iü* постулируется для одного случая: чув. *šiv* (сев.-зап. малокарач. *šü*) ‘вода’, который можно реконструировать как ПТ **šib*, **i* достаточно для объяснения чувашской палатализации (возможно, и для уникального способа записи в рунических памятниках Тоньюкуку и Моюнчуру *šub* ‘вода’ с выписанным мягким *š*). «Удлиненный» рефлекс **i* в чув. (не *ь*, закономерное после чув. *š*) может объясняться уникальной позицией в закрытом конечном слоге перед *v*, ср. наличие «удлиненных» рефлексов **i* (СИГТЯ 2006, 193).

Дифтонг **je* реконструируется для анлаута³⁷, и объясняемый через него материал рассмотрен нами выше, как рефлексы таутосиллабических сочетаний *e*-образных звуков с последующим *j*, которые, как это свойственно подобным сочетаниям и в других случаях, в чувашском дают мета-

³⁷ Единственный случай, где **je* реконструируется для инлаута — чув. *per-* ‘бросать, кидать, раскидывать’ при кирг. *ber-en* ‘брошенный’, кыпч. **ber-* (но татар. и башк. *ber-*, а не со стандартным рефлексом *-i*), сюг. *p'er-*; чув. форму можно толковать как татарское заимствование, а нарушение вокалического рефлекса в татар. и башк. списывать на нерегулярности, естественные для Verba Schlagens.

тезу в неприкрытом слоге. «В чувашском он дает рефлекс *ja-*, а перед шумными велярными особый “сокращенный” рефлекс *jə-*, фонотактически соответствующий #*ji-* и как бы отражающий развитие праторк. **ɛ* после йота. Это внутренняя чувашская инновация... и постулировать распределенные дифтонги с закрытым гласным на праторкский уровень не имеет смысла» (СИГТЯ 2006, 220). Скорее, разные рефлексы в чув. дают долгие и краткие, ср., с одной стороны, чув. *jat* ‘имя’, *jabal-* ‘отправиться’, *jal* ‘деревня’ и *jaGa* ‘гладкий’ (при *jəgev* ‘оселок’ как рефлекс сокращения в трехсложном слове) — с огузско-якутской *долготой*; с другой стороны, *jəgər* ‘пара, двойной’, *jəksək* ‘дрянь, негодный’, *jəksü* ‘горечь’, *jəñse* ‘затылок’ (кыпч. **eñse*, туркм. *jeñse*), *jərken* ‘проныра’ (**er-* ‘забава, шутка, баловство’, аз. *ärkä*, туркм. *ermek*, як. *erke*) с огузо-якутской *краткостью*; распределение по следующему велярному, как следует из приведенных примеров, на полном материале не работает.

Неясен для нас до конца статус восстанавливаемых в СИГТЯ 2006, 221–223 дифтонгов **jo* и **jö*. На каждый из них имеется по три-четыре надежных примера, которые пока не удастся проинтерпретировать иначе. Поэтому мы оставляем их в реконструированной системе.

6. Реконструкция гласных непервого слога

По-видимому, для общетюркского состояния следует признать отсутствие губного сингармонизма и наличие различия в первых слогах неогубленных и огубленных гласных независимо от характеристики первого слога. Это подтверждается данными словаря Махмуда Кашгарского и — в несколько сбитом виде в силу особенностей орфографической системы — руническим тюркским (см. хотя бы Meyer 1965, 183–202). Кроме того, различие не мотивированной корнем огубленности/неогубленности непервого гласного отражается в различной рефлексации вокально-консонантных комплексов в огузских и кыпчакских языках (например, тур. *-abi-*, *-agu-*, *-abu-* > *-abu-*, *-agi-* > *-agi-*), см. подробно СИГТЯ 2002, 44. Наконец, в основном соответствуют древнетюркскому состоянию данные по общетюркским двусложным основам в новоуйгурском языке и в окающем диалекте якутского языка, где старый немотивированный огубленный вызывает огубление гласного первого слога (в отличие от старого немотивированного неогубленного, вызывающего новоуйгурский умлаут), ср. несколько примеров: н.-уйг. *хотун*, як. *хотун* ‘женщина’, орхон., др.-уйг. *qatun* (**katun*), при як. *балык*, н.-уйг. *белик*, МК *balıq*, **balık* ‘рыба’; осм. *jarum*, як. *ярым*, н.-уйг. *ерим*, МК *jarım*, **jarım* ‘половина’; н.-уйг. *qelin*, рун. *qalın*, МК *qalın*, **kalın* ‘толстый’. На основании таких данных восстанавливается различие немотивированных *I* и *U* непервого слога.

Что касается реконструкции огубленного широкого, то мы склонны согласиться с гипотезой Дж. Клосона (EDT), который восстанавливает

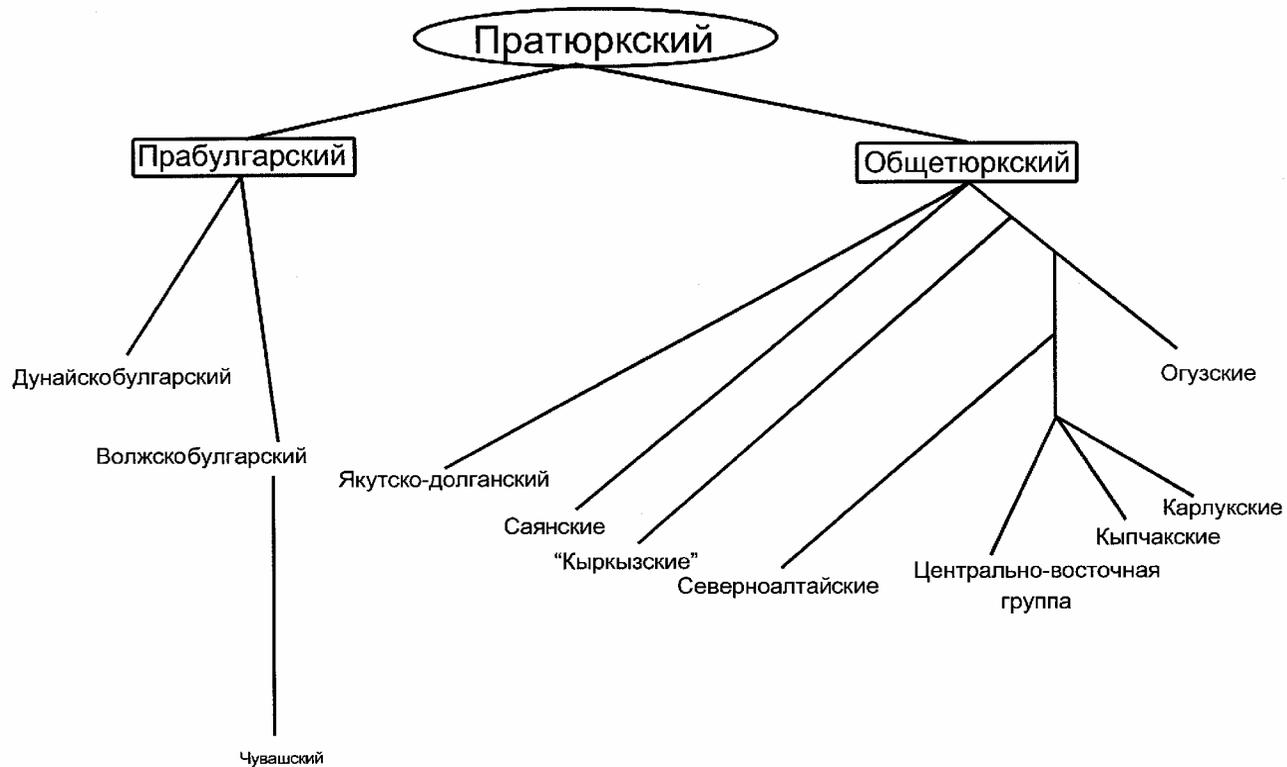
**o/ö* непервого слога в случае колебаний в рефлексах огубленности/неогубленности первого слога и широты/узости непервого, независимо от способа фиксации непервого слога в памятниках (ср. реконструкции **sigöl* ‘бородавка’, *sünjök* ‘кость’ в EDT при староосм. *sigil, sünjök*). По-видимому, по крайней мере в общеогузском его рефлексмы распределились: узкий в закрытом слоге, широкий в открытом, ср.: **sigöl* ‘бородавка’: *sügül* (др.-уйг.), *sigil* (МК), тур. *sigil*, аз. *zijil*, турк. *siñil*; **sünjök* ‘кость’: *sünjök* (орхон.), *sünjök* (др.-уйг.), *sünjök* (МК; QB), тур. *sünjök*, аз. *sümük*, турк. *sünk, süjek*; **sinčök* ‘лодыжка, голень’: тур. *sinžik* (диал.); но **tepö* ‘холм, вершина’: *töpü* (др.-уйг.), *tepe* (Tefs.), *töpü* (QB), тур. *tepe*, диал. *depe*, аз. *täpä*, турк. *depe*; **tikö* ‘часть, кусок’: *tikü* (МК), тур. *tike*, аз. *tikä*, турк. *tike* (см.: СИГТЯ 2002, 45).

Примечание

Исследователи, следующие за реконструкцией Г. Дёрфера (как в упомянутой работе Мейера), полагают, что «устойчивый», т.е. не объясняемый наведением губной гармонии с предыдущего слога, узкий губной гласный непервого слога может восходить к ПТ **o/ö* непервого слога и соответствует широкому гласному в якутском (рун. *U* = як. *A*, ср. афф. *-duq* — як. *-tax*; ср., однако, наоборот, очевидно неогубленный показатель принадлежности 3-го л. общетюрк. *-i* = як. *-a*); дополнительным аргументом служит то, что графическому *vav*’у в непервых слогах в староосманских текстах, часто при отсутствии губной гармонии, соответствует *o* в староосманских транскрипционных текстах. Что касается староосманского написания неразложимых двусложных основ, видимо, можно согласиться с Э.А. Груниной, что запись «вава» носит орфографический характер (Грунина 1991, 37), отражая «морфологически нормативный» вид морфемы. Во всяком случае, было бы неосторожно связывать его напрямую с губным узким или широким непервым гласным, получаемым из общетюркской реконструкции, об отсутствии такой связи свидетельствует материал синхронно неразложимых основ, ср. осм. *qadun*, н.-уйг. *хотун*, но осм. *baluq*, транскр. *balok*, н.-уйг. *белук*; осм. *jarum*, н.-уйг. *ерим*; осм. *qalun*, транскр. *kalon*, н.-уйг. *qelin*. Таким образом, следует отметить для ст.-осм. тенденцию произношения непервого узкого гласного заднего ряда с новой огубленностью. Позиции такого перехода неясны, но сам он вполне реален — ср. *baluq* в современных турецких северо-восточных анатолийских диалектах. Поэтому мы не используем при реконструкции второго огубленного староосманские данные; кроме того, очевидно, что во втором слоге приходится восстанавливать минимум два огубленных гласных, один не дает варьирования по широте/узости, другой дает. В перфектном аффиксе, таким образом, мы, так же как и школа Дёрфера, будем восстанавливать *O*.

Рассмотренная фонетическая реконструкция соответствует следующему генеалогическому древу тюркских языков:

Генеалогическое древо тюркских языков

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ПРАТЮРКСКОЙ ЭПОХИ

Пратюркский язык — это языковое состояние, существовавшее до отделения болгарской группы. Это отделение с точки зрения процессов изменения языка выражено в фонетике следующими наиболее яркими изоглоссами: 1) развитие пратюрк. **λ*, **l̥*, **ʃ* в прабулг. **l*, **l̥*, **r*, дунайско-и волжскобулг. *l*, *l̥/č*,³⁸ **r* в соответствии с общетюрк. **š*, **š*, **z*; 2) переход **s* > *š* в прабулгарском в позиции перед ПТ **i*, **i*, **ia*; 3) озвончение пратюрк. **t*- > общетюрк. **d*- перед звонкими смычными, **λ*, **r* и **ʃ* (следы такого озвончения обнаруживаются в огузских и саянских языках, но отсутствуют в прабулгарских заимствованиях в венгерский); 4) развитие в булг. **-δ*- > *j* в основах, содержащих *r*, и **-δ*- > *-r*- в других контекстах (хронологически это правило, видимо, можно считать действовавшим, по крайней мере, после 1-го и 3-го, поскольку оно могло действовать после совпадения в булг. **r* и **ʃ*, ср. чув. *xuj̄r* ‘кора’ < пратюрк. **Kad̄iʃ*, общетюрк. *kad̄iz*); 5) падение глайдовой инициали восходящих дифтонгов в общетюркском при сохранении их в прабулгарском. Специфические развития в болгарской ветви, по-видимому, относятся к значительно более позднему времени (см. след. кн. о заимствованиях из прабулгарского и отдельных болгарских ветвей). Первичная долгота гласных еще долго сохранялась не только в общетюркской, но и в болгарской ветви — вплоть до языка волжско-болгарских эпитафий. Для прабулгарского релевантно и пратюркское немотивированное противопоставление гласного непервого слога по огубленности–неогубленности. Соответственно, в пратюркском мы ожидаем состояние, предшествующее перечисленным процессам.

В морфологии это следующие (не упорядоченные относительно друг друга) процессы: а) общетюркский и болгарский воспользовались двумя различными путями грамматикализации показателей множественного числа: болгарский использовал старое постпозитивное местоимение **saj̄n* ‘все’, общетюркский — один из старых суффиксов собирательных имен, **-lar* (отметим, что в обеих ветвях можно обнаружить следы старого показателя (парной?) множественности **-ʃ*); б) в парадигме именного склонения

³⁸ В болгаризмах в венгерском сочетание отражается как *lcs: gyümölcs* ‘плод’ при чув. *simás*, т.е. в чувашском рефлекс сочетания совпадает с рефлексом **č*; ср. общетюрк. *jemiš*. См. след. кн. о болгаризмах венгерского языка; также в волжских эпитафиях (Erdal 1993, 13): *ba(l)či, köe(l)č*.

ния общетюркский заменил старый аффикс генитива $-(i)ŋ$ (с распределением после гласного и согласного конца основы) на аффикс $-(n)ij$, извлеченный из переинтерпретированных местоименных форм; болгарский, напротив, сначала сохранял $-(i)ŋ$, а позже развил $-(n)ij$ для посессивно-именной парадигмы и существительных, основа которых содержит те же гласные, что и личные местоимения; с) общетюркский потерял причастие ожидаемого будущего на $-s$, сохранив это образование только для отрицательных форм неопределенного будущего; болгарский, напротив, сохранил это причастие. На глоттохронологическом дереве (см. СИГТЯ 2006; СИГТЯ 2002) соответствующий узел датируется около -100 — 0 г. до н.э. Мы связывали бы эту дату с миграцией части сюнну из Западной Монголии на запад, через северный Синьцзян в южный Казахстан, на Сыр-Дарью в 56 г. до н.э.

В связи с такой датировкой распада пратюркского языка встает проблема датировки иноязычных заимствований в пратюркский (т.е. таких, закономерные рефлексy которых мы находим и в болгарской группе, и в общетюркском) и из пратюркского (т.е., отражающих перечисленные выше фонетические особенности).

КИТАЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПРАТЮРКСКОМ

Обзор предполагаемых ранних китаизмов в тюркских языках можно найти в Шервашидзе 1989. Здесь мы рассматриваем только наиболее несомненные из них, причем заимствованные в пратюркский (т.е. наличествующие и в общетюркской, и в болгарской ветвях). Китайские параллели приводятся по базе китайских иероглифов, составленной С.А. Старостиным (проект “Tower of Babel”, www.starling.rinet.ru).

Для датировки китаизмов в пратюркском мы воспользовались уточненной периодизацией китайского языка в Старостин 1989. По нашим датировкам распада пратюркского следовало бы ожидать заимствований из языка Западной Хань (III в. до н.э. — рубеж эры) или Восточной Хань (рубеж эры — начало III в. н.э.). Учитываются следующие фонетические развития. Восточная Хань уже дает возможность предполагать переход латералов во фрикативные перед краткими гласными (Старостин 1989, 468–469) и даже $l > d$ в инициали (Старостин 1989, 469). Окончательно переход $L > D$ установлен для раннего постклассического древнекитайского (с III в. н.э.), и тогда же окончательно $r, rh > l, lh$ (Старостин 1989, 476). Переход $pr- > p-$ также окончательно проходит в раннем постклассическом древнекитайском. Сочетания типа $Tr-$ дали ретрофлексные еще в Западной Хань. Терминаль $-r$ уже в классическом древнекитайском дала $-n$ (Старостин 1989, 711). $Lh > žh$ перед кратким в Восточной Хань (Старостин 1989, 468), $T > č$ перед кратким в Восточной Хань.

1. **(a)lačü-k* ‘хижина, шалаш, маленькая юрта’: др.-уйг. *alaču*; крх.-уйг. *alaču* (МК); кум. *alačiq*, башк. *alasəq*, ккалп. *ılašiq*, казах. *lašiq*; кирг. *alačiq*, алт. *alančiq*, хак. *alačix*, шор. *alančiq*; тув., тоф. *alažǰ*; як. *alaha*; (?) чув. *laš*³⁹. Варьирование начального гласного указывает скорее на эпентезу перед начальным сонантом. См. TMН II 97–102; EDT 129–130; СИГТЯ 2000, 497–498; СИГТЯ 2006, 469–472. Сопоставляют с поздне-др.-кит. *la-λia*? ‘деревенский домик’, состоящим из двух слов: 1) 廬, совр. кит. *lū* 2, ср.-кит. *lō*, др.-кит., ЗХ, ВХ *r(h)a*, РПДК *l(h)o* ‘hut, shelter; to lodge’ (Karlgren 0069); 2) 舍, совр. кит. *she* 3, ср.-кит. *śá*, др.-кит. **λia?*, ЗХ *liá*, ВХ *śá*, РПДК *śá* ‘to put away, let off, leave; bestow, grant’ (Karlgren 0048 a–b). Датировка: *r- > l-* в раннем постклассическом древнекитайском, при сохранении негубной финали, т.е. обязательно до позднего постклассического древнекитайского; латерал > фрикативный перед кратким гласным начиная с Восточной Хань; общая дата — начало III в. н.э.

2. (?) **altun*, чув. *ılǰǰn* ‘золото’, в др.-тюрк. с орхон. и енис. См. TMН II 112–114; EDT 131; СИГТЯ 2000, 402⁴⁰. Як. *altan* ‘медь’, скорее всего, из монг. с изменением значения. Дёрфер реконструирует **alton*, т.е. *o* второго слога, согласно своей системе, по которой немотивированный огубленный гласный второго слога должен восстанавливаться как **o*, а не как **u* (а в этом слове огубленный гласный прописан и в рунике, и у Махмуда Кашгарского); немотивированный огубленный второго слога демонстрируется также новоуйгурскими формами: н.-уйг., лобн. *altun*. В праторьской реконструкции, принятой в СИГТЯ 2006, немотивированный огубленный второго слога в заднем ряду восстанавливается как **u*, чему не противоречит чувашский рефлекс; в первом слоге восстанавливается закрытый *a* по чув. рефлексу *ı*. Возможно, сложение **āl* ‘алый, красный’ (чув. и як. рефлексов нет, качество гласного не вполне ясно) и **tun*, где вторая часть — предположительно китаизм: 銅, совр. кит. *tong* 2, ср.-кит. *duŋ*, др.-кит. *Lōŋ* ‘медь, латунь, бронза’ [Хань], ЗХ, ВХ *lōŋ*, РПДК *dōŋ* (Karlgren 1176 d). Датировка: *L > D* с Восточной Хань, т.е. начиная с рубежа эры.

3. **gümül* ‘серебро’: рунич. *kümüš*, крх.-уйг. *kümüš*, IM *gümüš*. В современных языках это слово сохранилось повсеместно; чув. *kə^wm^wl*; в С.-В. — хак. *kümüs*, тув. *xümüs*; як. *kümüs*. EDT 723–724; VEWТ 308; СИГТЯ 2000, 404–405. Предположительно из др.-кит. **kəmliv*: 1) 金, совр. кит. *jin* 1, ср.-кит. *kim*, др.-кит., ЗХ, ВХ *kəm*, РПДК *kim* ‘metal’ Karlgren 0652 a–c; 2) 鑠, совр. кит. *liao* 2, ср.-кит. *liew*, др.-кит. *r(h)ēw*, ЗХ, ВХ *r(h)iāw*, РПДК *l(h)iēw* ‘bright silver’ [Хань]. Датировка: *r, rh > l, lh* начиная с раннего постклассического древнекитайского, т.е. с начала III в., не позже ср.-кит. По-видимому, непридыхательный китайский начальный согласный отразился как звонкий (слабый) в праторьском.

³⁹ Возможно, в чувашском кыпчакское заимствование — не вполне ясен вокализм.

⁴⁰ В СИГТЯ 2002 приведена и другая, тоже вполне правдоподобная этимология, считающая тюркское слово исконным и связывающая его с монг. **ildün* ~ **üldün* ‘меч’ и эвенк. *elden* ‘железо, металл, жезь’, Палт. **elto* ‘металл (скорее всего медь)’.

4. **Temür* ‘железо’ > огузо-саянское **demür*: рунич. *temür* (*temir*), др.-уйг. *temir*, МК *temür*, тув. *demir*; тоф. *demir*, як. *timir*; чув. *timər*, тур., гаг. *demir*, аз. *dämür*, туркм., хор. *demir*⁴¹. TMN II 666–667; EDT 508; VEWT 473; СИГТЯ 2000, 409–410. Из поздн. др.-кит. **tiēt-mhwīt* (= *mwut*) ‘железная вещь’, диалектный позднедревнекитайский источник должен был звучать *Tiēr-mwur*, ср.: 1) 鐵, совр. кит. *tiē* 3, ср.-кит. *thiet*, др.-кит. *λ(h)īt*, ЗХ *λ(h)jāt*, ВХ *liāt*, РПДК *thiēt* ‘железо’; 2) 物, совр. кит. *wu* 4, ср.-кит. *müt*, др.-кит. *mhət*, ЗХ *mhət*, ВХ *mhwət*, РПДК *mhwīt* ‘variety; variety of objects, objects, things’ (Karlgren 0503 h–i). Датировка: *l* > *d* в инициали начиная с Восточной Хань, т.е. с рубежа эры; отражение терминали *-t* как *-r* — диалектное явление, плохо датированное «снизу», до VII в. н.э.⁴²

5. **bək* ‘титул’ начиная с рунич. орхон. (КТб 3, 6; Тон 40), др.-уйг. (Брк Битиг) *beg*, як. *bī*. Чув *pik*- компонент имен собственных, *pikē* ‘барышня’ (второе, возможно, из татар.). TMN II 389–395; EDT 322–323; СИГТЯ 2000, 320. Возможно, зафиксировано в ср.-перс. памятнике VIII в. «Махр-намаг» в составе имени собственного (или титула?) *xwd’y bg* (о первой части см. ниже); в сирийском *ata-beki* ‘princeps’ (Brockelmann 55; TMN II 8). К постклассическому древнекитайскому *pēk* Старостин 1989, 688: 伯 совр. *bo* 2, ср.-кит. *pāik*, др.-кит., ЗХ, ВХ *prāk*, РПДК *pēk* ‘быть старшим, старейшиной рода’ (Karlgren 0782 i). Датировка: Западная Хань и Восточная Хань сохраняют инициаль *pra-*, таким образом, заимствование должно быть отнесено к постклассическому древнекитайскому, т.е. начиная с III века н.э.

6. **čerig* ‘войско’, первоначально ‘воинский строй, построение’⁴³. С рунич., др.-уйг. *čerig*; дун.-булг. *sarak*, чув. *šarь*, як. *serī*. VEWT 105, TMN III 65–70, EDT 428–429. Связывают с ср.-кит. *čèn*: 戣, совр. кит. *zhan* 4, ср.-кит. *čèn*, др.-кит. *tar-s*, ЗХ *tanh*, ВХ *čanh*, РПДК *čèn* ‘драться, сражаться; дрожать, бояться’ (Karlgren 0147 r); предполагается заимствование корня как глагольного (ср. тел. устар. *čer-* ‘воевать’, чаг. *čer-en-* ‘sich anstrengen’ Р III 1966) и оформление его именованным суффиксом *-ig*. Датировка: по развитию инициали в аффрикату Восточная Хань, т.е. рубеж эры — III в. н.э. Но конечный *r* > *n* в классическом древнекитайском (V в. до н.э. — III в. до н.э.)⁴⁴. Эволюция корня (Старостин 1989): доклассиче-

⁴¹ В огузо-саянском возможно озвончение при наличии в основе *-r-*, *-r̥-*, ср. ‘море’: тур., гаг., аз. *deniz*, туркм. *deniz*. ПТ **deniz*, ма. *teŋgin*, венг. (< булг.) *teŋer*.

⁴² О северном древнекитайском диалекте с переходом финали *-t* > *-r*, послужившем также источником заимствований в древнекорейский, см., в частности, СИГТЯ 2000.

⁴³ См. TMN, где рассмотрен вопрос происхождения древнетюркского построения как «гибридного» между иранским (десятикратным) и китайским (пятикратным).

⁴⁴ Соответственно, в высшей степени сомнительными следует считать все гипотетические ранние китайзмы в пратюркском с заменой *l* на *r*, несмотря на то, что китайские транскрипции позднедревнекитайского периода используют слоги с финалью *n* для передачи иноязычного конечнослогового *r*: при отсутствии символа для нужной фонемы берется единственный возможный сонант, но тюрки-то вполне различали конечнослоговые *r* и *n* и при заимствовании вряд ли могли использовать *r* для передачи *n*.

ский др.-кит. *tarh* > класс. др.-кит. *tanh* > ЗХ *tanh* > ВХ *tjanh*, *čanh*, ПДК *čən*. Неясно.

Может быть, более правдоподобным источником для тюрк. слова следовало бы считать 節, совр. *jié*, др.-кит. *čīt*, класс. кит. *cī*, ЗХ *cjāt*, ВХ *ciāt*, ПДК *ciēt*, ср.-кит. *ciet* ‘колено; сочленение, сустав; членик; подразделение, звено, отряд; параграф; абзац; отрывок’ (Karlgren 0399 e–f). Это слово выступает в композитах со значением военных терминов, ср. БКРС (Тан) 節鎮 ‘посад военного значения’ — для РПДК *ciēt-tin* (鎮 совр. *zhèn*, др.-кит. *trins*, класс. кит. *trinh*, ЗХ *tjanh*, ВХ *tanh*, ПДК, ср.-кит. *tin* ‘давить, подавлять; *сmap.* дивизия; *сmap.* командующий’ Karlgren 0375 f). В этом случае заимствование можно датировать с ЗХ по среднекитайский период (из диалекта с переходом *-t* > *-r*), предполагая на тюркской почве оформление основообразующим афф. *-Ig*; глагольная основа в тюрк. тогда вторична.

Еще одна возможность — заимствование кит. 士, совр. *shì*, др.-кит. *ʒ(h)rəʔ*, класс. кит. *ʒ(h)rǎ*, ЗХ, ВХ *ʒ(h)ǎ*, ПДК *ʒ(h)ǎ*, ср.-кит. *ʒǎ* ‘солдаты’ (Karlgren 0970 a–c; Крюков 0033 ‘мужчина, муж, воин, название низшего ранга знатности в чжоуском Китае’). Но в таком случае по китайской фонетике надо принимать доханьское заимствование (например, из позднего классического языка, до падения *-r* в начальном кластере; это, в общем, возможно, поскольку по китайским историкам, предки сюнну — см. выше — еще в доханьский период нападали на Китай, но достоверных примеров таких заимствований у нас нет).

7. **biti-* ‘писать’ (с рунич., др.-уйг., чагат.; совр. — алт. диал. (туба), сюг., н.-уйг. диал. (Яркенд); салар. *pišti-* с шипящим, выделившимся из придыхательного *-t-*; перестроенные основы в чаг., узб. *bit-* и н.-уйг. *büt-* — возможно, обратное словообразование от след.), **bitig* ‘письмо’ (с рунич., др.-уйг.; чаг. *bitik*, н.-уйг. *bütük*, чув. *pätü*, болгар. > венг. *betü* ‘буква’⁴⁵). См. Федотов I 429; TMN II 262–264; VEWT 77; EDT 299–300; ЭСТЯ 1978, 155–157. Обычно возводят к ср.-кит. *pit* 筆, совр. кит. *bǐ* 3, ср.-кит. *pit*, др.-кит., ЗХ, ВХ *prat*, РПДК *pit* ‘кисть для письма, инструмент для письма’ (поздняя Чжоу) (Karlgren 0502 d)⁴⁶. Датировка: переход *pr-* > *p-* окончательно проходит в раннем постклассическом древнекитайском, т.е. к началу III в., верхняя граница — среднекитайский (отпадение смычных терминалей, до VII в.). Ср. более позднее заимствование из диалекта с *-t* > *-r* в др.-тюрк. *bir*, *biir* ‘кисть’ (и оттуда в п.-монг. *bir* id. — см. след. кн.).

Считается, что окончательный переход *-r* > *-n* закончился в эпоху Хань (Старостин 1989, 401), но в некоторых южных диалектах, возможно, *-r* сохранялся в течение эпохи Хань; однако заимствование в тюркский из южнокитайских диалектов довольно невероятно.

⁴⁵ Мнение А. Рона-Таша о заимствованном характере чув. формы — из кыпчак (Róna-Tas 1992, 12), — кажется недостаточным обоснованным.

⁴⁶ Другая предлагаемая этимология — из сир. *petga* ‘табличка’, из греч. *πιθακισον* — кажется нам маловероятной, поскольку очевидное заимствование из этого источника выглядит несколько иначе: рунич. (с надписи Тоньюкука), уйг. ман. и будд. *betkeči* ‘писец’ (EDT 304).

8. Др.-уйг. *kujn* ‘свиток’ (ТТ VI), дун.-булг. **küinik/g* > др.-болг. *кѹнига*, венг. *könyv*, из др.-чув. **könjv*, морд. *koňov* ‘бумага’; из того же источника зап.-осет. *k’inyg* ‘книга, письмо’. См. VEWT 307; Фасм. 2, 262–263 (иначе Hübschmann Osset. Et. 127; Аб. I 596–597; осет. из раннего русско-го, кот. из армянского; кажется маловероятным). К кит. 卷, совр. *juàn*, ср.-кит. *kwèn*, др.-кит. *k’ren* ?-s ‘reel, coil, volume’; ЗХ *kwrjǎn*, ВХ *kwrán*, РПДК *kwén* (Karlgren 0226 a⁴⁷). Датировка: аналогично предыдущему (по переходу *kr-* > *k-*), ранний постклассический древнекитайский, начало III в.

9. (?) **bengü* ‘вечный’, с рун. *bengü*, МК *mengü*, в совр. языках повсеместно, включая як. и тув., но не чув.; из др.-уйг. заимств. п.-монг. *möngge*. Як. и тув. формы могут быть монголизмами. См.: EDT 350–351; VEWT 334; ЭСТЯ 1978, 113–114. Предположительно из кит.: 1) 萬, совр. кит. *wan* 4, ср.-кит. *mwǎn*, др.-кит. *mans* (~ *rs*), ЗХ *manh*, ВХ *mwanh*, РПДК *mwǎn*, СПДК *mwǎn* ‘be ten-thousand, myriad’ (Karlgren 0267 a–b); 2) 古, совр. кит. *gu* 3, ср.-кит. *kó*, др.-кит. *kā*?, ЗХ, ВХ *kā*, РПДК *kō* ‘быть старым, древним’ (Karlgren 0049 a–e). Датировка: переход *kā*? > *kō* тоже постклассический древнекитайский (Старостин 1989, 687), начало III в.; возможно и более позднее заимствование; если як. и тув. формы — монголизмы, следует признать заимствование из ср.-кит.

10. (?) **čün*, с др.-уйг., МК, в Сибири тув. *šün*, чув. *čün* ‘правда’. VEWT 108; EDT 424; Федотов II 402. Из др.-уйг. заимствовано п.-монг. *čij*. К кит. 眞, совр. *zhēn* ~ *zhēng* 1, ср.-кит. *teŋ*, др.-кит. *treŋ*, ЗХ, ВХ, РПДК *teŋ* ‘to test, try out, correct’ (Karlgren 0834 g–i). Датировка: если предположить, что ретрофлексный зубной в инициали мог адаптироваться при заимствовании как аффриката, то заимствование возможно начиная с Западной Хань, т.е. с III в. до н.э. Сверху время заимствования внутрикитайскими критериями не ограничивается. Чув. форма может быть как собственным рефлексом (*čän* в VEWT; Raasonen 1974, 181 ‘echte (Koralle)’; в словаре Ашмарина вариант отсутствует) с палатализацией перед древним **ǰ* (см. Мудрак 1988), так и заимствованием (совр. лит. *čün*) из кыпчакской формы **čün*. В последнем случае предпочтительно предполагать заимствование в др.-уйг. из ср.-кит.

11. **deng* ‘равный’ с рунич. енис., др.-уйг., МК; в современных языках, в частности, тув. *deng*, тоф. *deng*, чув. *tan*. См. TMN II 574–576; VEWT 473; EDT 511–512; ЭСТЯ 1980, 191–192; Федотов II 170–171. Из др.-уйг. заим. в п.-монг., ср.-монг. *teŋ* (МА 346). К кит. 等, совр. *deng* 3, ср.-кит. *tǎŋ*, др.-кит. *tǎŋ*? ‘rank, degree, grade, class’ (поздняя Чжоу), ЗХ, ВХ, РПДК *tǎŋ* ‘ранг, степень; класс, сорт; порядок; ряд, категория, группа; компания;

⁴⁷ Как пишет Фасмер, «менее вероятно объяснение слова *kniga* из ассир. *kuṣṣuku* ‘печатать’, *kaṣṣuku* ‘ч.-л. запечатанное’, арм. *knik* ‘печатать’ (последнее заимств. из ассир.)..., потому что в таком случае отсутствуют промежуточные географические звенья и имеется расхождение формы и значения». Гипотеза об опосредованном заимствовании др.-кит. формы из аккадского в свете приведенного древнекитайского чтения (наличия кластера *kr-*) должна быть отброшена.

подобный; такие, как; *грамматическое слово, завершающее перечисление*; равный; одинаковый; сравнивать' (Karlgren 0961 i). Исходя из приведенных китайских значений (особенно 'равный' в математическом смысле), безусловнотельны сомнения Клосона в китайском источнике не только для др.-тюрк. *teŋ* 'сорт, категория', но и для 'равный'. Датировка по китайской фонетике не ограничена. Тув. и тоф. формы в принципе могут быть монголизмами (об отражении монг. начального *t*- как *d*- см. Рассадин МБЗ 62–63), но чув., скорее, правильный рефлекс пратюркской формы. Дёрфер полагает, что огузские формы на *d*- — обратные заимствования из персидского (эту трактовку принимает и Клосон); однако его уверенность основана в первую очередь на убеждении во вторичности начальных звонких дентальных в огузских языках. В действительности ситуация такова. В перс. (в том числе по примерам Дёрфера) отмечено *tāng* 'вьюк, мешок (сахара)⁴⁸ и *dāng* 'полгуза (лошади)' (Fazl-i-Ali), 'равновесие, уравнивание' (редко) Руб., а также *dāngadāng* 'равный' (букв. 'данг против данга'). В огузских языках имеем ст.-осм. *dāng* 'правильный вес' (Р III 1660), *deng* 'половина', *teng* 'один из пары' (XV в., TS II 1062), тур. *denk* 'равный, подобный, пара; равновесие; противовес; тюк'; гаг. *денк* 'равный, равноценный', туркм. *deŋ* 'равный, одинаковый; поровну', *deŋ agramlı* 'одинаковый по весу', хорезм.-узб. *dəŋ* 'равный' (Абд. I 36)⁴⁹. Значение 'противовес, половина вьюка' — это деривация от значения 'равный вес, противовес на весах' (< 'равный'), зафиксированного уже в др.-уйг. (ТТ VIII; U II; из др.-уйг. заимствовано п.-монг., ср.-монг. *teŋ* 'равный, прямой, весы, противовес, вьюк' МА 346; Kow. 1691). Огузские формы демонстрируют все промежуточные узлы семантической деривации, а персидские — фактически только ее конечный пункт (выражение *dāngadāng* 'равный' явно вторично по отношению к значению 'противовес'). Поэтому кажется более обоснованным предположение о том, что огуз. формы — рефлексы общетюркского состояния, начальная звонкость отражает непридыхательность первого согласного в древнекитайском, а новоперсидский заимствовал в отдельных значениях формы с начальным звонким из огузских языков и с начальным глухим из кыпчакских или карлукских. Если даже новоперсидский и заимствовал слово в значении

⁴⁸ Перс. *tāng* 'подруга', заимствованное в некоторые иранские и тюркские языки, вопреки Дёрферу, не имеет сюда отношения, это производное от глагольного корня **tan-* 'тянуть, завязывать, плести' или **tang-/bang-* 'тянуть, взвешивать', см. Ногн 89.

⁴⁹ Аз. *tän* 'ровный, одинаковый', по справедливому предположению Дёрфера, заимствовано из чагат. Аз. диал. (дманисское) *taŋ* 'равно', приведенное в ЭСТЯ под интересующим нас словом — скорее всего, кыпчакизм, заимств. из кум. *taŋ* 'удобный, подходящий', связанного с кыпч. *taŋla-* 'выбирать', см. EDT 521. Ст.-осм. *dek* 'полвьюка' (XIII в., XIV в.), *tek* 'один из пары' (XIV в.), тур. *tek* 'один из пары', диал. *dek* 'равный; полвьюка' DS IV 1406 и пр. также не имеют сюда отношения, вопреки Дёрферу, который предполагает «фонетическое диалектное» развитие *teng* > *teg*, далее карлукское *teg* > *tek* и заимствование карлукской формы во все тюркские языки: кроме чрезвычайной громоздкости этой конструкции, не бывает развития ПТ *-ng > карлук. -k.

‘равновесие, противовес’ из позднего древнеуйгурского (откуда тогда в персидском начальная звонкость?), восточногузские формы (туркм., хорезм.) с начальным звонким и со значением ‘равный’ не могут быть персизмами и должны возводиться к пратюркскому состоянию. Возможно, из н.-перс. — н.-уйг. форма *dey* ‘равновесие’ (Meng, 1955).

12. **dōn* ‘одежда’, с др.-уйг., чув. *tum*, тоф. *don*, тув. *ton*, тур. *don*, гаг. *don*, аз. *dōn*, туркм. *dōn*, хор. *don*. Предполагалось заимствование или из сак. *thauna* ‘одежда’, или из позднедр.-кит. *tōn*. См. TMN II 645–647; EDT 512–513; ЭСТЯ 1980, 262–263. К кит. совр. *duan* 1, ср.-кит. *twân*, др.-кит. *tōr*, ЗХ, ВХ, РПДК *tōn* ‘black straight robe’. Датировка: форма типа др.-кит. *tōn*, т.е. с переходом терминали *-r* > *-n*, но до дифтонгизации медиали — позже раннедревнекитайского (XI в. до н.э.) и ранее среднекитайского (VII в.).

13. **kōg* ‘мотив’, с др.-уйг.; тув., тоф. *xōg*, як. *kūj*, чув. *kəvə*, аз. *kök*. См. СИГТЯ 2000, 614; ЭСТЯ 1997, 82. К кит. 曲, совр. *qu* 1, ср.-кит. *khōuk*, др.-кит., ЗХ, ВХ, РПДК *khok* ‘be curved, bent’, с Хань фиксируется значение ‘музыкальное произведение, мелодия’ (Karlgren 1213 a). Датировка: верхняя граница, по-видимому — постклассическое древнекитайское *khok* Старостин 1989, 686 (т.е. до III в. включительно). Упереднение краткого гласного могло быть заметно уже в этот период. В принципе, по внутрикитайским критериям возможно и дифтонгизированное ср.-кит., но в этом случае мы скорее ожидали бы долготу в якутском.

14. **sīr* ‘цвет, краска, лак’ с МК, чув. *sъръ* ‘цвет, краска’, см. (ЭСТЯ 2003). Принято возводить к кит. 漆, совр. *qi* 1, ср.-кит. *chjīt*, др.-кит. *shīt*, ЗХ, ВХ *shjət*, РПДК, ППДК *shjīt* ‘lacquer tree, lacquer (*Rhus vernicuflua*)’ (Karlgren 0401 b). Фонетически такое происхождение может предполагаться только с адаптацией др.-кит. *sh-* > тюрк. *s-*, и тогда датировка имеет верхнюю границу: до среднекитайского (когда инициаль превращается в *ch-*, которое тюрки скорее адаптировали бы через *č-*), т.е. до VII в. н.э. (при этом из гипотетического диалекта, где *-t* > *-r*, ср. выше, и, очевидно, в такой тюркский язык, где отражается палатализация *s* перед *i* — прабулгарский?). Другая возможность — заимствование из кит. 刷, совр. *shua* 1, ср.-кит. *šwet*, др.-кит. *srot*, ЗХ, ВХ *šwat*, РПДК, ППДК *šwet* ‘to rub, scrape (поздняя Чжоу)’ с последующим развитием ‘to smear, paint > print’ (Karlgren 0298 a). Тогда датировка определяется снизу падением *-r-*: Западная Хань, III в. до н.э., но до ср.-кит. включительно (VII–X вв.).

15. **jīncū* ‘жемчуг’ с рунич., в современных языках — повсеместно, кроме Сибири, булг. **žīncū* > венг. *gyöngy*. К кит. 1) 真, совр. *zhen*, ср.-кит. *čīn*, др.-кит. *tin*, ЗХ *tjən*, ВХ *čən*, РПДК, ППДК *čīn* ‘настоящий, подлинный’ (Karlgren 0375 a); 2) 珠, совр. *zhu* 1, ср.-кит. *čū*, др.-кит. *to*, ЗХ *twa*, ВХ *čwa*, РПДК, ППДК *čwo* ‘жемчуг’ (Karlgren 0128 e). Датировка: *T* > *č* перед кратким в Восточную Хань, т.е. заимствование возможно начиная с 0–III в. н.э.

16. Др.-тюрк. (енис.), МК *čavli* ‘вид сокола’, тур. *çavlı* (EDT 397), имеющее параллель среди венгерских тюркизмов: венг. *sólyom* ‘сокол’ (с 1072 г.,

видимо, с венгерской суффиксацией). Для тюркского слова хорошей этимологии нет, венг. булгаризм (поскольку *č* передается как *s*) заставляет предполагать пратюркское слово. Первая часть, возможно, к кит. 鷂, совр. *yào*, др.-кит. *Laws*, класс. кит. *Lawh*, ЗХ *lawh*, ВХ *zawh*, РПДК *žew*, СПДК, ППДК *jew*, ср.-кит. *jew* ‘ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*)’ (Karlgren 1144 m). Наиболее фонетически подобна тюркской ВХ форма (позже плохо соответствует ряд гласного), т.е. 0–III в. н.э.

17. К этому же или чуть более позднему времени следует относить заимствование из позднедревнекитайского, которое мы по формальным критериям не можем назвать пратюркским, поскольку оно засвидетельствовано только в древнетюркском (др.-тюрк. *su* ‘войско’ — орхон., др.-уйг., крх.-уйг., хор., ср.-кыпч., ст.-осм., до XV в., далее контаминировалось с *su* ‘вода’ в выражении *su baši* ‘water superintendant’, первоначально ‘командир войска’, EDT 781), но оно имеется в известном сюннуском двустишии, см. ниже, т.е. засвидетельствовано в 30-е годы IV в. н.э. как *šw*. Повидимому, в силе остается сопоставление, предложенное Рамstedтом и уточненное Г. Дёрфером (TMN III 285; у Дёрфера ошибочно приведен иероглиф! Идея Банга и Габен (ТТ X) относительно заимствования из кит. *shou* ‘охота’, цитируемая в EDT, семантически невероятна). Кит. 戍, совр. *shù* ‘охранять границы; пограничный гарнизон’, ср.-кит. *šü*, в постклассическом древнекитайском должно быть приблизительно *šwò*, класс. кит. *L/Roh* (устная консультация Г.С. Старостина).

18. Возможно, сюда же относится тюркское название ртути: др.-уйг. *köne suv*, *könüg suv* в китайско-уйгурском словаре, IM *köne suw*, ср.-кыпч. (Houts. 100) *köneisuv*, куман. *könesuv*, *könesui*, кум. *gönesuv*, балк. *ginesuw*, тат. *küne sui*, ног. *könesuv*. См. EDT 726; VEWT 290. О пратюркском характере слова может свидетельствовать венг. *kéneső* ‘ртуть’ (MNyTESz II 442, с 1525 г.; Lig. 1986, 303–304. Вопреки обоим словарям, конечно, не имеет отношения к тюрк. **gāne* ‘клещ’ VEWT 251; TMN III 615–616; ЭСТЯ 1997, 63–64; СИГТЯ 2000, 183: в частности, это слово никогда не выступает с огубленным гласным, кроме одного случая в Ettuh. — явная ошибка). Венгерское заимствование — из булг., поскольку сохраняет булг. *š*- во втором элементе. Тюркское название представляет этимологическую проблему. Вторая часть — «вода», первая, как будто бы, должна обозначать серебро, поскольку имеется семантическая параллель в монг.: *möngün usun* ‘серебряная вода’ (монгольское выражение — калька с кит. 水銀 *shuǐ yin* «вода-серебро»). Во всяком случае, тюркское название должно восходить к какой-то из местных алхимических традиций. Кажется, в частности, что тюрк. **sib* ‘вода’ может быть здесь переводом санскр. *rasaḥ* ‘жидкость, вода, сок’, которое присутствует во многих названиях ртути: *rasa-patiḥ*, *rasa-nāthaḥ* «господин жидкостей», *rasa-rājah* «царь жидкостей», *rasa-dhātuḥ* «жидкий элемент» (ср. также *siddha-dhātuḥ* «исполненный, священный элемент»), *divya-rasaḥ* «священная жидкость» (по Monyer-Williams ESD). Тогда первую часть тюркского обозначения

можно было бы возводить к ПТ *gōn- ‘становиться прямым’, отглагольное имя *gōn-i/e ‘прямой, справедливый, истинный’ (ЭСТЯ 1980, 74–75) – т.е. «истинная (или элементарная) жидкость». Скорее возможно, однако, что это китаизм: ср. ср.-кит. *kōuŋ*, кит. 汞 *gōng* ‘ртуть’ (но ранее среднекитайского времени слово не зафиксировано).

Позднедревне-китайский	Пратюркский	Позднедревне-китайский	Пратюркский
<i>l(h)o-sá</i>	* <i>(a)lačü</i>	<i>mwàn-kō</i>	* <i>bengü</i>
<i>dōŋ</i>	* <i>al-tun</i>	<i>tōŋ</i>	* <i>deng</i>
<i>kəm-l(h)iēw</i>	* <i>gümül</i>	<i>tōn</i>	* <i>dōn</i>
<i>thiēr-mhwīr</i>	* <i>Temür</i>	<i>khok</i>	* <i>kög</i>
<i>pēk</i>	* <i>bek</i>	<i>shjər</i>	* <i>sīr</i>
<i>ciēr</i>	* <i>čer-ig</i>	<i>čín-čwo</i>	* <i>jincü</i>
<i>pit</i>	* <i>biti-</i>	<i>zawh</i>	* <i>čav-lī</i>
<i>kwén</i>	* <i>Kün-</i>	<i>šwò</i>	* <i>sü</i>

Что можно сказать о фонетической адаптации китаизмов в пратюркском? На более или менее надежных случаях заметны следующие моменты.

1. Консонантизм. Похоже, что в большинстве случаев китайские начальные непридыхательные взрывные адаптируются как пратюркские звонкие = слабые (и, возможно, придыхательные — как пратюркские глухие = сильные). Многообразная система позднедревнекитайских аффрикат, естественно, сводится к ПТ *č и *j, который, видимо, был фонетически близок к аффрикате. Китайский латерал перед гласным заднего ряда адаптирован как ПТ *l, перед гласным переднего ряда — как ПТ *λ. Адаптация финалей -ŋ и -n, как будто, происходит одно-однозначно (за исключением сомнительного случая **al-tun*). Большинство заимствований — из *r*-диалекта.

2. Вокализм. Долгота китайских гласных, пожалуй, никак не коррелирует с пратюркской долготой. Огубленные гласные и восходящие дифтонги с *w*-, как правило, передаются огубленными гласными, причем краткие — передними, долгие — задними, если не попадают во второй слог, где подвергаются гармонии по ряду с первым. Постклассические древнекитайские *iē* и *ē* адаптированы как ПТ **e* краткое закрытое, постклассические *ə* и *āi* как ПТ **e* краткое открытое (кроме **čer-ig* ‘войско’ — неправильная этимология?).

Сам набор заимствованных слов очерчивает определенный круг культурного взаимодействия: ремесло — в частности, металлообработка, война, письменность, искусство, предметы роскоши, философские понятия. Датировки по фонетическим особенностям заимствований в совокупности указывают на III в. н.э. Как объясняется расхождение этой датировки с глоттохронологической (рубеж эры)? Если принять, что последняя соответствует времени выпадения первого слова из 100-словного списка, то следует полагать, что после этого еще по крайней мере три века разделявшиеся тюрки продолжали довольно активные контакты, и в их языках

не проходило существенных фонетических изменений. В частности, из описанных выше связанных изоглосс для датировки третьей материала нет, так же и для четвертой и пятой, но для первой получаем нижнюю границу: не раньше III в. н.э. (по слову **gümül* ‘серебро’). Что касается второго процесса, как будто, наблюдается палатализация **s* перед **ɨ* — булгарская черта; впрочем, возможно, что в пратюркском она присутствовала не фонологически, а чисто фонетически; ср. упоминаемое О. А. Мудраком (СИГТЯ 2006) написание в орхонских надписях *sub* ‘вода’ через руну *S* для переднерядных слов, т.е., возможно, с палатализованным. Надо отметить, что соответствующую предполагаемой историческую ситуацию мы можем видеть в истории разделения сюнну на северных и южных: первое такое разделение и уход северных сюнну на запад произошли, как было сказано выше, в 56 г. до н.э., причем считается, что эта группа сюнну была уничтожена китайцами, а оставшиеся сюнну оказались под властью Китая; второй раскол сюнну на северных и южных происходит в 48 г. н.э., с этого времени северные сюнну постепенно смещаются в Западную Монголию и далее в Восточный Туркестан, в Джунгарию, а в 155 г. мигрируют в Восточный Казахстан и Семиречье, где живут до V в. н.э.⁵⁰. Вероятно, что первая группировка не была уничтожена физически, а только потеряла государственность, а затем вторая слилась с ней, принеся с собой культурные китайские заимствования.

НЕКОТОРЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ТЮРКО-КИТАЙСКИХ КОНТАКТОВ В КИТАЙСКОМ

Одним из свидетельств ранних китайско-тюркских контактов являются, конечно, китайские транскрипции имен собственных, этнонимов и титулов, которые могут иметь отношение к ранним тюркам. Пожалуй, наиболее соблазнительно для толкования известное двустигшие на языке варваров *цзе [gētʰ?]*⁵¹ — одного из племен сюнну, записанное в хронике Цзинь-шу (составленной в середине VII в. н.э.) и относимое к 310 г. н.э. Понятно, что исходя из того, что двустигшие читается по-тюркски, и получив правдоподобное толкование, мы одним махом получаем и раннетюркское стихотворение, и доказательство тюркоязычности сюнну (или хотя бы некоторых племен в составе союза сюнну). Подробное описание всех предлагавшихся толкований см. в Шервашидзе 1986. Не все они исходят из предположения, что язык текста — тюркский. Так, крупнейший специалист по истории китайского языка, Э. Пулллиблэнк, полагает, что сюнну были енисейцами (впрочем, ориентируясь в отношении енисейского

⁵⁰ Датировки приводятся по: Кляшторный 1989; Крюков et al. 1983 (гл. 2. Древние китайцы и их соседи: этнорасовая характеристика, с. 56–104).

⁵¹ 𪛗: др.-кит. *grat*, совр. кит. *jie 2*, ср.-кит. *get*, 3X *grat*, VX *grat*, ПДК *get* (Karlgren 0313 p).

материала на данные современного кетского языка, см. Pulleyblanc 1962, 239–265). Если учесть, что енисейская семья языков по глоттохронологическим данным распалась также приблизительно на рубеже нашей эры и языки очень сильно изменились с тех пор, кетский материал здесь принципиально почти ничего не может дать. Прочтение самого И.Н. Шервашидзе основано на позднедревнекитайских чтениях по С.А. Старостину; я ниже делаю попытку еще уточнить это прочтение, беря за основу средний постклассический древнекитайский (реконструкция этого состояния основана у С.А. Старостина на памятниках середины IV в. н.э., см. Старостин 1989, 487–493). Еще один момент, который я провожу в своем толковании — предположение о том, что древнекитайское противопоставление придыхательных и непридыхательных взрывных использовалось при транскрипции для отображения аналогичного противопоставления тюркских взрывных, которое реконструируется нами для пратюркского состояния (у Шервашидзе это противопоставление не учитывается)⁵².

Рассматриваемое двустиише — это прорицание, произнесенное в Ляне мудрецом Фотучэном, относительно успешности воинского похода цзеского военачальника Ши Лэ против другого гуннского военачальника Лю Яо. Каждая строка затранскрибирована пятью иероглифами:

秀支替戾岡
僕谷劬秃當

Имеется общий перевод на китайский: «Войско выйдет, Яо будет схвачен» (грамматическое будущее время в русском переводе — по общему контексту: идет речь о предсказании, в китайском переводе указания на время нет). Кроме того дан китайский перевод каждого слова:

秀支 означает «войско»

替戾岡 означает «выходить»

僕谷 означает варварское звание Лю Яо

劬秃當 означает «схватить».

Транскрипция в рамках среднего постклассического древнекитайского дает приблизительно следующее звучание:

sàw-kje thiēs/j-liēt-kāŋ
bwōk-kwōk g(h)wo-thwōk-tāŋ

Использованы следующие иероглифы:

⁵² Из более новых работ, посвященных двустиишию, см. Vovin 2000. В этой статье удовлетворительно изложены чтения Рамстедта и Базена и справедливо критикуются фонологические аргументы Пуллиблэнка против алтайской принадлежности текста, которые действительно не соответствуют современному состоянию фонологических реконструкций в алтайских семьях; впрочем, предлагаемое А.В. Вовиным смешанное тюркско-енисейское прочтение — типичное толкование неизвестного с помощью еще более неизвестного, усугубляемое любительским представлением о енисейской реконструкции, и, в общем, не заслуживает обсуждения.

秀: др.-кит. *slhuʔs* ‘to flower and set ears’; совр. кит. *xiu* 4, ср.-кит. *sjəw* (Karlgren 1095 a–b). ПДК *səw* (Старостин 1989, 491).

支: др.-кит. *ke* ‘branch’; совр. кит. *zhi* 1, ср.-кит. *če* (Karlgren 0864 a). ПДК *kje* (Старостин 1989, 692).

替: др.-кит. *thīts* (~*λ(h)*-,*sl(h)*-,*sn(h)*-,*srh*-,*-ēts*-,*-ē(k)s*) ‘to remove; to give up’; совр. кит. *ti* 4, ср.-кит. *thiej*. ПДК *thiēs* > *thiěj* (Старостин 1989, 698).

戾: др.-кит. *liāt* (?) ‘to come to, arrive, reach’; совр. кит. *li* 4 (Karlgren 0532 a). ПДК *liēt* (Старостин 1989, 700).

岡: др.-кит. *kāŋ* ‘ridge’; совр. кит. *gang* 1, ср.-кит. *kāŋ* (Karlgren 0697 a). ПДК *kāŋ* (Старостин 1989, 714).

僕: др.-кит. *bōk* ‘servant; groom’; совр. кит. *pu* 2, ср.-кит. *buk* (Karlgren 1211 b–f). ПДК *bōk* > *bwōk* (Старостин 1989, 686).

谷: др.-кит. *klōk* ‘valley; name for the East wind’; совр. кит. *gu* 3, ср.-кит. *kuk* (Karlgren 1202 a–c). ПДК *kōk* > *kwōk* (Старостин 1989, 686).

劬: др.-кит. *g(hr)o* ‘to toil’; совр. кит. *qu* 2, ср.-кит. *gü* (Karlgren 0108 t). ПДК *g(h)wo* (Старостин 1989, 685).

禿: др.-кит. *sl(h)ōk* ‘bald [Хань]’; совр. кит. *tu* 1, ср.-кит. *thuk* (Karlgren 1205 a). ПДК *thōk* > *thwōk* (Старостин 1989, 686).

當: др.-кит. *tāŋ* ‘to rest on, be on; should, ought’; совр. кит. *dang* 1, ср.-кит. *tāŋ* (Karlgren 0725 q). ПДК *tāŋ* (Старостин 1989, 714).

Я предлагаю следующее тюркское прочтение и истолкование:

sü-ge talı-t-kan
bökö-g göt-ök-ta-ŋ

войско-Dat. переправляться, выходить наружу-Caus.-Part.Pf.
бёке-Асс. поднимать, уносить, хватать-Subst.-Denom. Verb.-Impr.вжл.2 Prs.

Войско заставив выйти наружу,
бёке захватите, пожалуйста.

Требуют пояснений следующие моменты.

sü-ge. Дательный падеж слова «войско» при каузативе — возможно, глагол «приказать выйти» мог управлять и дативом, см. группу глаголов с таким двойным управлением (датив, основной) в рунических памятниках (Кононов 1980, 183); ср. также возможность выражения дативом пониженного субъекта в тюркских языках и совпадение дательного и винительного (в форме, являющейся рефлексом дательного) в современном чувашском, каковому состоянию могло предшествовать состояние, где сфера употребления датива была несколько расширена⁵³. Шервашидзе переводит «(выйти) к войску», ср. ниже о глаголе; такой перевод, однако, предполагает сильную денотативную неточность китайского толкования.

talı-t-kan ‘заставив выйти наружу’. В толковании корня глагола я слеую за Шервашидзе, хотя передача средствами китайской транскрипции тюркского вокализма кажется очень странной; но ничего лучшего пред-

⁵³ Ср. регулярный датив при каузативе переходного глагола: *oqıŋcıŋa oqıŋıp* ‘приказав вестнику позвать’, *söl suvin iglig erke içürüp* ‘давши выпить больному мясной сок’ Erdal 2004, 369.

ложить не удастся⁵⁴. Отмечу, что интерпретация начального придыхательного адекватна, по крайней мере, одной из алтайских этимологий корня: Палт. **t'al'a-* ‘снаружи, открытое пространство’: ТМ **tal-gi-ga* ‘далеко от берега; спокойное море’ (ССТМЯ 2, 150, 157); ПМонг. **tala* ‘степь, открытое место’, **tal-bi-yun* ‘мирный, спокойный’ (KwB 375; MGCD 622). Собственно тюркские рефлексy в языках, которые различают начальный глухой и звонкий дентальный, не дают здесь возможности различения, поскольку позиция перед **λ* дает нейтрализацию в общетюркском: тур., гаг. *tašɨ-*, аз. *dašɨ-*, туркм. *dašɨ-/a-*, хор. *dašə-*, тув. *da'žɨ-*, тоф. *dažɨ-*; ПТ **Dašɨ-*. Однако в болгарском и, следовательно, в пратюркском позиционные нейтрализации начальной глухости–звонкости дентальных не действовали (см. Дыбо 2005, 24), и можно ожидать правильного отражения алтайской придыхательности. Что касается морфологического оформления глагола, то Шервашидзе читает *talɨqtɨŋ* «ты вышел» (к войску); глагол *tašɨk-* ‘выходить’ (по примерам, в частности, к войску) зафиксирован в руническом тюркском и в древнеуйгурском (EDT 562). Предлагается понимать эту фразу как «ты вышел лицом к лицу к вражескому войску», в китайской транскрипции предполагается метатеза при восприятии кластера, «не свойственного китайскому языку»; для оправдания использования формы прошедшего неопределенного, как и во второй строке, предлагается считать, что «в столь ранний период — IV в. н.э. — соответствующие глагольные формы имели еще вневременное значение перфекта (совершенного вида)» (Шервашидзе 1986, с. 9). Тут можно возразить вот что. Во-первых, поскольку составные части тюркского кластера разнесены в китайской транскрипции по разным слогам, путаница кажется маловероятной. Во-вторых, из всей тюркской видовременной системы форма на *-dɨ-* наименее вероятна в функции видовой; скорее всего, это был чистый претерит, на функцию перфекта в пратюркском имеется достаточно других кандидатов. Я предлагаю читать кластер буквально, считая, что здесь каузатив от *talɨ-* ‘выходить наружу, переходить, перемещаться’, перфектное причастие от этого каузатива. Заднеязычный носовой, интерпретирующийся простой носовой, — возможно, китайская транскрипция простого носового в заднерядном окружении; ср. пратюркские заимствования из позднеревнекитайского *čɨn* ‘правда’ < *teŋ* и *tun* в *altun* ‘золото’ < *duŋ*.

bökö-g. Слово, зафиксированное с древнетюркского и рано заимствованное в монгольский, «герой, пахлаван». См. СИГТЯ 2000, 180; EDT 324. Предлагаемое Л. Базэном и И.Н. Шервашидзе чтение *boqug* (древнетюркский титул) хорошо соответствует выдвигаемому Шервашидзе принципу, по которому слоги с древнекитайскими долгими гласными использовались для транскрипции тюркских (гуннских?) заднерядных слогов, а слоги с дре-

⁵⁴ Разве что мы вспомним, что соответствующий корень имеет вариант **dɨl-*, представленный в огузских и кыпчакских языках; тюрк. *ɨ* могло бы передаваться через кит. *iē*, ср. ниже **kɨŋrak*. Впрочем, для болгарской группы отмечается только *tul* < **dal-*: чув. *tul* ‘наружная сторона’, венг. *túl* ‘вне’; глагол тоже зафиксирован только от этого вида корня.

внекитайскими краткими — для транскрипции переднерядных (что согласуется с рефлексацией древнекитайских кратких как среднекитайских передних). Действительно, примеры такой транскрипции — Западная Хань (конец III в. до н.э. — рубеж эры) *krēk-kwān *qirqir* (кыркызы); тогда же *řāt-te* («хатун»). Однако зафиксированы и другие случаи, например, *d(h)anh-wha* «шаньюй» («тархан»). Против чтения Базена — два момента. Во-первых, в данном контексте кажется маловероятной форма неопределенного прямого объекта, скорее мы бы ожидали определенного прямого объекта, выраженного винительным падежом. Во-вторых, само слово *boquq* чрезвычайно плохо зафиксировано — фактически только как компонент имен собственных в памятнике Бильге-кагана (*buqay tutuq* ДТС 125) и др.-уйг. тексте (*buquq xan* ДТС 120). Предположение Базена, что к нему может восходить старотурецкое *buğ* ‘вождь’, фонетически невероятно: по данным руники в середине слова явно глухой согласный, который не может выпадать в турецком. При том, что правило о древнекитайских долгих гласных неабсолютно, кажется возможным принять более распространенный вариант.

göt-ök-ta-η. Консонантизм транскрипции хорошо соотносится с тюркской фонетикой (первый звонкий, второй глухой, он же придыхательный). Корень глагола — *göt-*, ПТ **göt-* ‘подниматься’: як. *köt-* ‘летать’; *kötör* ‘птица’, долган. *köt-* ‘летать, бегать’, тув. *kö'dür-* ‘поднимать’, тоф. *kö'tür-*, как. *ködär-*, шор. *ködür-*, сюг. *küter-*; др.-тюрк. *köti-*, *kötür-*, крх.-уйг. *kötür-*, хал. *ketür-*, *ketir-*, тур., гаг. *götür-*, аз. *göt-*, туркм. *göter-*, чаг. *köter-*, узб. *qotar-*, н.-уйг. *kötär-*, кар. *köter-*, кум. *göter-*, кбалк. *kötür-*, татар., башк. *kütär-*, ног., казах. *köter-*, кирг. *kötör-*, алт. *ködür-*. См. VEWT 294; EDT 706; ЭСТЯ 1980, 86–88. Ср. также крх.-уйг. *kötki* ‘холм’, *kötü* ‘крыша дома’ (МК; EDT 701). Образование на *-k* — именное, ср. як. *kөтөх* ‘охапка’, *kөтөх-* ‘поднимать, уносить’. В отличие от як. глагола, здесь переходный отыменной глагол на *-ta-*, см. Gabain AG, § 102; ДТС 664; EDT XIV. Суффикс в древнетюркском редкий, однако еще не совпавший полностью с суф. *-la-*, вариантом которого в специфических фонетических позициях он стал в современных кыпчакских и сибирских языках. Предполагаемая грамматическая форма — то же, что в руническом тюркском трактуется как вежливый императив 2-го л. мн. ч., выражающий «вежливое пожелание» (Конов 1980, 186). Предлагаемое И.Н. Шервашидзе чтение *qodř qo(d)třj*⁵⁵ ‘низложил’ требует, во-первых, предположения той же претеритной формы, что и в первой строке, с теми же натяжками в семантике времени. Во-вторых, если несоответствием глухости–звонкости первого согласного

⁵⁵ ПТ **Kody* ‘внизу, вниз’: як. *xotu* ‘вниз по течению, север’, тув., тоф. *qudu*, сюг. *qozy*, др.-тюрк. *qody*, крх.-уйг. *qody*, тур. *koju*, чаг. *quju*, *quji*, узб. *quji*, н.-уйг. *quju* (EDT 596; VEWT 275; ЭСТЯ 2000, 31–32) + ПТ **Kod-* ‘класть, оставлять’: чув. *xor-*, сюг. *quz-*, др.-тюрк. *qod-*, крх.-уйг. *qod-* (МК), тур., гаг. *koj-*, аз., туркм. *Goj-*, чаг. *qoj-*, узб. *qoj-*, н.-уйг. *qoj-*, кар., кум., кбалк. *qoj-*, татар., башк. *quj-*, ног., казах., ккалп. *qoj-*, кирг., алт. *qoj-* (VEWT 274; EDT 595–596; ЭСТЯ 2000, 27–28; Федотов II 361).

можно пренебречь (по внутритюркским основаниям у нас нет причин полагать, что в пратюркском различались звонкие и глухие гуттуральные в начале заднерядного слова — см. СИГТЯ 2002, 80), то ПТ *-d- (фонетически, скорее всего, -ð-) все-таки явный звонкий, и скорее здесь ожидался бы звонкий в китайском, ср. ВХ *sok-žək* = иран. *Soγdik*, ПДК *šwet-dhōw-dhān* = санскр. *Śuddhodana*, *sīw-dā-waś* = санскр. *śuddhāvāsa* (Старостин 1989, 469, 477, 480). В-третьих, это толкование во многом отступает от принципа «минимальной правки», предполагая изменение слоговой структуры слова при транскрипции (чего обычно в древнекитайских транскрипциях не наблюдается) и существенное несовпадение с древнекитайским переводом.

Сам шаман, произнесший пророчество, носит в китайском тексте имя Фотучэн 佛圖澄, что для среднего постклассического древнекитайского читается как *bwīt-dō-ḍhīj*⁵⁶. По-видимому, небольшой натяжкой будет предположить, что это — ПТ **budurčīn* ‘перепелка’: чув. *pəržǝ-gan* ‘трясогузка’, хак. *pudurčun*, *pūdūrčün* (диссимилятивное развитие?), крх.-уйг. *bidursīn* (МК); ср.-кыпч. *bujurčun*, *bujurčīn* (АН), см. EDT 309; СИГТЯ 2000, 173; ЭСТЯ 1978, 305–306. Семантика аппелятива кажется вполне приемлемой для шаманского прозвища; ср. также МК *budrač*, *budruč* «имя собств. одного из правителей ябаку» ДТС 120⁵⁷. Заметим возможную передачу ретрофлексным *ḍh-* сочетания *-rč-*.

Здесь шла речь об относительно поздних сюнну, и они довольно очевидно оказываются тюрками. Вообще же проблема языковой атрибуции записанных китайцами сюннуских слов принадлежит к разряду «вечных» и имеет обширную литературу. Очевидно, что какой-либо прогресс в этой области может быть достигнут исключительно в связи с уточнением фонетических чтений использованных для записи иероглифов на момент записи, а также с уточнением фонетического облика слов предполагаемых языков-источников, также с соответствующими датировками. Очередной шаг в этом направлении был предпринят Э. Пулльблэнком именно в связи с его работой по реконструкции древнекитайской фонетики. Значительное собрание слов, отобранных как надежно сюннуские, имеется у Пулльблэнка в приложении к книге Pulleyblanc 1962, “The Hsiung-nu language” (239–265). Несмотря на острое желание автора привязать этимологии этих

⁵⁶ 佛, совр. кит. *fó*, др.-кит., 3Х *bət*, ВХ *bwət*, РПДК, ППДК *bwīt*, ср.-кит. *būt* ‘Будда; буддизм’ (Karlgren 0500 l); 圖, совр. кит. *tu* 2, др.-кит., 3Х, ВХ *dā*, РПДК, ППДК *dō*, ср.-кит. *do* (Karlgren 0064 a–c); 澄, совр. кит. *cheng* 2, др.-кит. *dhrəj*, 3Х, ВХ *ḍhəj*, РПДК, ППДК *ḍhīj*, ср.-кит. *ḍij* (Karlgren 0883 m).

⁵⁷ Согласно биографическому тексту, Фотучэн прибыл из царства Куча в Синьцзяне, годы жизни — 232–348. Соответственно, имя могло бы быть еще тохарским В, а возможно, и санскритского или пракритского происхождения. Возможный вариант — *Buddha-dhona-*, пали «Мудрость Будды» (при такой интерпретации, впрочем, не объясняются огубленный гласный срединного слога и церебральность инициала последнего слога; что касается интерпретации гласных, ср. упомянутые выше ПДК *šwet-dhōw-dhān* = санскр. *Śuddhodana*, *sīw-dā-waś* = санскр. *śuddhāvāsa*).

слов к енисейским языкам, эти привязки выглядят мало результативно; правда, когда он не может обойтись без тюркских и монгольских источников гуннских слов, то объявляет эти тюркские и монгольские слова не исконно тюркскими или монгольскими, а субстратными. Заметим, что в 1965 г. у Пуллиблэнка по объективным причинам не было ни сколько-нибудь представительной алтайской лексической реконструкции, ни хоть какой-нибудь енисейской, ни крупных этимологических источников по тюркским и монгольским языкам. Поэтому нам показалось полезным пересмотреть здесь выбранную Пуллиблэнком (а также некоторыми другими авторами) лексику с использованием имеющихся новых данных и уточненной С.А. Старостиным исторической фонетики китайского языка⁵⁸.

Примечание

Мы не будем и пытаться атрибутировать как сюннуские следующие слова:

1. Юрта (Pulleyblanc 1962, 242 полагает, что это раннеханьская транскрипция сюннуского слова). Иероглифы: 1)穹, совр. кит. *qiōng*, др.-кит. *kh^wəŋ*, класс. кит., ЗХ, ВХ *khwəŋ*, ПДК *khwəŋ*, ср.-кит. *khüŋ* ‘высокий (о небе)’; ‘небо, свод’; ‘куполообразный’ (Karlgren 0901 e); 2)廬, совр. кит. *lú*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *r(h)a*, ПДК *l(h)o*, ср.-кит. *lō* ‘хижина, шалаш’ (Karlgren 0069 q). Предположительное чтение: *khwəŋ r(h)a*, но по значениям иероглифов это может значить «куполообразная хижина» и не нуждается в иноязычной интерпретации.

2. Данху — чиновничья должность у сюнну 當戶. Иероглифы: 1) 當, совр. кит. *dāng*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *tāŋ*, ср.-кит. *tāŋ* ‘быть, становиться, делаться (кем-л.)’; ‘являться, действовать в качестве; служить’ (Karlgren 0725 q); 2) 戶, совр. кит. *hù*, др.-кит. *g(h)ā?*, класс. кит. *g(h)ā*, ЗХ, ВХ, ПДК *gā* (~ *γ-*), ср.-кит. *γó* ‘дверь; суффикс имен существительных, обозначающих профессии’ (Karlgren 0053 a–b). Чтение ЗХ *tāŋ gā* (~ *γ-*). Может быть, значит по-китайски просто «служащий».

3. Авары, этноним. Pulleyblanc 1962, 242 предполагает, что авары говорили на языке монгольского типа, на том основании, что в транскрипциях поздней Хань появляется много случаев употребления *kh* и *th*; аргумент, конечно, неубедительный: почему не иранцы? Почему не ветвь тюрков с оппозицией «придыхательный–непридыхательный», как в тофаларском? Иероглифы: 1) 烏, совр. кит. *wū*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *ʔā*, ПДК *ʔō*, ср.-кит. *ʔo* ‘ворон; ворона; черный; вороной’ (Karlgren 0061 a–c); 2) 垣, совр. кит. *yuán*, др.-кит. *w(h)ar*, класс. кит., ЗХ, ВХ, РПДК *w(h)an*, СПДК, ППДК *w(h)an*, ср.-кит. *wən* ‘стена’ (Karlgren 0164 m). Действительно, читается примерно *ʔā-w(h)an*, т.е. *(x)awar*.

В результате обследования, во-первых, среди китайских транскрипций сюннуских слов выделяется определенно тюркская лексика, возможно, пратюркского фонетического облика. Во-вторых, некоторые сюннуские слова в китайской передаче (или слова, приписываемые просто «северным варварам») определенно напоминают сакскую лексику. Напомним, что сакская лексика известна нам в основном по памятникам хотано-сакского языка, которые доходят от VII–X вв. н.э.; отдельные глоссы дошли от

⁵⁸ Работа Пуллиблэнка была издана на русском языке в ЗТ 1986, с некоторыми уточнениями автора и комментарием С.Е. Яхонтова, где обновляются некоторые древнекитайские прочтения иероглифов. Эти чтения обычно ближе к используемым нами чтениям С. А. Старостина, чем чтения 1965 г.

IV в. н.э., язык примерно этого же времени отражают, по-видимому, памятники «раннехотанского» периода (записанные позже), но саки на интересующих нас территориях бытовали со значительно более раннего времени; в частности, им приписывается ряд археологических культур I тыс. до н.э. на Алтае, а выделиться из общевосточноиранского состояния «сакско-ваханская» ветвь с характерными языковыми особенностями должна была не позже середины I тыс. до н.э. (по устному сообщению Дж.И. Эдельман; глоттохронологическая датировка — 660 г. до н.э.). Так что в принципе попытки отождествления китайских транскрипций «северной лексики» с известной нам хотано-сакской лексикой не могут быть отброшены. Сразу отмечу, что все такие попытки, которые производят впечатление более или менее удачных, относятся к ранним фиксациям (в основном, Западная Хань). Восточноиранские связи сюнну в области становления государственности подтверждаются историческими сведениями о первоначальном вассалитете сюнну по отношению к юэчжам (например, известно, что шаньюй Маодунь — основатель сюннуской империи — в детстве был аманатом у юэчжей). Что касается языковой идентификации юэчжей, то их связывают и со скифо-сакской общностью, и с тохарами (см. подробности и литературу вопроса в Кляшторный–Султанов, 62–68). Вероятно, это был этнически неоднородный племенной союз; во всяком случае, как указывает С.Г. Кляшторный, археологические данные подтверждают северноюэчжийскую принадлежность пазырыкцев и их восточноиранские связи; что касается южных юэчжей, то их, действительно, имеются основания связывать с тохарами. О возможных древних восточноиранских заимствованиях в пратюркском лексиконе см. ниже.

Ниже мы отдельно рассматриваем более ранние транскрипции — в основном из «Исторических записок» Сыма Цяня (Ши цзи) и Хань шу, т.е. относящиеся к периоду –III — +III вв., и более поздние — после падения Восточной Хань, из Вэй шу и позже. Соответственно, транскрипции первого периода мы читаем в фонетике Западной и Восточной Хань, а второго периода — в фонетике постклассического древнекитайского (по С.А. Старостину).

1. Аппелятивная лексика

Ранние записи

Предположительно тюркские слова

Небо: 撐黎 (Pulleyblanc 1962, 241)

Иероглифы

1. 撐, совр. *chēng* ‘подпирать’. Для ср.-кит. зафиксированы чтения *ʃhaŋ*, *ʃaŋ* и *daŋ*. Ср. фонетически сходные иероглифы 瞠, совр. *chēng*, др.-кит., класс. кит. *thrāŋ*, ЗХ, ВХ *ʃhāŋ*, ПДК *ʃhāŋ*, ср.-кит. *ʃhāiŋ* ‘всматриваться’

(Karlgren 0725 f) и 赭, совр. *chēng*, др.-кит., класс. кит. *threŋ*, 3X, VX, ПДК, ср.-кит. *theŋ* ‘красный цвет’ (Karlgren 0834 m).

2. 黎, совр. *lí*, др.-кит., класс. кит., 3X, VX *rāj*, ПДК *lāj*, ср.-кит. *liei* ‘черный; черноволосый’ (Karlgren 0519 k).

Слово употреблено в Ши цзи и Хань шу. Приблизительное чтение для периода 3X: скорее задний ряд, *ʃhāŋ-rāj*⁵⁹. Как мы видим, довольно хорошо согласуется с одним из восстанавливаемых для пратюркского состояния вариантов: ПТ **teŋri* / **taŋri* ‘бог; небо’, чув. *tora* ‘бог’, як., долган. *taŋara* ‘бог’, тув. *dēr*, тоф. *dēre* ‘бог’, хак. *tigər*, шор. *tegri*, сюг. *teŋer* ‘бог’, др.-тюрк. *teŋri* ‘бог, небо’ (орхон., др.-уйг.), крх.-уйг. *teŋri* ‘бог, небо’ (МК; QB), чаг. *teŋri* ‘бог’ (Sangl.), ср.-кыпч. *teŋri* ‘бог’ (CCum.; AH), узб. *taŋri*, н.-уйг. *tāŋri* ‘бог’, тур., аз. *tanrı* ‘бог’, туркм. *taŋri* ‘бог’, салар. *tanru* (ССЯ) ‘бог’, караим. *taŋri*, *teŋri* ‘бог’, кбалк. *teŋri* ‘бог, небо’ (‘небо’ метафорически), татар., башк. *tāŋre* ‘бог’, ккалп. *tāŋir* ‘бог’, кирг. *teŋir* ‘бог, небо’ (‘небо’ — только в парных словах *kök teŋir*, *asman teŋir*), галт. *teŋeri* ‘бог, небо’ (VEWT 474; TMN II 577; EDT 523–524; Федотов II 252; Stachowski 217). Тюркское слово заимствовано в монг. *teŋgeri* > эвенк. *tijeri*, солон. *teŋer* (см. Doerfer MT 236). Отметим лингвогеографическое распределение заднего и переднего вариантов основы по типу «периферия–центр»: задний вариант — чувашский, якутский, огузские языки, передний — саянские, хакасские, центрально-восточные, карлукские, кыпчакские. Передний же вариант — в древнеуйгурском (ср. передний вариант дативного афф. *-ke* и под.) и в руническом тюркском. Можно предположить инновационное развитие в «центре» под влиянием глагола *teŋ-* ‘парить’ и производного от него *teŋ-ig* ‘небо, воздушное пространство’ МК, см. EDT 514, 518. Ср. альтернативный этимологический анализ слова, данный в СИГТЯ 2000, раздел «Представления о небе и небесных явлениях», К. Мусаевым: форма *tāŋri* (*Тенри*) вторичная, возникшая в результате присоединения афф. принадлежности *-i*. Первичной считается форма *teŋir* < **teŋ-* ‘возвышаться, подниматься’ + афф. причастия *-ir*, см. также Татаринцев 1984, 78–81. Тюрк. **taŋri* — из редких слов, которые в староанатолийских памятниках пишутся с *t-* 𐰇, что указывает на придыхательность. Вопреки цитируемому Пуллиблэнком высказыванию Пельо (1944) относительно того, что «вариативность и нестабильность» слова **taŋri* по тюркским и монгольским языкам указывает на его заимствованный характер, тюркское слово имеет довольно достоверную алтайскую этимологию (EDAL): Палт. **t’angiri* ‘клятва, божество’, ПМонг. **tangarag* ‘клятва’, ПТМ **tangura-* ‘молиться, поклоняться’, ПЯп. **iinkir-* ‘клясться’. Если эта этимология верна, следует предполагать в тюркском значении ‘бог’ первичным по отношению к значению ‘небо’. Такое, кажущееся на первый взгляд необычным, семантическое развитие имеет параллель в иранских языках, где рефлекс прайранского теонима *Mitra/Miθra* иногда означают

⁵⁹ Pulleyblanc 1962: *ʃāŋ-*.

«солнце», тогда как для индоиранского состояния это имя принадлежало божеству клятвы, договора⁶⁰.

(?) **Название города:** 瀧 (Pulleyblanc 1962, 241)

Город, где, согласно Ши цзи и Хань шу, предводитель сюнну каждый год собирал свой двор и устраивал важные жертвоприношения, назывался 瀧 (совр. чтение *long*). Иероглиф с тем же фонетиком, но без ключа — 龍, совр. *lóng*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *roy*, ПДК *loŋ*, ср.-кит. *louŋ* ‘дракон; император; императорский; высочайший’ (Karlgren 1193 a–e). Итак, ЗХ чтение — *roy*⁶¹. Конечно, такой топоним можно истолковать как угодно; но, в частности, это может быть ПТ **orun* ‘место’, начиная с др.-тюрк. также ‘трон’ (EDT 233).

Меч для жертвоприношений: 徑路 (Pulleyblanc 1962, 222)

Иероглифы

1. 徑, совр. *jìng*, др.-кит. *kēŋs*, класс. кит., ЗХ *kēŋh*, ВХ *kiēŋh*, ПДК *kiēŋ*, ср.-кит. *kiēŋ* ‘тропинка, дорожка’ (Karlgren 0831 f).

2. 路, совр. кит. *lù*, др.-кит. *rāks*, класс. кит., ЗХ *rāh*, ВХ *rāh*, ПДК *lā*, ср.-кит. *lō* ‘камень; дорога’ (Karlgren 0766 l–m).

Слово имеется в Ши цзи и Хань шу. Приблизительное чтение для периода ЗХ: скорее задний ряд, *kēŋh-rāh*⁶². Вполне традиционно объясняется через тюрк. МК *kīŋrak* ‘обоюдоострый кривой нож’ (EDT 639–640) (впервые, кажется, Hirth 1900, 223). От **kīŋrak*: тув. *xijraq* ‘нож для скобления кожи’, хак. саг. *xjrax* ‘сабля’, алт. *qīŋraq* ‘скребок для выделки кожи’, кирг. *qīŋaraq* ‘обоюдоострый нож-косарь’, уйг. диал. *qīŋraq* ‘большой нож’, см. ЭСТЯ 2000, 220. Слово имеет очевидную тюркскую этимологию: **Kīŋ-ir* ‘согнутый, косой’: як. *kīŋnar* ‘криво, косо’, др.-уйг., крх.-уйг. *qīŋir* (МК), ст.-кыпч. *qīŋir* (Ettuh.), узб. *qīŋir*, н.-уйг. *qīŋi(r)*, туркм. *Gīŋir*, караим. *qīŋir*, кум., кбалк. *qīŋir*, татар. *qīŋir*, башк. *qīŋir* (диал.), казах., ккалп., кирг. *qīŋir* (VEWT 264–265; EDT 639; ЭСТЯ 2000, 220–221). Тюрк. *qīŋraq* > п.-монг. *kiŋira*, *kiŋgara* Less. 470 ‘широкий нож, часто обоюдоострый, кинжал, жатвенный нож’ (калм. *kīrə*, халха *xāŋgar* ‘широкий нож,

⁶⁰ Крайне маловероятной кажется гипотеза С. Георга (Georg 2001) о заимствовании тюрк. из енис. **tīŋgVr-* ‘высокий’ (кет. *tīŋǎl*, сым. *tīŋil*, пумпок. *tokar-du* Старостин 1995, 287). Как мы увидим впоследствии, заимствований из енисейского в пратюркский практически нет; в этой ситуации предположение о таком заимствовании может быть оправдано только его сугубо культурным характером (следовательно, «бог», а не «верх»); между тем, ситуация, при которой языком-донором — следовательно, более престижным, — явно был пратюркский, совершенно непохожа на ту, в которой можно было бы ожидать заимствования из праенисейского наименования верховного божества, тем более что в енисейском у этого слова нет значения имени божества. Гипотеза Георга держится, в основном, на признании концепции Пуллиблэнка о енисейской принадлежности сюнну, но, как мы увидим, у этой концепции нет оснований.

⁶¹ Pulleyblanc 1962: *vloŋ*.

⁶² Pulleyblanc 1962: *keŋ-filax*

сечка'). Слово часто рассматривают в кругу лексем, определяемых как бродячие культурные слова. В частности, приводится ряд иранских форм, которые заставляют Пуллиблэнку усомниться в тюркском происхождении сюннуской формы. Можно предложить следующий разбор всего этого этимологического гнезда. Вахан. *xingār* 'кинжал, оружие в фольклоре' (ЭСВЯ 407) фонетически, скорее всего, монгольское заимствование. По-видимому, источником согд. *xnyr* (маних.), *xyr* (христ.), *ynyr* (будд.) Gharib 431 является как раз сюннуская форма. Согдийское слово послужило источником араб. *ḥaṅḡar*, впоследствии заимствованного в перс. *ḫandzār*, давшего тур. *ḫandzār* (и в конечном счете, через кавказские формы, рус. *кинжал* — см. Фасмер 4, 221 и др.), ряд новоиндийских форм и англ. *hanger*. Очевидно, как иранизмы следует рассматривать дардские формы: кховар *kongor* (> йидга *xugor*), шина *kaṅər*, кашм. *kangar* (Mgst. Itano-Dardica 265, 252). Гипотеза об их происхождении из др.-инд. *khaḍga-ra* менее вероятна за отсутствием такой древнеиндийской формы. В др.-инд. имеется *khaḍga-* 'меч' (Махабхарата), давшее н.-инд. пандж. *khaggo* и др. (см. Turner 3787), возможно, связанное, как и праkritское *khamda-* < **khaṇḍa-ka* 'меч, ритуальный нож' (плюс ряд новоиндийских форм, Turner 3793), с корнем *khaṇḍ-* 'ломать, разрушать' (с Ригvedы) — видимо, неарийского (мунда?) происхождения (см. Maug. 1, 300; Maughofer IA 1, 444). Эта группа форм к интересующей нас, видимо, отношения не имеет. Также не имеет сюда отношения хсак. *kāḍara* 'меч' (от корня *kart-* 'резать') Bailey 58. Во всяком случае, китайская запись сюннуского слова точно соответствует тюркской форме, а не согдийской или связанным с нею дардским.

Примечание

Это слово сравнивают с названием меча, которым пользовался полубогочжоуский император У (XI в. до н.э.; см. Sanping Chen, CAJ 1998, 37, сн. 64), 輕劍 или 輕呂. Иероглифы: 1) 輕, совр. кит. *qīng*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *khey*, ВХ, ПДК, ср.-кит. *khjeŋ* 'легкий (*no wescu*)' (Karlgren 0831 о); 2) 劍, совр. кит. *jiàn*, др.-кит. *kams*, класс. кит., ЗХ, ВХ *kamh*, РПДК *kàm*, СПДК, ППДК, ср.-кит. *kəm* 'обудо-острый меч', 3) 呂, совр. кит. *lǚ*, др.-кит. *rha?*, класс. кит., ЗХ, ВХ *rhá*, ПДК *lhó*, ср.-кит. *lō* 'древн. позвоночник, муз. флейта' (Karlgren 0076 а-с). По-видимому, первое сочетание не стоит толковать как двусложное не-китайское слово, поскольку оно вполне осмысленно читается по-китайски как «легкий меч» (заметим, однако, что *jiàn* 'меч' не имеет сино-тибетской этимологии). Второе сочетание: для эпохи Чжоу должны братья доклассические древнекитайские чтения, следовательно, это *kheŋ-rha?*. Соответствующее место в ИЗ I 186 (пер. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина): «У-ван лично выпустил в его труп три стрелы, после чего сошел с колесницы, легким мечом пронзил тело...», с комментарием: «Как показали раскопки и исследования новейшего времени, мечи, о которых здесь говорится, могли реально появиться много позднее, только во второй половине эпохи Чжоу» (с. 313). Видимо, следует считать, что Сыма Цянь использовал слово, вошедшее в китайский язык либо при поздней Чжоу, либо при Западной Хань, т. е. в классическом или западноханьском чтении, в обоих случаях это *kheŋ-rhá*, скорее всего, другая запись того же сюннуского слова примерно в том же фонетическом облике.

Пояс: 廓洛, 郭落 (Woodberg 173; Gabain НТВ 23)

Иероглифы

1. 廓, *kuò*, др.-кит. *kh^wāk*, класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *khwāk*, ср.-кит. *khwāk* ‘расширять(ся)’ (Karlgren 0774 g), или 郭, совр. кит. *guō* ‘внешняя стена города’ (Karlgren 0774 a–d), или 鉤, совр. кит. *gōu*, др.-кит., класс. кит. *kō*, ЗХ, ВХ *kwā*, РПДК *kōw*, СПДК, ППДК *kāw*, ср.-кит. *klw* ‘крюк’ (Karlgren 0108 c).

2. 洛, *luò*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *rhāk*, ПДК *lhāk*, ср.-кит. *lāk* ‘Лохэ (река в провинции Хэнань)’ (Karlgren 0766 k–m), или 落, совр. кит. *luò*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *rāk*, ПДК *lāk*, ср.-кит. *lāk* ‘отцветать’ (Karlgren 0766 q).

Чтение и интерпретация зависят от времени транскрипции слова. Для Западной и Восточной Хань (слово впервые фиксируется в Ши цзи) читается: *k(h)wā(k) r(h)āk*, что оправдывало бы чтение Пельо и Будберга **kurak* (а точнее **kur-gak*) (далее связываемое с топаским-табгачским *kur-agčīn*, см. Woodberg). Такое слово можно считать производным от ПТ **Kur* ‘пояс’: як., долган. *kur*, тув. *qur*, хак. *xur*, сюг. *qur*, *qor*, др.-уйг. *qur*, крх.-уйг. *qur* (МК), чаг. *qur* (Pav. С.; Абуш.), ст.-кыпч. *qur* (АН), н.-уйг. *qor* (диал.), тур., татар. *kur*, казах., ккалп., кирг., галт. *qur* (VEWT 301–302; EDT 642; ЭСТЯ 2000, 150–152). Но транскрипция зафиксирована также в Вэй шу, Сун шу и Нань Ци шу, т.е. это заведомо уже постклассический древнекитайский, и иероглифы с **r-* уже должны обозначать слоги с латеральным звуком (соответственно, то же верно и для табгачского производного). В этом случае может передаваться и слово языка-источника с *r* (см. ниже о поздних транскрипциях), и слово языка-источника с латералом. Тогда это может быть тюркское слово, послужившее источником рус. *кушак* (Дмитриев 1958, 28; Шипова 216), ПТ **Kula-k* ‘пояс, кушак’, чаг. *qušaq* (Pav. С.), тур., гаг. *kušak*, туркм. *Gušaq*, татар. *qušaq* (устар.), башк. *qušaq*. Возводится к ПТ **Kula-*, тур. *kuša-* ‘подпоясывать’, см. TMN III 549–550; Дёрфер (и вообще этимологическая традиция, см. VEWT 302; ЭСТЯ 2000, 151 и цитируемую там литературу) считает, что глагол *quša-* и производное от него *qušaq* — результат нерегулярного фонетического развития основы *qurša-*, производной от *qur* ‘пояс’ с помощью глаголообразующего суффикса *-ša-*. Вообще говоря, сам этот суффикс очень сомнительного свойства — естественно было бы считать, что такие образования восходят к отыменному глаголу на *-a*, произведенному от отглагольного имени (масдара) на *-š*. Такая гипотеза между прочим хорошо объясняет наличие у этих образований вариантов на *-ča-* (это производные от отглагольных имен на *-č* — т.е. исторически с вариантом того же суф. *-š*, выступавшим после сонантов), а также то, что Э.В. Севортьян считал свидетельством архаичности аффикса — его способность образовывать глаголы от глагольных основ. По-видимому, это и есть первоначальная область употребления афф. *-ša*, а большая часть приводимых у того же Севортьяна якобы отыменных образований (АГ, 331–336) — это случаи, когда имеются омонимичные именная и глагольная основы. Ср., например, туркм. *ыкжа-* ‘развеваться’, который трактуется как образование от *ык* ‘направ-

ление ветра' при наличии глагола *ык-* 'идти по ветру, быть унесенным ветром'. В некоторых языках, по-видимому, у суффикса развилась вторичная возможность присоединяться к именам (как в случае алт. *kak-ša-* 'сохнуть' и кирг. *толуқ-ша-* 'быть в полной силе'), но как следует представлен по разным тюркским языкам фактически только наш глагол *кур-ša-*. Из двух других, предлагавшихся в этом качестве, глагол *jum-ša-* 'смягчаться', конечно, не имеет отношения к существительному *jum* (точнее, **jum*) 'перо', а частица *-ok* 'именно', от которой, по-видимому, образовано *ok-ša-* 'быть подобным', не является типичным существительным. Поэтому кажется, что мнение о вторичности основы *kuša-* не может считаться однозначно доказанным, и слово *kušak* 'пояс', несмотря на позднюю фиксацию, все же может возводиться на пратюркский уровень (**Ku-la-k*) и считаться прототипом рассматриваемой китайской транскрипции.

Пузатый глиняный кувшин с узким горлом и квадратным дном для хранения вина и кислого молока: 服匱 (Таскин 1973, 168, 156)

Иероглифы

1. 服, совр. кит. *fú*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *bək*, ВХ *bwək*, РПДК *bwik*, СПДК, ППДК *buk*, ср.-кит. *bük* 'платье, одежда' (Karlgren 0934 d-f).

2. 匱, совр. кит. *nì*, др.-кит., класс. кит. *nrək*, ЗХ, ВХ *ṅək*, ПДК *ṅik*, ср.-кит. *nik* 'прятать(ся), скрывать(ся)' (Karlgren 0777 l-m).

Слово зафиксировано в Хань шу. Предположительное чтение: ЗХ, ВХ *bwək ṅək*. Возможно, **böc-lüg*, т.е. «[сосуд] с пробкой», ср. тюрк. **böc* 'затычка, пробка' (чув. *pъ^wgъ^w*, шор. *pök* (P), узб. *pučak* 'пробка', н.-уйг. *pök* 'пробка', татар., башк. *büki* 'пробка', караим. *bök-lä-* (T) 'запирать, закрывать', галт. *bök* 'затвор, пробка'; ср. глагол (отыменной?) **böc-*, **böc-e-* 'ставить плотину, затычку', крх.-уйг. *bök-* 'запрудить' (МК), *böken-* 'быть загороженным (дорога)' (At.), чаг. *böken* 'плотина' (Pav. С. 173) 'пробка', тур. *böke-* (диал.), казах., ккалп. *böge-*, кирг. *bögö-* (EDT 324, 326; VEWT 82, 83; ЭСТЯ 1978, 208–210; Федотов I 395).

Лошадь (?): 𩇑𩇑 (Pulleyblanc 1962, 245)

Иероглифы

1. 𩇑, совр. кит. *jué* 𩇑𩇑 'скаковая лошадь'. Фонетически сходные иероглифы: 𩇑, совр. кит. *jué*, др.-кит. *k^wēt*, класс. кит. *kwēt*, ЗХ *kwjāt*, ВХ *kwiāt*, ПДК *kwiēt*, ср.-кит. *kwiet* зоол. 'сорокопут (*Lanius bucephalus*)' Karlgren 0312 g или 𩇑, совр. кит. *jué*, др.-кит. *k^wēt*, класс. кит. *kwēt*, ЗХ *kwjāt*, ВХ *kwiāt*, ПДК *kwiēt*, ср.-кит. *kwiet* 'make heavy traces in the earth (e.g. horse, when running fast)' (Karlgren 0312 f).

2. 𩇑, совр. кит. *tí* 'скаковая лошадь'. Фонетически сходные иероглифы: 提, совр. *tí*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *dhē*, ВХ *dhiē*, ПДК *dhiēj*, ср.-кит. *diej* 'держат в руке' (Karlgren 0866 n); 提, совр. кит. *tí*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *dē*, ВХ *diē*, ПДК *diej*, ср.-кит. *diej* (Karlgren 0866 e); 𩇑, совр. кит. *tí*, др.-кит. *thē?*, класс. кит., ЗХ *thē*, ВХ *thiē*, ПДК *thiēj*, ср.-кит. *thiej* 'clari-

fi ed red spirits', с Хань используется в сочетании 西醍醐 **dhē-g(h)ā* 'сливки' (**dh-* доказывается фучжоуским *thi*²) (Karlgren 0866 i).

Слово приводится в Ши цзи при описании необычного скота, разводимого сюнну. Значение не вполне ясно: Шовэнь утверждает, что это тип мула, а Сюй Гуан в комментарии к Ши цзи полагает, что это крупные лошади, каких разводят северные варвары, наиболее пригодные для запрягания в повозки и пр. Предположительное чтение: ЗХ *kwjāt-d(h)ē*.

Пуллблэнк связывает это слово с ПЕН. **kuʔs* 'лошадь': кет. *kuʔs*, pl. *kuśn*⁵ 'корова', сым. *kuʔs*, pl. *kusn*⁵, кот. *huš*, pl. *hučan*; арин. *kus* 'жеребец'; *qus* id.; *quše* 'кобыла'; *pinü-kuče* 'кобыла', пумпокол. *kut* 'лошадь' Старостин 1995, 240. Возможно, большую объяснительную силу для зафиксированной китайцами формы представляет следующее построение. ЗХ *kwjāt-d(h)ē* должно соответствовать примерно *k/got-d̄* языка-источника. Это могло бы быть производное от ПТ **gūd-* 'ждать; почитать; пасти': чув. *kət-* 'ждать, пасти', як., долган. *kūt-*, хак. *küzet-*, др.-уйг. *küd-*, крх.-уйг. *küδ-* (МК, QB), чаг. *küt-* 'to lead cattle away from pasture' (Pav. С.; Sangl.), узб. *kut-*, н.-уйг. *küt-*, тур. *güt/d-*, гаг. *güt-*, аз. *güt/d-*, караим., кум. *küt-* 'выполнять', кбалк. *küt-*, татар., башк. *köt-*, казах. *küt-*, ккалп., кирг., галт. *küj-*, *küt-* (EDT 701; VEWT 306, 312; ЭСТЯ 1980, 107–108; вариант корня **gūt-* вторично из **güdü-t-*). Подобное производное (как раз от вторичного варианта корня) мы и находим в тюркских языках, причем можем возводить его к пратюркскому состоянию: ПТ **güdü-t-üg* > **gūd-t-üg*: чув. *kätü* 'стадо, гурт, табун, стая, рой', тур. диал. *güdü*, алт. диал. *küdü*, татар. *kötü*, башк. *kötüw* 'стадо, косяк (коней, крупного рогатого скота), пастьба'. Возможно, что в перечислении разводимых сюнну видов скота рассматриваемая форма значит именно «табуны».

Если твердо придерживаться значения «мул», можно также попытаться обосновать связь сюннуского слова с сак. *khaḍara* 'мул' Bailey 70 (< *xara-tara*, «осло-подобный») или с заимствованным из иран. в тюрк. *qatir*, о котором см. след.кн. Такие версии неоднократно предлагались (см., например, Таскин 1967, 4). Здесь, однако, имеются трудности. Если считать, что это раннесакское (или другое среднеиранское) слово, то его первый согласный должен быть заднеязычным щелевым, который вообще-то обычно передается в китайских транскрипциях иначе — см. ниже о *хатун*. Если же считать, что это уже адаптированный в тюркской языковой среде иранизм, то вопрос с начальным согласным снимается, но все же остается явное изображение огубленности в первом слоге; кроме того, конечное *-r* в ханьских транскрипциях обычно передается как *-n*, а здесь мы видим нулевую передачу.

Низкорослая лошадь, пони (?): 駒駝 (Pulleyblanc 1962, 245)

Иероглифы

1. 駒, совр. кит. *táo* ‘пони таоту’. Фонетически сходный иероглиф: 陶, совр. *táo*, др.-кит., класс. кит. *Lhū*, ЗХ *Lhāw*, ВХ *lhāw*, РПДК *dhāw*, СПДК, ППДК *dhāw*, ср.-кит. *dāw* ‘гончарные изделия’ (Karlgren 1047 d).

2. 駝, совр. кит. *tú* ‘пони таоту’. Фонетически сходные иероглифы: 荼, совр. кит. *tú*, др.-кит., класс. кит. *Lā*, ЗХ, ВХ *lā*, ПДК *dō*, ср.-кит. *do* ‘осот’ (Karlgren 0082 x) и 途, совр. кит. *tú*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *Lhā*, ВХ *lhā*, ПДК *dhō*, ср.-кит. *do* ‘дорога, путь, тропа’ (Karlgren 0082 v).

Слово из Ши цзи, из того же пассажа, что предыдущее. Предположительное чтение: ЗХ *Lhāw Lhā*. В таком виде напрашивается интерпретация через пратюркское **ulala* > общетюрк. *alaša* ‘небольшая лошадь’ (этимологию см. в ЭСТЯ 1974, 136). О подробностях фонетической реконструкции см. СИГТЯ 2006, в частности с. 181: «Развитие **u-* в анлауте: чув. *laža* ‘лошадь’ < пратюрк. **ulata* id. Судя по соответствиям, немногочисленные слова с начальным **l-* получали протезу *a-* или *i-* в части тюркских языков, а в чувашском в качестве протезы был **u-* (**i-* дал бы **jъ-*). То, что протеза действительно была, показывает развитие непервых гласных, ведь **-a-* непервых слогов переходит в чувашский *-a-*, а пратюркский гласный **a* первого слога дает о».

Новокитайская форма была заимствована в тюркские языки Восточно-го Туркестана: чаг. *tatu* Р III 906 (‘Pferd von mittlerem Wuchs und starkem Knochenbau, Wagenpferd’), Пав. С. 194 (‘cheval de trait, cheval fort’), узб. *təti* ‘пони’. Из чагатайского слово было заимствовано в персидский (*tātū* ‘пони’), откуда в ряд новоиндийских языков и в таджикский (*təti*), откуда в киргизский (*totu*) и новоуйгурский (*toti*). Подробно иранские и индийские формы см. в TMN II 434⁶³.

Дикая лошадь (?): 驪駝系 (Pulleyblanc 1962, 245)

Иероглифы

1. 驪, совр. кит. *tuó*, др.-кит. *d(h)ār*, класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *d(h)ān*, ср.-кит. *dā* ‘дикая лошадь’.

2. 駝系. Фонетически сходные иероглифы: 系, совр. кит. *xì*, др.-кит. *gēs* (~ -ks), класс. кит., ЗХ *gēh*, ВХ *giēh*, ПДК *giēj*, ср.-кит. *yièj* ‘связь’ (Karlgren 0876 a–b) и 係, совр. кит. *xì*, др.-кит. *kēs* (~ -ks), класс. кит., ЗХ *kēh*, ВХ *kiēh*, ПДК *kiēj*, ср.-кит. *kiej* ‘связывать’ (Karlgren 0876 c).

Также из Ши цзи. Предположительное чтение: ЗХ *d(h)ān-gēh/ kēh*. По-видимому, можно предложить в качестве интерпретации ПТ **Tak̄i* ‘дикая лошадь или самка дикого осла’: средне-др.-уйг. *taɣi* (кит.-уйг. словарь

⁶³ Ошибочная этимология («фоносемантической природы»), вслед за Turner 5440, приведена в ЭСВЯ 372 для вахан. *totuw* ‘пони’; все приведенные иранские, индоарийские и тибетские формы, естественно, являются заимствованием того же новокитайского слова.

XIV в.; QB), см. EDT 466; (?) дун.-булг. *toxə* ‘лошадь’ в болгарском именнике (см. Мудрак, Заметки 97); заимствовано в монг. *taki* ‘дикая лошадь’. Для такого прочтения приходится пренебречь *-n*, которое должно было бы обозначать *-r* или *-n*.

Порода (или масть?) лошади: 𠂇𠂇 (Schafer 1950, 274)

𠂇, совр. кит. *qióng*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *g(h)oj*, ср.-кит. *gōij* ‘саранча; сверчок’ (Karlgren 1172 e).

Слово цитируется у западноханьского поэта Сыма Сян-жу, упомянутого в главе 117 труда Сыма Цяня. Предположительное чтение: ЗХ *g(h)oj g(h)oj*. Скорее всего, имелась в виду масть лошади ПТ **Коңур* ‘рыжевато-бурый, темно-коричневый’, чув. *xə^wтə^wr*, як. *qoŋor*, тув., хак. *xōr*, сюг. *qoŋɨr*, крх.-уйг. *qoŋur* (МК), ср.-уйг. *qoŋur* (ИМ), чаг. *qoŋur* (Pav. С.), узб. *qoŋyir*, тур. *koŋur*, *goŋur* (диал.), гаг. *qomur*, аз. *Gonur*, туркм. *Goŋur*, кум., кбалк. *qoŋur*, татар. *qoŋyɨr*, башк. *qoŋɨr*, ног., казах., ккалп. *qoŋɨr*, кирг. *qoŋur*, галт. *qoŋɨr* (VEWT 280–281; TMN III 525; EDT 639; ЭСТЯ 2000, 62–65). Финаль второго слога в этом случае передана неточно, для точной передачи следовало выбрать слог с конечным *-n*, но, возможно, транскриптор предпочел точной передаче фонетическую редупликацию.

Верблюды: 橐駝 (Pulleyblanc 1962, 245)

Иероглифы

1. 橐, совр. кит. *tuó* ‘мешочек; торба’ (Karlgren 0795 p; Крюков 0658). Фонетическая история сходна с 託, совр. кит. *tuō*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *thāk*, ср.-кит. *thāk* ‘поручать’ (Karlgren 0780 e).

2. 駝, совр. кит. *tuó*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *lhāj*, ВХ *lhā*, ПДК *dhā*, ср.-кит. *dā* ‘верблюд’ (начиная с Хань); практически — в составе композита 駝駝 ‘верблюд’.

Также из Ши цзи. Пуллиблэнк не предлагает иноязычной интерпретации этого двусложного слова (оно может толковаться как «вьючный верблюд», но то, что вторая часть композита значит «верблюд» только с Хань, наводит на подозрения о заимствовании; сино-тибетской этимологии нет). Предположительное чтение: ЗХ *thāk lhāj*. Ср. тур. *taylak*, узб., уйг., казах., ккалп., кирг. *тайлак* ‘верблюжонок’ (по второму году или двухлетний), аз. *dağlağ* ‘жеребенок от 6 мес. до 2 лет’ Щербак ИРЛТЯ 107 — произв. от ПТ **taj* ‘жеребенок после года’: тур., кирг., алт. и т.д. *taj*, як. *těj*, чув. *tixa* < **tjxa* < ПТ **taj-kak* (уменьш.), венг. (из болгар.) *csikó*, см. Федотов II 237⁶⁴.

⁶⁴ Второе написание слова (по Хоу Хань шу) — 駝駝, где первый иероглиф должен читаться как *luò*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *rhāk*, ПДК *lhāk*, ср.-кит. *lāk*. О различных гипотетических интерпретациях см. Schafer 1950, 179–173; кажется, что удачных среди них нет. Возможно, что первый слог слова был заимствован из среднекитайского в новоперсидское *lōk* ‘короткошерстый вьючный верблюд’, откуда в тюрк. Литературу вопроса и гипотезы см. в ЭСТЯ 2006, 10; с фонетической точки зрения нам кажется

Землянки: 毘脫 (ИЗ VIII, 328)

Иероглифы

1. 毘, совр. кит. *ǒu*, др.-кит. *ʔǒʔ*, класс. кит. *ʔǒ*, ЗХ, ВХ *ʔwǎ*, РПДК *ʔǒw*, СПДК, ППДК *ʔǒw*, ср.-кит. *ʔǒw* ‘драться, бить’ (Karlgren 0122).

2. 脫, совр. кит. *tuō*, др.-кит. *lǒt*, класс. кит. *lǒwāt*, ЗХ, ВХ *lǒwāt*, ПДК *thwāt*, ср.-кит. *thwāt* ‘снимать (*шляпу, платье*)’ (Karlgren 0324 m).

Предположительное чтение — ЗХ *ʔwǎ lǒwāt* или (как показано было Пуллиблэнком относительно других слогов с инициальной *ʔ*), *ʔwǎ lǒwāt*. В «Повествовании о сюнну» Сыма Цяня (Ши цзи, гл. 111) читаем: «Между сюнну и дунху лежали заброшенные земли, которые на протяжении более тысячи *ли* не были заселены, люди жили лишь по краям этого района, создавая *оуто*» (ИЗ VIII, 328). Как перевод, в комментарии Вяткиных и Карапетьянца, в указателе понятий предлагается «приграничные посты или заставы сюнну». У Таскина (Таскин 1967, 131) цитируется ранний комментарий Фу Цяня, где это слово толкуется как «земляной дом для наблюдения за ханьцами», но это толкование оспаривается. Имеются контексты, где речь идет о «начальнике *оуто*», так что более адекватным кажется толкование ‘военный лагерь, застава, поселение кочевников’. Фонетически невозможно сведение к тюрк. *ordu* ‘ставка’, как пытаются сделать Таскин и Дёрфер (TMN II 35). Сопоставимо с ПТ **Koλ* ‘хижина, лачуга, лагерь’, чув. *xižə, xižə, xižə*, як. *xos* ‘гоом’, тув. *qoš* ‘караван’, ср.-уйг. *qoš* ‘семья’ (Tfs.), чаг. *qoš* ‘стоянка, лагерь’ (Pav. C.), ‘жилище’ (Sangl.), туркм. *Goš*, кум., кбалк. *qoš*, татар. *quš, qiwš, qiwš*, башк. *qiwš*, ног., казах., ккалп. *qos* (VEWT 283; EDT 670; СИГТЯ 2000, 491–492; Федотов II 375–376; ЭСТЯ 2000, 90–94; о предполагавшемся заимствовании в тюркский из тохарского *koškīye* ‘павильон’ см. ниже). Тюрк. > п.-монг. *qos, qosi-liy* (Clark 1980, 42), калм. *xoš* (KWb 189). В китайский попала в этом случае архаическая форма множественного числа, **xoλ-ut* — см. о показателе мн. ч. -*It* в СИГТЯ 2006, 228–229.

Предположительно иранские слова

Какой-то тип айрана: 酪 (Pulleyblanc 1962, 250, 253)

酪, совр. *lào*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *rāk*, ПДК *lāk*, ср.-кит. *lāk* ‘кумыс; варенье; вина, хмельное’ (Karlgren 0766 p).

Слово впервые встречено в Ши цзи, соответственно, ЗХ *rāk*. По-видимому, должно интерпретироваться через сак. *ragai* ‘fermented liquor’ (см. Bailey 356; словарная статья, в частности, содержит ряд гипотез о связях между различными названиями напитков в регионе). Сакская форма, возможно, связана с осет. *rong* Аб. II 421–422 ‘хмельной медовый напиток’ и в этом случае восходит к ПИран. **ranka-* (с суф. *-aka*).

наиболее вероятной именно такая последовательность заимствования. Или ср. сак. *ula* ‘camel’ (Bailey 40: < **uštra-*)?

Молоко: 漚 (Pulleyblanc 1962, 250)

漚, совр. кит. *dòng*, др.-кит. *troŋs*, класс. кит. *troŋh*, ЗХ, ВХ *toŋh*, ПДК *toŋ*, ср.-кит. *toŋ* ‘молоко, кумыс’ (Karlgren 1188 с; значение засвидетельствовано с Хань; употребляется при описании приготовления напитка из сбитого кобыльего молока).

Слово в этом значении впервые появляется в Ши цзи; предполагаемое чтение — ЗХ *toŋh*. Слово можно сравнить с иран. **dauy-na* (производное от глагола **duž-* ‘дойть’) > осет. *donq/dony* ‘молоко одного удоя’, возможно, также вахан. *dingŋi* ‘молочные продукты’ (собр.). Ср. также **dauga-* > кл. перс. *dōy* ‘пахтанье’, совр. перс. *duy* ‘прохладительный напиток из сбитого кислого молока’, курд. *dō* ‘пахтанье’, пушту *hway* ‘удой, надой’, шугн. *dūy*, язг. *dəy*, вахан. *diŋ* ‘пахтанье, сыворотка’ (Аб. I 364, 371; Рас-торгуева–Эдельман 2, 407–408).

Сливки, масло: 酥, 酥酪 (Pulleyblanc 1962, 254)

酥, совр. кит. *sū* ‘творог, сыр; печенье из муки и масла’; СТ этимологии нет. Источник: Шовэнь (I в. до н.э.). В ханьских транскрипциях употребляется также иероглиф 蘇, совр. кит. *sū*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *sā*, ПДК *sō*, ср.-кит. *so* ‘мелисса китайская’ (Karlgren 0067 a–b).

Предположительное чтение — ЗХ *sā* (обычно в сочетании *sā rāk*). Пул-либлэнк отождествляет это слово с кет. *so*, енисейская этимология: ПЕН. **so(wV)* ‘fat’, кет. *so* ‘aus Fischdärmen gekochtes Fett’ (Werner 2002, 2, 168). Кетское слово, по-видимому, родственно на синокавказском уровне кит. 腓 **shāw* ‘fat of swine or dog’ (см. базу данных по синокавказской этимологии на starling.rinet.ru). Семантика енисейского слова, как и его китайской параллели, не очень соответствует предполагаемому сюннускому заимствованию. Ср., однако, др.-инд. *śaras-* ‘пенка на молоке, сливки, кислые сливки’ (с Яджнурведы), ория *sara* ‘сливки, жирное молоко’ (Mayrhofer IA 2, 617; Turner 12332). В этимологической литературе иранских параллелей к индийскому слову не обнаруживается (осет. *syly* ‘свежая сыворотка’ фонетически сюда не относится, см. Аб. III 196); кажется, однако, возможным предложить считать народно-этимологическим развитием праиранского соответствия индийской формы, **sarah-*, такие иранские словосочетания, как осет. *æhsyry særtæ*, перс. *šīr sar* Аб. III 75 ‘сливки’, букв. — «головка (кислого молока)». В таком случае, китайская транскрипция может относиться к (незафиксированному) производному этого соответствия в каком-то из среднеиранских языков, **sara-ka*⁶⁵. Имеются в виду сливки и масло, кото-

⁶⁵ Соблазнительно попытаться связать такое название сливок с встречающимся в сибирских тюркских языках названием сливочного масла, которое расценивается обычно как сочетание «желтый жир»: хак. *сармай*, алт. *сары май* (**sariġ bañ*), тув. *саржаг* (**sariġ jag*), як. *арагас* (**sariġ-gač* с субстантивным суффиксом). Можно предположить народную этимологизацию среднеиранского заимствования. Непосредственно связывать китайскую фиксацию с тюркским **sariġ* не хочется, поскольку для

рые как более легкая часть всплывают, ср. цитируемое Пуллиблэнком объяснение Ли Ши-чэня: «Су — это то, что образует плавающий слой на поверхности *лао*».

Светлый кумыс или осветленное масло: 醞醞 (Pulleyblanc 1962, 255)

Иероглифы

1. 醞, совр. кит. *tǐ*, др.-кит. *thē?*, класс. кит., ЗХ *thé*, ВХ *thiě*, ПДК *thiěj*, ср.-кит. *thiej* ‘clarified red spirits’ (Karlgren 0866 i; с поздней Чжоу). Позднее используется в сочетании 醞醞 **dhē-g(h)ā* ‘сливки’ (**dh-* доказывается фучжоуским *thi²*).

2. 醞, совр. кит. *hú*. Фонетически сходные иероглифы: 胡, совр. кит. *hú*, др.-кит., класс. кит. *ghā*, ЗХ, ВХ *γā*, ПДК *γō*, ср.-кит. *γo* ‘ху (название северных племен)’ (Karlgren 0049 a); 瑚, совр. *hú*, др.-кит., класс. кит. *g(h)ā*, ЗХ, ВХ, ПДК *gā* (~ *γ-*), ср.-кит. *γo* ‘священный сосуд’ (Karlgren 0049 i); 糊, совр. кит. *hú*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *gā*, ПДК *gō*, ср.-кит. *γo* ‘клей’.

Предположительное чтение — ЗХ *t(h)ē-g(h)ā*. В Шовэнь толкуется как «чистая разновидность *лао*». В буддийских текстах употребляется для обозначения рафинированного растительного масла. Пуллиблэнк пытается связать с монг. *čegēn* ‘кумыс’ на том основании, что монг. *čī* может восходить к **tī*; это так, но как раз в слове **čege-γen* ‘светлый, белый; кумыс’ (KWB 426) этого сочетания нет, ср. совр. монг. *цэгээ(н)* ‘кумыс’. Нельзя ли считать кит. слово транскрипцией ср.-иран. **doga-(ya)*: ПИран. **dauga-* > кл. перс. *dōy* ‘пахтанье’, совр. перс. *duy* ‘прохладительный напиток из сбитого кислого молока’, курд. *dō* ‘пахтанье’, пушту *lway* ‘удой, надой’, шугн. *dūy*, язг. *dəy*, вахан. *diŷ* ‘пахтанье, сыворотка’ (Аб. I 364, 371; Расторгуева–Эдельман 2, 407–408⁶⁶)? Или к ПИран. **dag-* ‘жечь’ (Расторгуева–Эдельман 2, 279)?

Сапог: 鞞鞞 (Pulleyblanc 1962, 243)

Иероглифы

1. 鞞, совр. кит. *suǒ*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *sāk*, ср.-кит. *sāk* ‘веревка’ (Karlgren 0770 a).

2. 鞞, совр. кит. *zé*, др.-кит., класс. кит. *Ľ(h)āk*, ЗХ, ВХ *lāk* (~ *lh-*), ПДК *d(h)āk*, ср.-кит. *ḍāik* ‘выбирать, отбирать’ (Karlgren 0790 n).

Слово охарактеризовано в китайском источнике как хуское (Шимин — толковый словарь эпохи Восточная Хань — ‘сапог с голенищем, низким спереди’). Предположительное чтение: ВХ *sāk-lāk*. Для чтения **sak-ḍak*, предлагаемого Пуллиблэнком (в его же более новой реконструкции **sak-*

описываемой эпохи праторжский еще должен был сохранять начальный дифтонг (отразившийся в чувашской палатализации: *иурă*), следов которого здесь мы не видим.

⁶⁶ Ср. венг. *tej* ‘молоко’ (MNYTESz III 876), возводимое к ПИран. корню **dāi-* ‘кормить грудью; сосать’, считается аланским заимствованием, однако в иранских языках нет производных от этого корня со значением ‘молоко’, см. Расторгуева–Эдельман 2, 445–448.

lak, см. ЗТ 66), имеется иранская этимология, предложенная Г. Бейли (см. Bailey 1981, 23): к **sax-ta-ka* ‘приготовленный, обработанный’ из сочетания «выделанная кожа», ср. ср.-перс. *mōčak saxtak* ‘a boot made of worked leather’. Но для ВХ такое прочтение слишком позднее. При чтении *sāk-lāk* слово можно было бы связывать с вост.-иран. **skel-* ‘часть ноги’ (> осет. *sk’lil/sk’elæ* ‘пятка, голень’, скиф. *Σkil-* Аб. III 124–125, сак. *sālye* ‘leg’ (< **skāl-ika-*?), = н.-перс. *šal* ‘thigh’ (Bailey 424; Horn 175). Во всяком случае, енисейская этимология, предложенная Пуллиблэнком (и ранее Лигети — см. Ligeti 1950), — кет. *śagdi*⁵, pl. *śagdeŋ*⁵ ‘обувь’ (Старостин 1995, 270). Кетское слово не имеет внешней этимологии, кроме вышеупомянутого предположения об иранском заимствовании.

Ложка: 留犁 (Таскин 1973, 142)

Иероглифы

1. 留, совр. кит. *liú*, др.-кит., класс. кит. *rhiw*, ЗХ, ВХ *rhjəw*, ПДК *lhjiw*, ср.-кит. *ləw* ‘оставить, задержать’ (Karlgren 1114 p-r).

2. 犁, совр. кит. *lǐ*, др.-кит. *rēj* (~ -īj), класс. кит., ЗХ, ВХ *rēj*, ПДК *lāj*, ср.-кит. *liej* ‘плуг, соха; пахать’ (Karlgren 0519 g).

Слово зафиксировано в Хань шу; это ложка, используемая сюнну для жертвоприношений («Шаньюй смешал вино с кровью мечом и золотой ложкой» — Таскин 1973, 38). Предположительное чтение: ЗХ *rhjəw rēj*, приблизительный прототип: *ruri*. Ср. авест. *urunya-* (Barth. 1532) ‘посуда для *myazda* (жертвенной еды), ковш, блюдо», авест. *urwāθra-* (adj.) ‘смывающий, очищающий’ (Barth. 1544), ПИран. **rwatra-*, если предполагать сакский переход *-θr-* > *-r-* (ОИЯ 1981, 245).

Гребень: 枇梳 (Таскин 1967, 142)

Иероглифы

1. 枇, совр. кит. *pí*, др.-кит. *bij*s, класс. кит. *bić*, ЗХ, ВХ *bjās*, РПДК *bjiś*, СПДК *bji*, ППДК *bji*, ср.-кит. *bji* ‘гребень’ (с эпохи Хань).

2. 梳, совр. кит. *shū*, др.-кит., класс. кит. *sra*, ЗХ, ВХ *ša*, ПДК *šo*, ср.-кит. *šō* ‘гребень’ (с эпохи Хань).

Слово встречено в Хань шу. По объяснению танского комментатора Янь Ши-гу (581–645), это украшение для заплетенных волос, сделанное из золота; в списке подарков от императора к шаньюю. Сиратори полагал слово сюннуским. ЗХ *bjās ša*. Напоминает иранский корень **paś-* ‘расчесывать’ (ПИЕ **pek-* ‘чесать или стричь шерсть’, WP II 17) с многочисленными производными: осет. *sær-vasæŋ* ‘гребень’ (первое слово в композите — «голова») (< **pāsana*), вахан. *nəbəsŋ*, *ni-pes* ‘расческа’ (< **ni-pasana*, **ni-pasa-*), ягноб. *nipša*; пехл. *šānak*, перс. *šāna* ‘гребень’ (< **fšānaka*), пушту *žmanj*, сангл. *āfšūn*, йидга *šfn*, мундж., ишк. *šəfūn* (< **fšāna-*), (?) шугн. *wixāy-* ‘to comb’, *wixūyž* ‘comb’ (< **vi-fša-*) (Mgst. Shugn. 94; Аб. I 424, III 87; ЭСВЯ 247; Расторгуева–Эдельман 3, 87); ср. характерность

золотых гребней-украшений для археологических культур скифского круга. Китайская транскрипция могла бы изображать форму какого-то среднеиранского языка типа **pasa-ča* (со стандартным иранским словообразовательным суффиксом).

Небо (?), ороним: 祁連 (Таскин 1967, 75)

Иероглифы

1. 祁, совр. кит. *qí*, др.-кит., класс. кит. *gij*, ЗХ, ВХ *gǎj*, РПДК, СПДК *gij*, ППДК, ср.-кит. *gji* 'изобилие' (Karlgren 0553 i).

2. 連, совр. кит. *lián*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *ran*, ПДК *len*, ср.-кит. *len* 'следовать непрерывно' (Karlgren 0213 a).

Слово встречено в Ши цзи, в названии гор Цилян, принадлежавших сюнну и славившихся хорошими пастбищами. Танский комментатор Янь Ши-гу считает, что это — сюннуское слово со значением «небо» (Таскин 1967, 75). Предположительное чтение: ЗХ *gǎj ran*; если эпохи Тан, то *gji len*. Таскин выражает сомнение в том, что китайский комментатор здесь имел хоть какие-то основания для толкования «небо», кроме желания связать топоним с китайским топонимом Тяньшань («небесные горы»). Ср. сак. *gara-*, *gari-* 'гора', gen. pl. (Zambasta) *ggarīnu*, *garānu*, *garām*, авест. *gairi-*, санскр. *giri-*, ПИЕ **g^wer-* (Bailey 80; Расторгуева–Эдельман 3, 191–193; Pok. 477–478).

Тохарский?

Сушеный творог: 𑖠𑖡𑖢 (Pulleyblanc 1962, 255)

Иероглифы

1. 𑖠, др.-кит. *mēk* (~ *-k^w*), класс. кит., ЗХ *mēk*, ВХ, ПДК *miēk*, ср.-кит. *miek* (Karlgren 0859 a–b).

2. 𑖡, совр. кит. *lǐ* 'червь-древоточец; точить', фонетически сходный знак 婁, совр. кит. *lóu*, др.-кит., класс. кит. *ro*, ЗХ, ВХ *rwa*, ПДК *lwo*, ср.-кит. *liü* 'тащить' (Karlgren 0123 a).

Это слово обнаружено в оде «Чан-ян фу» поэта I в. до н.э. Ян Сюна, цитируемой в Хань шу, в перечислении ущерба, который китайцы нанесли сюнну («сломали их палатки, разогнали верблюдов и сожгли *ми-ло*»); слово больше нигде не зафиксировано, комментатор Чжан Янь объясняет его как «сушеный *лао*, употребляемый для закваски». Предположительное чтение: ЗХ *mēk rwa*. Пуллиблэнк не обнаружил подходящего прототипа. Не может ли это быть тохарское А *malke*, В *malower* 'молоко', имя по глаголу *mālk-* 'доить' (ПТох. **mālk-* < ПИЕ **melg-* 'доить, выжимать, стирать'), см. Adams №2447?

Монгольский?

Пряжка: 犀毗 (Таскин 1967, 45)⁶⁷

Иероглифы

1. 犀, совр. кит. *xī*, др.-кит. *slhāj*, класс. кит., ЗХ *sāj*, ВХ *lāj*, ПДК *sāj*, ср.-кит. *siej* ‘носорог’ (Karlgren 0596 a–b). Позже писалось 犀, совр. кит. *xīān*, др.-кит. *shar*, класс. кит., ЗХ *shan*, ВХ *shjan*, ПДК *shjen*, ср.-кит. *sjen* ‘новый, молодой’ (Karlgren 0209 a–c) и 犀, совр. кит. *shī*, др.-кит., класс. кит. *srij*, ЗХ *sjāj*, ВХ *šāj*, ПДК *šij*, ср.-кит. *ši* ‘войско’ (Karlgren 0559 a–e).

2. 毗, совр. кит. *pí*, др.-кит., класс. кит. *b(h)ij*, ЗХ, ВХ *b(h)jaj*, РПДК, СПДК *b(h)jij*, ППДК *b(h)ji*, ср.-кит. *bji* ‘расширять’ (Karlgren 0566 u).

Слово известно с III в. до н.э. (Хуайнань цзи), имеется также в Ши цзи, гл. 110 («Повествование о сюнну»), толкуется как украшение из желтого золота на поясе (в перечне подарков от императора шаньюю). Было сочтено гунским в упомянутых работах Пельо и Сиратори. Наиболее раннее из возможных чтений — ЗХ *sāj b(h)jaj*. Кажется возможным сравнивать это слово с монг. **silbi* ‘пуговичная петля’, ср. п.-монг. *silbi* (Less. 705), халха *šilbe*, бур. *šelbe*, калм. *šilwə*, ордос. *šilbe (šilbi)* (KWb 357). Монг. > галт. *šilbi*. Предлагалась алтайская этимология: ПАЛт. **sela* ‘защелка, петля’ (EDAL). Возможно, слово не сюннуское, а сяньбийское (табгачское)?

Поздние записи

Предположительно тюркские слова

Железо: 鐵伐 (Дёрфер ЗТ 76–77; Shiratori 06)

Иероглифы

1. 鐵, *tiē* 3, ср.-кит. *thiet*, др.-кит. *l hūt*, ЗХ *lhjēt*, ВХ *līēt*, РПДК *thiēt* ‘железо’.

2. 伐, *fá*, *fā*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *b(h)at*, ВХ, РПДК *b(h)wat*, СПДК, ППДК *b(h)wət*, ср.-кит. *bwət* ‘нападать’ (Karlgren 0307 a–e).

Слово характеризуется как сюннуское название железа в Цинь шу, гл. 130, Вэй шу, гл. 95 (упоминается ради объяснения смысла родового имени Тиефу, о котором см. ниже). Предположительное чтение — РПДК *thiēt b(h)wət*. Пуллиблэнк (Pulleyblanc 1962) связывал с енис. **tVp* ‘железо’, арин. *ter*. Однако ср. позднедревнекитайское **iēt-mhwīt*, которое (в фонетике *r*-диалекта) явилось источником тюрк. **Temür*. Скорее всего, здесь мы имеем дело с китайской передачей уже освоенного тюрками китаизма, услышанного транскриптом как **tē(r)bür*.

⁶⁷ См. также: Maenchen-Helfen O. Are Chinese *hsi-p'i* and *kuo-lo* IE loan words? // Language 24, № 4, Oct.-Dec., 1945, 256–260.

(?) Железо у кыркызов: 迦沙 (Ligeti 1950, 150–154)

Иероглифы

1. 迦 *jiā* ‘буддизм; будда’ БКРС 11067 (выступает в транскрипциях с санскрита как *ka, kā*); иероглиф с тем же фонетиком — например, 珈 *jiā*, др.-кит., класс. кит., 3X *krāj*, ВХ *krā*, ПДК *kā*, ср.-кит. *ka* ‘булавка для волос’ (Karlgren 0015 d).

2. 沙 *shā*, др.-кит., класс. кит. *srāj*, 3X *sāj*, ВХ *šā*, ПДК *šā*, ср.-кит. *ša* ‘песок’ (Karlgren 0016 a–c).

Слово из Тан шу. Предположительное чтение: ППДК *kā šā*. Слово широко используется в литературе при попытках установления этнической принадлежности кыркызов, причем, поскольку параллель ему находится в селькупском *kezi, kēzā, kwez, kwezi* ‘железо’ или мансийском *āt-küš, oāt-khwēs* ‘свинец’, предполагается первоначально не-тюркская (уральская?) принадлежность кыркызов. Насколько можно понять из исторической литературы, это — единственное лингвистическое свидетельство не-тюркского характера древнекыркызовского языка (ср. явно тюркское 甘 РПДК *kām* ‘шаман’ и нек. др. — Ligeti 1950, 150). При этом мансийская и селькупская формы очень поздние и восходят к ПуР. **waške* ‘irgendein Metall’ (UEW 560), так что это сопоставление для V в. н.э. не проходит⁶⁸. Если обратиться к тексту, то в нем читаем (гл. 217, 11a, Ligeti 1950, 150, сн. 15): «У кыркызов есть золото, железо, олово, и каждый раз, как идет дождь, у них есть железо, которое они называют *ка-ша*». Смысл отрывка заставляет усомниться в том, что речь действительно идет о железе, добыча которого как будто ни при какой технологии не связана с дождливой погодой. Может быть, хронист запутался, и в действительности речь шла о шаманском дождевом камне, с помощью которого вызывают дождь (см. ниже о др.-уйг. *jāt* ‘волшебство, волшебный камень’ из согд.) и в качестве которого часто использовалась яшма или нефрит, по-тюркски — **Kāl*, тув. *xaš*, крх.-уйг. *qaš* (МК), чаг. *qaš* (Houts.; IM; Pav. С.; МА), н.-уйг. *qaš*, тур. *kaš*, аз. *Gaš*, туркм. *Gāš*, кум., татар., башк. *qaš*, ног. *gas*, кирг. *qaš* (EDT 669; тюрк. > монг. *gas(i)*, (HY) *qaši*, см. Clark 1980, 41, 42; Щербак 1997, 134. Этим, конечно, не снимается полностью проблема бродячего названия железа в регионе, ср. киданьское *yāt-žwit* ‘железо’ (Ligeti 1950, 155)⁶⁹, и, возможно, связанное с ним дагурское *kaso, kašo* ‘железо’ (Тод. Даг., 148, этимология неизвестна). Ср. сак. *hīśsanā-* ‘железо’ и другие иранские формы в ЭСВЯ 427–428 (возводимые приблизительно к ПИран. **hau-šūana-* > **ho-svana-* ‘хорошее железо’). Киданьская форма очень напоминает, в частности, тохарскую (тох. В *eñsiwo* ~ *iñsiwo* ‘iron’, А **añcu* (id.)

⁶⁸ См. критику кыркызовско-селькупского сопоставления также в Хелимский 2000, 387–388.

⁶⁹ Иероглифы: 曷 *hé*, др.-кит., класс. кит. *ghāt*, 3X, ВХ, ПДК *yāt*, ср.-кит. *yāt* (Karlgren 0313 d) и 𠂔 *shu*, др.-кит. *lut*, класс. кит., 3X *hwət*, ВХ *žwət*, ПДК *žwät*, ср.-кит. *žwit* (Karlgren 0497 a–b).

(adj. *añcwāsi*), ПТох. **eñcuwo*), еще больше — хорезмийскую *hnčw* ‘steel’, гораздо меньше — сопоставляемое с ними осет. *āndon* ‘steel’.

Могилы: 逗落 (Shiratori 03)

Иероглифы

1. 逗 *dòu*, др.-кит. *d(h)ōs*, класс. кит. *d(h)ōh*, ЗХ, ВХ *d(h)wāh*, РПДК *d(h)ōw*, СПДК, ППДК *d(h)ōw*, ср.-кит. *dāw* ‘останавливаться’.

2. 落 *luò*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *rāk*, ПДК *lāk*, ср.-кит. *lāk* ‘опадать, отцветать’ (Karlgren 0766 q).

Слово употреблено поздним комментатором Сыма Цяня эпохи Цзинь (IV в. н.э.), Чжан Хуа. Он пишет, что так называется могильный курган у сюнну. Предполагаемое чтение: ЗХ *d(h)wāh rāk*, РПДК *d(h)ōw lāk*. Следует читать, видимо, как **durak*, именное производное от ПТ **dur-* ‘стоять, находиться’ (VEWT 500; EDT 529–530; ЭСТЯ 1980, 296–301). Производное **duruk*/**durak* зафиксировано с позднего древнеуйгурского: др.-уйг. (USp.) *turug* ‘укрытие’ (для скота), крх.-уйг. *turug* ‘укрытие в горах; летняя стоянка’ (МК), ‘место, чтобы стоять’ (QB), тур. *durak*, гаг. *duruk*, татар., башк. *torak*, казах., ккалп., кирг. *turaq* ‘остановка, стоянка, стойбище, пристанище’, галт. *turu* ‘стойбище, местопребывание зверей’ (Верб. 378). Можно предполагать метафорическое употребление, как «пристанище» (таким образом наше толкование совпадает с толкованием В.М. Панова, см. Панов 1916). Сюннуские царские могилы представляли собой огромные курганные сооружения с двойным срубом внутри, см. ВТ 1995, 320.

Какой-то пушной зверь: 昆子 (Pulleyblanc 1962, 226)

Иероглифы

1. 昆 *kūn*, др.-кит. *kūn*, класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *kwēn*, ср.-кит. *kon* ‘старший брат’ (Karlgren 0417 a–b).

2. 子 *zǐ*, *zǐ*, *jì*, *cǐ*, др.-кит. *cəʔ*, *cəʔs*, класс. кит., ЗХ *cá*, ВХ *cjǎ*, ПДК *cjǎ*, ср.-кит. *cjǎ*, *cjǎ* ‘сын; дитя; дети’ (Karlgren 0964 a–j).

Слово употреблено в Вэй Лю, обозначает пушного зверя, на которого охотятся на территории динлинов. Учитывая датировку около IV в. н.э., следует исходить из чтения ПДК *kwēn cjǎ*. Традиционно полагают, что это тюрк. **karsak* ‘степная лисица’. Предлагалось также связывать кит. чтение с монг. (**kirsa*) и ТМ (**karsa(n)*?) формами, родственными тюркской.

Примечание

Этимология тюркского слова и связанных с ним форм других алтайских языков представляет некоторые проблемы: др.-уйг. *qarsaq* (Suv.); крх.-уйг. *qarsaq* (МК); ср.-кыпч. *qarsaq* (CCum; Ettuh.); чаг. *qarsaq* (Sangl.); ст.-осм. *qarsaq* (TS IV 2319); туркм. *Garsaq*; татар. *qarsaq* (> чув. *karsak*), башк. *qarθaq*, казах., ккалп., ног., кирг. *qarsaq*; узб. *qarsāq*. ‘Степная лисица’ — во всех источниках; ‘заяц-русак’ —

чув.; (метафорич.) ‘низкорослый’ — туркм., татар., башк., кирг.⁷⁰ (см. VEWT 238–239; EDT 663; ИРЛТЯ 135–136; ЭСТЯ 1997 и цитированную там литературу; СИГТЯ 2000, 161). Тюрк. слово, возможно, родственно монг. *kirsa* ‘серая степная лисица’, заимствованному в тюркские языки Сибири, откуда в тунгусо-маньчжурские языки (см. KWb 232b; Рас. МБЗ 67; ССТМЯ 1, 399). Относительно семантики следует отметить чув. *карсак* (по фонетике явно заимств. из татарского) = мар. «заяц-русак» (Ахметьянов 2001, 93) и формально исконное хак. *харпак* ‘соболь-лапка’ (используется для оторочки шубы) = у Verb. 133 *карсак* с пометой «аб.» (и *карсактынг анг* ‘соболь’, тоже «аб.», вопреки Новиковой не «алт.»)⁷¹. По-видимому, исконно родственно тюркскому монг. **kirsa* ‘степная лиса’: п.-монг. *kirsa* (Less. 472), ср.-монг. *kirsa* (НУ 10), халха *x'ars*, калм. *kirsa*, ордос. *girsā* (KWb 232)⁷². Монг. > кирг. *q̄rsa* ‘степная лиса’⁷³, галт. *кырса* ‘сука’, як. *k̄rsa* ‘песец’, тув. *кырза, чыдыг-кырза* (букв. «вонючая кырза») ‘хорек’ (VEWT 267; Татаринцев III 421), эвенк. *kirsa* Тк., Тмт., Учр., Члм., Алд., Урм., Сх. ‘песец’ (из як.), Чмк. ‘песец, ласка’ (Василевич; Романова–Мыреева), эвен. *kirsa, kirha* ‘песец’ (из як.), маньчж. *kirsa* ‘серая степная лисица’ (Захаров 277), см. ССТМЯ 1, 399; Rozycki 140. Имеется также ТМ **karsa* ‘куница’: маньчж. *χarsa* ‘куница’ Захаров 396, нан. Нх *xarsa*, Бк *qarsa* ‘куница’, К-У *qarsa* ‘росомаха’, ороц. *xāsa(n)* ‘карсак, куница’ (Авр.–Леб. 244), уд. *kahā* (< **karsa-i*, с уменьш. афф.) ‘куница’ (Корм. 246), см. ССТМЯ 1, 361. Что касается ороцкого, видимо, имеется в виду куница-харза (поскольку лисица корсак на этой территории не водится, см. карту 57 на с. 110 в «Млекопитающие СССР»; это животное степной и пустынной зон); об этой кунице с длиной тела до 80 см, питающейся детенышами копытных, см. там же, с. 141, распространение — Дальний Восток (карта 78). Видимо, именно эта куница имеется в виду и под переводами всех ТМ форм. В EDAL предположено алтайское родство для ТМ с монг. и тюрк., но в принципе все ТМ формы могут быть заимствованы из монг. через чжурчженский (ср. *x-* в начале маньчж. и нан. Нх форм, что скорее указывает на монголизм); впрочем, это должно было произойти довольно рано (изменение семантики; переход в *n*-склонение в ороц.). С другой стороны, кажется довольно странным заимствование иноязычного названия, относящегося к сильно отличающемуся животному, для эндемика. Таким образом, здесь может быть и исконно родственное монгольскому слово (однако в нанайском найхинском — маньчжуризм, а в маньчжурском — возможно, отражение незафиксиро-

⁷⁰ Б.И.Татаринцев этимологизирует тюрк. *karsak* ‘серая степная лисица’ из *karsak* ‘малорослый’; судя по распространению обоих значений, если они связаны, то как раз наоборот, значение ‘малорослый’ восходит к названию лисы, более мелкой, чем обычная, ср. употребления в татар.: *карсак эт* ‘низкорослая собака’, *карсак каен* ‘карликовая береза’ и под.

⁷¹ Возможно, к этому же слову восходит чув. *jos* ‘горностай’; традиционно этимологизируется из ПТ **ars* > *as* ‘горностай’ (Федотов II 493), но с тем же успехом может восходить к ПТ **kiars-ak*.

⁷² Бур. *xerse* ‘корсак’, приводимое Колесниковой, взято из словаря Подгорбунского 1909 г. и не может, во всяком случае, принадлежать стандартному бурятскому — фонетически ожидалось бы **xirha*.

⁷³ Не «лиса, с изменением семантики», как отмечает Татаринцев (III 421), ср. в словаре Юдахина: «1. лиса (с примером *жердин кырсацы*, т.е. степная кырса), 2. *женск. лиса*»; очевидно, что в первом значении потеряно определение «степная», иначе иначе зачем бы было выделять как специфическое табуистическое значение женского языка «лиса».

ванной чжурчженской формы). Соотношение значений нуждается в объяснении. В принципе колебание между двумя хищными пушными животными невысокой ценности — мелкой сероватой лисой и крупной желтоватой куницей — можно себе представить, но скорее как внутреннее развитие: как если бы носители монгольского языка пришли с территории, где соответствующую экологическую и хозяйственную нишу заполнял корсак, на территорию, где ее заполняла харза, и начали употреблять название корсака в новом значении, и у этих носителей монгольского языка (дагуров? В дагурском не зафиксировано) слово заимствовали встретившиеся с ними тунгусо-маньчжуры. Что касается развития значения явного монголизма в якутском, то здесь семантический переход понятен — песец, как и корсак, более мелкая и светлая лиса, чем обычная, а корсак в Якутии не водится. Галт. «сука» — типичное табуистическое развитие. Чув. (и мар.) «заяц-русак» — видимо, более мелкий и серый заяц по сравнению с более крупным и — зимой, т.е. когда добывается на шкуру — белым зайцем-беляком, так что можно видеть здесь просто перенос оппозиции с типов лисы на типы зайца. Развития значения монг. заимствования в сторону животных семейства кунных в тув. (а также в эвенк. диал.) и исконного тюркского слова в хак. кажутся связанными с тунгусо-маньчжурским влиянием⁷⁴. Матор. *кырсы* ‘колонок’⁷⁵ — также животное семейства кунных — скорее всего, из тув. Отметим, что еще одним следом «куньего» значения может быть предположенная выше чув. параллель. В решении вопроса об исконности/заимствованности ТМ слова, таким образом, может помочь подробное рассмотрение терминологии кунных в ТМ и других алтайских языках.

Фонетически, однако, такое звучание можно вывести из данного чтения только с очень большими натяжками. Кроме того, мех корсака не представляет особой ценности как пушнина. Кажется более вероятным сопоставление с ПТ **kuntř-* ‘бобр’: др.-уйг. *qunduz* (U IV); крх.-уйг. *qunduz* (МК); хрзм.-т. *qunduz* (ХП); чаг. *qunduz* (Sangl.); тур. *kunduz*, туркм. *Gun-duz*; кбалк. *qunduz*, татар. *qondız*, башк. *qondod*, ног., казах., ккалп. *qundız*; кирг. *qunduz*, алт. *qumduş*; узб., уйг. *qunduz*; тув. *qundus*; чув. *xãntãr*; «бобр» — все исторические фиксации, татар., башк., ног., казах., ккалп., уйг., чув.; «выдра» — тур., туркм., кбалк., ног., казах., кирг., узб., тув. См. VEWT 301; EDT 635; TMN III 524 (с предположением восточноиранского заимствования в тюркском и персидском, однако без источника такого заимствования); ИРЛТЯ; СИГТЯ 2000, 163. О возможной связи с обско-угор. (мансийским) **kuntzl* ‘бобр; крот’ см. ниже. Поздне-древнекиит. *kwãñ cǰǰ* можно интерпретировать как **kuntřz* (т.е. форма косвенной основы при наличии слогового окончания): огубленный гласный в 1-м слоге; сочетание *-ntř-* могло быть воспринято как *-n-* плюс палатализованная аффриката.

⁷⁴ Ср. подобное же соотношение значений у бур. *dorgon* ‘барсук’ (общемонг. **dorogon* ‘барсук’) — бур. тунк. ‘корсак’, также в зоне монголо-тунгусских контактов.

⁷⁵ Не ‘Steppenfuchs’, как ошибочно проинтерпретировано в заглавии словарной статьи (Helimski 28), в отличие от русского значения, процитированного по Спасскому.

Кожаный сосуд для сбивания кумыса: 夾兜 (Pulleyblanc 1962, 251)

Иероглифы

1. 夾 *jiá, jiā*, др.-кит., класс. кит. *krēp*, ЗХ *krjāp*, ВХ *kriāp*, ПДК *kiēp*, ср.-кит. *kāp* ‘сдавливать; футляр’ (Karlgren 0630 a–c).

2. 兜 *dōu*, др.-кит., класс. кит. *tō*, ЗХ, ВХ *twā*, РПДК *tōw*, СПДК, ППДК *tāw*, ср.-кит. *tlw* ‘обвертывать, заворачивать; узел’.

Слово упомянуто в комментарии Жу Чуня, III в. н.э. Пуллиблэнк сравнивает его с монг. *qabtaγan*, тюрк. *qaptırğa* ‘кожаный кошелек’, Бейли — с предполагаемым ПИран. **kapata-* ‘container’ от глагола **kap-* ‘to contain’ (Bailey 1981, 24). Приблизительное чтение — РПДК *kiēp tōw*. Кажется, максимальное сходство, и фонетическое, и семантическое — с тюрк. **kür-i* ‘большой цилиндрический деревянный или кожаный сосуд для сбивания масла или хранения кумыса, маслобойка’ — общетюрк., см.: ЭСТЯ 1997, 145–146 (заим. в венг. *körű* ‘маслобойка’). Второй слог — показатель локатива *-te?* Китайское слово? Ср. еще кбалк. *gibit* ‘бурдюк’, осет. *gæbæt* ‘бурдюк’ (Аб. I 509 — без этимологии).

Низкий: 屈𠂔 (Shiratori 05)

Иероглифы

1. 屈 *qū*, др.-кит. *khut*, класс. кит., ЗХ, ВХ *khwət*, ПДК *khwīt*, ср.-кит. *khüt* ‘склониться; покориться, подчиниться’ (Karlgren 0496 k).

2. 𠂔 *jue*, др.-кит. *k^wat*, класс. кит., ЗХ, ВХ, РПДК *kwat*, СПДК, ППДК, ср.-кит. *kwət* ‘короткий’ (поздний иероглиф, с эпохи Тан).

Слово употреблено в Вэй шу для объяснения этнического прозвища; в принципе может читаться по-китайски. Предположительное чтение: РПДК *khwīt kwət*; возможно, = др.-уйг. *qodiqi* ‘низкий, из низших’ (о человеке), крх.-уйг. *gotqi* ‘скромный’ EDT 599, прилагательное на *-qi* от ПТ **kodi* ‘низ’ (ЭСТЯ 2000, 31); видимо, с «личностным» показателем мн. ч. *-t*.

Земля: 托 (Shiratori 011)

托 *tuō*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *thāk*, ср.-кит. *thāk* ‘подносить’.

Предполагаемое чтение: ПДК *thāk*. В Вэй шу при объяснении этнонима тоуфа говорится: «в языке северных варваров земля называется 托, господин 跋». Возможно, имеется в виду не язык тоуфа, которые считаются потомками сяньбийцев (о которых ниже), а язык сюнну; во всяком случае, оба слова имеют тюркские этимологии. Здесь это, по-видимому, ПТ **Tog* ‘пыль’: тув. *toy-la-*, хак. *tōla-* ‘крошиться’, поздне-др.-уйг. *toy* (Lig. VSOu), крх.-уйг. *toy*; *toy-* ‘to rise (of dust)’ (МК; QB), чаг. *toy* (Pav. С.; Абуш.), н.-уйг. *toy* (диал., УЯ). См. VEWT 483; EDT 463.

Господин: 跋 (Shiratori 011)

跋 *bá*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *bāt*, ср.-кит. *bwāt* ‘вытащить’ (Karlgren 0276 b).

Предполагаемое чтение: ПДК *bāt*. Вэй шу, там же. Возможно, ПТ **bod* ‘тело, стан, рост; сам; счетное слово для лиц’: (чув. *pū*, тув. *bot*, сюг. *poz*, хак. *pos*, шор. *pozu*, др.-тюрк. *bod* (орхон., др.-уйг.), крх.-уйг. *bod* (МК; QB), *boj* (МК — огуз.), чаг. *boj* (Sangl.; MA; Pav. С.), узб. *boj*, н.-уйг. *boj*, халадж. *bod*, тур., гаг., аз., туркм. *boj*, салар. *bojajır* (< *bojı agır*) ‘беременная’ (ССЯ), караим., кум., кбалк. *boj*, татар., башк. *buj*, ног., казах., ккалл., кирг., галт. *boj*. См. EDT 296–297; VEWТ 77; TMN II 358–361; ЭСТЯ 1978, 176–178; СИГТЯ 2000, 265.

Предположительно иранское слово

(?) **Камень**: 鞞 (Pulleyblanc 1962, 246)

鞞 *jie*; фонетически сходный иероглиф 揭, совр. кит. *jiē*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, РПДК *kat*, СПДК, ППДК, ср.-кит. *kāt* ‘вскрывать’ (Karlgren 0313 n).

Пуллиблэнк полагает, что именно так следует интерпретировать название одного из подразделений сюнну, существовавших в IV в. н.э. в Северном Китае; один из аргументов — имя основателя династии Поздней Сяо, Ши Ло, происходившего из этого племени, первая часть китайского имени которого означает «камень». Предположительное чтение: ПДК *kāt*. Обоснование внутренней формы этнонима — не слишком убедительное, к тому же сравнение с «енисейским» (в действительности аринским и пумпокольским) *kes*, *kit* ‘камень’ представляет анахронизм. Праенисейская форма: **čřʕs* ‘камень’, кет. *čřʕs*, pl. *tlʕŋ / tʕa:n³*, сым. *čřʕs*, pl. *čʕʕŋ; čʕa:n³* ‘скала’, кот. *šřš*, pl. *šej* ‘камень’; *šijäŋ*, pl. *šijäky* ‘скала’; *šin* ‘камень’; ассан. *šřš*; койб. *šřš* ‘камень’, *čijän* ‘скала’, арин. *kes* ‘камень’; *kes* id., пумпокол. *kit* ‘камень’ (Старостин 1982, 156; Старостин 1995, 217–218). Ни пракетская, ни пракоттская ветвь, праязыки которых, по видимому, функционировали в это время (IV в. н.э.; о хронологии распада енисейской семьи см. ниже), не позволяют реконструировать **ket* в качестве названия камня. Может быть, вост.-иран. **γar-* ‘камень’ (вах., руш., барт., сар., язг. и др., см. ЭСВЯ 187; Расторгуева–Эдельман 3, 191; из **gari-* ‘гора’) с северо-восточным диалектным прочтением иероглифа (конечн. -*t* как -*r*).

2. Имена собственные, этнонимы, титулы

Естественно, те привязки к конкретным языкам, которые можно сделать на этом материале, на порядок менее надежны, чем то, что удастся найти для апеллятивной лексики, в силу принципиально менее жесткого семантического контроля. Заметим, что номенклатура должностей при сюннуском дворе вообще в очень большой степени может быть творением китайских хронистов; комментаторы к изданию «Истории сюнну» Сыма Цяня пишут: «...вызывает определенные сомнения возможность реального

существования у кочевых сюнну, лишь недавно образовавших свое государство, такой сложной иерархической структуры чинов, хотя они и стремились во многом копировать ханьскую систему» (ИЗ VIII 445). Учитывая, что перед этим сюнну находились какое-то время в вассальной зависимости от юэчжей, можно ожидать в их политической системе и индоевропейских параллелей, но, по-видимому, сквозь фильтр китайского описания могли пройти разве что языковые факты, но не точное значение терминов.

Ранние записи

Предположительно тюркские слова (?)

Кыркыз (этноним): 隔昆 (Pulleyblanc 1962, 230; Старостин 1989, 453)

Иероглифы

1. 隔, совр. *gé*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *krēk*, ВХ *kriēk*, ПДК *kiēk*, ср.-кит. *kaik* 'отделяться; разлучаться' (Karlgren 0855 f).

2. 昆, совр. *kūn*, др.-кит. *kūn*, класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *kwān*, ср.-кит. *kon* 'старший брат' (Karlgren 0417 a-b).

Имеется в Ши цзи. Предположительное чтение: ЗХ *krēk-kwān*, что традиционно интерпретируется как **kirkir* или **kirkir*.

Сюнну (этноним): 匈奴 (ИЗ VIII, 492)

Иероглифы

1. 匈, совр. *xīōng*, др.-кит. *ḥoŋ*, класс. кит., ЗХ, ВХ *hoŋ*, ПДК *hoŋ*, ср.-кит. *xiōŋ* 'грудь' (Karlgren 1183 d).

2. 奴, совр. *nú*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *nhā*, ПДК *nhō*, ср.-кит. *no* 'раб' (Karlgren 0094 l-n).

Имеется в Ши цзи. Предположительное чтение: ЗХ *ḥōŋ-nhā*, ПДК *hoŋ nhō*. Возможная интерпретация — *hunga*. Этноним, видимо, не тюркский по происхождению; ср., однако, европейское наименование гуннов (греч. *Hunnoi*, лат. *Hunni*, относительно тождества которого с кит. *xīōngnú* высказывались сомнения, см. Дёрфер ЗТ, 73) и венгров.

Туци-ван (титул): 屠耆 (Pulleyblanc 1962, 257)

Иероглифы

1. 屠, совр. кит. *tú*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *dā*, ПДК *dō*, ср.-кит. *do* 'бить, убивать; забивать скот; мясник' (Karlgren 0045 i).

2. 耆, совр. кит. *qí*, др.-кит. *grij*, класс. кит. *grij*, ЗХ *grjəj*, ВХ *grəj*, РПДК *gij*, СПДК *gij*, ППДК *gi*, ср.-кит. *gi* 'old, aged' (Karlgren 0552 l).

Предположительное чтение: ЗХ *dā-grjəj*. Титул упомянут в Хань шу, относится к «левому» и «правому» кронпринцам. Предлагается толкование титула: *hsien* 賢 'мудрый; добродетельный' («Сюнну называют достойных людей *туци*, поэтому обычно старший сын-наследник шаньюя именуется

цзо-туңци-ван» — ИЗ VIII 329)⁷⁶. Традиционная интерпретация — тюрк. *tegin* ‘принц’, что при таком прочтении фонетики маловероятно. Возможно, следует привлечь для объяснения тюрк. **dogro*: др.-тюрк. *doγri*, тур. *doğru*, гаг., аз., туркм. *doγru*, хор. *dō(γ)rə*, тув. *doora* и т.д. ‘прямой, справедливый, честный, законный’, см.: ЭСТЯ 1980, 249–251 (так, как это и протолковал в свое время Г. Шлегель, см. ссылку у Сиратори 04). Ср. др.-тюрк. титул *togrul*, который отождествляется с *togrul* ‘сокол’ (EDT 472).

Гули-ван (военный чин у сюнну): 谷蠡 (王 ван) (ИЗ VIII 500)

Иероглифы

1. 谷, совр. кит. *gǔ*, др.-кит. *klōk*, класс. кит., 3X, ВХ, РПДК, СПДК *kōk*, ППДК *kwōk*, ср.-кит. *kuk* ‘ущелье’ (Karlgren 1202 a–c).

2. 蠡, совр. кит. *lǐ* ‘червь-древоточец; точить’. Фонетически сходные иероглифы: 李, совр. кит. *lǐ*, др.-кит. *rhəʔ*, класс. кит., 3X, ВХ *rhəʔ*, ПДК *lhé*, ср.-кит. *lǐ* ‘слива’; 里, совр. кит. *lǐ*, др.-кит. *rəʔ*, класс. кит., 3X, ВХ *rəʔ*, ПДК ср.-кит. *lǐ* ‘деревня’; 理, совр. кит. *lǐ*, др.-кит. *rəʔ*, класс. кит., 3X, ВХ *rəʔ*, ПДК, ср.-кит. *lǐ* ‘упорядочить’.

Имеется в Ши цзи. Предположительное чтение: 3X *kōk r(h)əʔ*; можно связывать его с др.-тюрк. *qorɨγ* ‘огороженное, охраняемое место; личная территория правителя, угодье, заповедник’ (рунич., крх.-уйг. (МК; QB), чагат. и современные южные языки) EDT 652, *qoru* ‘загородка’ МК (кыпч.) EDT 645, см. также: ЭСТЯ 2000, 77 и TMN III 444–450 — с предположением в качестве источника, например, формы принадлежности 3-го л. **qor(ɨ)γ*. Фонетически хуже (огубленность первого гласного), но семантически интереснее может быть интерпретация через др.-тюрк. *qarγu* ‘сторожевая вышка, башня, на которой зажигают сигнальный огонь’ EDT 653 (рунич., рунич. уйг., МК). Таким образом, либо «управляющий личными угодьями», либо «смотритель сторожевых башен»; впрочем, в надежности китайской интерпретации сюннуской должностной номенклатуры, как выше говорилось, можно сомневаться.

Цецзюй (чиновничья должность у сюнну): 且居 (ИЗ VIII 500)

Иероглифы

1. 且, совр. кит. *qiě*, др.-кит. *chiaʔ*, класс. кит., 3X *chiá*, ВХ *chjá*, ПДК, ср.-кит. *chjá* ‘пока, покамест’ (Karlgren 0046 a–g).

2. 居, совр. кит. *jū*, др.-кит., класс. кит., 3X, ВХ *ka*, ПДК *ko*, ср.-кит. *kō* ‘проживать’ (Karlgren 0049 c–d).

⁷⁶ Многообещающей гипотезой было бы связать это сюннуское слово с хот.-сак. *tāhara* ‘excellent, proper’ (см. этимологические предложения в Bailey 127) — и дальше это же слово с этнонимом *toxri*, *tukhara*, который, как известно, мог относиться и к собственно тохарам, и к ираноязычному этносу — в смысле обозначения родовой аристократии (юэджийской?). Тут, к сожалению, имеется больше фонетических трудностей: звонкое начало; отсутствие обозначения огубленности первого слога; гуттуральный как смычный, а не как спирант.

Предположительное чтение: ЗХ *chiá ka*. Кажется, что можно связывать с др.-тюрк. **čika-n* (EDT 409): термин родства и титул.

Цзюй, сын Маодуня (не тронное имя): 稽粥 (ИЗ VIII 500)

Иероглифы

1. 稽, совр. кит. *jī*, др.-кит., класс. кит. *kīj*, ЗХ *kjāj*, ВХ *kiāj*, ПДК *kiēj*, ср.-кит. *kiej* ‘расследовать’ (Karlgren 0552 o).

2. 粥, совр. кит. *zhōu*, др.-кит., класс. кит. *tuk*, ЗХ *təuk*, ВХ *čəuk*, РПДК *čuk*, СПДК, ППДК *čuk*, ср.-кит. *čük* ‘рисовый отвар’ (Karlgren 1024 a).

Предположительное чтение: ЗХ *kjāj təuk*. Возможно, тюрк. **Qatık* ‘твердый’, чув. *xidъ*, як. *kītānax*, долган. *kītānak*, тув. *qa’dəy*, хак. *xatıy*, шор. *qadıy*, др.-тюрк. *qatıy* (орхон., др.-уйг.), крх.-уйг. *qatıy* (МК; QB; IM), чаг. *qatıy* (МА), узб. *qətiq*, н.-уйг. *qetiğ*, тур. *kat* (диал.), аз. *Gatı*, туркм. *Gat*, *Gatı*, кум., татар., башк. *qatı*, ног. *qat*, казах., ккалп. *qattı*, кирг., галт. *qatı* (EDT 597–598; VEWT 241; ЭСТЯ 1997, 334–335).

Шаньюй южных сюнну (имя собственное): 呼廚泉 (Таскин 1967, 167)

Иероглифы

1. 呼, совр. кит. *hū*, др.-кит. *swā*, класс. кит., ЗХ, ВХ *wā*, РПДК *hōw*, СПДК, ППДК *hōw*, ср.-кит. *ho* ‘дыхание’ (Karlgren 0055 h–i).

2. 廚, совр. кит. *chú*, др.-кит., класс. кит. *dro*, ЗХ, ВХ *ɸwa*, ПДК *ɸwo*, ср.-кит. *ɸü* ‘кухня; стирать’ (Karlgren 0127 m).

3. 泉, совр. кит. *quán*, др.-кит. *zuar*, класс. кит., ЗХ *zwan*, ВХ *zjwan*, ПДК, ср.-кит. *zjwen* (Karlgren 0237 a–d).

Брат Юфулоу (см. ниже), правил вслед за ним, т.е. с 195 г. н.э. Предположительное чтение: ВХ *wā ɸwa zjwan*. Может быть, *Odočın*? Тогда сопоставимо с тюрк. *ota-či* ‘лекарь’ (EDT 44).

Предположительно иранские слова

Шаньюй (титул): 單于 (Pulleyblanc 1962, 256–257)

Иероглифы

1. 單, совр. кит. *dān*, др.-кит. *tār*, класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *tān*, ср.-кит. *tān* ‘нечетный, единичный’ (Karlgren 0147 a–d).

2. 于, совр. кит. *yú* [*yū*, *xū*], др.-кит. *w(h)a*, класс. кит., ЗХ, ВХ *wa*, ПДК *wo*, ср.-кит. *fiü* ‘идти, отправляться’ (Karlgren 0097 a–g).

Предположительное чтение: ЗХань *tān-wa*. Обычно интерпретируется как тюрк. **darxan* (из иранского, см. ниже), с передачей конечного слога *r* финалью *n*, ср. ЗХ **kraś-pin* ‘Кашмир’ (Старостин 1989, 457), и опущением конечного *-n*, ср. ниже о *qagan* и *xatun*⁷⁷. Как относиться к замечанию в Хань шу, что «титул *шаньюй* означает ‘обширный’ и показывает,

⁷⁷ Фонетически более близкой была бы интерпретация **darua*. Ср. сак. *darau*, *-ki* ‘тип чиновника’ (Л.Г. Герценберг производит от *dar-* ‘держат, управляют’ ВТ 1992, 60). Ср. также сак. (с Книги Замбасть) *darrau* ‘boldness, valour’ (Bailey 153).

что носитель этого титула обширен подобно небу», неясно. Ср., впрочем, др.-уйг. *tarqan-* ‘рассеиваться, распространяться’, *tarqar-* ‘распространять’ (*čün kertü nom erdeni tarqarmış erür* «он распространяет сокровища истинного учения») USp. 60 II a14, см.: ДТС 538; глагол трактуется иначе в EDT 540–541, но данный пример при такой трактовке не объясняется) и формы современных языков в ЭСТЯ 1980, 150–151 под ДАРГА-; может быть, народная этимология на основе производного от этого глагола?

Жена шаньюя (титул): 闕氏 (Pulleyblanc 1962, 262)

Иероглифы

1. 闕, совр. кит. *è*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *ʔāt*, ср.-кит. *ʔāt* ‘остановить; положить конец’ (Karlgren 0270 a). Сыма Чжэн пишет, что раньше первый иероглиф слова читался как 闕, совр. кит. *hé*, др.-кит., класс. кит. *ghāt*, ЗХ, ВХ, ПДК *ʔāt*, ср.-кит. *ʔāt* ‘почему?’.

2. 氏, совр. кит. *dī*, др.-кит. *tājʔ* (~ *-ijʔ*), класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *tāj*, ср.-кит. *tiej* ‘основание, основа, корень’ (Karlgren 0590 a–b).

Предположительное чтение: ЗХань *ʔāt-tāj*. Интерпретируют как тюрк. *xatun* (из согд., с некоторыми проблемами, см. ниже). Ср. ниже титул *w(h)āk / whrāk-wa*, традиционно читаемый как «каган»; в обоих случаях не отражается конечное *-n*. Возражения Дёрфера (TMN III 140) против сравнения с тюрк. *xatun* частично элиминируются, поскольку суннуское слово все-таки, по-видимому, имело в анлауте какой-то гуттуральный щелевой. Кажется, что его легче связать со среднеиранским прототипом тюркского слова: ср. согд. *xuten* < **xwataūn*; как показал Э. Бенвенист (Titres et noms, 29), согд. слово не из **hvatauni-* (ж. р. от **hva-tāvan-*), а скорее из **hva-tāvyaini* (ж. р. от **hva-tāvyā-*); последний термин с приблизительным значением ‘господин’ можно считать довольно широко распространенным в среднеиранских языках: согд. *xwt* ‘w ‘царь’, парф. *hwtwy* ‘господин’ (Titres et noms, 18), и можно предположить для раннесакского соответствие «женскому» термину приблизительно **hvatuiñ* (реально не зафиксировано). Если предположить, что такое среднеиранское (раннесакское?) заимствование действительно проникло в язык сунну, то естественно, во-первых, для него упростить начальный кластер; во-вторых, возможно, в китайской передаче конечный *ñ* изображен как *-j*. В дальнейшем термин мог распространиться и в другие исчезнувшие языки региона (сяньби, жуаньжуани и пр.). Этим могут объясняться некоторые странности более поздних фиксаций, например, слабое фонетическое сходство между тюркскими формами и традиционно предполагаемым согдийским источником. Можно обратить внимание на следующую возможность. В согдийском (как показывает Бенвенист, Titres et noms, 31–33) отмечено, кроме *xuten*, как наименования царицы, еще *xātūn* [x'twn] (Gharib 431), которое употребляется прежде всего как ‘госпожа, знатная дама’, в одном конкретном случае — при именовании второй жены царя (причем рядом с *xuten*, именовании первой жены). Это слово, вслед за Бенвенистом, можно расценивать как заимство-

вание, но не из тюркского, а из сюннуского, адаптировавшего, допустим, раннесакское **hvatuñ*, а зафиксированные тюркские формы (см. след. кн.) считать более новым заимствованием из согдийского *xātūn*.

Еще возможные объяснения титулов, связываемых с тюрк. *xatun*, из среднеиранского:

а) по Чжоу шу, супруга царя ту-юй-хуней называлась 恪尊, т.е. для IV в. н.э. *khāk swān* (иероглифы 恪, совр. кит. *kè*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *khāk*, ср.-кит. *khāk* ‘уважать’ (Karlgren 0766 g); 尊, совр. кит. *zūn*, др.-кит. *cūn*, класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *swān*, ср.-кит. *con* ‘уважать, почитать’ (Karlgren 0430 a–h). Ср. отмеченное для IV в. н. э. сюннуское слово для жены 闕支 *γāt kje*⁷⁸. Оба этих чтения можно сравнить с сак. *vāšta-* ‘главный’, в частности в сочетании *hvāštye rriñe* ‘главная царица’ (Bailey 507, см. также замечания Скъярве по поводу употребления этого слова для перевода тибетских титулов — Emmerick–Skjærøв III 179–180);

б) по Нань Ци шу, жена вождя тоба называлась 可孫 (V в. н.э.: *khā swān*; иероглифы: 孫, совр. *sūn*, др.-кит. *sw(h)ān*, класс. кит., ЗХ (*s*)*wān*, ВХ *wān*, ПДК *swān*, ср.-кит. *son* ‘внук; потомки’ Karlgren 0434 a–c). Может быть, это результат адаптации вост.-иран. (сакского?) **xva-šau-ni* < **hva-xšayaθva-nī* (ср. авест. *xva-xšaθra*, букв. ‘само-царствующий’) или подобного производного.

(?) **Ху-ю** (титул): 護于 (Pulleyblanc 1962, 91, 261–262)

Иероглифы

1. 護, совр. кит. *hù* ‘защищать’ (Karlgren 0784 k). Фонетически сходные иероглифы: 溲, совр. кит. *huò*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *w(h)āk*, ср.-кит. *γwāk* ‘кипеть’; 獲, совр. кит. *huò*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *whrāk*, ПДК *whēk*, ср.-кит. *γwāik* ‘поймать; трофей’; 鑊, совр. кит. *huò*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *w(h)āk*, ср.-кит. *γwāk* ‘большой котел’.

2. 于, совр. кит. *yú* [*yū*, *xū*], др.-кит. *w(h)a*, класс. кит., ЗХ, ВХ *wa*, ПДК *wo*, ср.-кит. *fiü* ‘идти, отправляться’ (Karlgren 0097 a–g).

Предположительное чтение: ЗХ *w(h)āk/whrāk-wa*. Титул приводится в Хань шу, это титул наследника шаньюя, в частности, излагается эпизод, в котором титул «левого мудрого принца», т.е. титул левого *dā-grjaj*, при сюннуском дворе сочли несчастливым, и вследствие этого титул *w(h)(r)āk-wa*, вопреки обычаю, достался другому лицу. Пуллиблэнк и ряд других исследователей полагают, что это то же слово, что др.-тюрк. *xagan*, о котором см. ниже. Ср. сак. *hāha-* “official title, possibly Chin.” (Bailey 481), *hauka-* “official title” (Bailey 497–498). Возможна также связь с хот.-сак. *rūkyā* ‘official title’ < *(*v*)*raukya-*, ср. этноним *Сакарáвкои*, *Сакаурáвкои*, см. подробно Bailey 365.

⁷⁸ 支, совр. кит. *zhī*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *ke*, ВХ, ПДК *kje*, ср.-кит. *cé* ‘ветка’ (Karlgren 0864 a).

Царский род сюнну: 攀鞬 (Pulleyblanc 1962, 240)

Иероглифы

1. 攀, совр. кит. *lūán*, др.-кит. *r(h)on*, класс. кит., ЗХ, ВХ *r(h)wan*, ПДК *l(h)wen*, ср.-кит. *lwen* ‘крепко связать’ (Karlgren 0178 n).

2. 鞬 (Karlgren 0866 h). Фонетически сходные иероглифы: 禔, совр. кит. *tí*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *dē*, ВХ *diē*, ПДК *diēj*, ср.-кит. *diej* ‘peace, happiness’ (Karlgren 0866 e); 醞, совр. кит. *tǐ*, др.-кит. *thē?*, класс. кит., ЗХ *thē*, ВХ *thiē*, ПДК *thiēj*, ср.-кит. *thiej* ‘clarified red spirits’ (Karlgren 0866 i).

Предположительное чтение: ЗХ *r(h)wan dē / thē*; возможная фонетическая интерпретация — *runde* или *rwande*. Это род, из которого должен происходить шаньюй. Ср. сак. *runde* ‘цари’ (NPI от *rre* ‘царь’ < **rwant-*, см.: Bailey 368).

Лаошан (имя наследника Маодуня): 老上 (ИЗ VIII 468)

Иероглифы

1. 老, совр. *lǎo*, др.-кит. *rhū?*, класс. кит. *rhū*, ЗХ, ВХ *rhǎw*, РПДК *lhǎw*, СПДК, ППДК *lhǎw* ср.-кит. *lǎw* ‘старый; старик’ (Karlgren 1055 a–d).

2. 上, совр. *shàng*, *shǎng*, др.-кит. *daŋʃ*, *daŋ?*, класс. кит., ЗХ *daŋh*, ВХ *jaŋh*, ПДК *ʒàŋ*, ср.-кит. *ʒàŋ*, *ʒáŋ* ‘верх; верхний’ (Karlgren 0726 a–d).

Предположительное чтение: ЗХ *rhǎw-daŋh*. Возможно толкование имени собственного как пра-сак. **rauda-* ‘commanding, king’ (Bailey 369) + *adj. -na*.

Сын (часть титула шаньюя): 孤塗 (Pulleyblanc 1962, 244)

Иероглифы

1. 孤, совр. кит. *gū*, др.-кит. *k^wā*, класс. кит. *kwā*, ЗХ, ВХ *kā*, ПДК *kō*, ср.-кит. *ko* ‘сирота; одинокий; горемычный’ (Karlgren 0041 c).

2. 塗, совр. кит. *tú*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *Łhā*, ВХ *lhā*, ПДК *dhō*, ср.-кит. *do* ‘грязь; грязный’ (Karlgren 0082 d).

Предположительное чтение: ЗХ *kā-Łhā*. Это часть титула сюннуского правителя *thāŋ-rāj kāŁhā d(h)anhwa*, и *thāŋ-rāj kāŁhā* переведено китайцами (Ши цзи и Хань шу) как «сын неба», что, конечно, может отражать как влияние китайского императорского титула на сюнну, так и его же влияние на китайских переводчиков⁷⁹. Относительно совмещения в титулатуре разноязычных эпитетов ср. именование одного из хотанских князей: *śiku śri Vijitta Sagrāma rrāmdāna rrāmda*, где последние два слова — «царь царей» — на сакском, *śiku* — от др.-кит. *səng-kun* «священный государь», а *śri* — санскр. «прекрасный, почтенный», обычный индийский титул (см. ВТ 1992, 45). Енисейская этимология Пуллиблэнка, хотя и не отвечает

⁷⁹ Понятно, что при приведенных выше древнекитайских чтениях не проходит остроумная гипотеза Будберга о том, что в титуле шаньюя переставлены по ошибке иероглифы *ku* и *tu*, и что титул следует читать как *Tangry togu*, т.е. «рожденный небом» (Boodberg, Two Notes, 294).

современному состоянию енисейской реконструкции, может быть частично сохранена: это могло бы быть ПЕН. *qār(i)- (~ *χ-) ‘внук’: кет. qal⁴ // qalɔq⁵; pl. qalīn⁵, сым. xarɔx⁵, pl. xarɔxn⁵ (Старостин 1995, 256). Однако ср. сак. kālā ‘какой-то титул’ (= Крорайна kāla ‘принц’, неясного происхождения, см. ВТ 1992, 6) < *kāθrya (Bailey 59) (?). Независимо от иранской этимологии любопытно, что это, по-видимому, «принц» и более или менее распространённый в Восточном Туркестане интересующего нас периода.

Гуду-хоу (военный чин у сюнну): 骨都 (侯) (ИЗ VIII 500)

Иероглифы

1. 骨, совр. кит. gǔ, др.-кит. kūt, класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК kwāt, ср.-кит. kot ‘кость’ (Karlgren 0486 a).

2. 都, совр. кит. dōu, dū, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ tā, ПДК tō, ср.-кит. to ‘древн. крупный район, крупная область’ (Karlgren 0045e-g).

Предположительное чтение: ЗХ kwāt tā gwā (~ γ-) Последний слог — китайский титул, 侯, совр. кит. hóu, др.-кит., класс. кит. g(h)ō, ЗХ, ВХ, ПДК gwā (~ γ-), ср.-кит. γw ‘феодал, князь; стар. 2-й феодальный титул (при маньчжурах); маркиз’ (Karlgren 0113 a-d). П. Будберг (Boodberg 177) считает, что первые два слога — тюрк. *Kadīn ‘тесть’. Чтение kwāt tā можно интерпретировать как соответствие раннесакскому *gūθa- > хот.-сак. gūha- ‘пеший воин’ Bailey 89 (и см. поправку Магги в Emmerick-Skjærvø III 50–51), производное от глагола gau- ‘ходить’.

Цзыцы-ван (титул): 自次王 (王 ван) (ИЗ VIII, 508)

Иероглифы

1) 自, совр. кит. zì, др.-кит. ʒ(h)its (~ ʒ-, ~ -js), класс. кит. ʒ(h)ic, ЗХ, ВХ ʒ(h)jəś, РПДК ʒ(h)jiś, СПДК ʒ(h)jij, ППДК ʒ(h)ji, ср.-кит. ʒji ‘сам; лично; свой; собственный’.

2) 次, совр. кит. cì, др.-кит. shijs, класс. кит. shic, ЗХ, ВХ shjəś, РПДК shjiś, СПДК shjij, ППДК shji, ср.-кит. chji ‘следующий, последующий; вице-’ (Karlgren 0555 a-b).

Цзыцы-ван — якобы второй по важности титул после шаньюя. Такигава считал его сюннунским термином (см. Таскин 1967, 167). Предположительное чтение: ЗХ ʒ(h)jəś shjəś. Очевидно, китайское сочетание «собственный вице-ван» («Шаньюй, получив Си-Хоу, пожаловал ему титул цзыцы-ван, отдал в жены свою старшую сестру и стал советовать с ним о методах борьбы с Хань» — ИЗ VIII 344). Но это сочетание, конечно, может быть калькой известного среднеиранского титула «второй после царя» — ср.-перс. pasāgrīv, парф. *pasāgrīv, согд. pš’γrūw, из pas-/s- ‘после, следом’ и grīv ‘тело, сам’, см. Titres et noms, 59–63; вторая часть к *grīuā- ‘шея’ Расторгуева–Эдельман 3, 292. Сакской параллели не зафиксировано.

Жи-чжу (титул): 日逐 (Таскин 1973, 135)

Иероглифы

1. 日, совр. кит. *rì*, др.-кит., класс. кит. *nit*, ЗХ *njət*, ВХ *ńət*, ПДК, ср.-кит. *ńit* ‘солнце’ (Karlgren 0404 a–d).

2. 逐, совр. кит. *zhú*, др.-кит., класс. кит. *Lhuk*, ЗХ *Lhəuk*, ВХ *lhəuk*, РПДК *dhñuk*, СПДК, ППДК *dhuk*, ср.-кит. *đük* ‘следовать за, преследовать’ (Karlgren 1022 a–c).

Слово из Хань шу, сюннуский титул ранней династии Хань (90-е гг. до н.э.). Приблизительное чтение: ЗХ *njət Lhəuk*. Хронист толкует титул как «тот, за которым следует солнце» и объясняет западным расположением владений персонажа. При этом персонаж — сын левого *дацзяна*, который вопреки обычаю не мог стать наследником престола, а потому получил этот титул. Ср. авест. *noit*, отрицание при прилагательных и причастиях (см. Barth. 1078), плюс иран. **(v)rau-ka-* — ‘не-правящий’?

Принцесса: 居次 (Таскин 1973, 167)

Иероглифы

1. 居, совр. кит. *jū*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *ka*, ПДК *ko*, ср.-кит. *kō* ‘проживать, жить в...’ (Karlgren 0049 c–d).

2. 次, совр. *cì*, др.-кит. *shijs*, класс. кит. *shic*, ЗХ, ВХ *shjəś*, РПДК *shjiś*, СПДК *shjij*, ППДК *shji*, ср.-кит. *chji* ‘следующий’ (Karlgren 0555 a–b).

Слово из Хань шу. Предположительное чтение: ЗХ *ka shjəś*. Не может ли это быть передачей ср.-иран. **kan-ē-ača* — образование с уменьшительным суф., ср. рефлексы подобных производных в согд. *knčy*, *knčyug*, пехл. *kanīcag*, мундж. *kinčäkä* ‘девочка, девушка’ (Пиран. **kan-* ‘молодой, маленький’, см. Bailey 50; относительно суффикса см., например, ОИЯ 1981, 303)?

Тоумань (имя собственное, шаньюй, отец Маодуня): 頭曼 (ИЗ VIII, 473)

Иероглифы

1. 頭, совр. кит. *tóu*, др.-кит., класс. кит. *dhō*, ЗХ, ВХ *dhwā*, РПДК *dhōw*, СПДК, ППДК *dhēw*, ср.-кит. *dlw* ‘голова; вождь’ (Karlgren 0118 e).

2. 曼, совр. кит. *màn*, др.-кит. *m(h)ans*, класс. кит., ЗХ, ВХ *m(h)anh*, РПДК *m(h)àn*, СПДК, ППДК *m(h)ən*, ср.-кит. *mwən* ‘изящный, прелестный’ (Karlgren 0266 a–e).

Предположительное чтение: ЗХ *dhwā m(h)anh*, в источнике следует ожидать чего-то подобного *domar* или *doman*. Часто сопоставляется, например, с **Tūmen* ‘десять тысяч; очень много’ (об этимологиях этого слова см. след. кн., в разделе «Ложные заимствования»), др.-тюрк. *tūmen* (орхон., др.-уйг.), крх.-уйг. *tūmen* (МК; QB), ст.-кыпч. *dūmen* (VEWT 504; EDT 507–508; СИГТЯ 2000, 574–575). Это плохо согласовано с долготой первого слога, которая, скорее, связана с заднерядностью. Тюрк. или иран. **Duman* ‘туман’ (ЭСТЯ 1980, 295–296; СИГТЯ 2000; TMN II 568)?

Начальный согласный с придыханием скорее говорит о глухом. Скорее всего, к авест. *taoman-* ‘Vermoeegen, Kraft, Macht’ (Barth. 623)? Ср. один из титулов Бильге-кагана *taman* (БК X a14, см. ДТС 529). И ср. также имя тобаского принца (Boodberg 177), IV в. (иероглифы: 1. 吐, совр. кит. *tǔ*, др.-кит. *thā?*, класс. кит., ЗХ, ВХ *thā*, ПДК *thō*, ср.-кит. *thó* ‘плюнуть’ (Karlgren 0062 d); 2. 萬, совр. кит. *wàn*, др.-кит. *mans* (~ *rs*), класс. кит., ЗХ *manh*, ВХ *mwanh*, РПДК *mwàn*, СПДК, ППДК, ср.-кит. *mwàn* ‘десять тысяч’ (Karlgren 0267 a–b); для IV в. н.э. — чтение *thō mwàn*). Имя, скорее всего, то же самое, с теми же проблемами этимологизации.

Маодунь (имя шаньюя): 冒頓 (ИЗ II 512)

Иероглифы

1. 冒, совр. кит. *mào*, др.-кит. *mūʔs* (~ *-ks*), класс. кит., ЗХ, ВХ *mūh*, ПДК *mǔ*, ср.-кит. *māw* (Karlgren 1062 a–b).

2. 頓, совр. кит. *dùn*, др.-кит. *tūr̄s*, класс. кит., ЗХ, ВХ *twānh*, ПДК *twān*, ср.-кит. *tòn* ‘останавливать(ся)’ (Karlgren 0427 j).

Предположительное чтение: ЗХ *mūh-twānh*. Основатель сюннуского государства, объединил сюнну в 209 г. до н.э. Обычно толкуется как отражение тюрк. **bagatur* (Clauson, Studies, 19), но при данном чтении эта гипотеза фонетически не проходит, каково бы ни было происхождение тюркского слова. Ср.: ПТ **bagatur* ‘герой’, як. *bāt̄r*, тув. *mād̄r*, др.-тюрк. *baγatur* (орхон., и. с.), хрзм.-т. *bahatur*, ССум. *baγatur*, туркм., кирг., галт. *bāt̄r* (EDT 313; VEWT 55; ТМН II 366–377; ЭСТЯ 1978, 82–84). Поскольку имена собственные вообще допускают большую свободу толкований, ничего определенного тут сказать нельзя. Возможна, в частности, связь с раннесакским **mudra-* ‘драгоценность’ — не заимствованным из санскр. **mudra-*, а его этимологической параллелью в иранском > хот.-сак. *mūrā* ‘name of a coin; jewel’ (Bailey 336) при ср.-перс. *muhrak*, перс. *mūr* (ср. др.-перс. имя *Mudrāya-*; впрочем, последнее, исходя из его эламской транскрипции *mu-iṣ-ša-ri-ya*, принято читать *miθriya* и толковать как «египтянин», см. Benveniste, Titres et noms, 89).

Хухань (имя шаньюя, в 51 г. до н.э. сдался Хань): 呼韓邪 (Таскин 1967, 167)

Иероглифы

1. 呼, совр. кит. *hū*, др.-кит. *swā*, класс. кит., ЗХ, ВХ *wā*, РПДК *hōw*, СПДК, ППДК *hāw*, ср.-кит. *ho* ‘кричать; звать’ (Karlgren 0055 h–i).

2. 韓, совр. кит. *hán*, др.-кит. *g(h)ār*, класс. кит. *g(h)ān*, ЗХ, ВХ, ПДК *gān* (~ *γ-*), ср.-кит. *yān* ‘Хань’ (княжество) (Karlgren 0140 h–i).

3. 邪, совр. кит. *xié*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *lhia*, ВХ *zhä*, ПДК *zha*, ср.-кит. *zja* ‘лукавый, зловерный; порочный’ (Karlgren 0047 a).

Предположительное чтение: ЗХ *wā yān lhia*. Вполне может возводиться к композитному иранскому имени собственному, построенному по стандартной модели, ср. авест. *vanghu-rta* «лучший» плюс «справедли-

вость» (Barth. 1398) (в хотано-сакском **rt* > *d*, которому может соответствовать китайский латерал).

Юфулуо (имя собственное): 於扶羅 (Таскин 1967, 167)

Иероглифы

1. 於, совр. кит. *yú*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *ʔā*, ПДК *ʔō*, ср.-кит. *ʔo* предлог, вводящий косвенное дополнение (Karlgren 0061 e–f).

2. 扶, совр. кит. *fú*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *bha*, ВХ *bhwa*, ПДК *bhwo*, ср.-кит. *bü* ‘поддерживать’ (Karlgren 0101 f).

3. 羅, совр. кит. *luó*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *rāj*, ВХ *rā*, ПДК *lā*, ср.-кит. *lā* ‘силки’ (Karlgren 0006 a).

Шаньюю южных сюнну; после того, как его отец был убит бунтовщиками, бежал к ханьцам в 188 г., умер в 195 г. н.э. Приблизительное чтение: ВХ *ʔā bhwa rā*. Ср. возможные иранские прототипы: авест. *apara-ya* ‘последыш’ (Barth. 77); авест. *a-raouriya* ‘несравненный’ (Barth. 78).

Титул Юфулуо: 特至尸逐侯 (Таскин 1967, 167)

Иероглифы

1. 特, совр. кит. *tè*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *dhāk*, ср.-кит. *dlk* ‘особенный’ (Karlgren 0961 h).

2. 至, совр. кит. *zhì*, др.-кит. *tits*, класс. кит. *tič*, ЗХ *tjās*, ВХ *čās*, РПДК *čís*, СПДК *čij*, ППДК *či*, ср.-кит. *čì* ‘достигать’ (Karlgren 0413 a–c).

3. 尸, совр. кит. *shī*, др.-кит., класс. кит. *lij*, ЗХ *ljaj*, ВХ *šaj*, РПДК, СПДК *šij*, ППДК, ср.-кит. *ši* ‘идол, образ’ (Karlgren 0561 a–b).

4. 逐, совр. кит. *zhú*, др.-кит., класс. кит. *lhuk*, ЗХ *lhauk*, ВХ *lhauk*, РПДК *dhük*, СПДК, ППДК *dhuk*, ср.-кит. *diuk* ‘следовать за, преследовать’ (Karlgren 1022 a–c).

Предположительное чтение: ВХ *dhāk čās šaj lhauk*. Почему бы не среднеиранский рефлекс **tuxšaya* (> хот.-сак. *tušše* ‘destroyed, ruined’ — Bailey 133) (с суф. **cha* > хот.-сак. *-jza*) + **rauka* (т.е. «с разрушенным правлением»)?

Тохарский?

Почтительный к родителям (часть титула шаньюя): 若鞮 (Таскин 1973, 168)

Иероглифы

1. 若, совр. кит. *ruò*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *nak*, ВХ, ПДК, ср.-кит. *nak* (Karlgren 0777 a–e).

2. 鞮 *tí*. С тем же фонетиком: 提, совр. кит. *tí*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *dhē*, ВХ *dhiē*, ПДК *dhiēj*, ср.-кит. *diej* и 題, совр. кит. *tí*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *dē*, ВХ *diē*, ПДК *diēj*, ср.-кит. *diej* (Karlgren 0866 p).

Предположительное чтение: ЗХ *nak d(h)ē*. В Хань шу говорится, что это постоянный эпитет, прилагавшийся к имени шаньюя в дипломатических письмах, которые посылались к ханьскому двору; толкуется он как «почтительный к старшим» (т.е. к ханьскому императору). Однако ср. тох.

В *ñakte* ‘бог, господь’, *вос. ñakta* часто использовался как почтительное обращение к царю. Возможно, китайский хронист был введен в заблуждение относительно значения эпитета?

Поздние записи

Предположительно тюркские слова

Динлин (этноним): 丁菱 (Pulleyblanc 1962, 230)

Иероглифы

1. 丁, совр. кит. *dīng*, др.-кит. *tēŋ, trēŋ*, класс. кит., 3X *tēŋ*, ВХ, ПДК *tīēŋ*, ср.-кит. *tiēŋ, t̄aiŋ* ‘четвертый циклический знак десятиричного цикла’ (Karlgren 0833 a–d).

2. 菱, совр. кит. *líng* ‘водяной орех’ (Karlgren 0898 g). С тем же фонетиком: 凌, совр. кит. *líng*, др.-кит., класс. кит., 3X, ВХ *rəŋ*, ПДК *liŋ*, ср.-кит. *liŋ* ‘лед’ (Karlgren 0898 f).

Предположительное чтение: ПДК *tīēŋ liŋ*. Пуллиблэнк предполагает интерпретировать через тюрк. *tigr̄ik* (др.-тюрк. *tigr̄ak* ‘сильный, хитрый’ EDT 471), что фонетически довольно далеко. Из близлежащих тюркских этнонимов наиболее похожий — *teleŋ-* (ср. самоназвание телеутов и теленгитов, с показателем множественности *-t*).

Тиефу (конфедерация): 鐵弗 (Таскин 1973, 168)

Иероглифы

1. 鐵, совр. кит. *tiē* 3, ср.-кит. *thiet*, др.-кит. *λhīt*, 3X *λhjāt*, ВХ *liāt*, РПДК *thiēt* ‘железо’.

2. 弗, совр. кит. *fú*, др.-кит., класс. кит., 3X *pət*, ВХ *pwət*, ПДК *pwīt*, ср.-кит. *pūt* ‘нельзя’ (Karlgren 0500 a–c).

Конфедерацию основал Лю Цюбэй (劉去卑) в 260 г. н.э., на северо-востоке территории; после того, как в 376 г. табгачи (сяньби) были разбиты, конфедерация главенствовала на Ордосе, но с 386 г. постепенно подчинялась табгачам. Предположительное чтение: РПДК *thiēt pwət*. Ср. др.-уйг., крх.-уйг. *tüpüt* ‘Тибет, тибетский’?

Хэлян (имя собственное): 赫連 (Таскин 1973, 168)

1. 赫, совр. кит. *hè*, др.-кит., класс. кит., 3X, ВХ *hrāk*, ПДК *hēk*, ср.-кит. *h̄aik* ‘пылающий; багровый’.

2. 連, совр. кит. *lián*, др.-кит., класс. кит., 3X, ВХ *ran*, ПДК, ср.-кит. *len* ‘соединяться’ (Karlgren 0213 a).

В конце IV в. н.э. Хэлян (Лю) Бобо основал династию Ся. Предположительное чтение: РПДК *hēk len*. Возможно, тюрк. *jegren* ‘рыжий’ (EDT 914)? Такое толкование соответствовало бы отчасти и смыслу иероглифов, и китайскому прозвищу «красный» (см. Таскин 1973, 168).

Фонетика сюннских слов в китайской передаче
Ханьские транскрипции

Чтение	Предполагаемый источник	Чтение	Предполагаемый источник
<i>thāy-rāj</i> 'небо'	* <i>taŋri</i>	<i>sāk-lāk</i> 'сапог'	* <i>skāl-ika-</i>
<i>roŋ</i> 'трон, ставка' (?)	* <i>orun</i>	<i>rhjəw-rāj</i> 'жертвенная ложка'	* <i>urunya</i>
<i>kēŋh-rāh</i> 'меч'	* <i>Kiŋrak</i>	<i>bjəs-sa</i> 'гребень'	* <i>pasa-ča</i>
<i>k(h)wā(k)-r(h)āk</i> 'пояс'	* <i>Kur-γak</i>	<i>rāk</i> 'айран'	* <i>rag-</i>
<i>bwək-ŋək</i> 'вид сосуда'	* <i>bök-lüg</i> 'с пробкой'	<i>toŋh</i> 'молоко'	* <i>dauγ-na</i>
<i>sŋjāj-b(h)jāj</i> 'пряжка'	* <i>silbi</i>	<i>sā-rāk</i> 'сливки'	* <i>sarah-</i>
<i>kwjāt-d(h)ē</i> 'вид лошади'	* <i>gūd-t-i</i> 'табун' или * <i>Katir</i> 'мул'	<i>t(h)ē-g(h)ā</i> 'светлый кумыс'	* <i>doγa</i> < * <i>dauya-</i>
<i>Lhəw-Lhā</i> 'вид лошади'	* <i>šlala</i>	<i>gāj-ran</i> 'гора' (?)	* <i>gari-n-</i>
<i>d(h)ān-gēh/ kēh</i> 'дикая лошадь'	* <i>Taki</i>	<i>mēk-rwa</i> 'сушеный творог'	* <i>malkwe(r)</i> 'молоко, молочный продукт'
<i>g(h)oŋ-g(h)oŋ</i> 'вид лошади'	* <i>Koŋur</i> 'бурый'	<i>tān-wa</i> титул	* <i>darxan</i> (?)
<i>thāk-lhāj</i> 'верблюд'	* <i>taj-lag</i> 'верблюжонок'	<i>γāt-tāj</i> 'царица'	* <i>h(v)atuñ</i>
<i>?wā/ γwā-ŋwāt</i> 'стоянки'	* <i>Kol-ut</i>	<i>w(h)āk / whrāk-wa</i> титул	<i>rūkyā</i> < *(v) <i>raukyā-</i> 'правящий'
<i>krēk-kwēp</i> 'кыркыз'	* <i>Kirkir</i>	<i>r(h)wan-dē / thē</i> 'царский род'	<i>runde</i> < * <i>rwande</i> 'цари'
<i>γōŋ-nhā</i> 'сюнну'	* <i>hunga</i>	<i>rhəw-danŋ</i> имя собств.	* <i>rauda-na</i> 'царственный'
<i>dā-grāj</i> 'справедливый'	* <i>dogro</i> 'прямой'	<i>kāL-hā</i> 'принц'	<i>kālā</i> < * <i>kāθrya</i>
<i>kōk-r(h)ə</i> 'вотчина' (?), 'башня' (?)	* <i>Kor(ʃ)γ</i> либо <i>Karγu</i>	<i>kwēt-tā</i> часть названия должности	* <i>gūθa-</i> 'пехотинец'
<i>chiá-ka</i> титул	* <i>čika-n</i>	<i>dhwā-m(h)anŋ</i> имя собств.	* <i>tauman-</i>
<i>kjāj-tauk</i> имя собств.	* <i>Katik</i> 'твердый'	<i>mūh-twēnŋ</i> имя собств.	* <i>mudra-</i>
<i>wə-ɸwa-ɹjwan</i> имя собств.	* <i>otočʃ-n</i> 'лекарь'	<i>?ābhwarā</i> титул	* <i>apara-ya</i>
<i>ka-shjəs</i> 'принцесса'	* <i>kanc-aca</i> 'девушка'	<i>wā-g/γān-lhia</i> имя собств.	* <i>vanghu-rta</i>
<i>nak-d(h)ē</i> часть титула	<i>ñakte</i> 'господин'	<i>njət-Lhəuk</i> титул	* <i>noit-rau-ka</i>

Постклассические транскрипции

Чтение	Предполагаемый источник	Чтение	Предполагаемый источник
<i>śāw-kje</i>	<i>sū-ge</i>	<i>d(h)ōw-lāk</i> ‘куп-ган’	* <i>durak</i>
<i>thiēj-liet-kāŋ</i>	<i>tałā-t-kan</i>	<i>kwān-cjī</i> ‘бобр’ (?)	* <i>Kuntřz</i>
<i>bwōk-kwōk</i> титул	<i>bōkō-g</i>	<i>kiēp-tōw</i> ‘маслобойка’	* <i>kūp-i-?</i>
<i>g(h)wo- thwōk-tāŋ</i>	<i>gōtōk-ta-ŋ</i>	<i>khwīt-kwāt</i> ‘низкий’	* <i>Kodku-t</i>
<i>bāt</i> ‘сам, господин’	* <i>bod</i>	<i>thāk</i> ‘земля’	* <i>Tog</i>
<i>bwīt-dō-dhiŋ</i>	<i>budurčīn</i> (или <i>Buddha- dhona-</i>)	<i>hēk-len</i> ‘рыжий’ (?)	* <i>jegren</i>
<i>thiēt-b(h)wāt</i> ‘железо’	* <i>Temür</i>	<i>tiēŋ-liŋ</i> этноним	* <i>Telen-</i>
<i>kā-šā</i> ‘яшма’ (?)	* <i>Kāl?</i>	<i>kāt</i> ‘камень’ (?)	<i>ggari-</i> < * <i>gar-</i>

На основании приведенного материала можно заключить, что для раннего, ханьского, периода фиксации слов из языка (языков?) сюнну имеется явное преобладание тюркских слов среди аппелятивной лексики; надежно иранские по происхождению — только названия молочных продуктов и «гребень». Титулатура и имена собственные — в меньшей степени тюркские, в большей — иранские, при этом имеются некоторые фонетические основания считать иранские по происхождению слова уже прошедшими через тюркскую языковую среду (как в случае с **hva-tuñ* > *γāt-tāŋ*). Возможно, иранская титулатура — наследие юэчжийского владычества. В поздний период надежно иранских слов среди транскрипций не встретилось.

Что касается возможности уловить по китайским транскрипциям фонетические характеристики соответствующих тюркских языковых состояний, то во всяком случае нет явных противоречий наличию оппозиции «придыхательный–непридыхательный» у начальных взрывных; в ранних транскрипциях отражается латерал **λ*; в поздних — возможно, имеются *λ*- и *ʃ*-диалекты, причем второй — кыргызский. По отражению вокализма трудно о чем-либо судить.

Конечно, выводы, сделанные на таком материале, нельзя считать особенно обоснованными, тем не менее кажется, что их можно принять к сведению рядом с другими гипотезами касательно языка сюнну.

Возможные восточноиранские заимствования в пратюркский

Одна из проблем тюркской этимологии, вызывающих споры исследователей, — это проблема заимствований в пратюркский язык (или в языки древних тюрков — спорящие не всегда различают эти вещи) из предположительно контактных с ним(и) индоевропейских языков. В частности, ряд

известных алтайских (или тюрко-монгольских) этимологий оспаривается путем предположения для тюркских слов индоевропейского источника, с последующим заимствованием из тюркских языков («ротацующего» типа) в прамонгольский. Таким источником могут выступать, во-первых, какие-то восточноиранские языки — в первую очередь согдийский и хотано-сакский. Первый — язык народа, чрезвычайно активно занимавшегося на этих территориях торговлей и миссионерством. Второй — с одной стороны, один из языков государства, существовавшего в непосредственном контакте с тюркскими территориями в Восточном Туркестане, а с другой — возможный ближайший родственник языка восточноиранского населения, оставившего памятники «звериного стиля» в Саяно-Алтайском регионе и, возможно, непосредственно предшествовавшего пратюркскому этносу, для которого этот регион явился «прародиной», т.е. местом первого крупного распада — отделения болгарской группы, см. СИГТЯ 2000, 732–733. Во-вторых, как источник заимствований в пратюркский и древнетюркские языки, мог фигурировать тохарский язык (по-видимому, отпавший от праиндоевропейской общности приблизительно одновременно с анатолийской семьей), также функционировавший в Восточном Туркестане.

С появлением достаточно полных и достаточно надежных этимологических источников по хотано-сакскому (Bailey) и тохарскому (Adams) языкам, сводного лексического источника по согдийскому языку (Gharib), а также достаточно полно учитывающих новый восточноиранский материал этимологических словарей иранских языков (Стеблин-Каменский ЭСВЯ; Расторгуева–Эдельман), с другой стороны — с развитием исследований по тюркской этимологии и, в частности, с составлением достаточно полного словаря алтайских этимологий, разговор о возможных заимствованиях между языками Центральной Азии в древности и раннем средневековье становится менее умозрительным, чем ранее. В частности, можно надежно определять направление заимствований и опираться при доказательстве заимствования на установленные фонетические соответствия.

Ниже мы попытаемся верифицировать ряд этимологий, предлагавшихся в качестве заимствований из индоевропейских языков в пратюркский (тюркский до отделения болгарской группы).

1. **dāna* ‘теленек’: ср.-кыпч. (с XIV в.) *tana* ‘теленек’, чаг. *tana* ‘двухлетний теленок’; в новых языках: тур. *dana* ‘теленек’, гаг. *dana* ‘двухгодовалый теленок’, аз. *dana* ‘теленек’, туркм. *tāna* ‘теленек’ (без различия по полу); салар. *tana* ‘телка’; кар. *tana* ‘теленек’, кум., кбалк. *tana* ‘двухгодовалый теленок-бычок’, татар. *tana* ‘двухгодовалая телка’, ног., ккалп. *tana* ‘телка по второму году’, казах. *tana* ‘годовалый теленок-бычок’, кирг. *tana* ‘телка по второму году’; чув. *tīna* ‘телка (перезимовавшая)’. См. VEWT 460; Федотов II 267⁸⁰; ЭСТЯ VIII; Шервашидзе 1989. Булгар. **tīnag*

⁸⁰ Но предлагаемой там параллели монг. *čīnō* ‘теленек’ не существует: это — ‘волк’.

> венг. *tinó* ‘телка’ (Gombocz 1912, 130; неясна глухость). Предполагается заимствование из иран. (авест. *daenu* ‘самка животного’, ср. санскр. *dhenu-* ‘корова’ (из «дойная»), хор. *dyn* ‘женщина’, язг. *đang* ‘имеющая детей (о женщине, самке)’ < **dainu-kā*, хсак. *dīnū* ‘корова’ (Bailey 159; Расторгуева–Эдельман 2, 447). Наиболее правдоподобным в этом случае кажется заимствование из языка северного ираноязычного населения, близкого к сакскому, который единственный из иранских языков дает для слова значение ‘корова’, и в котором возникает первый гласный *i*, давший в пратюркском источник рефлексов *a* закрытого.

2. **dorak* ‘сыр’: см. ЭСТЯ VIII. Традиционно его напрасно объединяют с крх.-уйг. *tar* ‘пахта’, як. *tar* ‘замороженная простокваша’, к которому также фонетически подходит чув. *tora(x)* ‘простокваша’ (Федотов II 253) и монг. *tarag*, ср.-монг. SH *tarah* ‘простокваша’ (которое потом заимствовалось из монг. в тув. и маньчж.). Для этого последнего блюда восстанавливается название ПТ **tar-aq* ‘вид простокваши’, возможно, слово, общее с монг., но возможно и заимствование в монг. из древнетюркского. Основа **dorak* не совпадает с **Tar-aq* ни фонетически, ни семантически; фиксируется с AbūH. и чаг., халадж. *tuorāq*, туркм. *doraq*, тур. диал. *torak* и *dorak*; чув. *tora*, *tъwara*; дун.-булг. заим. в венг. *túró* ‘творог’; значение везде ‘род творога, сыра’. См. обсуждение этимологий в ЭСТЯ VIII, TMN III № 1195; VEWT 490; Шервашидзе 1989 (NB: вост.-слав. *tvarogъ* — болгаризм, см. о нем в след. кн.). Эта основа может быть заимствованием из ср.-иран. **tura-ka*, ср. авест. *tūiri-* ‘створоженное молоко’, имеющее ИЕ этимологию (см. Аб. III 319); из иранских форм ср. еще сак. (сомнительное) *tūra* ‘сыр’ (Bailey 132), см. еще Bailey 124 *tav-* ‘киснуть’, осет. *turæ* ‘жирный суп’. (Вторая тюркская основа, впрочем, также может быть иранизмом, ср. авест. *tāyuri-* ‘род хлеба’ (Barth. 647), зор. пехл. **iēr*, но семантическое сходство здесь значительно меньше, фиксация хуже). Заимствование должно было пройти до общетюркского озвончения **t-* перед сонантами.

Заметим, что оба этих возможных заимствования относятся к области молочного животноводства и содержания крупного рогатого скота, что кажется довольно естественным для ранних тюрко-восточноиранских контактов (ср., например, основные семантические поля, в которые вошли иранские заимствования в финно-угорских языках).

3. (?) **dura* ‘башня, укрепление; четырехгранная бревенчатая или каменная постройка’: с крх.-уйг., общетюрк., в т. ч. сибирское (но без чув., як., тув.): хак. *тура*, хак. качин. *tura* ‘город, четырехгранная изба’ (ДХЯ 105), шор. *tura* ‘город, четырехгранная изба’ (Р III 1446), чул. (= кюэр.) *tura* ‘город, четырехгранная изба’ (Р III 1446); крх.-уйг. *tura* (МК; QB) ‘крепость’; ср.-уйг. *tura* ‘крепость’ (ИМ 76; Бор. ЛТ 312); тур. диал. *dura* (DS IV 1604), *tura* (DD III 1398) ‘деревянный навес, сделанный для предохранения стены, выступ крыши, прикрытие над дверью’, туркм. *dura* ‘яма для укрытия (*устраивается на берегах рек для охоты на дичь*), засада’;

чаг. *tura* ‘щит; баррикада, бруствер’ (Абуш. 166), лобнор. *tura* ‘стоянка’ (Мал. ЛЯ 177); сиб.-тат. *tōra* ‘город’ (Тум. СДСТ 213), башк. диал. *tōra* (БҺһ III 99 в составе *kärtä tōra* ‘название постройки’); алт. *tura*, алт. диал. *tura* ‘город, четырехгранная изба’ (Баск. Кум. 257; Баск. Леб. 210; Баск. Туба 158). Возможно, лобнор. *tura* ‘стоянка’ сюда не относится, будучи, как и тур., гаг. *durak*, кирг., казах., ккалп. *turaq* (см. ЭСТЯ 1980, 300), производным от глагола **t/dur-* ‘стоять’. Ср. также як. *durda*, *turda* ‘ограда, щит, защита, прибежище, оплот, засада; охотничий шалаш’ (Пек. I 754–755, III 2843). См.: СИГТЯ 2000, 486; TMN II 608–610; EDT 531; Ахмет. ОЛДК 41–42. Заим. в монг. *tura* ‘крепость, город’, зап.-бур. *tura* ‘изба’. Алтайской этимологии не обнаружено. В принципе возможно заимствование из языков северного ираноязычного населения: ср. сак. *ttaura* ‘стена’ (Bailey 134; от глагола *tau-* ‘cover’), осет. *tyrg* ‘сени, навес, балкон, двор’ (Аб. III, 341). Для сакского можно было бы предполагать тюркизм, но осет. не может быть тюркизмом, ср. к тому же санскр. *toraṇa* ‘ворота’.

4. Возможно, к таким же древним заимствованиям можно относить зафиксированный в древнетюркском титул: орхон.-тюрк., енис.-тюрк. *tarqan*, Pl. *tarqat*, др.-уйг. рунич. *tarqan*, Pl. *tarqat*, маних., будд. *tarqan* ‘титул или должность; компонент имен собственных’; протобулг. ΤΑΡΚΑΝΟΣ ‘титул’; крх.-уйг. *tarxan* ‘языческое название для эмира’ (МК); чаг. *tarxan* ‘сословие, освобожденное от податей и имеющее ряд других привилегий; одно из племен Джагатаева улуса’ (скорее, чаг. — обратное заимствование из монг.); более поздние тюрк. формы, скорее всего, также являющиеся монголизмами, отражая в своей семантике либо позднее монг. сужение значения, либо ордынскую обществено-политическую реалию: туркм. *tarxan* ‘привилегированное сословие; перен. избалованный’ = аз. диал. *tärxan* ‘избалованный’, башк. *tarxan* ‘привилегированное сословие’, кирг. *darkan* ‘кузнец’, ккалп. *darqan* ‘свободный, привольный’, як. *darxan* ‘важный, почтенный’; чув. *torxan* ‘имя собственное; привилегированное сословие; компонент ряда имен сверхъестественных существ’ (последнее значение может восходить к пратюрк.). См. Федотов II 239–240; EDT 539; ЭСТЯ 1980, 151–153; TMN II 460–474. В Европе зафиксирован как древнетюркский (Менандр, VI в. н.э.) и болгарский (IX–X вв.) титул: греч. *ταρκάνος*; в арабских источниках — как эфталитский и хазарский (*tarḡān*). По остроумной гипотезе Э. Пуллиблэнка, этот титул может отражаться в названии правителя гуннов *шаньюй* (поздне-др.-кит. чтение соответствующего кит. написания: **iān-wa*, см. выше), см. Pulleyblanc 1962, 91. Тюрк. > монг. *darkan*: ср.-монг. *darkan* ‘свободный, независимый’ (SH 32), п.-монг. *darkan* ‘мастер, сословие, свободное от податей’ (Kow. 1676), халха *darxan* ‘сословие; мастер; кузнец’, бур. *darxa(n)* ‘кузнец; умелец; лично свободный’, калм. *darxn* ‘кузнец; сословие’ (KWb 78), дагур. *dap-xan* ‘мастер, умелец, кузнец’ (Тод. Даг. 135), монгол. *DarGän* ‘удаливший-

ся от дел' (SM 45)⁸¹. Многочисленные гипотезы о происхождении слова см. в TMN II 465–474; ЭСТЯ 1980, 152–153, литература вопроса имеется также в Менгес ВЭ, 152–156. Наиболее правдоподобной нам кажется иранская этимология, выдвинутая В.И. Абаевым: согд. *try'n, trχ'n [tarxān]* (Gharib 9644, 9685) 'титул' (в частности, князь Деваштич носил его, см. Фрейман 1962, 42–45)⁸², сак. *ttarkana-* 'титул' (кажется, впрочем, тюркский), осет. *tærxon* 'суд', санскр. *tark-* 'решать, предполагать, судить' с индоевропейской этимологией (**tlk-*, WP I 744), см. Аб. III 276–277. Все иранские следы относятся к восточной группе. В тюркские языки слово должно быть заимствовано достаточно рано, поскольку монг. заимствование из тюрк. еще отражает начальную звонкость (следствие общетюркского, но не тюрко-булгарского, озвончения **t-* любого происхождения в позиции перед сочетанием *-rk-* — см. Дыбо 2005), впоследствии устраненную везде, кроме огузской и саянской групп (ср. киданьск. *dalaγan* — Менгес ВЭ 155). Венг. *tarchan* 'olim iudex' (Абаев, со ссылкой на Мункачи), судя по значению, заимствовано непосредственно из аланского. Возможно, др.-уйг. *terken* 'царица', крх.-уйг. *terken* 'обращение к правителю; царица', хрзм.-т. *tärkän* 'царевна' (Хосров и Ширин), EDT 544, представляет адаптацию восточноиранского **tarkanaya-* или **tarkanī-*: относительное прилагательное или женский род.

5. **qayan*: орхон., енис. *qayan* 'глава конфедерации племен; в частности, китайский император', др.-уйг. *qayan* 'повелитель', ср.-уйг. *qayan* (Огуз-намэ; см. ДТС 405). В крх.-уйг., чаг. — обратное заимствование из перс., *xaqan* (МК; QB; Tefs.; Абуш.; Sangl.; EDT 611; ДТС 636); так же объясняется кирг. *qayan* (в эпосе) «хакан, китайский император (иногда так же именуется Китай, хотя в этом смысле обычно Какан-Чын, Каканчын, Каканчы)». С чаг. также фиксируется обратное заимствование из монг.: *qa'an* (Абуш.; Sangl.; EDT 611). Возможно, рефлексы монголизма — формы с долготой в современных языках: Р II 104, тел., лебед., алт. *qa:n*; тоф. *ha:n* — если это не заимствование (обратное) из рус. *хан*, где

⁸¹ Ср. монг. *daruga*: письм. *daruγa* 'начальник' (Kow. 1672), ср.-монг. *daruḡa* 'Be-wahrer, Hüter, Statthalter, Vogt'; *daruḡa-cin* 'Beamtentitel' (SH 33), *daryaci* 'правитель' (ИМ 226), халха *darḡa* 'председатель, начальник', бур. *darḡa* 'начальник, офицер', ойрат. *dar(u)ha* 'начальник', калм. *darya* 'ältester; Bezirkvorsteher' (KWb 77), ордос. *darGu, daruGa* 'chief' (DO 121, 124). Слово с суфф. *-gači* представляет собой имя деятеля от глагола *daru-* 'давить, побеждать, стеречь, хранить', с суфф. *-ga* — причастие от того же глагола. Вопреки К. Менгесу (ВЭ 153) не относится к рассмотренным заимствованиям также п.-монг. *terigün* 'глава, старший, первый' (< **teriγün*), где значение «начальник» производно от названия части тела («голова»).

⁸² Относительно согд. титула или имени собственного *trχwn* см. обсуждение в TMN II 473, можно добавить, что сейчас это слово общепринято читается как имя собственное *Tarxūn*, и что его иероглифическая передача, 突昏 *tuhūn*, для позднедревнекитайского должна читаться как *thāt hwān*, а для среднекитайского — *thot xon* (т.е. *turxun* или *torxon*; соответствующий персонаж правил как раз в VII в. н.э., в конце среднекитайского периода).

долгота выделяет русское место ударения. Пока трудно сказать, каковы отношения между словами **qaγan* и **qan*: поскольку в орхон. есть обе этих формы, вряд ли можно считать вторую фонетическим стяжением первой. Ср. **Kan* ‘правитель, повелитель, предводитель, царь’: орхон., др.-уйг. *qan*, крх.-уйг. *xan*; чаг. *xan*; ст.-кыпч. *qan* / *xan*; тур. *han*, аз. *xan*; ккалп., казах., ног. *qan*, ктат., кбалк., кум., татар., башк., ног., ккалп. *xan*; кирг. *qan*, *xan*, алт. *xan*; узб. *xon*; як. *xan*; чув. *xun*. Формы на *x-* в средневековых языках можно расценивать как новое персидское или обратное монгольское заимствования. Некоторые современные языки форму *xan* заимствовали, по-видимому, вторично из русского языка.

Историю фиксаций этого титула см. в TMN III 160–168; зафиксирован впервые как титул главы жуань-жуаней и ту-юй-хуней (но ср. выше, Э. Пуллиблэнк о сюнну в III в. до н.э.); в частности, это предводитель гуннов по европейским фиксациям (греч. *χαγάνος*, лат. *chaganus*), глава аваров (греч. *χαγάνος*), хазар и болгар (VI в., греч. *χαγάνος*). В ср.-перс. памятнике «Махр-намаг» ’*yugwr xaqan* ‘уйгурский хаган’, см. TMN III 146. Среднекитайское наименование главы табгачей — 可汗 *khā-yān*, ПДК *khā-gān*. Иероглифы: 可, совр. кит. *kě*, др.-кит. *khāj?*, класс. кит., ЗХ *khāj*, ВХ *khā*, ПДК *khā*, ср.-кит. *khá* ‘можно; мочь’ (Karlgren 0001 a–c) и 汗, совр. кит. *hàn*, др.-кит. *gāns*, класс. кит., ЗХ, ВХ *gānh*, ПДК *gān*, ср.-кит. *yān* ‘пот, испарина’ (Karlgren 0139 t). Сам Г. Дёрфер возводит этот титул к языку сяньби, оттуда к жуань-жуаням, далее к тюркам. Титул был заимствован киданями, хотанскими саками и согдийцами. Разумеется, слово не исконно праторкское (в реконструированной тюркской фонетической системе отсутствует **x-*). Фонетически слово может быть выведено из ср.-иран. **hva-kama-* ‘autokrator’ (*hva-* ‘само-’ и *kam-* ‘желать’), ср. представленное в согд. *xutkame* [xwt-k’m’-k’] (Gharib 440) в том же значении и парность таких образований, как авест. *hvata-data-* и *hva-data* (Barth. 10820). Начальный кластер в тюркских (и монгольских) языках запрещен, и в случае сочетания с глайдом его устранение могло проходить путем выпадения этого глайда. Конечное *-n*, возможно, из *-m*, ср. собственно тюркские отглагольные образования на *-m/n*.

6. **kumlak* ‘хмель’. Действительно общетюрк. и даже пратюрк. слово. МК *qumlaq* (кыпчак.); ср.-кыпч., чаг. *qumlaq* ‘растение, подмешиваемое в опьяняющий медовый напиток’ (Houts.; Пав. С. 436). В новых языках: кыпч. кар. *кумлак*, *кумлах*, татар. *қўлмақ*, сиб.-тат. *қўмлақ* (Тум. ЗС 152), татар. диал., башк. *қўмалақ*; ног. *қылмақ*⁸³, казах., кирг. *қулмақ*, галт. *қуманақ*, хак. *хумнах*, шор. *қубанақ*; чув. *хәмла*; см. VEWT 299; EDT 628; ЭСТЯ 2000, 138–139; Федотов II 326. Булгар. > венг. *kömλό* (см. Gombocz

⁸³ Ног. *күпелек* ‘хмель’ может быть новым осетинским заимствованием, либо просто производным по *күпе* ‘горшочек’, ср. аз. *күпә-чичәји* ‘фуксия’ (выщееся декоративное растение; цветы по форме похожи на цветы хмеля, но крупнее; букв. ‘горшочек-цветок’).

1912; MNyTESz II 537). Из чув. языка заимствовано мар. *umla*, *ámêla* ‘хмель’ (Räs. ČLČ 235).

Предполагаемый иранский источник слова — аланский этимон осет. *хъумæллæг* ‘хмель’ — последнее этимологизируется в Аб. IV 261 как словообразование **hauma-aryaka* «арийская хаома». Этимология фонетически безусловна и семантически правдоподобна, названия хмеля в кавказских, тюркских, финно-угорских, славянских и германских языках объявляются аланизмами. Как правильно отмечает И.Н. Шервашидзе, это единственный правдоподобный древний аланизм в тюркских языках. Заметим, что в других иранских языках рефлексы того же названия растения довольно твердо сохраняют значение ‘хвойник, эфедра’:

**haumjâ-* (для некоторых из приводимых лексем возможна и реконструкция **hauma-*) ‘хвойник, эфедра’: афг. *ūmām* ‘кузьмичёва трава, эфедра, хвойник (ephedra)’ (Асл. 93), согд. (al-Bīrūnī) *hwmt* ‘Pflanzenname’, кл. перс. *hōm* ‘эфедра, хвойник (ephedra)’ (Руб. 734), талыш. *hūме* ‘хмель; плюш’ (Пирейко 242), ср. авест. *haoma-* ‘zum Haoma gehöřig’; **haumāna-* ‘хвойник, эфедра’: афг. *ūmān* m. ‘кузьмичёва трава, эфедра, хвойник (ephedra)’ (Асл. 92), мундж. *yūmana* ‘хвойник’, йидга *yūmenä* ‘хвойник’;

**haumāka-* ‘хвойник, эфедра’: вахан. (y) *imyk* ‘хвойник, эфедра’, тадж. диал. *хūтá* ‘хвойник, эфедра’; **haumācī* (+ *ak*) ‘хвойник, эфедра’: шугн. *amōjāk* ‘эфедра, кузьмичёва трава, хвойник’ (Карамшоев 1, 91)⁸⁴, руш. *amōjāk* ‘хвойник, эфедра’, хуфск. *amōjāk* ‘хвойник, эфедра’ (Стеблин-Каменский 1982; ЭСВЯ), см. Дыбо 1999.

Хвойник, низкий кустарничек семейства хвойниковых, внешне не похож на хмель, так что перенос семантики объясняется функционально: через переход на хмель для изготовления опьяняющих напитков⁸⁵. Но близкие к среднеазиатским виды хвойника распространены на Кавказе и в Северном Причерноморье (Деревья и кустарники СССР, 250; все они содержат алкалоид эфедрин), поэтому непонятно, зачем бы аланам в столь традиционной и ритуализованной области деятельности переходить на другой вид растения с переносом названия; однако талышская форма, безусловно, поддерживает осетинскую этимологию. Хронология аланских фонетических переходов также не противоречит предположению о заимствовании в тюрк.

Тюрк. слово имеет, в общем, почти удовлетворительную алтайскую этимологию: ПАлт. **k'iomolV* ‘вид пахучего съедобного растения’, монг. **kōmeli* ‘вид дикого лука/чеснока’ (Less. 487), халха *хэмөл* ‘лук монголь-

⁸⁴ В Зарубин 1960, 89 значение этого слова представлено еще следующим образом: ‘род кустарникового растения, зола которого употребляется при изготовлении жевательного табака (нас)’.

⁸⁵ Ср. также Стеблин-Каменский 1982, 56–57, где автор пытается свести к тому же слову мундж. название льна *yūtaγa* через переход ‘эфедра’ > **конопля* (реально не представленное) > ‘лен’, считая изменение семантики в осет. типологической параллелью.

ский', ТМ **ximje-kte* 'черемуха' (ССТМЯ 1, 318), ПЯп. **kamira* 'вид чеснока' (EDAL). Булгарская форма могла бы послужить источником и славянским, и германским (ср. коллекцию булгаризмов в германских языках, собранную В.А. Терентьевым — Терентьев СТ) формам, и осет. слово также может быть булгаризмом. Во всяком случае это подрывает надежность «единственного аланизма» в общетюркском. Если же все-таки принимать иранское происхождение пратюркского слова (в этом случае гораздо лучше выглядит семантическая сторона: чеснок и черемуха еще сопоставимы как резко пахнущие съедобные растения — и ср. параллельное соотношение в индоевропейском (черемуха — черемша), — но чеснок и хмель не сходны ни внешне, ни функционально, во всяком случае хмель используется совершенно не как пахучее растение), то с хронологической точки зрения следует предполагать заимствование из языка восточно-иранских носителей археологических культур Саяно-Алтайского региона, который, возможно, был близок к аланскому.

7. Еще один возможный пратюркский иранизм — **bütñik* 'мята': чув. *pätñək*, татар., башк. *bötnek* 'мята', казах. *bütñik* 'просвирик' (Федотов I 428). В принципе чув. форма может быть кыпчакизмом, и тогда иранизм поздний, но для позднего иранизма неясен источник. С иранской стороны имеем осет. *bit'na / bet'ina* 'мята' (по предположению в Аб. I 263, из груз. *p'it'na* 'мята', но, возможно, наоборот; грузинское слово не имеет картвельской этимологии), памир. шугн., барт. *widn*, руш. *wudñ*, вахан. *wadñ*, мундж. *wälən*, пушту *weləna*, перс. *pūdina*, сивенди *pīdīn*, курд. *pun*, афтари *putuni* (последнее может быть тюркизмом) и т.д. См. ЭСВЯ 386; Стеблин-Каменский 1982, 121–122, где иранские формы считаются адаптицией бродячего слова. Но по крайней мере восточноиранские формы достаточно надежно возводятся к иран. глагольному корню **baud-* 'пахнуть' (авест. *baoda-* Barth. 918, согд. *βwd-* Gharib 2879, **baudyana-* Mgst. EPsh 86; ср. белудж. *bōd*, *bōd* 'благовонное растение', осет. *būd/bodæ* 'ладан' и др.; памирские формы в основном заимствованные, но ср. вахан. *vul* 'благовоние' из раннеишканимского, вахан. *rvid* 'полынь' < **fra-bauda*, хот.-сак. *bā* 'аромат', *bū* 'ароматическое вещество', *bvañä* 'ароматические вещества', см. Расторгуева–Эдельман 2, 140–142). Западноиранские формы — заимствования из вост.-иран. через какого-то посредника с оглушением? Тюрк. форма — если пратюркская — в принципе может быть ранним восточноиранизмом с адаптацией ср.-иран. *ō*, упрежденного перед -у-суффикса — отсюда тюркский передний ряд.

8. **arpa* 'ячмень': чув. *orba*, хак. *arpa*, др.-уйг. *arpa*, позднедр.-уйг. *abra*, крх.-уйг. *arpa* (МК; QB), чаг. *arpa* (Sangl.), узб. *arpa*, н.-уйг. *a(r)pa*, халадж., тур., гаг., аз., туркм. *arpa*, салар. *arfa* (ССЯ 292), караим., кум., кбалк., татар., башк., ног., казах., ккалп., кирг. *arpa*, галт. *arba* (ЕДТ 198; VEWT 27; ЭСТЯ 1974, 176–177; ТМН II 24; СИГТЯ 2000, 460; Егоров 27; Федотов II 286). Тюрк. > венг. *árpa*. Для слова предлагается алтайская этимология: ПАлт. **árp'á* 'ячмень, просо': ПМонг. **arb/paj* 'ячмень', п.-монг.

arbai (Less. 49), ср.-монг. *arbai* (HY 8), *arbāi*, *ārbāi* (MA 104, 253), халха *arvaj*, бур. *arvaj*, калм. *arwā*, *arwā*, ордос. *arwā*, дунс. *apa*, монгор. *šbā* ‘полба’ (SM 370), могол. *arfei*, *arfā* Ramstedt 1906; KWb 15; TMN II 24 (монг. > тув. *arvaj* и под.); ПТМ (?) **arpa*: маньчж. *arfa* ‘овес; употребляется и в значении «ячмень» (Захаров) ССТМЯ 1, 52; ПЯп. **ápá* ‘просо’, др.-яп. *apa*, ср.-яп. *áfá*, токийск. *áva*, Киото *ává*, Кагосима *awá* JLTT 388; см. EAS I 90; KWb 15; VGAS 87; АПиПЯЯ 67; EDAL. Алтайскую этимологию в некоторых частях довольно легко оспорить. Монгольская форма может, конечно, быть заимствованной из тюрк. (см. TMN II 24; Щербак 1997, 100) — ср. следы различной адаптации сочетания *-rp-*, с озвончением и без него, чего не должно происходить с исконным сочетанием *-rb-* (ср. **karbu-* ‘стрелять’, баоан. *χurə-*, монгор. *xarmu-*; разве что восстанавливать для монг. уникальное сочетание с глухим *p*). Маньчжурская форма может быть ранним монголизмом (из несохранившегося дагурского, без озвончения?). Однако японская форма регулярно соответствует тюркской (еще один пример на ПАлт. **rp*’ — тюрк. **sarpan* ‘плуг’, ПЯп. **sāpi* ‘вид мотыги’), при этом не совпадая по значению, и, к тому же, не находит убедительных китайских или австронезийских источников заимствования. Тюркское слово иногда считают заимствованным из иранского **arba-* ‘ячмень’, возводимого к слабо зафиксированному ПИЕ **albhīt-* ‘ячмень’: греч. *álphi*, pl. *-ita* ‘Gerstengraupen, -mehl’, *álphito-n* n. ‘id.’, лакон. *alíphat-a* ‘id.’, алб. *elb*, *elbi* m. ‘ячмень’ (WP I 92); сама иранская основа также зафиксирована только в вост.-иран., в производном **arbasyā-* (или **arpasyā*): ишк. *úrʷs*, сангл. *vərvəs*, йидга *yaršō*, пушту *orbāši*, *urbāši* (Стеблин-Каменский 1982, 23). Принципиально возможно, но не более убедительно, чем алтайская этимология.

9. **ečkü* ‘домашняя коза: родовое название; самка’. Др.-уйг., крх.-уйг., ср.-уйг., хрзм.-т. *äčkü*; ср.-кыпч. *äčki*; чаг. *üčkü*; хал. *äččü*, *äčgü*; С.-З.: кар., кбалк., кум. *äčki*, ног., ккалп. *äški*; Ц.-В.: кирг., алт. *äčki*; Ю.-В.: узб. *äčki*, уйг. *öčkä*, *äčkü*; С.-В.: хак. *öski*, тув., тоф. *ö’skü*. Слово общетюркское, но не пратюркское (в болгарской и огузской группах другое слово, **geče*). Алтайской этимологии не имеет. Неоднократно предлагались гипотезы о заимствовании из индоевропейских, в частности, иранских языков, см. подробно СИГТЯ 2000, 426–427. Соответствующая праиранская основа уверенно восстанавливается как **aža-* ‘козел, коза’, см. Расторгуева–Эдельман 1, 292–293. Соответственно, для возведения сюда тюркской формы имеется ряд фонетических трудностей. Собственно говоря, вывести пратюркскую форму из иранской можно, сделав следующие предположения. Иранский прототип — условно **až-ya-k-ā* должен содержать после корня *j*-образный суффикс (относительного прилагательного), который, во-первых, палатализовал **žya-* > **ža* (переход, известный для всех восточноиранских языков, кроме осетинского и шугнано-рушанской группы, см. Эдельман СГВЯ-Ф, 90–91) — и это **ž* при заимствовании было передано единственным шипящим в пратюркской фонологической системе, *č*.

Во-вторых, йотация привела к восточноиранскому упереднению *a* первого слога: $a^i > e$. В-третьих, основа оформлена субстантивирующим суффиксом *-ka* и окончанием слов женского рода *-ā*, что обеспечивает семантику женского пола; конечное *-u* — по-видимому, показатель винительного падежа, характерный для ряда среднеиранских языков (согдийский, хотанско-сакский). Таким образом, правдоподобный вывод тюркского слова из некоторой возможной для среднеиранского состояния восточноиранских языков формы возможен; к сожалению, в иранских языках не нашлось такого производного от **aža-* с подходящим значением; ср. мундж. *adzyo*, йидга *īzē* ‘бурдюк для кислого молока’, для которого одна из этимологических гипотез — как раз **až-ya-k-a* (Расторгуева–Эдельман 1, 293); ср. также зор. пехл. *zū* ‘козел’. В пользу заимствования тюрк. из иран. может говорить еще тот факт, что в тохарском мы также видим иранское заимствование: тох. В *ašīye* ‘козий’, А *ās* ‘коза’. Ср. Adams №267: “TchA *ās* ‘goat’ and B *ašīye* ‘pertaining to a goat’ reflect a PTch **ās(e)* ‘goat’ and **ašīye* ‘prtng to a goat.’ The word for ‘goat’ must be a borrowing from some Middle Iranian source. One might compare Middle Persian *azak* ‘goat.’ Phonologically it would be better to suppose a Middle Iranian **āz-* with the same lengthened grade we see in Lithuanian *ožỹs* ‘buck’ [: also Sanskrit *ájā-* (m.) ‘buck’, *ajā-* (f.) ‘goat’]”. Конечно, в литовском, как и в славянском **az-ьно*, не «ступень удлинения», а удлинение по закону Винтера перед индоевропейским звонким непридыхательным, см. Dybo V.A. 2002, 395–396. Пратохарское **ā (> A ā, B a, ā, из ИЕ *a, *ə)* и пратохарское **a (> A a, B a, ā, из ИЕ *ō)*, по-видимому, реально различались фонетически соответственно неогубленностью и огубленностью, см. Бурлак 93–94. Соответственно, для адаптации восточноиранского *a* выбран неогубленный вариант. Шипящий спирант должен отражать, по-видимому, такую же палатализацию, как в тюркском. Заимствование должно было осуществиться до распада пратохарского (глотохронологическая датировка — 20 г. до н.э.).

Судя по полученным глотохронологическим датировкам для иранского древа, заимствования из восточноиранских языков в пратюркский должны были проходить в период после распада сакской и аланской ветвей (лексикостатистическая датировка 660 г. до н.э.), уже из каких-то среднеиранских языков, но, возможно, до распада сакской и пуштунской ветвей (лексикостатистическая датировка 290 г. до н.э.). В настоящее время трудно искать возможные тюркизмы, допустим, в общем праязыке сакской и пуштунской ветвей, поскольку судить о словарном составе локальных иранских праязыков можно будет разве что после выхода всех томов «Этимологического словаря иранских языков» (Расторгуева–Эдельман). В трех первых томах этого словаря, во всяком случае, подходящих кандидатов не обнаружилось. Об известных тюркских заимствованиях в отдельные среднеиранские языки см. в след. кн.

Пратюркский и тохарский

Список предположительных тохаризмов в пратюркском, предлагаемый А.Рона-Ташем в ряде его работ (особенно см. Róna-Tas TE, 502–504), кажется содержащим ряд сомнительных предположений, мы предпочли бы здесь относительно скептическую точку зрения, предложенную в Reinhart 1990. Кроме общепринятых поздних (т.е. уже не в пратюркский) заимствований, о которых см. в след. кн., значительная часть этих предполагаемых заимствований имеет достаточно обоснованные алтайские этимологии — см. EDAL. Одно из исключений составляет тюрк. **bēlk* ‘пять’, пока не получившее внешней этимологии, которое, впрочем, вряд ли в такой реконструкции (учитывающей чувашское развитие, см. СИГТЯ 2002, 350) может быть сопоставлено с пратохарским **pāñs* ‘пять’ (Adams №2099). Приведу из этой лексики предполагаемые культурные заимствования, то есть слова, для которых гипотеза о заимствовании была бы наиболее оправдана.

ПТ **altun* ‘золото’ (возможные этимологии обсуждались выше, см. еще Менгес ВЭ, 119) — тох. В *eñcuwo* ~ *iñcuwo* (n.) ‘железо’, тох. А *añcwāsi* ‘железный’, ПТох. **eñcuwo* (Adams №535). Дальнейшие связи тохарского слова неясны, предполагалось сопоставление с осет. *āndon*, хорезм. *hnčw* ‘сталь’ и возведение к слову неизвестного центрально-азиатского языка **anśuwan* (Schwartz 1974, 409)⁸⁶. Для тохарского, в принципе, возможно и предлагавшееся ранее возведение к ПИЕ **ond-* ‘камень’, санскр. *ādri-* m. ‘stone, rock, mountain’, иран. др.-перс. *-adri-* в орониме, ишк. *olaχ* ‘mountain’ (**adra-ka-*), кельт. **ondes-*: ср.-ирл. *ond, onn*, gen. *uinde* ‘Stein, Fels’ (WP II 181; Расторгуева–Эдельман 1, 84)⁸⁷. При достаточно далеких форме и значении тохарского и тюркского слов (почему в ПТ не **alčun?*) предпочтительны другие этимологии.

ПТ **jEř* ‘медь’ (ЭСТЯ 1989, 168–169; СИГТЯ 2000, 404–405; Палт. **žiré* ‘металл; наковальня’, ПТМ **žirA* ‘наковальня’ EDAL) — тох. В *yasa* ‘gold’, тох. А *wās*, ПТох. **w’āsā* (f.) (Adams № 487), ПИЕ **awās-* ‘золото’, балт. **aũ(k)s-a-* m., лат. *aurum*, *-ī* n., сабин. *ausom*. Семантическое соотношение тохарского и тюркского слов хорошее, но алтайская этимология тюркского слова также вполне приемлема.

ПТ **ok* ‘стрела’ (ЭСТЯ 1974, 437–438; TMN II 153; СИГТЯ 2000, 577; Федотов II 296; Палт. **ǫk’ā* ‘острие, зазубрина’ EDAL) — тох. В *akwatse*

⁸⁶ Tremblay 424 предполагает в тохарском и хорезмийском заимствование из незафиксированного протосакского рефлекса ИЕ основы **H₂ek* ‘won- ‘острие’ со спонтанной назализацией (**ančwan*); вариант без назализации он видит в сак. *hīšsanā-* ‘железо’. Кажется, более правдоподобная этимология сакского слова и ряда других иранских форм приведена в ЭСВЯ 427–428 (ПИран. **hau-syana-* > **ho-svana-* ‘хорошее железо’); объяснение происхождения тохарского и хорезмийского слов в этом случае, впрочем, не ухудшается.

⁸⁷ Не сюда ишк. *olaχ* ‘mountain’ (WP: **adra-ka-*); в ишк. **dr* > *dVr*.

‘sharp’ (Adams №27) < ПИЕ **h_aek*’*utyo-*, от ПИЕ **h_aek*’- (**ak*’-) ‘острый’ (WP I 28). Хотя алтайская этимология оперирует довольно абстрактным значением, тохарское сравнение не предлагает лучшей культурной семантики, что для гипотезы о заимствовании более неудачно, чем для гипотезы о родстве.

ПТ **Koł* ‘хижина, лачуга, лагерь’ (EDT 670; СИГТЯ 2000, 491–492; Федотов II 375–376; ЭСТЯ 2000, 90–94; см. о этом слове выше, Палт. **kulV* ‘огороженное место’, ПТМ **kuli-* ‘загораживать’ ССТМЯ 1, 428; EDAL) — тох. В *koškÿe* ‘hut’ (Adams №1101 — иранское заимствование); гипотеза обсуждается в Reinhart 1990, при ее принятии необъяснимо отсутствие *-k-* в тюркской форме.

ПТ **Tām* ‘крыша, стена’ (VEWT 459; СИГТЯ 2000, 529; TMN III 429; 834; Палт. **t’āma* ‘стена, крыша’, ПМонг. **tama* ‘стена’, ПТМ **tamV-* ‘навес, покрывка для чума’, ср.-кор. *tām* ‘стена’, ПЯп. **tāmuruā* ‘участок; лагерь’ EDAL) — тох. В *stām* ‘tree’, А *štām* тж. < ПТох. **stām* < ПИЕ **stām-n-* ‘ствол; нечто стоячее’, от глагола **stā-* (WP II 603). Слова далеки по значению и звучанию.

ПТ **tōr* ‘почетное место в юрте, максимально удаленное от входа’ (VEWT 494; EDT 528–529; TMN II 607; СИГТЯ 2000, 514; (?) Палт. **t’ōr[e]* ‘шест, столб, башня’ EDAL; может быть, скорее с Палт. **t’ōre* ‘закон, обычай’?) — тох. В *twere* ‘door’, ПТох. **twere* < ПИЕ **d^hword-* (WP I 870; II 160). Алтайская этимология не очень убедительна, но соотношение значений с тохарским (противоположные!) также не убеждает.

ПТ **dōrt* ‘четыре’ (EDT 534; VEWT 495; ЭСТЯ 1980, 284–286; Палт. **tōj-* ‘четыре’, ПМонг. **dōr-ben*, **dō-čün*, ПТМ **diugin*, ПЯп. **dā-* EAS I 146; KWb 100; Владимирцов 360; VGAS 110; Ozawa 154–156; Murayama 1962, 108; JOAL 35–36; EDAL) — тох. В *stwer* ‘four’, А *stwar*, ПТох. **š(ä)twer* < ПИЕ **k^wetwores*. Слова далеки по звучанию. Начальный кластер из двух смычных при заимствовании в тюркские языки обычно разделяется эпентетическим гласным, а не лишается первого элемента.

ПТ **Tümen* ‘десять тысяч; очень много’ (VEWT 504; EDT 507–508; СИГТЯ 2000, 574–575; Палт. **čjūmi*, ср.-кор. *čmān*, ПЯп. **ti* ‘тысяча’ EDAL) — тох. В *t_(w)māne* ‘ten thousand, a myriad’, А *tmām*, В *t_wmāne* (Adams №1586 — заимствование из ср.-иран.). См. разбор Дёрфера (TMN II 632–642), а также след. кн., в разделе о ложных заимствованиях: по видимому, тюрк. слово — источник перс. *tūmān* ‘десять тысяч’ и опосредованно — тохарских слов. Адамс не восстанавливает общей праформы для тох. А и В, допуская возможность сепаратного заимствования. Пратохарское **tāmāne* ‘десять тысяч’ восстанавливается в Бурлак 122; тогда следует предполагать раннее заимствование до распада пратохарской общности, т.е. до рубежа эры, следовательно, из пратюркского; либо в какой-то иранский язык — и тогда в восточноиранский, не сохранившийся, — либо в пратохарский. Поскольку в тюркских языках числительное явно связано с названием воинского подразделения, а идея такого подраз-

деления, скорее всего, исходит из китайского мира, вполне могло случиться, что тюрки здесь явились передаточным звеном от китайцев к тохарам (и, может быть, позже — к иранцам), но само слово — тюркское⁸⁸. См. о возможных тюркизмах в пратохарском ниже.

ПТ **jigirmi* ‘двадцать’: чув. *śirəm*, як. *sūrbe*, тув. *čērvī*, др.-тюрк. *jigirmi*, узб. *jigirma*, уйг. *žigi(r)mā*, тур., гаг., аз. *jirmi*, туркм. *jyrimi*, салар. *jiyirme*, хал. *jirmi* (из аз.?), кар. К. *jigirmi*, кар. Т. *igirme*, кар. Т., Г. *egirmi*, кум. *jigirma*, кбалк. *zjǰirma*, татар., башк. *jegerme*, ног. *ǰirma*, казах., ккалп. *ǰ-ǰirma*, кирг. *ǰǰirma* (ЭСТЯ 1989, 201–202; нерегулярности в развитии гласных и согласных связаны с контаминациями с **ekki* ‘два’; кроме того, *-*mi* может заменяться на популярный суффикс *-*ma*; внешней этимологии нет) — тох. В *ikām* ‘twenty’, А *wiki* id., ПТох. **wʹkän* < ПИЕ *(*d*)wi(*h*)dkʹm̥ti < *(*d*)wi- ‘два’ + **d(e)kʹ(o)mt-* ‘десять’ (WP I 313). Сходство между тюркским и пратохарским умеренное; связь, однако, возможна.

ПТ **biłči-* > **biši-* ‘перемешивать, сбивать (молоко, масло)’: туркм. *pišek* ‘мутовка’, *pišek-le-* ‘пахтать’, татар. *peš-* ‘пахтать’ (Тум. ЗС 180), башк. *beše-* ‘сбивать; бить’, *beškək* ‘мутовка’, казах. *pis-* ‘пахтать’, ног. *piskek* ‘мутовка’, ккалп. *pis-*; *piskek* ‘большая мутовка’, кирг. *bǰš-/ biš-*; *biškek* ‘мутовка для сбивания кумыса’, узб. *piškak* ‘мутовка для пахтания’, чув. *pəžer-* ‘бить, ударять’, як., долган. *bis-* ‘мазать’ (ЭСТЯ 1978, 309–310; возможная алт. этимология: Палт. **bilč’i-* ‘смешивать, месить’, ПМонг. **bilča-* ‘становиться плоским и мокрым; (Caus.) обмазывать’ KWb 45, (? >) маньчж. *bilča-* ‘месить тесто, клеить’ (ССТМЯ 1, 83), ср.-кор. *pič-* ‘перемешивать, заваривать’, совр. кор. *pit-* [*pič-*] (Liu 417; KED 864); ПЯп. **pisipə* ‘род бобового соуса; соленое мясо или рыба’, др.-яп. *p(j)isip(w)o*, ср.-яп. *fisifō* (JLTT 409), см. EDAL 128) — тох. В *peške* ‘clarified butter, ghee’ (Adams №2180, без этимологии). Для тохарского предлагается заимствование из среднеиранского источника, критику этой гипотезы см. в Dybo 2003; там же — о возможном заимствовании в тохарский В из тюркского.

ПТ *(*h*)*ökür* ‘бык, вол’ (ЭСТЯ 1974, 521–523; Палт. **p’ök’i* (-*r*V), ПМонг. **hüker*, ПТМ **puKur* / **puKun*, см. EDAL) — тох. В *okso* ‘cow, ox’, тох. А *ops-*, ПТох. **okso* < ПИЕ **ukʹse/on-* (WP I 248). Гипотезу отверг Дёрфер (TMN I 539) из-за наличия в прототипе тюркской формы **p’-*, отраженного в монг. параллели.

ПТ **kīl* ‘соболь’ (ЭСТЯ 1997, 77–78; СИГТЯ 2000, 162–163; обсуждение алтайской этимологии см. ниже) — незасвидетельствованное ПТох. **kis* < ПИЕ **kek’-*, **k’ek’-* ‘ласка, хорек’, санскр. *kāśa-* m. ‘a sp. of rodent animal’, *kaśikā* f. ‘weasel’, балт. **čeč-k-a-* или санскр. *śaśá-* m. ‘hare’, греч.

⁸⁸ Предполагавшееся для тюркского слова заимствование из кит. 萬 *wàn* ‘десять тысяч’ (EDT 507), очевидно, не проходит в рамках последней принятой реконструкции древнекитайской фонетики: др.-кит. *mans* (~ *-rs*), класс. кит., ЗХ *manh*, ВХ *mwanh*, РПДК *mwàn*, СПДК, ППДК, ср.-кит. *mwən*; т.е. начального кластера **dm-* там, видимо, не было.

крит. *kekēn* ‘заяц’ (WP I 381; II 556). Следует отметить, что по правилам тохарской палатализации из обоих ПИЕ корней ожидалось бы что-то вроде ПТох. **śiś*, что делает гипотезу о заимствовании в тюркский еще более сомнительной.

ПТ **Kār* ‘гусь’ (EDT 679; VEWT 243; ЭСТЯ 1997, 184; СИГТЯ 2000, 171; Федотов II 361; Палт. **gārV* ‘большая светлая птица’, ПТМ **gār(u)a* ‘лебедь, филин’ EAS 113; VGAS 18; Цинциус 1972, 6; АПИПЯЯ 80; СИГТЯ 2000, 171; EDAL) — незасвидетельствованное ПТох. **kās*- < ПИЕ **g'hans*- ‘гусь’ (WP I 536). При отсутствии тохарского прототипа и неточном фонетическом соотношении алтайская этимология предпочтительнее.

Любопытно, однако, что имеется несколько пратюркских (имеющих закономерную чувашскую параллель) фитонимов, которые пока не имеют удовлетворительных алтайских этимологий и при этом довольно успешно могут быть истолкованы как заимствования из какого-то индоевропейского, но не иранского (демонстрирующего индоевропейское различие **r* и **l*) языка, возможно, группы кентум. Единственный известный представитель таких индоевропейских языков на близких к местам первоначального обитания тюрков территориях — тохарский. В тохарских памятниках каких-либо возможных параллелей к этим тюркским фитонимам не обнаружено, но надо сказать, что и вообще-то известный лексикон тохарских фитонимов не изобилует исконной лексикой, в основном включая названия экзотических растений, заимствованные из буддийского гибридного санскрита, или лекарственных растений, заимствованных из сакского. В словаре Адамса (тохарский В) имеется 20 фитонимов, не заимствованных из санскрита или сакского; из них одно древнекитайское заимствование (*klu* ‘рис, *Oryza sativa* Linn.’), два, по-видимому, относительно поздние тюркизмы (см. о них в след. кн.), для четырех предложены индоевропейские этимологии различного достоинства: 1) *karwa* ‘тростник’ < ПИЕ **g^(w)rewo-*, авест. *grava-* (m.) ‘Rohrstock, Stock’; 2) *yap* ‘просо’ (> А *yap*) < ПИЕ **yewom* ‘зерно, ячмень’ (с предположением диссимилиации -*w*- > -*b*); 3) *lyeksye* ‘просо’ < ПИЕ **h₂3l(e)g^(h)-* = хетт. *halki-* ‘зерно, ячмень’, лийкиск. *Qelehi-* ‘принадлежащий богу зерна’, н.-перс. *arzan* ‘просо’ (об этимологии последнего см. Расторгуева–Эдельман 1, 320; Стеблин-Каменский 1982, 34–35); 4) *wasso* ‘трава куша’ (*Desmostachya bipinnata* Stapf.), к тох. А *wäsri* ‘лужайка’, авест. *vāstra-* ‘пастбище’, хетт. *wesi-* id. < ПИЕ **wes-* ‘есть, питаться’. Этимология остальных неизвестна, в большинстве случаев неизвестно и их точное значение. Все это делает более реалистичной идею о возможности заимствования в пратюркский утерянного тохарского названия растения.

1. ПТ **alma*, др.-уйг. *almla* (X в., перевод с китайского, биография буддийского монаха — см. Erdal IES, 28), крх.-уйг. *alma* (МК — огуз.) ~ *almla* (МК); чув. *ulma* ‘яблоко, яблоня’, см. СИГТЯ 2000, 145; VEWT 18; EDT 146; ЭСТЯ 1974, 138. Самая ранняя фиксация — возможно, топоним *alma-luk* в согдийских документах с горы Муг (VIII в.). Заимствовано

в монг. языки: монг. *alim* ‘яблоко’, дунс. *alima* ‘фрукты, ягоды, плоды’ (Тод. Дн. 110), монгор. *alima* ‘фрукты’ (SM 4), ордос. *alima* ‘яблоко’ (DO 16), калм. *al'mŋ*. Салар. *alima* из дунс. *alima*. Предположение о заимствовании из ИЕ высказывали еще Мункачи и Томашек. Ср. ИЕ **amel-* ‘плодовое дерево, его плод’ (др.-греч. *ámpelo-s* f. ‘виноградная лоза’, герм. **amil-ōn-* f. ‘какое-то плодовое дерево’, галл. *amella* ‘Gaisblatt’ WP I 179); ср. также — с предполагаемым *s*-mobile — хетт. *sham(a)lu*, лув. ном.-асс. sg. *šamluwan-za* ‘яблоко’ (Гамкрелидзе–Иванов II 639–640; см. еще Schrader–Nehring I 52–54, Friedrich 1970, 57–60)⁸⁹, санскр. *āmra-* m. ‘дерево манго’, иран. *(*a*)*marna-* (Стеблин-Каменский 1982, 103–104; ЭСВЯ 241; > финно-угор. **omarna-* > фин. *omena*, морд. *umar* SKES 429–430) ‘яблоко’, **amru-* ‘груша’ (Стеблин-Каменский 1982, 108). Предположительный источник тюркского слова должен был бы выглядеть, например, как **amil-la* ‘яблоко’ (> *alimla* с метатезой) — рефлекс и значение, в принципе возможные для тохарского⁹⁰. Ср. тох. В *enmelya* (nf.) ‘какое-то растение’, единственное употребление — *arkwañnai enmelyantse wakte*, т.е. «с белым *enmelya* каша» Adams №559: < **emnelya* (с частой в тох. В метатезой сочетания *mn* — Бурлак 159) < **emlelyā*?

2. ПТ **ejkel* ‘желудь, шишка’, чув. *jəkəl(ə)*, диал. *ikəl* (Ашм. III 90) ‘желудь’; татар. *äkälä*, диал. *äkäle*, *äkäli* ‘желудь, сосновая шишка’, башк. диал. *äkälä* (южная диал. группа) id. VEWT 38b; Федотов I 191 (чув. > мар. горн. *éxel* ‘желудь’, *exélä* ‘die Eichel; der Zapfen’). Слово узко распространено в Поволжье, при этом татарско-башкирская и чувашская формы вряд ли могут быть заимствованы друг из друга. NB реконструируемое таугосиллабическое сочетание **ej*. Ср. ИЕ **aig-* ‘дерево (вид дуба)’, **aig'-el-* ‘его плод’ (WP I 10; Schrader–Nehring I 225–226; Гамкрелидзе–Иванов II, 618–619; Friedrich 1970, 132–133; греч. *krát-aigō-s*; *krat-aigōn*, -ónos m. ‘Weissdorn, *Crataegus oxyacantha*’; *áigīro-s* (~ -eī-) ‘Ziterpappel, Schwarzpappel’; *aig-ilōp-s*, -ōpos m. ‘eine Eichenart’; лат. *aesculus*, gen. -ī f. ‘Bergeiche, immergrüne Wintereiche’; герм. **aik-ō* f., **aik-il-a* m. ‘дуб, желудь’, др.-норв. *eik* f., др.-в.-нем. *eih*, *eihha* f.; *eihhila* ‘Eichel’; литов. *aižuola-s* (диал.) ‘дуб’). Ср. кентумный рефлекс **-g-* в предполагаемом источнике тюркского слова.

3. ПТ **e/ilme* ‘ильм, осина, вяз’, чув. *jälme* ‘ильм, вяз’, кум. *elme* ‘вяз’, кбалк. *elme* ‘осина’, татар. *elmä* ‘ильм, вяз’, башк. диал. *elmä* ‘ильм’ (южн., юго-вост., вост., Средний Урал), ‘клен’ (Средний Урал), ‘желтая акация’ (юго-вост.), ног. *elmen* ‘осина’ (из-за рифмовки с *imen* ‘дуб’?). См. VEWT 338; Федотов I 194; Дмитриева 189; СИГТЯ 2000, 126; без внешней этимологии. Ср. ИЕ **ilm-* ‘вяз’ (WP I 151): лат. *ulmus*, -ī f. ‘Ulme, Ruster’, герм. **ilm-a-* m., **alm-a-* m., **ulm-ō(n-)* f.; кельт. **lima-* > галл. *Lemo-*,

⁸⁹ Мы предпочитаем пока не объединять этот корень с ИЕ **ab-l-* и/или ИЕ **mālo-*; подробности см. Blažek 2004.

⁹⁰ Конечно, не «франного иранского», вопреки Erdal IES и Blažek 2004 — в этой основе находим **r* уже в праиндоиранском.

Limo-; ср.-ирл. *lem* ‘Улме’; **leimā* > кимр. *llwyf* ‘Улме’; слав. **ъльмъ* ‘ильм, вяз’ (славянская форма может быть и германизмом); предполагаемый источник тюркского слова должен был сохранить **l*.

4. ПТ **abs-ak* ‘осина’, чув. *äväs*, диал. *us* (Ашм. III 295); хак. *os* (ср., кач., кыз., койб. *os*, кыз. — «тополь» Р), шор. *aspaq*; ср.-кыпч. *usaq* ‘тополь’ (Houts.); карач. *busaq* ‘тополь’, татар. *usaq*, диал. *osaq* (ДСТЯ 329), *šaq* (ДСТЯ 528), сиб.-тат. *ausaq* (Тум. ЗС 32), томск. *apsaq* (Тум. ЗС 25), бараб. *absaq*, *avšaq*, *ausaq* (Дмитр. ЯБТ 192), башк. *uđaq*, диал. *auđaq* (БhH I 28), *ausaq* (БhH II 34); галт. *aspaq*, куманд. *apsaq/aspasq* (Баск. Кум. 202–203), куу *apsaq* (Баск. Леб. 132). См. VEWT 3; ЭСТЯ 1974, 607–608. Внешней этимологии нет. См. изложение различных гипотез о заимствовании из индоевропейских языков в Friedrich 1970, 49–50. Возможный источник — ПИЕ **ap[ʰ]u/s-*/**asp-* ‘осина, тополь’ (WP I 50; Friedrich 1970, 49–53; Schrader–Nehring I 272; Гамкрелидзе–Иванов II 627), греч. *áspri-s* f. ‘Eichenart, *Quercus cerris*’, *áspro-s* ‘Eiche’; слав. **osá*, **osíka*, **osína* ‘осина’; **osokorb*/**āsokorb* ‘черный тополь; ясень’; балт. **apuš-iā*, **ap[s]i-iā*. литов. *āpušė*, *apušė* ‘Espe, Zitterpappel’, диал. *ėpušė*, *epušė*, *ėpuš-i* id., латыш. *apse*, *apsa*, прус. *abse* ‘Espe’; герм. **asp-ō(n)-* f., **asp-i-z*, др.-исл. *ǽsp* f. ‘Espe’, др.-англ. *ǣsp*, *-e* f.; *ǣspe*, *-an* f. ‘asp, aspen-tree’, др.-в.-нем. *aspa* f. Убедительных индоиранских параллелей к ПИЕ основе нет.

Три последних тюркских слова являются ареальными — см. СИГТЯ 2000, 121, 126, 131; 2006, 435 (что может быть обусловлено ограниченностью распространения соответствующих растений на нынешней территории обитания тюрков, но не объясняется, например, заимствованием из германских или славянских языков, поскольку соответствующие контакты хронологически и территориально невозможны для пратюркского), и при этом не имеют твердых алтайских этимологий. Фонетически они вполне могли бы возводиться к общетохарским рефлексам соответствующих индоевропейских основ (распад общетохарского на языки А и В датируется глоттохронологически 20 г. до н.э.), но таковых рефлексов в тохарских памятниках не обнаружено.

Следующее слово — если вывести его из алтайской этимологии, для чего, впрочем, нет особых причин — можно, в принципе, возводить и к ненайденному (пра)тохарскому, и к реально засвидетельствованному иранскому источнику: ПТ **utir* (ř?) ‘выдра’: чув. *ьDыр* (Федотов I 93). В EDAL принято сравнение с як. *it̆*, предложенное в Мудрак 1994, 145; нам кажется более обоснованным сопоставление якутских форм *itie*, *iit̆* ‘речная выдра’, *it̆* ‘морской кот’ (вид тюленя) (Пек. I 981; III 3845) с ПТ **it̆(i)* / **it̆(i)* ‘собака’, чув. *jt̆Dь*, сделанное в VEWT 168, 174 (< **iti-ke*; при сравнении с чув. не объясняется потеря *-ř*). След того же чувашского изолята усматривают в формах сибирских языков: хак. *xatnos*, кач. *qamñiš* (Р II 491), шор. мрас. *qandus* (Чисп. ЛОКД 60); чул. *qamnoç*, — интерпретируя их как восходящие к **qamduz*, композита **kata* + **utir*. Однако, по видимому, в действительности эти формы восходят к **qamluč* (ср. чул. и

кач. формы) и, таким образом, представляют собой диминутив на *-č* от **qam-luy* с закономерным для этого уменьшительного аффикса усечением последнего заднеязычного производящей основы. Чувашское слово, хотя и изолированное, имеет неплохую алт. этимологию: ПАлт. **oŋdu* ‘вид животного семейства куньих’, ПТМ **oŋda* ‘росомаха’, уд. *oŋdo*, орок. *on-pori* ‘нерпа’, ульч. *oŋdo*, нан. *oŋdo*, маньчж. *oŋniqa* (ССТМЯ 2, 20, 21); ср.-кор. *oŋári* ‘барсук’ (вопреки EDAL, вряд ли сюда — по семантическим основаниям — ПЯп. **uni* ‘морской еж’ JЛТТ 563). Однако возможно и предположение об индоевропейском заимствовании, ср.: ПИЕ **udr-* ‘выдра’, др.-инд. *udrāḥ* m. ‘ein Wassertier’, вайгали *udrə-wacalok* ‘Otter’, авест. *udra-* m. ‘Otter, Fischotter’, осет. *wyrd, urdä*; греч. *húdro-s* m. ‘Wasserschlange, Coluber nutrix’, *húdrā* f. ‘Wasserschlange’; лат. *lutra* ‘речная выдра’; кельт. (?) **udro-* ‘Ottenfarbe’ > ирл. *odar* ‘dunkelfärbig, braun’; герм. **utr-a-* m., др.-исл. *otr*, др.-англ. *oter, otor*, ср.-н.-нем. *otter*, др.-в.-нем. *ottar*; в балто-славянском — с удлинением по закону Винтера: слав. **vydra*, литов. *údra* (1) ‘выдра’, диал. *údras*, pl. *údraĩ* (3) ‘Fischotter’; латыш. *údrs* и *údris* ‘Fischotter’ (WP I 252; Фасмер I 367; Fraenk. II 1157–1158; Trautmann BSW 334; Dybo V.A. 2002, 415). Предположение такого заимствования, впрочем, не оправдано культурно-исторически. Выдра распространена практически по всей Северной Евразии, кроме пустынных регионов (см. Млекопитающие СССР, 147, карта 82).

Еще один чувашский изолят — чув. *port(ь)* ‘топор’ (Федотов I 447–448) — иногда связывают (Шервашидзе 1989, 81–82) с тохарским В *peret* ‘ax’, А *porat* (Adams №2165: ПТох. **peret*, заимствование из какого-то среднеиранского источника). Здесь проблему представляют само тохарское слово и его иранский источник. Ареальное слово ПИЕ **pelek’u-* ‘топор’ (WP II 46; о возможных источниках заимствования см. Гамкрелидзе–Иванов II 716), закономерно отраженное в греч. *pélekū-s, -eōs* m. ‘Axt, Doppelaxt, Bail’ и санскр. *pársu-* m. ‘curved knife, sickle’, *paraśú-* m. ‘hatchet, axe’, в иранских языках дало осет. *fārāt* и хот.-сак. *paḍa-* (< **parta-*); Аб. I 451⁹¹ предлагает следующее фонетическое выверенное объяснение: осет. форма является древним («еще в скифскую эпоху») заимствованием из незасвидетельствованного др.-перс. **parathu-*, которое было бы закономерным соответствием ПИран. **parasu-* < ИИран. **paraśu-*. Очевидно, такое же древнее культурное заимствование приходится принять и для сакского; в таком случае тохарский надо считать заимствованием из этой заимствованной сакской формы⁹². Если бы у нас были хоть какие-нибудь свидетельства пратюркского характера чувашского слова, то его можно было бы признать либо восточноиранским (прасакским), либо тохарским заимствованием; но поскольку таких свидетельств нет, проще связывать

⁹¹ NB: упомянутого в этой словарной статье венг. *bart* ‘топор’ не существует.

⁹² О возможности передачи *a* через *e* в тохарских заимствованиях из иранских языков писал В. Винтер (Winter 1984, 45).

его с другим ареалом, а именно считать аланизмом в волжско-булгарском — и аланизмами же счесть пермские формы: коми **purt*, **purt-əs*, удм. **purt*, **purt-es* ‘нож’: зырян. *purt* ‘нож’; *purtəs* ‘ножны; стручок’, удм. *purt* ‘нож’; *purtəs* ‘ножны; стручок’ (Лыткин–Гуляев 233).

Некоторые тохарско-пратюркские гипотезы содержатся в работах Ж.-Ж Пино (Pinault 1998; Pinault 2001). К сожалению, с ними в основном трудно согласиться⁹³. Во-первых, это предположение о заимствовании из тох. *A klyu* ‘слава’ (из ПИЕ **k'leu-* WP I 494) в ПТ **kü(b)* ‘слава’ (хак. *kü-lük* ‘мудрый; мудрость’, шор. *küg*, орхон., др.-уйг., крх.-уйг. *kü* (МК; QB), туркм. *kij* ‘мудрость’, кирг. *külü* ‘исправный, в хорошем состоянии’, галг. *külük* ‘силач, удалец’, см. VEWT 306; ЭСТЯ 1997, 128–129, 140–141; TMN III 653; внешняя этимология: ПАлт. **k'jube*, ПМонг. **küw-* ‘разговор’, ПТМ **xü-* (**xüb-*) ‘звучать’, ср.-кор. *ku'ü-hä-* ‘прославлять, праздновать’, ПЯп. **kəwā-i* ‘голос’ — EDAL). Основное обоснование — параллелизм др.-тюрк. парного слова *at kü* (также *kü at*) ‘имя и слава’ и тох. В *ñem-kälywe*, *A ñom-klyu* id. Фонетически, однако, заимствование тюркского слова из тохарского совершенно невероятно (начальный кластер с *-l-* при заимствовании в тюркский разрешается вставным или эпентетическим гласным, а не теряет плавный). Другая гипотеза, о том, что тох. В *pikul* ‘year’, *A p_ukul/p_ukäl*, ПТох. **päkwäl* (этимологизируемое как отглагольное имя от **päk-* ‘варить; созревать’) — калька с тюрк. **jäl* ‘возраст, год’ (ЭСТЯ 1989, 161–163; СИГТЯ 2000, 84), якобы связанного с ПТ **jäl* ‘молодой, зелень’ (ЭСТЯ 1989, 162), также не выдерживает критики: с одной стороны, тюркские слова между собой скорее всего этимологически не связаны (ср.: ПТ **jäl* ‘возраст, год’ < ПА**näjlv* ‘возраст’, ПТ **jäl* ‘молодой, зелень’ < ПАлт. **ñjōle* ‘зелень’), а с другой — ср. явно более удачную этимологическую гипотезу о происхождении тохарского слова от тохарского же глагола **päkw-* ‘ждать’, обоснованную С. Бурлак и И. Иткином (Burlak–Itkin 2000).

Интересна коллекция потенциальных пратюркских заимствований в общетохарском, опубликованная А. Лубоцким и С.А. Старостиным (см. Lubotsky–Starostin), где берутся слова, не имеющие удовлетворительных — или никаких — индоевропейских этимологий. Значительная доля этих этимологических предложений повторяет предложенные А. Рона-Ташем, но с обратным направлением заимствования. Предлагаемые па-

⁹³ Обсуждаемое в этих работах структурное совпадение названий божеств луны и солнца в тюркском и тохарском мало убедительно в отношении их контактного происхождения, хотя бы потому, что др.-уйг. *aj teŋri*, *kün teŋri*, *jel teŋri*, *jašyl teŋri* — названия природных божеств — все встречены в манихейских текстах и могут вообще не иметь отношения к тюркскому язычеству. Что касается порядка следования компонентов в тохарском композите *kaum-park-i* ‘при восходе солнца’ (определение перед определяемым, инновационный порядок), который Пино относит к тюркскому влиянию, то ср. Иванов 1961, 40, где явление, с аналогичной аргументацией, относится на счет калькирования с тибетского.

раллели можно разделить на две группы. Во-первых, это слова, восстанавливаемые для тохарского праязыка. Это: 1) тох. А *koṃ*, тох. В *kaum* ‘солнце, день’ < ПТох. **kaun(V)*- ~ ПТ **gün(eł)/*güñal* (др.-уйг. *kün* ‘солнце, день’, туркм. *gün* id. и пр.) < Палт. **gïöjñu* ‘рассвет, дневной свет’ («Важно, что совмещение значений ‘солнце’ и ‘день’ довольно необычно для индоевропейских языков, что является сильным показанием в пользу заимствования». — *A.L., C.C.*); 2) тох. А *āle*, тох. В *alyiye* ‘кисть руки, ладонь’ < ПТох. **āl'ye* ~ ПТ **āja* id. (др.-уйг. *aja*, туркм. *āja*, и пр.) < **ālja* < Палт. **p'ālja* (ПМонг. **haliga(n)*, ПТМ **palja* ‘кисть руки’, возможно, также ср.-кор. *pār* ‘охапка’). Заимствование должно быть относительно старым, до пратюркской замены **āja* < **ālja*; 3) тох. А *tor*, тох. В *taur* ‘пыль’ < ПТох. **taur* ~ ПТ **tōr* ‘пыль’ (др.-уйг. *toz*, туркм. *tōz*) < Палт. **t'ōre* ‘почва, пыль’ (п.-монг. *toru* ‘пыль в воздухе’; ПТМ **turV*, и пр.). Заимствование должно было произойти до перехода **ř* > *z*; 4) тох. А *kanak*, В *kenek* < ПТох. **kenek* ‘льняная ткань’ ~ ПТ **kōjje-lek*, **kōjjek* ‘рубашка’ (крх. *kōnlek*, туркм. *kōjnek*) < Палт. **k'jūni* ‘нить, ткань’ (ПМонг. **kejeŋ* ‘кромка ткани’, ср.-кор. *kính* ‘веревка, тесемка, кисточка’, ПЯп. **kinú* ‘шелк, ткань, платье’)⁹⁴; 5) тох. А *tām̄*, тох. В *t(u)māne* ‘десять тысяч, мириада’ < ПТох. *(*ə*)*māne* ~ ПТ **Tūmen* ‘десять тысяч; очень много’ (др.-уйг. *tūmen*, туркм. *tūmen*) < Палт. **čjūmi* ‘большое число’ (ср. ср.-кор. *čm̄n* ‘тысяча’) — или же из тюркского в среднеиранский и оттуда в тохарский. Во всех этих случаях речь может идти о заимствовании, во-первых, до перехода **ř* > *z* в тюркском, во-вторых, до распада пратохарского (так сказать, до 20 г. до н.э.).

⁹⁴ Ср. Tremblay 425, где предполагается заимствование в пратохарский из древнеиранского (протосакского?) **kanaka-* ‘ткань из конопляного волокна’ = осет. дигор. *gæna*, ирон. *gæn* ‘конопля, лен’. Возможно, сюда же вах. *kənyú* ‘белое домотканое бумажное полотно’ (но возможно, к другому бродячему слову, как вах. *keten-ek* ‘лен’ Стеблин-Каменский 1982, 55; возможно также, из афг. *kaṇáyu* ‘основа ткани’ < **karn-*). Надо сказать, что статус иранского слова неясен; если признать альтернативные этимологии для вах., то слово представлено только в осетинском и может объясняться его кавказскими связями (см. Аб. I 513). Хотано-сак. *kaṃha-* ‘конопля’, вах. *kəm* и ряд других форм — из ПИран. **kanba-ka* < **kanapa-* (см. Стеблин-Каменский 1982, 63–64; ЭСВЯ 216, 217), которое может восходить к бродячему среди индоевропейских языков корню **k/k'anap-*, *-b-* ‘конопля’ (греч. *kánnabis*, *-eōs/-ios* f. ‘Hanf, *Cannabis sativa*’, слав. **konopl'ā*, балт. **kanap-ĩā* f., **kanep-ĩā* f., **knap-ĩā* f.; герм. **xanap-a-* m., **xanap-ōn-* f.), связанному с Месопотамией, ср. шумер. *kunibu*. Тюрк. **kendir* (**kentir*), вопреки расхожему мнению, не связано непосредственно с этим корнем, закономерно восходя к ПА **k'jōnt'* [a] ‘конопля’ (ПТМ **xonta-hta* ССТМЯ 1, 471, 2, 19; ПЯп. **kánti* ‘бумажное дерево, *Broussonetia papyrifera*’ JLTT 447; EDAL). Марийское **kñ-e*, перм. коми **kəp*, удм. **ken-em* (UEW 651; Лыткин 155) могут в принципе быть аланизмами (а морд. эрзя *kañéf*, *kañx*, *kañt*, мокша *kañf*, *kañtf*, ПМорд. **kanšti* ‘конопля’ — заимствование из неизвестного источника?). Так что финно-угорские формы здесь не поддерживают гипотетической древнеиранской, и с иранским происхождением тохарского слова имеются свои сложности.

Бросается в глаза та же особенность, что частично заставляет нас скептически относиться и к предложениям о заимствовании из тохарского в тюркский: среди этих слов «культурным» является одно — «рубашка» (учитывая, что «мирада» — возможно, иранизм), а три — фактически основная лексика, входящая в стословник Сводеша. Заимствование таких слов в принципе возможно, но в этом случае ожидалось бы значительно больше «культурных» заимствований. Ср. в той же статье (Lubotsky–Starostin) древне- и среднекитайские заимствования в тохарский: «рис», «зимнее жертвоприношение», несколько единиц измерения, несколько видов алкоголя, «попугай», «абак», «светильник», «город», «вор» против «голубой» (тоже, впрочем, возможно как культурное) и «пещера». Дополнить же этот список заимствований в пратохарский «культурными» словами пока не удастся.

Вторая группа — это слова, встретившиеся только в тохарском В: 1) тох. В *ām* ‘тишина’, adv. ‘тихо, спокойно’ ~ ПТ **am-* ‘быть тихим, спокойным’ (др.-тюрк. *amul*, *amīl* ‘тихий, спокойный’) < Палт. **āmV*, ПМонг. **amu-*, **ami-* ‘отдыхать’, ПТМ **ām-* ‘спать’); 2) тох. В *olya* ‘больше’ ~ ПТ **ulug* ‘большой, великий’ (др.-уйг. *uluγ*, туркм. *ulu* и пр.) < Палт. **ulu/o*, ПМонг. **olon* ‘много’, ПТМ **ule-* ‘хороший’, ср.-кор. *ōr* ‘целиком, полностью’⁹⁵; 3) тох. В *pārseri* ‘(головная) вошь’ ~ ПТ **bürçe* ‘блоха’ (татар. *börçe*, кум. *bürçe*, чув. *pʷrʒa* и пр.) < Палт. **bjure*, п.-монг. *bürge*, *büürge* ‘вошь’, ср.-кор. *pjərók* ‘блоха’; 4) тох. В *yase* ‘стыд’ ~ ПТ **jās* ‘потеря, вред, стыд’ (др.-уйг. *jas* ‘потеря, вред’, як. *sāt* ‘стыд’ и пр.) < Палт. **zjāsu* ‘потеря, вред’; 5) тох. В *kärk-* ‘грабить, воровать’ (возможно, отыменной глагол) ~ ПТ **Kar-ak* ‘разбойник’ (др.-уйг. *qaraq-čī*, туркм. *Gara* и пр.) < Палт. **kāra* ‘напротив; враг’. Будучи засвидетельствованы только в тохарском В, все они могут относиться к другой категории тюркизмов в тохарском — «синьзянским заимствованиям», о которой см. Dybo 2003. По семантике эта лексика уже, в общем, соответствует положению о преобладании «культурных» слов; кроме того, по фонетике потенциальные источники заимствования могут относиться к «общетюркскому» и более позднему, а не к «пратюркскому» времени. Ср., однако, выше в разделе о китайских транскрипциях два потенциальных тохаризма в языке сонюну.

⁹⁵ Может быть, проблему палатализованного *ly* в тохарском, которую признают и авторы статьи, можно разрешить, связывая тохарское слово не с **ulug* ‘большой’, а с ПТ **ülken* ‘большой, великий; крупный’ (татар. *ölkən* ‘старший’; Южная Сибирь *ülgen* ‘верховное божество’; як. *ulaxan* ‘большой’ vs. *ulū* ‘великий’ = долган. *ulakan* ‘большой’ vs. *ulū* ‘великий’; узб. *ulkan*; башк. *ölkän*; ног. *üjken*, казах., ккалп. *ülken*; кирг. *ülkön* ‘большой’ (VEWT 520; TMN II 117–118; EDT 136; ЭСТЯ 1974 630; Stachowski 242). Мы отделяем это слово от **ulug* по фонетическим соображениям и относим его к ПТ **ülgü-* ‘мера, измерение’ (чув. *əlgə*; *əlken* ‘красивый’; хак. *ülgü*; шор. *ülgä*; др.-тюрк., крх.-уйг., чаг. *ülgü* (*ölgü*) (Pav. C.); узб. *ulgi*, н.-уйг. *ülgä*; аз. *ülgü*; туркм. *ülhji*; кум., кбалк. *ülgü*; татар. *ölge*; башк. *ölgö*; ног., казах., ккалп. *ülgi*; кирг., галт. *ülgü* (EDT 142; VEWT 371; ЭСТЯ 1974, 529, 632).

Пратюркский и самодийский

Что касается самодийских заимствований в пратюркском, последний по времени обзор с оценкой достоверности и возможного времени заимствования см. в Хелимский 2000, 301–312. Мы можем заметить по этому поводу следующее: Е.А. Хелимский оценивает как надежные или «приемлемые» самодийские заимствования в пратюркский и общетюркский восемь этимологий: 1. ПСам. **kaɨtjə* ‘ель’ > ПТ **kadɨ* ‘сосна’; 2. ПСам. **ki*, **kilz* ‘соболь’ > ПТ **kɨl* ‘соболь’; 3. ПСам. **tjɨɨŋ* ‘сибирский кедр’ > ОТ **tɨt* ‘лиственница’; 4. ПСам. **koɨɨ* ‘гора, водораздел’ > ОТ **K(i)aja* ‘скала, гора’; 5. ПСам. **käsä* ‘кора’ > ОТ **käs* ‘кора’; 6. ПСам. **kacu* ‘метель’ > ОТ **kād* ‘метель, непогода, буря’; 7. ПСам. **talä-* ‘воровать’ > ПТ **tāla-* ‘грабить’; 8. ПСам. **üətz* (? **ütz*) ‘вечер’ > ПТ **jüdi* / **jüde* > чув. *šër*, *šör* ‘ночь’. Глоттохронологическая датировка распада прасамодийского — вторая половина I тысячелетия до н.э. (программа STARLING дает 340 г. до н.э. для распада на северную и южную группы, распад этих групп — I–II вв. н.э.)⁹⁶, что, в общем, согласуется с возможностью заимствования в пратюркский из прасамодийского (предположительная локализация применительно к I тыс. до н.э. — восточная часть Обь–Иртышья — Хелимский 2000, 17) или праюжносамодийского. Последующие разработки алтайского родства, впрочем, не подтверждают этих заимствований, поскольку все эти основы получили довольно убедительные алтайские этимологии. Ср. в EDAL: 1. ПАлт. **ke(n)da* ‘вид хвойного дерева’: ПТ **Kadɨ* ‘сосна’, ПТМ **kende-* ‘туя’; 2. ПАлт. **k'jūla* ‘соболь, белка’: ПТ **kɨl* ‘соболь’, ПМонг. **kulgana* ‘мышь’, ПТМ **xulu-kī* ‘белка’; 3. ПАлт. **čäkte* ‘сосна, лиственница’: ПТ **Tɨt* ‘лиственница’, ПТМ **ʒagda* ‘сосна’; 4. ПАлт. **kadV* ‘скала, гора’: ПТ **K(i)aja* (?) ‘скала’, ПМонг. **kada* ‘скала’, ПТМ **kada* ‘скала’; 5. ПАлт. **k'jòše-* ‘скрести, брить’: ПТ **Kas* ‘кора; обдирать’, ПМонг. **kisu-* ‘скрести, брить’, ПТМ **xuši/*kuši* ‘нож’, ПЯп. **kùsa/*kàsà-i* ‘экзема’; 6. ПАлт. **k'èdò* ‘ветер, туман’: ПТ **Kad* ‘ненастье, буря’, ПМонг. **küdeŋ* ‘туман’, ПТМ **xedün* ‘ветер’, ПЯп. **kəti* ‘восточный ветер’; 7. ПАлт. **t'āla-* ‘грабить, похищать’: ПТ **tāla-* ‘грабить’, ПМонг.

⁹⁶ Генеалогическое древо самодийских языков к настоящему времени в основном восстанавливается в двух видах. 1. Традиционная точка зрения — первое разделение на северную и южную группы, затем северная группа распадается на нганасанский, энецкий и ненецкий (причем нганасанский то ли отпадает несколько раньше остальных, то ли подвергся сильному воздействию не-уральского субстрата), южная группа распадается сначала (довольно рано) на селькупский и саяно-самодийские, затем саяно-самодийские распадается между собой. 2. Классификация, предложенная Е.А. Хелимским: первый распад — на четыре ветви, северную, селькупскую, камасинско-койбальскую и маторскую (матор-тайги-карагасскую), см. Хелимский 2000, 22. Глоттохронологический подсчет (самодийские лексико-статистические списки собраны Е.А. Хелимским (Хелимский 1982, 129–133), дополнены Ю.В. Норманской и частично доработаны на предмет отсева заимствований при подсчете нами) демонстрирует дерево, идентичное традиционному. Мы в дальнейших выкладках стараемся учитывать обе возможности.

tala-* ‘грабить’, ср.-кор. *tàr’ái-* ‘соблазнять, заманивать’, ПЯп. **tárá-s-* ‘соблазнять, обманывать’); 8. Предположение о заимствовании в пратюркский или прабулгарский **jüdi* / **jüde*, давший чув. *šër, šör* ‘ночь’, из прамарийского **jüi* (jüð-*) ‘ночь’ или ПСам. **üätz* (? **ütz*) ‘вечер’ (из ПУр. **jütz* ‘вечер, ночь’ UEW 99), по-видимому, излишне. Чув. *šër, šör* ‘ночь’ совершенно закономерно возводится к ПТ **jir*, др.-тюрк. *jir* ‘левая сторона, север’ — и фонетически, и семантически, ср. чув. *šër jenni* ‘северная сторона, север’.

Вот, однако, те случаи, когда самодийское заимствование с формальной точки зрения представляется все же более вероятным, чем алтайская этимология. 4. ПСам. **kožə* ‘гора, водораздел’ > ОТ **K(i)aja* ‘скала, гора’. Самодийское слово имеет уральскую этимологию (хотя и необщепринятую: ПУр. **kad’a* > венг. *hegy* ‘верхушка, гора’), тюркское серьезно нарушает стандартную схему развития ПАЛг. **d* > ПТ **d*, демонстрируя **j* вместо **d*. 5. ПСам. **käsa* ‘кора’ > ОТ **käs* ‘кора’ (др.-уйг. *qas, qasuq*, крх.-уйг. *qas, qasuq* (МК), хал. *qās*). Тюркское слово по семантике несколько выбивается из алтайской этимологии. К тому же в тюркском можно выделить два корня: именной **käs* ‘кора’, с первичной долготой, отразившейся в халаджском, и глагольный **qas-* ‘обдирать’. Краткость последнего отражается в наличии фарингализации в тоф. *qa’s-* ‘лузгать орехи’ (см. ЭСТЯ 1997, 328, также 330–331); чув. *xšma* (рефлекс производного **qas-mak* ‘поскребки, корка’) указывает на закрытый **a*; этот второй корень и следует объединять с приведенными алтайскими параллелями. Самодийское слово имеет нормальную уральскую этимологию (ПФУ **ko(ñ)ćkz* ‘кора’) и может считаться источником др.-тюрк. и халадж.

Случаи 1. ПСам. **kaätjə* ‘ель’ > ПТ **Kadī* ‘сосна’ и 3. ПСам. **tjteŋ* ‘сибирский кедр’ > ОТ **Tñ* ‘лиственница’, кроме противоречащего гипотезе о заимствовании факта наличия алтайских этимологий у тюркских слов, хотя и парных, но фонетически и семантически вполне правильных, оба предполагают одну и ту же семантическую (и культурную) странность. При принятии гипотезы о самодийском заимствовании оказывается, что тюрки почему-то, приобретая название ранее неизвестного им дерева (ср. Терентьев 1999, с. 180: «То, что в тюркских языках это слово стало значить “сосна”, не должно смущать нас, ибо... пратюрки, обитая в степной зоне, не были хорошо осведомлены о породах хвойных деревьев»), заимствовали для него название совсем другого дерева. Что касается географии распространения обсуждаемых деревьев, то кедр засвидетельствован на южных склонах Монгольского Алтая (это — крайняя южная граница его распространения, ср.: Мурзаев 1966, 216)⁹⁷, лиственница же распро-

⁹⁷ Вызывает недоумение ссылка Е.А.Хелимского (Хелимский 2000, 15) на Хотинский 1977 в связи с утверждением о том, что по палинологическим данным кедр *Pinus sibirica* в период VI — середины I тыс. до н.э. был широко распространен в Западной Сибири, а в Восточной Сибири был представлен в основном в виде кедрового стлани-

странена гораздо дальше на восток и юг, в частности, на Тянь-Шане и в Ордосе, т.е. гораздо ближе к предполагаемым местам обитания пратюрков — и скорее всего была им хорошо известна, как и сосна, и ель; в таких обстоятельствах заимствование названия кедра для обозначения лиственницы или ели для обозначения сосны маловероятно.

Что касается случая 2 (ПСам. **ki*, **kilz* ‘соболь’ > ПТ **kīl* ‘соболь’) то самодийское слово не имеет хорошей уральской этимологии (ср. новую этимологию для ПФУ **kad’wz* ‘самка’, обычно сопоставляемого с ПСам. **ki*: ПСам. **kejmä* ‘самка’ (Janh. 66), значительно более приемлемую фонетически и семантически — Aikio 2002). Согласно зоологическим данным, соболь обитает в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, но в Западную Сибирь ареал его распространения заходит довольно относительно (см. карту 75 в Млекопитающие СССР, 137: небольшая территория севернее среднего течения Оби), в то время как бассейны Енисея и Лены захватывает полностью и даже заходит южнее их истоков⁹⁸. В общем, гораздо более вероятно заимствование в прасамодийский из пратюркского (с последующим общесамодийским переходом *-*l* > *-*j* на конце слога).

Таким образом, приходится отказаться от гипотезы о заимствовании из прасамодийского в пратюркский наименований основных «таежных реалий». Надо сказать, что в связи с этим гораздо более сомнительно выглядят и рассмотренные выше случаи 1 и 3 — при отсутствии массивного заимствования из прасамодийского в пратюркский культурной лексики маловероятно заимствование таких слов, как «кора» и «скала» (из которых первое даже входит в 100-словный список Сводеша, по определению малопринципальный)⁹⁹. Можно, конечно, предположить, что название коры заим-

ка. Из книги Н.А. Хотинского ясно, во-первых, что у рода *Pinus* можно различать по пыльце два подрода, *Diploxylon* и *Gaploxylon*. К первому из них относится, в частности, сосна, ко второму — кедр и кедровый стланик; соответственно, для севера Восточной Сибири (в районе Якутска), где в течение суббореального и субатлантического периодов (как раз указанный интервал времени) увеличивается содержание пыльцы *Gaploxylon* по сравнению с пыльцой лиственницы, можно сделать вывод о снижении верхней границы леса вследствие похолодания. На диаграммах из южной части Восточной Сибири (Енисейский край, 108, рис. 35; 110, рис. 36, и Забайкалье, 113, рис. 37) показано существенное наличие пыльцы кедровых пород внутри лесных формаций со времени 9700 лет назад, а в случае Забайкалья, где ледник сходил позднее — со времени 4200 лет назад, т.е. 2200 лет до н.э., заведомо до возможной встречи тюрков и самодийцев. Ср. также данные по Монгольскому Алтаю (Савина 1986, 148): бореальный период (10–8 тыс. лет назад) — господствуют кедрово-лиственничные редкостойные леса, атлантический (8–5 тыс. лет назад) — лиственничные и кедрово-лиственничные леса, суббореальный (5 тыс. — 2100 лет назад) — максимальная облесенность, лиственничные леса в Центральном Хангае с кедром, в Северо-Восточном Хангае с сосной.

⁹⁸ Ср. возможность реконструкции праалтайского названия соболя: ПАлт. **balu*, ПМонг. **bulagan*, ПТМ **balı-*, ПЯп. **puruki* (Ozawa 314–315; EDAL; ср. Miller 1996).

⁹⁹ Несомненно при этом наличие значительного числа относительно новых самодизмов в сибирскотюркских языках, некоторые из которых также рассмотрены в статье

ствовало именно как культурное слово, характерное для таежного хозяйства (например, как материал для изготовления корьевого чума).

Еще одно схождение между самодийским и пратюркским нуждается в комментарии. Это ПСам. *weŋz ‘мясной или рыбный суп, бульон’ (Janh. 174; Hel. 665; нганас. *bé'a*, *быэ*, энец. *bue* ‘Fischsuppe’, ненец. лесн. *β̄iji*, *β̄ēd'd'i*, селькуп. *keni*, *k'eni*, *kei* ‘Fischsuppe’, камас. *mijä*, *миџε*, *mí*, *mä*, койб. *мыя* ‘кашица’, *ми* ‘уха’, матор. *мэе* ‘уха’) и ОТ *bün (*büjn?) ‘мясной суп, похлебка, рыбный навар’ (як. *min* ‘суп, бульон’, тув., тоф., хак., шор. *mün* ‘суп, бульон, уха’, др.-уйг. (мед.) *mün* ‘бульон’, (юрид.) *mün aš* ‘пропитание’ [«я буду давать пропитание в течение 7 дней»], крх.-уйг. *mün* ‘суп, бульон’ (у ягма — с лапшой), огуз., сувар., кыпч. *bün*, ср.-уйг. *mün* (IM), ст.-кыпч. *mijn* (Houts.), галт., туба, куманд. *mün*, лебед. *mün*, *min* ‘бульон’ ДТС 352; EDT 347; ЭСТЯ 2003, 89–90; ТССДА 130). Вопреки Хелимский 2000, 306, версия о китайском происхождении обоих слов в связи с синокор. *mjen* ‘суп’ (Ram. SKE 147; Joki LS 229) этимологических перспектив как раз не имеет, поскольку синокор. *mjen* означает ‘лапша’ и восходит к кит. 麵, совр. *miàn*, др.-кит. *mēns*, класс. кит. *mēnh*, ЗХ, ВХ *miānh*, ПДК *mièn*, ср.-кит. *mien* ‘мука; тесто; лапша’. Довольно странно было бы ожидать, что для названия мясного бульона, блюда, типичного для охотничьих и скотоводческих культур, заимствуется иноязычное название теста. По-видимому, прототип самодийской и тюркской форм предплагает искать в палеоазиатском субстрате, ср. явно общую для трех предположительно родственных палеоазиатских групп форму: нивх. *bāñəu (амур. *рəñx* (v-, b-), *рəñx*, сахал. *раñx* — НивхСл. 47), чук.-камч. *’əp̄əŋa ‘суп, бульон’ (чук. *’əp̄a-ŋa, ительм. *p̄eŋa-’n — Мудрак ЭСЧКА 38), юкаг. *p̄iŋ- ‘суп, вариться’ (тундр. *piŋə-ŋ*, *piŋē-* — Крейн. Мат. 74). Конечно, направление заимствования (из палеоазиатского [из какой ветви?] в самодийский, отсюда в общетюркский? в пратюркский, отсюда в самодийский? из палеоазиатского независимо в обе ветви?) пока совершенно неясно. Самодийская форма больше всего напоминает пранивхскую; в

Е.А. Хелимского. Не можем не отметить здесь, что продолжаем настаивать на оспариваемой в этой статье нашей этимологии сев.-алт. *kām* ‘горсть’ как заимствования из староселькупского; альтернативная этимология Н.А. Баскакова — от сев.-алт. *kav-* ‘хватать’ — не проходит по фонетическим критериям. Дело в том, что алт. *kav-*, *kab-* восходит к ПТ *kap- ‘хватать’ (др.-тюрк., крх.-уйг. *qap-*, туркм. *Gap* — EDT 580; ЭСТЯ 1997, 264–265), и обычное для галт. озвончение интервокального *p- никогда не доходит до выпадения, ср.: *k(i)āpak ‘веко/лоб’: лебед. *kabak*; *čip ‘ветка’: лебед., туба *čybyk*; *dāpan ‘ступня’: лебед. *taban*, *tavan*; *jip-ek ‘нитка, шелк’: лебед., туба *jibek*; *depō ‘холм, темя’: лебед. *tōbö*, *tövö*; *čapak ‘мелкая речная рыба’: лебед. *čabaq*; *sap-ak ‘стебель’: лебед. *sabaq*. Все случаи выпадения связаны с ПТ *-b-: *debe ‘верблюд’: лебед. *tō*, туба *tō*; *tabyrqa ‘кабарга’: лебед. *törgy*; *aburt ‘внутренняя полость рта’: лебед. *örtom*; *ebür(d)ek ‘утка’: лебед. *örtök*; *iobur- ‘шишка; бутон’: лебед. *töržyq*; *kuba/*koba ‘желтоватый, сероватый’: лебед. *kuba*, *kuwa*, туба *kuva*, *kū*; *gibeč ‘сковородка; глиняный горшок’: лебед. *kōč*, туба *kōš*; *jubut- ‘глотать’: туба *dūt-*. Следовательно, лебед., туба *kām* никак не может восходить к *kap-*in*.

принципе самодийская форма могла послужить и источником общетюркской формы. Ср. возможное заимствование из самод. в пранивхский: ПНивх. **Bäs*, *-*vъc* ‘железо’, амур. *väs* ‘железо’, *väsx* ‘наконечник копья, стрелы’, *väs-u-* (*p-*, *b-*) ‘ковать’, сахал. *wat* ‘железо’, *vas-u-d* ‘ковать’ из ПСам. **wesä* ‘железо’ Janh. 175 (< Пуур. **waske* ‘медь’).

Последнее по времени обсуждение предполагаемых заимствований из пратюркского в прасамодийский опубликовано, по-видимому, В.А. Терентьевым (Терентьев 1999, 182–194). Из рассмотренных им 80 этимологий, для которых он предполагает разную степень достоверности, ниже приводятся те, которые достоверны семантически и фонетически и в какой-то мере отвечают критерию культурной обусловленности. К ним добавлены еще несколько этимологий из списка А. Рона-Таша (Róna-Tas InfI. 743–745).

1. От **jama-* ‘латать, штопать’ (як. *samā-*, долган. *hamā-*, тув. *čama-*, хак. *pama-*, шор. *naba-*, сюг., крх.-уйг. *jama-* (МК), ср.-кыпч. *jama-* (Ettuh.), узб., н.-уйг., тур., гаг., аз., туркм., салар., татар., башк., караим., кум. *jama-*, кбалк. *zama-*, ног. *jama-*, казах., ккалп. *žama-*, кирг. *žama-*, галт. *jama-*, *đama-*, см. VEWT 184; EDT 934–935; ЭСТЯ 1989, 108; Stachowski 94; тюрк. > монг. *žama-*, калм. *zama-* KWb 466). < Палт. **nēmē* ‘латать, штопать’ (? ПМонг. **net-* ‘покрывать (попоной)’, ПТМ **neme-* / **nama-* ‘латать, штопать’, ПЯп. **nēmi* ‘кипарисовая кора, используемая для предотвращения течи в лодке’ — VGAS 68; EDAL; TMN IV, 194). Предположительно заимствовано в ПСам. **jemñä-* ‘латать’ (Janh. 42; без селькупского; нганас. аог. sg. I. obj. *jemñi’ema*; энец. аог. sg. I. obj. *jēniabo*, дер. *jēni’e* ‘Flick’; ненец. тундр. *емнясь*, *jemñä-*, камас. prs. sg. I. *nemñ’-*), без уральской этимологии.

2. От **jasa-* ‘строить, устраивать’ (тув., хак., шор. *čaza-*, чаг. *jasa-* (Рав. С.; Абуш.), узб., н.-уйг., тур., туркм., салар., караим., кум., татар. *jasa-*, башк. *jaha-*, ног. *jasa-*, казах., ккалп. *žasa-*, кирг. *žasa-*, галт. *jaza-*, *đaza-* VEWT 191; ЭСТЯ 1989, 150–152. Чтение этого глагола в надписи Кюльтегина, видимо, ошибочно, см. EDT 974; тюрк. > монг. *žasa-* id. — KWb 468; Doerfer MT 61; TMN IV 92–96; EDT; Щербак 1997, 204) < Палт. **dasa-* ‘управлять, регулировать’ (? ПМонг. **das-* ‘привыкать’, ПТМ **dasa-* ‘править, управлять’, ср.-кор. *tàs-* ‘управлять, упорядочивать, исправлять’ Lee 1958, 107 (ПТМ — кор.), EDAL). Предположительно заимствовано в ПСам. **jēsaj-* ‘ставить чум’ — Терентьев 1999, 188 (**jese-*, ненец. тундр. *jese-* ‘покрыть чум’ — селькуп. *čēsj-* ‘ставить чум’), без уральской этимологии.

3. От **Кариу* (?) ‘шмель’ (др.-уйг. *qabuñ* (Suv. — ДТС 399), узб. *qawwari-ari* ‘шершень’; < Палт. **k’ap’u* ‘кусающее насекомое’, (?) ПМонг. **kubilža-gana* ‘клещ’, ПТМ **xarina(bu)* ‘оса, пчела’ — Цинциус 1984, 85; Дыбо 1996, 9). Предположительно заимствовано в ПСам. **kepu* ‘Wespe’ (без селькупского; энец. *kubo* ‘Bremse’, ненец. тундр. *хэб*, *хэб*, ненец. лесн. *кĕр*, *кĕтр*, камас. *khōb*, койб. *коп*, матор. *kehe* ‘Biene’ — Janh. 65–66, Hel. 476), без уральской этимологии.

4. ПТ **bālik* ‘рыба’ (чув. *polʹ*, як. *balik*, тув., тоф. *baliq*, хак. *palix*, шор. *paliq* (P), др.-уйг. *baliq*, крх.-уйг. *baliq* (МК), чаг. *baliq*, *balıy* (МА; Пав. С.; Бор. Бад.), узб. *balıq*, н.-уйг. *beliq*, туркм. *bāliq*, галт. *balıq*; см. EDT 335; ЭСТЯ 1978, 59–60; СИГТЯ 2000, 177; Федотов I 443. < Палт. **pāli* ‘вид рыбы’, ПМонг. **bilayu*, ПТМ **palu*, ср.-кор.(?) **par-*, ПЯп. **pirámái* EDAL). Предположительно заимствовано в ПСам. **pǎjkz* ‘юкола, балык, вобла’ (только энец. тундр. *paıı*, ненец. тундр. *пэхэ* ‘балык крупной рыбы, осетра, юкола’, без уральской этимологии) — Терентьев 1999, 182 (< **pǎlkz*); судя по отпадению конечного велярного в чув., не подтверждается по крайней мере в интерпретации О.А. Мудрака (СИГТЯ 2006, 49–55) идея В.А. Терентьева о наличии конечного гласного в пратюркском (но, в конце концов, возможно заимствование из определенной формы, т.е. формы принадлежности 3-го лица). Культурно-исторически заимствование возможно как название продукта — предмета торговли.

5. (?) Огузо-карлуко-кыпч. **bałmaq* ‘вид обуви’ (крх.-уйг. *bařmaq* (МК — огуз.), *bařaq* (МК — чигиль), *bařmaq* (IM) ‘башмак, туфля’, чаг. *bařmaq* (Sangl.; МА), узб. хорезм. *bař-lıq* ‘каблук сапога’; ст.-кыпч. *bařmaq* ‘туфли без задников’ (ССum.), тур. *bařmak*, *pařmak* ‘обувь, сандалия, башмак’, аз. *bařmaG*, туркм. *bařmaq* ‘туфли без задников’, *pařmaq* ‘верблюжье копыто’, кум. *bařmaq* ‘туфли без задников’, кбалк. *bařmaq* ‘поношенные туфли, ботинки’, татар. *bařmaq* (> чув. *puřmaq* ‘ботинки, туфли’), башк. *bařmaq* ‘башмак, ступня, туфли без оборок’, ног., ккалп. *bařmaq*, кирг. *bařmaq-ta-* ‘поставить новые головки, наложить союзки (на обувь)’, галт. *bařmaq* ‘башмак’ (не из рус.?): см. EDT 382–383; ЭСТЯ 1978, 93–95; ОСНЯ III 69; TMN II 293–294). Вопреки Дёрферу, вряд ли возможно образование от **bařa-* ‘резать, делать зарубки’: последнее производно от **bālč* ‘рана’ с долгим гласным, а здесь рефлексов долготы нет. Об алтайских связях см. ОСНЯ III; EDAL. По предположению В.А. Терентьева, заимствовано в ПСам. **pǎjma* ‘сапог, обувь’ (Janh. 118; нганас. *faemi*, *xuayımu*, энец. *fě*, ненец. тундр. *пива*, ненец. лесн. *р’їетмоэ*, камас. *peimà*, *h’ámă*, койб. *пема*, матор. *хіма*, тайги *himmat*; из ненецкого заимств. в коми зырян. *pim* ‘ меховые сапоги’ — Wichmann 180). В свете отмеченных Е.А. Хелимским возможных заимствований в амурские тунгусо-маньчжурские языки из прасамодийского (Хелимский 2000, 281) ср. орок. *pěto-ni* ‘голенище; штанина’ (ССТМЯ 2, 36), которое по вокализму (в первом слоге — рефлекс дифтонга) не может относиться, вопреки EDAL, к ПТМ **petiči* ‘меховая обувь’ (эвенк. *hemčurē*, *otčurē* ‘низкие унты из оленьих камысов’, негид. *xemčira* ‘обувь из оленьей шкуры’, солон. *xočoro* ‘сапоги’, ороч. *xebbire* ‘летняя обувь из лосиной замши’, маньчж. *foži* ‘меховые чулки’, *fomo(či)* ‘валяные шерстяные чулки; унты, надеваемые на сапоги в холода’, чжурчж. *fom-či* (Мудрак Чж. 556) ‘чулки’ (ССТМЯ 2, 365–366; эвенк. > як., долган. *ōmčürä*, рус. сиб. *amčurı* (pl.) Аникин 86).

Гипотеза Терентьева фонетически удовлетворительна, хотя семантически не идеальна. С другой стороны, самодийское слово считают заимст-

вованным из пратюркского прототипа др.-тюрк. **ojma*, крх.-уйг. *ojma* ‘войлок, из которого делают сапоги’ МК, чаг. *ojma* ‘сумка из кожи или шкуры’ (Sangl.; EDT 273). Начальное **p*- восстанавливают для этого пратюркского состояния из-за монг. **hojimu-su* ‘чулки’ (ср.-монг. *kojimusun* НУ 23, *h[ojim]āsun* ИМ, *imasūn* Leid.), которое считают либо также заимствованием из ПТ (ср.: Щербак 1997, 161), либо его алтайским соответствием (тогда восстанавливают ПАлт. **p’ojme* ‘штаны, чулки’ (точнее «чехол для конечностей»), сравнивая еще ПЯп. **p̄m̄uta* ‘кожаный нарукавник для стрельбы из лука’ — см. EDAL; или, скорее, ПЯп. к ПТМ **rēmučī*, ПАлт. **p’emučV?*). Такое заимствование кажется мне менее вероятным по фонетическим причинам: во-первых, ожидалась бы передача ПТ **o* как ПСам. **o* (или, если ожидать упреждения под влиянием следующего *j*, **ö*) — см. ниже; во-вторых, кажется, что ПАлт. **p’* должно было дать **h*- еще в пра-тюрко-монгольском состоянии, т.е. гораздо ранее тюрко-самодийских контактов.

6. ПТ **kān* ‘правитель’ (см. выше). Предположительно заимствовано в ПСам. **kāŋ* id. (Joki LS 192; Терентьев 1999, 185; камас. *qoŋ*, койб. *kon*, карагас. *kok*, селькуп. *koŋ*, ненец. лесн. *kāŋ*, *kāk*).

7. (?) ОТ **dal* ‘ветка, ива’ (як. *talax*, долган. *talak*, тув., хак., шор. *tal*, др.-уйг. *tal*, крх.-уйг. *tal* (QB; МК), тур., аз. *dal*, туркм. *tal*, салар. *dāl*, галт. *tal*, см. EDT 489; VEWT 457; ЭСТЯ 1980, 130–131; СИГТЯ 2000, 125–126. < ПАлт. **čālū* ‘вид лиственного дерева’, (?) ПМонг. **daldawu* ‘липа’, ПТМ **žali-ka* ‘ива, боярышник’, ср.-кор. *čūr-kī* ‘прут’, ПЯп. **ūūrū* ‘лоза’ — АПиПЯЯ 13, 77, 288; Дыбо 1996, 10; EDAL). Предположительно заимствовано в ПСам. **ta(ə)j* ‘ветвь, сук’ (Hel. 349; только южн.: селькуп. тазов. *tō*, матор. *maū*), без уральской этимологии.

8. ПТ **bat-* ‘погружаться, тонуть, заходить (о солнце)’ (чув. *pot-*, як. *bat-*, тув., тоф. *ba’t-*, хак., шор. *pat-*, др.-уйг., крх.-уйг. *bat-* (МК), туркм., галт. *bat-*; см. EDT 298; VEWT 65; ЭСТЯ 1978, 78–80; TMN II 230–231; Федотов I 455). Предположительно заимствовано в ПСам. **pāt-* id. (Janh. 115; нганас. *hódjirsj* ‘füredni’, *коу хотэдемы* ‘закат солнца’, энец. *кая’ по-куто* ‘закат солнца’, ненец. тундр. *пăдириць* ‘погружаться, купаться’, *пăдѐ* ‘закат солнца’, ненец. лесн. *pačēLš* ‘to swim’, селькуп. *patqo* ‘погружаться; попасть, залезть; спуститься (о солнце)’, камас. *prs. sg. I. p’ol’am* ‘sich baden, schwimmen; fliessen’), без уральской этимологии.

9. ПТ *(*h*)*ejkiř* ‘близнецы’ (см. выше). Предположительно заимствовано в ПСам. **jekē* ‘близнец’ (Janh. 34) (**jākē*; обсуждение реконструкции гласного см.: Терентьев 1999, 184; нганас. *jāka*, энец. *jēho*, ненец. тундр. *jaxə, яxa*), ненец. лесн. *d’axal’l’эз*, селькуп. *t’āya*). Ср. позднее тюркское заимствование в маторский *igiz* (Helimsky 337). Потеря при заимствовании конечного согласного, скорее, не обусловлена фонетически (ср. «сто» и «жир»), а может объясняться тем, что в пратюркском -ř еще функционировал как показатель парной множественности, ср. СИГТЯ 2006, 228–229.

(нганас. аог. sg. I. *jukú'am*, prt. *jugusuam*, *d'ukud'a*, der. аог. sg. I. obj. *jukara'áma* 'irre führen'? аог. sg. 3. *дүкү"о* 'потерять'; энец. аог. sg. I. *johuaro*, *johuado*, der. аог. sg. I. obj. *johořabo*, *johorábo* 'irre führen', *дөтм* 'потерять'; ненец. тундр. *эхось*, *јухō*; аог. sg. 3. *юху*, der. *эхōрась* 'запрягать', *ёць* 'потерять'; ненец. лесн. *јōхōś*, der. аог. sg. I. obj. *јōхоранјам* 'ich führte ihn irge'; матор. sg. I. *тчѣксыганемь* 'заблуждаюсь' — Janh. 46), без уральской этимологии.

14. (Кажется, еще не предлагавшаяся этимология). ПТ **dōrt* 'четыре' (чув. *т̄^wvad̄*, як., долган. *tüört*, тув. *dōrt*, хак., шор. *tōrt*, сюг. *dürt*, *türt*, др.-уйг. *tōrt*, крх.-уйг. *tōrt* (МК), чаг. *tōrt* (Бор. Бад.; Пав. С.), узб. *tort*, н.-уйг. *tō(r)t*, тур., гаг. *dōrt*, аз. *dōrd*, туркм. *dōrt*, караим., кум. *dōrt*, кбалк. *tōrt*, татар., башк. *dürt*, ног. *dōrt*, казах., ккалп., кирг. *tōrt*, галт. *tōrt*; см. EDT 534; VEWT 495; ЭСТЯ 1980, 284–286). Возможно, заимствовано в ПСам. **te²tā* (? **tettā*) 'vier' (нганас. *t'áta*, *četa*; энец. *teto*, юрак. *memmu*, ненец. тундр. *mem*, ненец. лесн. *tíset*, селькуп. *tetti*, *tett*, камас. *t'ē'dā*, койб. *tātde*, *thæta*, *tháta*, матор. *мяйде*, *дейте*, тайги *дэуде*, карагас. *deite*, *deittetut* '40' — Janh. 159); уральской этимологии нет.

15. ОТ **junt* 'лошадь, кобыла' (як. *sono-γos* 'молодой конь' [< **jonda-gač*], сюг. *jut*, *jot*, др.-тюрк. *junt* (орхон., др.-уйг.), крх.-уйг. *junt* (МК), ст.-кыпч. *junt* (Ettuh.), *junad* (АН), тур. *jont*; см. EDT 946; VEWT 211; ЭСТЯ 1989, 253–254; TMN IV 199–200. Из ПАлт. **zūnti* 'самка (?) копытного', ПМонг. **sūnde-sū* 'самка лося', (?) ПТМ **sōŋ-da-* 'оленок' — EDAL). Предположительно заимствовано в ПСам. **juntz* 'лошадь' (Janh. 49; Sinor 1965, 312; Хелимский 2000, 306) (нганас. *junta*, энец. *дюда*, юрак. *йүда*, ненец. тундр. *јуннэ*, селькуп. *čuntj*, *kyndā*, койб. *ině*, аб. *nunda*, матор. *nonda*, тайги *njundā*, карагас. *нюнда*).

16. ПТ **jūr* 'сто' (чув. *śə^wr*, як. *sūs*, долган. *hūs*, тув., хак., шор. *čūs*, сюг. *јuz*, *јōz*, др.-тюрк. *jüz* (орхон., др.-уйг.), крх.-уйг. *jüz* (МК), туркм., халадж. *jüz*, галт. *jüs*, *düs*; см. EDT 983; VEWT 213; ЭСТЯ 1989, 260; СИГТЯ 2000, 574). Предположительно заимствовано в ПСам. **jūr* 'сто' (Janh. 50; нганас. *јir*, энец. *ju*, юрак. *юрь*, ненец. тундр. *јор*, ненец. лесн. *јур*, камас. *дэюрь*, тайги *dјur*, карагас. *dchur*, матор. *čūr* — Hel. 240), ср. Хелимский 2000, 289. Ср. позднее заимствование из сибирских тюркских языков: камас.-матор. *t'us* (Joki LS 362).

17. ПТ **ūr* 'жир' (чув. *јor-var* 'мясо-молочная пища' (*јor* = др.-тюрк. *qazu* 'нутряной жир'), як. *üskäl* 'толстый', тув. *üs*, тоф. *üs* 'жир, масло'; хак. *üs* 'сало, масло'; крх.-уйг. *üz* 'жир'; галт. *üs* 'жир' (вытопленный или на коже); туба, куу, куманд. *üs*, см. EDT 278–279; VEWT 523; Федотов II 491; СИГТЯ 2000, 454–455). Долгота восстанавливается по чув. *va-*. Предположительно заимствовано в ПСам. **jūr* id. (Janh. 50), см. подробно Helinski–Stachowski 1995, 42–43 («The suggested etymology raises doubts mainly from the “Wörter und Sachen” viewpoint... Phonetically, however, the comparison creates little or no problems»).

18. ПТ **kĕjn* ‘ножны’ (чув. *ĵənə*, диал. *ənə*, як. *kĕn*, тув., хак. *xĕn*, шор., сюг. *qĕn* (ЯЖУ), крх.-уйг. *qĕn* (МК; QB), чаг. *qĕn* (Pav. С.), узб. *qin*, хорезм. диал. *qĕjn*, н.-уйг. *qin*, тур., гаг. *kĕn*, аз. *Gĕn*, туркм. *Gĕn*, караим., кум., кбалк., татар., башк., ног., казах., ккалп., кирг., галт. *qĕn* — VEWT 264; EDT 630–631; Егоров 79; СИГТЯ 2000, 571; ЭСТЯ 2000, 217–218; из Палт. **k’iŋiŋi* ‘ножны, чехол’, ПМонг. **kuj*, ПТМ **xunʒi-* ‘деревянный колчан; сосуд из бересты’ — ССТМЯ 2, 273; Владимирцов 174; EDAL). Предположительно заимствовано в ПСам. **ken* (Janh. 67; Joki LS 287–288; нганас. *sey*; энец. *sen*; ненец. тундр. *ce*’, произв. *va šėnt’ĕ* ‘das Messer in die Scheide stecken’; ненец. лесн. *šėj*; селькуп. *šān*, тазов. *šen* (ОСЯ 38), южн. *nāno-зань* (Григ. 36); камас. *šėn*, *səñ*; койб. *сэнь*), без уральской этимологии. Г. Дёрфер резко возражал против сопоставления самод. слова с тюркским, указывая, что переход *k > š* происходит в самодийских языках только перед гласными переднего ряда, а тюрк. слово содержит определенно задний гласный (TMN III 577); однако прасамодийская форма ведь и впрямь содержит передний гласный, а примеры упрежденной адаптации тюркских заднерядных гласных мы уже видели выше, поэтому возражение Дёрфера можно считать несостоятельным. Для тюркского (и монгольского) слова предполагалось китайское происхождение (Sinor JA 1939, 578): 櫃, в Раннюю Чжоу также 匱, совр. *guì*, др.-кит. *gruts* (~ *-js*), класс. кит. *grwác*, ЗХ, ВХ *grwás*, РПДК *gwiš*, СПДК *gwĭj*, ППДК, ср.-кит. *gwi* ‘сундук; шкаф; комод; сейф; прилавок, стойка’ (БКРС № 1325; Karlgren 0540 h); это слово, как мы видим, не означает «ножны», при том что в китайском есть еще по крайней мере четыре слова со значением «ножны» (см. базу данных), и такой выбор источника заимствования выглядит странно; алтайская этимология предпочтительнее.

19. ПТ **Kĕl* ‘зима’ (чув. *xəl*, як. *kĕs*, *kĕhin*, долган. *kĕhin*, тув. *qĕ’s*, хак. *xĕs*, шор., сюг. *qĕs*, др.-тюрк. *qĕš* (орхон., др.-уйг.), крх.-уйг. *qĕš* (МК), чаг. *qĕš* (АН; Pav. С.) узб., н.-уйг. *qĕš*, халадж. *qĕš*, тур., гаг. *kĕš*, аз., туркм. *Gĕš*, караим., кум., кбалк., татар., башк. *qĕš*, ног., казах., ккалп. *qĕš*, кирг. *qĕš*, галт. *qĕš* — EDT 670; VEWT 268; TMN III 479; СИГТЯ 2000, 75–76; ЭСТЯ 2000, 253–254; Stachowski 167–168; из Палт. **gil’o* ‘холодный’, см. EDAL). Предположительно заимствовано в ПЮСам. **ke* ‘зима’, селькуп. *kə* (тазов.), *кэть* (южн.), камас. *k’e*, койб. *koa*, матор. *kōhō* (< **ke-pua* «зимагод») — ОСЯ 26; Григ. 24; Hel. Mat. 523; Joki LS 175; см. Róna-Tas Infl. 743. Фонетически это возможно (с регулярной потерей конечного латерала при заимствовании в самодийский, ср. «соболь»). По-видимому, следует отказаться от гипотезы о заимствовании из самод. (селькупского) в кетский. Кетское название зимы имеет енисейскую этимологию: ПЕн. **gate* ‘зима’, кет. *kĕti¹*; *kĕtĕ¹*; южн. *kĕt*, сым. *kĕt*, кот. *kĕti*, g. *kĕti*, pl. *kĕtan*, *kĕtān*; *ketĕ* (Старостин 1995, 227). Для енисейского слова предложена северокавказская параллель. Возможно, южноселькупская форма заимствована из кетского?

20. ОТ **Kṛ* ‘серый, седой’ (тув. *kṛr*, хак. *xṛr*, крх.-уйг. *qṛr*, тур. *kṛr*, аз. *Gṛr*, туркм. *Gṛr* — VEWТ 265; ТМN III 567; ЭСТЯ 2000, 229–230). Возможно, заимствовано в ПСам. **kṛr* ‘седой, светлый, белый’ (ненец. тундр. *χṛr* ‘седой’, камас. *k'ṛr* ‘серый’, матор. *kur* ‘белый’, тайги *kur* ‘светлый’, *kyrr* ‘белый’ — Joki LS 183; прасамодийский характер заимствования приходится предполагать из-за наличия возможного рефлекса в сев.-самод.).

Сюда же, как было указано выше, можно отнести и прасамодийское название соболя.

21. ПТ **kīl* ‘соболя’ (чув. *kṵṣ*, як., долган. *kīs*, тув. *kiš*, др.-тюрк. *kiš* (орхон.), крх.-уйг. *kiš* (МК; QB), чаг. *kiš* (МА; Пав. С.; Sangl.), узб. *kiš*, кум. *kiš*, татар., башк. *keš*, ног. *kis*, *kiš*, казах. *kis*, кирг., галт. *kiš* — VEWТ 272; ТМN III 664–665; EDT 752; Щербак 1961, 143; ЭСТЯ 1997, 77–78; СИГТЯ 2000, 162–163; об алтайских связях см. выше). Может быть заимствовано в ПСам. **ki*, **kilz* ‘соболя’ — Janh. 69; Хелимский 2000, 302 (энец. дерив. *sini*, селькуп. *šī*, матор. *ki*; камас. *šili*, койб. *ssillae*).

22. Ср. еще прасамодийское слово **kāps/š* ‘Zauberlöffel’ (шаманская ложка для окроплений) — Janh. 54 (ненец. тундр. *пён-гэбцв'*, ненец. лесн. *кафт'с*, селькуп. *к'ар'šj*, камас. *t'əBsin*). Это слово совершенно определенно напоминает ПИран. **kariči-*, др.-перс. глосса *калiθη*, зор. пехл. *karič*, арм. *karič* ‘мера’, согд. *крč* ‘мера объема, ковш’, **karič-aka* ‘ложка, черпак’, согд. *δρυ крčкy* ‘три ложки’, тадж., перс. *kafč* ‘ложка, черпак’, сангл. *kāfč*, ишк. *kōfč* ‘ковш’ (из тадж.), вахан. *карč* ‘деревянная ложка для погребки’, мундж. *kafčia*, язг. *kēbž* ‘ложка’, осет. *кexč / кexčæ* ‘большая неглубокая деревянная чаша, миска’ (Аб. I 591–592; ЭСВЯ 205; Bailey 52). Из согд. или, скорее, перс. локальное заимствование в крх.-уйг. *kevčī* (МК) ‘кашгарская мера веса, используемая у уйгуров, 10 ритлей’ (т.е. около 4–5 кг) — EDT 688. Вопреки Стеблин-Каменскому и Бейли, вряд ли иранское слово послужило источником ПТ **Kamič* ‘черпак’ (як. *xamias*, *xotiuos*, *xamijax*, долган. *kotiuos*, тув. *ximš*, хак. *xamš*, др.-уйг. *qamič*, крх.-уйг. *qamič* (МК), чаг. *qamič* (IM), н.-уйг. *qemič*, волжско-булг. (?) *xumžī* (< **kamč(a)*), Мудрак, Заметки, 86) — EDT 626; VEWТ 229; ЭСТЯ 1997, 248–249; из ПАлт. **kām[u]ča* ‘вид сосуда, черпак’, ПМонг. **kumžija* ‘мерка’, ПТМ **kamiču* ‘чуман’, ПЯп. **kámású* ‘мешок’ — SKE 94; ССТМЯ 1, 370; Мудрак 1994, 184; Doerfer MT 240; EDAL), несмотря даже на точное соответствие значения: замена *p* > *m* нехарактерна для адаптации иноязычной лексики в тюркские языки. Сомнительно со стороны семантики также заимствование из этого иранского слова в ОТ **kāp-čuk* ‘мешочек, кошелек’, см. ЭСТЯ 1997, 267.

Поскольку вопрос об иранских заимствованиях в прасамодийском весьма спорен, естественно предположить здесь тюркское посредство (при условии что иранизм затем закрепился в самодийском, но выпал из пратюркского). С другой стороны, нельзя полностью исключить, что самодийское слово является адаптацией ПТ **Kamič*: в словаре Янхунена нет случаев, для которых восстанавливался бы кластер **ms* или **mš*.

Примечание

По-видимому, нуждаются в комментариях следующие не принятые нами предполагаемые заимствования из праторкского в самодийский.

1. По семантическим причинам сомнительна возможность заимствования ненец. *to'* 'одеяло' из тюрк. **dōn* 'халат'; камас. *ton* 'шуба', как правильно указывает В.А. Терентьев, скорее всего, позднее заимствование из какого-то сибирскотюркского языка.

2. ПТ **kap-* 'хватать' > ПСам. **kəpi-* 'вырывать' — но ср. Пур. **kappV* (ОСНЯ I, 314), общеностратический корень, так что гипотеза о заимствовании излишня; сопоставление тюркских «ножниц» (**kaptš*) и ПСам. «кастрировать» (**kāptš*) настолько семантически далеко (как правильно указывают все его сторонники, кастрация оленей в культурах Севера производится зубами, а не ножницами), что не заслуживает обсуждения.

3. ПТ **kalbuk* > **kašuk* 'ложка' > ПСам. **kājwā* 'лопата, совок, весло' Janh. 63 (нганас., ненец., камас.). Ср. нормальную уральскую этимологию самодийского слова: Пур. **kojwa* 'graben, schöpfen' (UEW 170–171).

4. ПТ **Kugu* 'лебедь' > ПСам. **kukə* (Janh. 76–77: нен. тундр. (?), МТК — Hel. 300); кажется маловероятной интерпретация ПТ *-g- как ПС *-k-; скорее следует предполагать заимствование из ТМ **kūku* /**xūku* ССТМЯ I, 426–427; 2, 336.

5. ОТ **kōdeč* (VEWT 286) 'сосуд' не существует; соответствующие формы разделяются по трем разным этимологиям.

а) **kūzeč* 'кувшин для воды', ср. др.-уйг. буд. и делов. (санскр. *varcakumbhīkā: batyglytaqy kūzeč* 'кувшин, принадлежащий к помещению *batyglyg*; кувшин из отхожего места?'¹⁰⁰ — EDT 302), крх.-уйг. *kūzeč*, аргу *kūdeč* 'глиняный кувшин для воды' (МК) — EDT 757; VEWT 312. Возводится однозначно к н.-перс. *kūza* (с тюркским уменьшит. суффиксом), откуда также ряд новых тюркских форм, например: туркм. *kūjze* 'кувшин для воды, крынка для молока', узб. *koza* 'большой кувшин для воды, медный или глиняный'; перс. слово возводят к авест. *xawza-* (Horn № 872; Barth. 531; Цаболов КЭС I 574).

б) **gūbeč* 'небольшая глиняная посуда, в основном для варки пищи'¹⁰¹: ср.-тюрк. хорезм. *kūveč* 'горшок для варки пищи' (EDT 688), тур., гаг. *gūveč* 'глиняный неглубокий горшок для варки пищи, большая глиняная миска, глиняная сковородка; блюдо, приготавливаемое в таком горшке', аз. *gūvej* 'глиняный кухонный горшок', туркм. *gōweč* 'ювелирные тигли', узб. диал. *kōvāš* 'глиняный горшок для молока'¹⁰², лебед, туба *kōš* 'чугунок, небольшой чугун', чулым. (кюэр.) *kūac* 'гор-

¹⁰⁰ *batyg-lyg* — по-видимому окказиональный перевод, производное от *batyg* 'болото, грязь' (перевод санскр. *varcas*) с суф. *Nominis loci*; еще в одном тексте в списке частей дома *jylkyka atlyk, kišike batyglyk* 'конюшня для скота, *batyglyk* для людей' (ТТ VI, буддийская сутра).

¹⁰¹ Вряд ли сюда же относится МК *kūveč* 'тип удил'.

¹⁰² Эта узб. форма явно входит в контакминационное гнездо названий посуды: а) **kūp* 'большой глиняный кувшин для хранения жидкостей в охлажденном виде' — специфическое культурное слово, в тюркских языках — совершенно не обязательно иранского происхождения. В перс. аналогичная сущность называется *xom*, пехл. *xumb*, авест. *xumba-* Horn № 493. Н.-перс. *kūb*, на которое ссылается VEWT 309, в словарях в этом значении отсутствует, есть *kūbe* 'кровососная банка' (Гаф. II 672, кл. перс. *kūb* 'кубок, чаша, пиала', ср. араб. *kūb* 'стакан' и пр., входящее в группу названий посуды для питья, кубков (слав. *kubъ*, лат. *cuppa*, греч. *κυπέλλον* с микенск., см. Frisk I, 51), широко распространенных по Евразии, но плохо соответствующих между собой фонетически, см. ЭСТЯ 1997, 143 и цит. лит. Тюрк. слово представлено с МК и позднедр.-уйг.; в новых языках — тур., гаг., аз., караим., казах. диал. (в Туркмении), н.-уйг.; б) **kūpi*

шок', як. *küös* 'горшок для варки; пища, поставленная вариться' (ЭСТЯ 1980, 53–54; VEWT 151, 286). Слово имеет алтайскую этимологию: Палт. **giube-* 'готовить на огне', ТМ **güb-* 'коптить, вялить, очаг' (ССТМЯ 1, 147, 165), кор. **küb-* 'печь, жарить', яп. **küjü-r-* 'дымиться, пахнуть' — JЛТТ 703 (EDAL).

в) К третьей этимологии принадлежат сиб.-тюрк.: хак. *ködes* 'глиняный горшок, чугунок', шор. *ködes* id., сюг. *kodiš* 'очаг' (< **götic*), восходящие к **göteč*, которое может иметь алт. этимологию: ТМ **kota-* 'посуда, чашка, миска' (ССТМЯ 1, 418). Соответственно, становится менее вероятным заимствование в ПСам. **kii'ä* > нганас. *kita* 'черпак', энец. лесн. *kide* 'сосуд, похожий на корыто', ненец. тундр. *хыдя* 'чашка, миска'; возможно, ПСам. из ПТМ?

6. ОТ **jar-ik* 'трещина, расселина, ущелье' — ЭСТЯ 1989, 136–137 (галт., туба *дырык* 'трещина, щель, разрез', куманд. *чырык* id., лебед. *йарык* 'ущелье, расселина', хак. *чырых* 'трещина, щель, разрез', шор. *чырык* 'щель', тув. *чырык* 'щель, трещина, скважина; сторона; яр', тоф. *чырык* 'сторона, край; распадок на склоне горы') > ПЮСам. **järVk* 'развилка' > селькуп. *čärjk* 'развилка, приток' (Терентьев 1999, 184), тазов. *сяр, сярjk* 'приток' (ОСЯ 48), южн. *чорь* 'коса на берегу', *чоры сөнандь* 'устье реки' (Григ. 217). Тюркское слово, вопреки Терентьеву, означает не развилку, только ущелье; селькупское встречается и без *-ik*; все это вызывает сомнения в предположенном заимствовании.

7. ОТ **Küren* 'хорёк, ласка' > селькуп. *куру*, камас. *kürö* 'горностаи'. Не оправдано предположение Терентьева о более раннем значении 'горностаи' в тюркских языках, поскольку венг. заимствование из булг. *görenü*, тоже значит 'хорёк', а в ПТ восстанавливается другое слово для горностаи — **iars* (см. СИГТЯ 2000, 163); фонетически селькупская и камасинская формы плохо возводятся к ПСам. состоянию, но раздельное заимствование из тюрк. невозможно (ожидалась бы *z*-форма). Из монг. **kürene* 'хорёк'? Почему не сравнить венг. непосредственно с самод.? Ср. также гипотезу Йоки (Joki LS 218) о связи с сиб.-тюрк. *körük* 'бурундук' — семантически неубедительно (к тюрк. ср. нивх. *k'uryri, k'uryraj* 'бурундук' НивхСл 26, 57; *-yr-* объясняет сибирско-тюркскую вторичную долготу).

8. ОТ **kün* (***künj*?) 'пупок, пуповина, центр' (як. *kün*, тув., тоф. *xin*, хак. *kən*, др.-уйг. *kin* 'утроба, vagina; мускус', крх.-уйг. *kin* (QB; МК)¹⁰³, галт. *kin* — VEWT 271; EDT 725, 729; ЭСТЯ 1997, 68–69; СИГТЯ 2000, 279–280; из Палт. **k'ü'ü'nu* 'пупок', ПМонг. **köjil-sü*, ПТМ **xulŋu*- KWb 234; Дыбо 1996, 6; СИГТЯ 2000, 280; EDAL) > ПСам. **küi* 'пупок' (Hel. 572; Janh. 79; Joki LS 283–284; нганас. *kij*, энец. *šü*, ненец. тундр. *сю*, лесн. *šun*, селькуп. *šöŋ*, камас. *šän*, койб. *сань*, матор. *куйма*).

'большой цилиндрический деревянный или кожаный сосуд для сбивания масла или хранения кумыса, маслбойка' — общетюрк., заим. в венг. *körü*, см. ЭСТЯ 1997, 145–146; основания для предположений о заимствовании отсутствуют. Ср. узб. литер. *кува* 'глиняный кувшин для воды', *кува-ча уменьш.* 'кувшинчик' при *кув* 'маслбойка'.

¹⁰³ Чтение *kün* (МК) восходит к изданию Брокельмана и не подтверждается позднейшими изданиями Махмуда Кашгарского. Ни Клоос (EDT), ни Dankoff–Kelly I 268 не читают на этом месте «вав»; не видно его и в фототипическом издании «Дивана». Ошибка Брокельмана может быть связана (кроме отвлечения на соседние слова в МК) с представлением об алтайских этимологических связях слова (в монг., действительно, *ü*), что повысило ценность такой формы и в глазах Йоки; определенное влияние могли иметь и более новые рефлекссы суффиксальной формы типа Houts. *künd(ik)*, тур. диал. *gündük, күнүк*, где, однако, огубленность первого слога вызвана влиянием гласного в суффиксе *-dük*. Таким образом, реконструкция огубленного гласного для пратюркского, в общем, лишена оснований (хотя в принципе, при предположении таутосиллабического сочетания *сj*, возможна).

Гипотеза о заимствовании из предполагаемого пратюркского состояния фонетически не идеальна (хотя возможна). Ср., однако, ПФУ **kunV* ‘Bauch’ (коми *kinem*, *kinem* ‘Bauch’, ханты *kõñ*, *çõñ*, венг. *joh*, *juh*, *éh*, *ih* ‘das Innere, Bauch, Magen’, (ст.-венг.) *inuhum*, *yonhan* (**ju-çunV*) ‘Herz, Sinn, Leber, Lende’, UEW 208): почему не считать самод. слово рефлексом уральского прототипа этого финно-угорского слова, с сохранением более раннего значения в самодийском? Что касается семантики, ср. хотя бы кит. 膈 *pí* ‘бычий желудок’, ср.-кит. *biej* ‘пупок’ (Karlgren 0566 f–g).

9. ОТ **jam* ‘почтовая станция’, поздний др.-уйг. *jam* (китайско-уйгурский словарь XIV в.), тур. *jam*, татар. *jam* (из рус.?), чг. *jam* (Абуш.; Sangl.). VEWT 183; EDT 933. Из ср.-тюрк. заимствовано в рус. *ям* id. Тюрк. > ср.-монг. *jam* id., п.-монг. *jam* ‘дорога, путь’ (вряд ли наоборот; см. Щербак 1997, 195). Вопреки TMN IV 110–118, фонетически невозможно заимствование из кит. 站, ср.-кит. *jetm*. Самая ранняя фиксация — видимо, заимствованное из тюрк. сяньбийское 咸, совр. *xián*, др.-кит. *grām* (~ -ī-), ПДК *giām* (Karlgren 0671 a–d). Предполагается заимствование из ПТ > ПСам. **jam-* (ненец. *jamda-* ‘ехать караваном’; Róna-Tas Infl. 744). В действительности ненецкая форма имеет уральскую этимологию: ПУр. **jomV-* ‘gehen, sich auf den Weg machen’, манси *jām-* ~ *jam-*, *jōm-*, *jōm-* ‘gehen’, венг. *indul-* ‘sich in Bewegung setzen, in Gang kommen’ (UEW 100).

10. ПТ **bāñr* ‘железа, шрам, язва’ (см. выше) > ПСам. **mār* ‘железа’ (Janh. 87) (ненец. *mar?* ‘Drüse’, селькуп. *mār* ‘Masurholz’, камас. *mor* ‘Stuteneuter’, *mar* ‘Euter’). По-видимому, ПСам. форма восходит к ПУр. **mOrV* ‘Knollen, Knorren (in den Muskeln, im Baum)’, саам. *mairre* (ген. *maire*) ‘зоб’, марийск. *wopš-māra* (Szil.) ‘in einem wachsenden Baum ausgehöhlter Bienenstock’, ханты *mār* ‘Maserknorren der Birke (Weide); Knorren, Maserknorren, Beule, Pustel’, *kiš-mār* ‘Ringel, Streifen im Maserholz’, *mār* ‘Knoten (in den Halsmuskeln, am Schenkelansatz)’ UEW 293.

11. ПТ **dar(g)a-* ‘расчесывать; бороновать, разгребать граблями’, **dar(g)a-k* ‘гребень; борона, грабли’ (ЭСТЯ 1980, 147–149), вопреки Róna-Tas Infl. 744 и Stachowski GJV 55 вряд ли стоит мыслить в качестве источника ПСам. **tār* ‘волосы’. Возведение тюркского глагола к гипотетическому **tar* ‘волосы’ семантически достаточно натянуто и покоится на Рамстедтовском сопоставлении его с калм. *tar* (KwB 380) ‘Haar, Haarsorte (die verschiedenen Längen und verschieden gefärbten Haare im Pelzwerk sind verschiedene tar)’, *tartē* ‘равномерно окрашенная, с красивой, гладкой шерстью’ (например, здоровая, откормленная лошадь). Уже по примерам в KwB видно, что в действительности слово значит «сорт». Ср.: *tar nīlxə* ‘подходить по сорту’, *tar nīlñ gujr*, *tartē gujr* ‘мука хорошего качества, без комков и отрубей’ («сорт»). Данные других монгольских языков этому толкованию не противоречат: в халха *tar* ‘нрав, характер, качество; ость меха’ (примеры: «подбирать» и «быть подбираемым» о мехе) — БАМРС III 191; п.-монг. *tar* (Kow. 1663) ‘ость на меху’, *tar niilelčex* ‘мех подобран’, ордос. *t’ar* ‘сила, бодрость’, *Dart’ā* ‘сильный, бодрый, богатый’, *t’ār sāli* ‘удой от скотины, уже восстановившей силу после зимних и весенних лишений’ (DO 646). Другая предлагаемая алтайская параллель — ср.-кор. *thərək* ‘волосы’, ‘волосая веревка’ (SKE 282) — с тем же успехом может относиться к ПАлт. **t’ēlū*: ПТ **t’el* ‘струна, проволока’, ПЯп. **tūrū* ‘тетива’.

Вопрос о датировке соответствующих тюрко-самодийских отношений решается пока совершенно неоднозначно. Достаточно достоверные самодийские заимствования могут быть оценены как заимствования в общетюркский, т.е., возможно, после ухода болгарской группы. С другой стороны, фонетические особенности заимствований в прасамодийский явно указывают на пратюркское (формально, возможно, и на прабулгарское)

состояние. Распад прасамодийского, как уже упоминалось, специалисты датируют последними веками до нашей эры (связывая его со вторжением сунну во II в. до н.э. — Хелимский 2000, 22). Глоттохронологическая датировка распада — середина IV в. до н.э.; видимо, следует относиться к расхождению как к допустимой погрешности. Что касается фонетики, здесь мы видим специфическое отношение к тюркским *ʃ и *ʎ, которые, видимо, для заимствующей стороны больше похожи на *r* и *l*, чем на спиранты (отпадение конечнослогового *ʎ скорее следует связывать не с его праотюркским качеством, а с регулярным переходом ПУр. *l в первой позиции кластера в самод. *j*, как и в заимствованном слове *pʃjʎkz ‘балык’). ПТ *h- получает в самодийском (в надежных случаях) нулевое отражение. Довольно единообразно отражается тюркский вокализм; различное отражение ПТ *a связано с открытостью (*e, *e) и закрытостью (*a, перед *j — *ä, *ə) слога; различия в отражении ПТ *i, возможно, связаны с разным качеством конечного согласного и наличием *-j- в основе. Самодийские заимствования единообразно отражают взрывные как глухие и не отражают различий по долготе гласных.

Кроме прасамодийского слоя тюркизмов и слоя заимствований из отдельных сибирскотюркских языков в отдельные южносамодийские, очень условно можно пытаться выделять хронологически находящийся между ними слой заимствований в праюжносамодийский (тем самым мы должны принять существование такой генетической общности) или в пра-сайносамодийский. Конечно, реальным было бы выделять такой слой лишь после составления значительного корпуса сепаратной южно- или сайносамодийской лексики. Может быть, к этому слою можно было бы отнести тюркские заимствования в праматорский (матор-тайги-карагасский), для которых Е.А. Хелимским была продемонстрирована значительная древность (Хелимский 2000, 294–295)¹⁰⁴. Ниже берется наиболее достоверные в этом смысле слова из списка Хелимского.

1. МТК *üds ‘корова, крупный рогатый скот’ (Hel. 373, №1110). ПТ *ud ‘вол, бык’ (сюг. uʒ-jʃl ‘год быка’ (Тен. ССЮЯ), др.-уйг. ud, крх.-уйг. ud (МК), чаг. uj (Бор. Бад.; Абуш.; Пав. С.), н.-уйг., кирг., галт. uj — EDT 34; ЭСТЯ 1974, 572–573; СИГТЯ 2000, 434–435; > ср.-монг. uj — Щербак 1997, 161). По фонетике заимствование могло бы быть из тув., но в тувинском и тофаларском слова нет.

2. Карагас. donhoj ‘свинья’ (Hel. 1060), камас. tōs ‘свинья’ (Joki LS 335). ПТ *doŋ(g)uʃ ‘свинья’ (сюг. doŋiz, др.-уйг. toŋuz, крх.-уйг. toŋuz (МК), чаг. toŋuz (Sangl.), узб. toŋyis, н.-уйг. toŋyuz, тур., гаг. domuz, аз. donuz, туркм. doŋuz, салар. toŋas, карaim. toŋyuz, domuz, кум. doŋyuz, кбалк. toŋyuz, татар. duŋyʒ, ног., казах., ккалп. doŋyʒ, кирг. doŋuz, телеут. tonus ‘кабан’

¹⁰⁴ Отметим неточности на с. 295: татар. jalʃ ‘грива’ не восходит к гипотетическому ПТ *jala, а является окаменевшей формой принадлежности 3-го л. от ПТ *jāl; тур. yele ‘грива’ восходит не к этому ПТ корню, а к другому, *jēl; подробно см.: Дыбо 1996, 122–125.

(Верб.) — VEWT 488; EDT 527; ЭСТЯ 1980, 267–268; TMN II 585–586). Как мы видели, в заимствованиях прасамодийской эпохи ПТ *ř > ПСам. *r. Что касается возможности новых отдельных заимствований, то в сибирских языках представлено практически исключительно другое название свиньи — ПТ *čōčka (тув. šošqa, хак. sosxa, шор. šošqa, сиб.-тат. čičqa, галт. čočqo — VEWT 113; ЭСТЯ 1989, 28; EDT 400), откуда селькуп. soska, камас. šoška, койб. šuška (Joki LS 297–29), матор. шорика (Hel. 911) и кот. šoška. Телеут. tonus показывает странное развитие интервокального *ŋ, ср. тел. jaŋi ‘новый’, qaŋiŋiŋ ‘нос’, qoŋiŋ ‘коричневый’ и qoŋus ‘жук’; поэтому оно не может считаться исконным. Обратное заимствование из русского? (см.: Шипова 126). Таким образом, по крайней мере и карагасское, и камасинское слова не могут быть совсем новыми заимствованиями. Что касается конечного -j в карагас., то, как и в следующих случаях, видимо, следует принять идею Янхунена (Janh. 1989) о морфонологической переинтерпретации основы на -s в связи с обычным для маторской группы чередованием (tonus — tonus-ta > tonuj — tonus-ta). Отметим еще начальную звонкость.

3. МТК *kaj ‘гусь’ (Hel. 383). ПТ *Kār ‘гусь’ (чув. xor, як. xās, тув. kas, хак. xas, шор. qas, др.-тюрк. qaz (др.-уйг.), крх.-уйг. qaz (МК; QB), чаг. qaz (Houts.; AH; Пав. С.), н.-уйг. γaz, тур. kaz, гаг. kāz, аз. Gaz, туркм. Gāz, кум., татар. qaz, башк. qad, ног., казах. qaz, ккалп. γaz, кирг. qaz, галт. qas — EDT 679; VEWT 243; ЭСТЯ 1997, 184; СИГТЯ 2000, 171; Федотов II 361). Слово могло бы быть заимствовано в позднейший период, но, поскольку оно подверглось той же морфонологической перестройке, что и предыдущее, возможно, их следует считать заимствованными одновременно.

4. (?) Камас.-койб. boi ‘лед’ (Joki LS 95). ПТ *bū(ń)ř ‘лед’ (чув. p^wr, як. mūs, būs, хак. pus, шор. mus, сюг. piz, крх.-уйг. buz (МК; QB; IM), чаг. buz, muz (Абуш.; МА; Sangl.), узб., н.-уйг. muz, халадж. bū^hz ‘холод’, тур., гаг., аз. buz, туркм. būz, салар. muz, караим., кум., кбалк. buz, татар. boz, башк. bod, ног. buz, казах., ккалп., кирг. muz — VEWT 91; EDT 389; ЭСТЯ 1978, 238–239; СИГТЯ 2000, 17–18; TMN II 336). Такова старая гипотеза, критикуемая Йоки. Сравнение могло бы условно пройти (хотя ср. неточное соответствие гласных), если принять гипотезу Е.А. Хелимского об особом отражении ПТ *ř в ранних заимствованиях в маторскую (а тогда, может быть, и в саяно-самодийскую; ср. такую интерпретацию камас. слова — Hel. 223) группу. При принятии для предшествующих форм объяснения Ю. Янхунена от сближения следует отказаться: камасинский язык не знает чередования j/s, которое обусловило, по этой гипотезе, перестройку форм в маторском (см., например: Joki KW, раздел «Hauptzüge der Grammatik»). Впрочем, гипотеза самого Йоки (Joki LS) о заимствовании из древней бессуффиксальной формы ПМонг. *möl-sü ‘лед’ также не лишена натяжек.

5. По-видимому, все же не проходит гипотеза о раннем заимствовании в случае селькуп. *hyr, syr, syyr, sygar* ‘корова’, камас. *sīr*, тайги *sir* ‘вол’ (Joki LS 268). ПТ **sīgīr* ‘корова, крупный рогатый скот’ (крх.-уйг. *sīyīr* (МК), ст.-кыпч. *sīyīr* (АН), узб., н.-уйг. *sigir, sijir*, тур., гаг. *sīr*, аз., туркм. *sīyīr*, салар. *sēxīr*, халадж. *sīyīr*, караим. *sījīr*, кум. *sīyīr, sījīr*, татар. *sījīr*, тоб.-тат. *sīr, sījīr*, башк. *hījīr*, ног., казах., ккалп. *sījīr*, кирг. *sījīr* (диал.), галт. *sījīr* (жен.) ‘корова’, телеут., теленг. *sījīr* — EDT 811, 814–815; VEWT 414, 415; СИГТЯ 2000, 152–153, 435; ЭСТЯ 2003, 383). А.Рона-Таш (Róna-Tas Infl. 746) полагает, что частичное сохранение -g- в селькуп. и отсутствие его в саяно-самодийских языках говорит о разных источниках заимствования для саяно-самодийских и для селькупского. Набор селькупских форм говорит скорее о том, что потеря -g- в части диалектов — результат внутриселькупского развития; такое развитие наблюдается и в саяно-самодийских. Ср. камас. *ārā* при шор., хак., тув. *araya* ‘водка’ (Joki LS 68) и даже камас. *karosch* ‘орел’ < тюрк. *qara-quš*, саг. *qarayuš* (Joki LS 166); в исконном слове: матор. *логомдамь* ‘варю’, *лоомдамь* ‘растопляю’ Hel. 625. Однако точка зрения Йоки, который полагает, что в силу сохранения -g- в селькупском заимствование не может быть очень новым, вряд ли соответствует действительности. Ведь для селькупского источником нового сепаратного заимствования мог бы быть территориально в первую очередь тобольско-татарский; и у Йоки же как раз цитируется тобольско-татарское *sygur* (по словарю Гиганова, 1804 г.).

6. Примерно так же, как в случае с **üds* ‘корова’, обосновывается древний характер заимствования в матор. *ангырь* ‘седло’ (Hel. 205). В окружающих тюркских языках нет рефлекса бессуффиксальной формы, она сохраняется только в як., долган. *ījīr* ‘седло’, караим. галиц. *ījīr*, возможно, также чув. *jāner*, которое, впрочем, может восходить и к другой основе. Суффиксальная уменьшительная форма, которая означает ‘вьючное седло’ (ср. рус. *седёлка*): чув. *jānerčək* ‘седёлка’ (*-čik), тув. *ījīrčak*, ср.-уйг. *ijirčak* (Rabg.), уйг. диал. *ījīrčaq*, тур. диал. *ingircak*, салар. *ījīrčak*, кбалк. *ījīrčaq*, татар. *ījīrčak*, башк. *ījīrsaq*, казах., ккалп. *ījīrčaq*, кирг. *ījīrčaq*, галт., тел. *ījīrčaq*. Ср.-тюрк. > ср.-монг. *ijirčaq*, п.-монг. *jaŋyirčaq* id. (TMN II 128–129; Ligeti 1986, 141–142; Щербак 1997, 164; Аникин 88); монг. > куман. *yengirzac* ‘вьючное седло’ (CCum)¹⁰⁵. Новое

¹⁰⁵ В EDAL эта группа форм толкуется иначе: как обратные заимствования из монг. формы, тождественной среднемонгольской; в бессуффиксальном случае, видимо, для караим. предполагается потеря суффикса, якутская же форма вместе с чувашской отнесена к ПТ **eñer* (EDT 63; VEWT 36; ЭСТЯ 1974, 241–242, 658–659; СИГТЯ 2000, 539), суффиксальное образование от которой (подобное чувашскому) и послужило источником монгольских форм. Чув. *jāner* действительно закономерно выводится из **eñer* < **eñer*; но як. *ījīr* не удается вывести из такой формы, даже при условии перехода в задний ряд после специфического развития кластера: в якутском следовало бы ожидать другого развития, ср. *сытмаах* ‘пахучий’ < **jīd-lōk* и *аккыт* ‘ваш конь’ < **at-ñis*. К тому же для монгольского в этом случае следовало бы искать заднерядный источник

заимствование, скорее всего, из алт., мы имеем в камас. *ǰǰǰrd'ak'* 'оленье седло' (т.е. вьючное по форме) — Joki LS 142.

Несколько дополнительных комментариев к бытующим в литературе этимологическим гипотезам из области тюрко-самодийских связей:

1. Селькуп. **ǰpəl* 'frei und ledig; unverheiratet', вопреки Helimski–Stachowski 1995, 49, несомненно является не заимствованием из тюрк. **ogul* > бараб. *uvıl* 'сын, парень', а заимствованием из енисейских языков, скорее всего, из котского, ср. ПЕН. **ʔpVI-* (-x-) 'холостяк': кет. *л:́; л:́git'* 'холостяк'; *л:́* 'отдельный, одинокий', сым. *л:́l'* 'холостяк', кот. *ipal*, *ipal* 'просторный, свободный' (Старостин 1995, 191; Werner 2, 416), имеющее внешнюю этимологию (синокавк. **Hǒbǂ* 'orphan; celibate', сев.-кавк. **Hubǂ* (~ -o-) 'сирота', бурушаски *phópos*, *phópus* 'bastard'); как, собственно, и утверждалось в Хелимский, Keto-Uralica, 240.

2. Карагасско-матор. *tagaj* 'медведь, медведица' (Hel. 936), этимология затруднительна (по словам Е.А. Хелимского, можно предположить производность от тюрк. **dāg* 'гора', но такой модели не засвидетельствовано в окружающих тюркских языках). Можно сравнить слово с тув. *dag-irgek* 'самый большой медведь-самец' (*dag* 'гора', *непен* 'огромный').

3. Возможно, к самодийским языкам восходит одно из тюркских название печи: сиб.-тат. *čual* (Р III 2164, курдак.), *cual* (Р IV 210 тоб.; Тум. СДСТ 241), башк. *suwal*, башк. диал *suwal*, *sǰwal* (Бһһ I 196; II 227); хак. *sōl*, аб. *sol* (Верб. 302), шор. *šol* (Верб. 449 — конд. [в VEWT ошибочно отмечено как кумандинское]; Р IV 1030) 'сбитая из глины стена, у которой разводится огонь в юрте', *šubal* 'труба от печи' (это, скорее всего, сиб.-тат. заимствование), чулым. *čual*, тоф. *sōl* (Рас. Фил 228: из бур.), со значением «печь типа камина; печка с прямым дымоходом»; (?) лебед. *šolta* 'дымоход' (Баск. Леб. 226); см. СИГТЯ 2000, 360–361. Бур. *sōl* 'печь; изба, дом' заимствовано из тюрк., как правильно полагает Е.А. Хелимский (Hel. 903); но претензии его к этимологии в Рас. Фил 228 несправедливы: В.И. Рассадин с полным основанием утверждает, что тофаларская форма *sōl* заимствована из бурятского, тофаларская форма тюркского происхождения имела бы в данном случае начальное *š*; подробно описана ситуация (форма типа хакасской > бурятский > тофаларский) в Рас. 1988, 135–136. По поводу дальнейшей этимологии мнения вновь расходятся. В.И. Рассадин, опираясь на культурно-исторические соображения, полагает, что тюркские языки получили и тип печи, и ее название от аборигенных сибирских народов (приводя самодийские, кетские и обскоугорские формы); ср. гипотезу Х. Паасонена (Paas. TLO 136) о самодийском источнике тюркского слова. Е.А. Хелимский, напротив, пишет, вслед за М. Рясняном (VEWT 120b), что тюркское слово (источник маторского *sol* 'печь — Hel. 903; скорее всего, из хакасского) — производное от ОТ **čōg*

заимствования, тождественный якутскому, а заимствование из якутского в среднемонгольский маловероятно. См.: TMN II 128–129; Ligeti 1986, 141–142.

‘жар, тлеющие уголья’; производные **čōg-ak*, **čōg-aš* ‘солнечный жар’: як. *suos*, долган. *huos* ‘жар, тепло’, хак. *soy*, шор. *šoy* (Р IV 1023 *šōq*), сюг. *čoy* ‘горящий уголь’, др.-уйг., крх.-уйг. *čoy* (МК), чаг. *čoy*, узб. *čuy*, н.-уйг. диал. *čog*, *čoy* ‘жар, пыль’, ст.-осм. *čog* ‘горящий уголь’, туркм. *čōg* ‘жар, зной, угли’, кбалк. *čūwaq* ‘ясный, безоблачный’, татар. *чуак* ‘погожий, ясный’ (Ахметьянов 2001, 237), башк. *suwaq* ‘погожий, ясный’, ног. *šūwaq* ‘солнечный’, казах. *šog* ‘горящий уголь’ (Р: *šōq*), *šūwaq* ‘солнечный’, ккалп. *šūwaq* ‘ясный, солнечный’, кирг. *čog* ‘горящие угли’, *čubak* ‘солнечный жар’, галт., туба *čog* ‘горящие угли’; см. VEWT 113, 114; СИГТЯ 2000, 366–367; EDT 405; Stachowski 113. Тюрк. > п.-монг. *čoy*, калм. *cog* (KWb 429; TMN III 118–119; Щербак 1997, 113, монг. > як. *čox*). Судя по значению и по отклонениям от нормальных рефлексов вокально-консонантных комплексов, формы н.-уйг. диал. *čog*, *čoy* ‘жар, пыль’, ст.-осм. *čog* ‘горящий уголь’, казах. *šog* ‘горящий уголь’, кирг., галт. *čog* ‘горящие угли’, вопреки VEWT, не рефлексы производного **čōg-ak*, а результат морфонологической перестройки основы (см. об этом явлении в огузских языках — СИГТЯ 2002, в карлукских и кыпчакских — СИГТЯ 2006). Тюркская этимология названия печки проблематична. Во-первых, сама словообразовательная модель несколько сомнительна. Именные образования на *-Al* имеются только одного типа: непродуктивные отглагольные прилагательные (*tūke-* ‘кончатся’ — *tūke-l* ‘полный, совершенный’); в данном случае можно было бы себе представить образование на *-l* от отыменного глагола на *-a* со значением «жарить, нагревать» или «создавать угли», впоследствии субстантивированное, но и глагола такого не зафиксировано, и семантика кажется довольно натянутой. Во-вторых, башкирская литературная (и в части диалектов) форма *suwal* не может быть исконной (ожидалось бы *sīwal*); тофаларская форма, как мы уже говорили, явное заимствование. Таким образом, слово имеет довольно странное распространение в тюркских языках, почему-то оно не сохраняется для обозначения той же самой сибирской реалии в ряде языков Сибири: в горноалтайском (*keme*, *keve* по диалектам), в саянской группе (у тувинцев отсутствует реалия, у тофаларов название — заимствование); в якутском (*ohox*, *kōmülüök* — видимо, контаминация той же основы, что в алтайском, с русским заимствованием). Имеющиеся хантыйские формы при этом не могут быть заимствованы из **čuyal* или дотатарского **čoyal*, поскольку реконструируются как ПХанты **t’uxxāl* (см. Живлов 2006). Скорее можно было бы конструировать историю этого слова таким образом: заимствование в сибирско-татарский из восточнотатарских диалектов типа юганского (*t’owal*), затем распространение сибирско-татарских форм в башкирский (с адаптацией начального *s* как *s*), чулымский и шорский. С другой стороны, из хантыйских диалектов шло заимствование так, как это описано в Аникин 669, а именно: обдор. *šoxal* > ненец. обдор.

šoḡāl, казым. *šoḡal* > ненец. лесн. *šōḡol*, вахов., васюган. *t'ōḡal* > селькуп. *šoḡol* 'печь'¹⁰⁶. Селькупская форма могла послужить источником кетской (*sogol, soḡal*), а кетская — хакасской. Из хакасской же формы заимствованы маторское и бурятское слова.

4. Изолированное сибирско-тюркское слово (в условной фонетической реконструкции) ПТ **Tar/sil* 'корень', входящее в стословники соответствующих языков: тув. *dazil*; шор. *tazil*; галт. *tazil*; туба *tazil*; куу *tazil* — Рас. Фил 170. Не может ли оно быть самодийским заимствованием? Ср. ПУр. **čacV* ~ **čančV* 'расти, рождаться' UEW 52 > сев.-самод. **tensə* (< самод. **tensə* ~ **censə*) > ненец. *mэнз*, энец. *tid'o, tiso*, нганас. *tansa* 'род, происхождение ие, тип'; источником тюркских форм могла бы быть какая-то незафиксированная южносамодийская форма типа **tasV*.

Пратюркский и праенисейский

Ниже мы ориентируемся на реконструкцию праенисейской фонетики в Старостин 1982 и праенисейский лексикон, реконструированный в Старостин 1995, а также расширенный и учитывающий новейшую литературу вариант его, опубликованный в интернете по адресу <http://www.starling.ginet.ru>¹⁰⁷. Распад праенисейского языка по этим данным датируется глоттохронологически рубежом нашей эры, когда выделяются две ветви — «кетская» и «коттская». От «кетской» отделяется в V в. н.э. пумпокольский язык, затем в XII в. н.э. распадаются кетский и югский языки. Коттская группа в VI в. н.э. распадается на коттский и аринский.

Довольно хорошо известен ряд заимствований между енисейскими и сибирско-тюркскими языками в исторические времена. Ниже предлагается список возможных заимствований¹⁰⁸ в праенисейский и отдельные енисейские группы из пратюркского и, возможно, отдельных тюркских групп¹⁰⁹.

Заимствования в праенисейский (не позднее рубежа эры):

1. ПЕН. **χотыр₁* 'сукно, войлок' (Старостин 1995, 305, кет., юг., кот.) < ПТ **kidiř* 'войлок' > ОТ **kidiz* (СИГТЯ 2000, 392).

¹⁰⁶ Очень сомнительно, чтобы селькуп. *šoḡol* было соответствием тазовского селькуп. *šōkir* 'печь': фонетически это маловероятно, к тому же в современных материалах по тазовскому диалекту (ОСЯ 42, 43) имеется и *šoḡol* (*šoḡal, šōḡol*) 'очаг', и *soḡyr* 'печь'.

¹⁰⁷ По сравнению с «бумажной» публикацией, там, в частности, учитываются и обсуждаются этимологии из Wegner 2002.

¹⁰⁸ Большинство рассматриваемых слов уже так или иначе упоминались в двух статьях М. Стаховского (Stachowski 1996; Stachowski 1997); здесь мы рассматриваем наиболее достоверные, по нашему мнению, случаи и пытаемся более точно классифицировать их по возможному времени заимствования.

¹⁰⁹ Все предполагаемые тюркские слова — источники заимствования имеют алтайскую этимологию, см. EDAL.

2. ПЕН. *ʔiʔn ‘игла’ (Старостин 1995, 192: предложена также сино-кавказская этимология) < ПТ > ОТ *(j)igne, jigne (ЭСТЯ 1974, 367–369; СИГТЯ 2000, 106); заимствование предложено в Stachowski 1996, 96.

3. ПЕН. *ʔVʔr₁ ‘петь, песня’ (Старостин 1995, 202) < ПТ > ОТ *ʔi- СИГТЯ 2000, 610; заимствование предложено в Stachowski 1997, 233.

4. ? ПЕН. *dam- в *dam-χux ‘окно’ (Старостин 1995, 219, второй компонент композита обозначает «дырка», этимология первого неясна) < ПТ > ОТ *dām ‘стена’ (СИГТЯ 2000, 529).

5. ПЕН. *KVlpV ‘ложка’ (Старостин 1995, 243, коттско-аринско-пумпкольское; предложена также сино-кавказская этимология, небезупречная фонетически) < ПТ **kalbuk > ПТ *kaluk > ОТ *kašuk (NB: фонетический облик слова, может быть, более архаичен, чем можно предполагать для праторкского языка периода первого распада, поскольку в болгарской группе мы видим уже результат развития *lp > λ; о самом развитии сочетания, восстанавливаемого на основании алтайских параллелей тюркского слова, см. Street 1980, 286–287). Предложенное в Stachowski 1996, 97 фонетическое объяснение кот. xalpen, арин. kılphan из монг. образования на *-yan вряд ли можно считать удачным, поскольку у монг. *kalbaga вариант на *-n отсутствует (он есть только в словаре Лессинга, отражающем халхасскую орфографическую практику), в отличие от приводимой Стаховским пары тюрк. qoşuq — монг. qolbuγan ‘стих’; это основы с разными суффиксами, один отглагольный, с -γ- выпадающим, другой отыменной, с -g- невыпадающим. Можно, впрочем, предположить контаминацию или сложение (пережившее гаплоглоию) с енис. *piʔn ‘черпак’ (кет. hiʔn, pl. hīneŋ, сым. fiʔn, pl. finīŋ — Старостин 1995, 248); ср. сложение *ʔexV-piʔn > кет. ēyiñ¹ / eyiñ⁶ / eγan⁵, юг. ejfñ¹ ‘ковш’, букв. ‘железный черпак’.

6. ПЕН. *dāli ‘ива’ (Старостин 1995, 221) < ПТ > ОТ *dal ‘ива’ СИГТЯ 2000, 125–126.

7. ПЕН. *χəpVr ‘пена’ (Старостин 1995, с. 304, кет., юг., кот.) < ПТ *kōp- > ПТ *kōpük ‘пена’, ОТ *kōpür- ‘пениться’ (ЭСТЯ 1997, 108–111).

8. ? ПЕН. *bət ‘ленок’ (Старостин 1995, с. 209–210, кет., юг., кот.) < ОТ *biñit ‘ленок’ (VEWT 336; СИГТЯ 2000, 177: якутско-саянское слово, но с алтайскими параллелями). Ср. также селькуп. moeten id. (Хелимский, Keto-Uralica 240): из тюрк.?

Заимствования, происшедшие не позднее VI в. н.э. (только в «коттской» ветви):

1. ПЕН. *KuPurKVn ‘лук (растение)’ (Старостин 1995, 243, коттско-ассанско-аринское) < ОТ *gEmürgen ‘дикий лук или чеснок’: др.-тюрк. kövürgen (МК), kömürgen (МК — огуз.), возможно, заимствование из тюркских языков Сибири (кыргызское?), ср. хак. köbərgeŋ, галт. köbürgen, кирг. köbürgön (> камас. kuburgan Joki LS 199). См. СИГТЯ 2000, 124; ЭСТЯ 1980, 100 (развитие *m > *b, возможно, под влиянием *kōpür- ‘пениться’).

2. ПЕН. **jus* 'сто' (Старостин 1995, 233, коттско-аринское, при наличии общеенисейской сотни, имеющей сино-кавказскую этимологию, **ʔalVs-* (*tamsV*) < ОТ **jūz* < ПТ **jūr* 'сто'; тоже кыргызское? Возможно, впрочем, и раздельное заимствование.

Заимствования, происшедшие не позднее XII в. н.э. (только в кетско-югской подветви):

1. ПЕН. **pałgV* 'ерш' (Старостин 1995, 245, кетско-югское) < ПТ **bālīk* 'рыба' (ЭСТЯ 1978, 59–60; СИГТЯ 2000, 177; Федотов I 443).

2. ПЕН. **ʔiGV-* 'точить' (Старостин 1995, 195, кетско-югское, предложена сино-кавказская этимология) < ПТ **ʔeke-* 'пилить, обтачивать' (СИГТЯ 2000, 399); возможно, уже из тюркских языков Сибири, ср. хак. *ige-* и под.

3. ПЕН. **ʔuʔʒ* 'поясница' (Старостин 1995, 200, кетско-югское) < ПТ **ūča* (ЭСТЯ 1974, 566–567), возможно, уже из тюркских языков Сибири, ср. хак. *uča*, тув. *uža* и пр.

4. ПЕН. **siʔid* 'ремешок' (Старостин 1995, 274, кетско-югское) < ПТ **sīd-* > хак. *sizim* 'лента на шаманской колотушке', чув. *š'ras* 'кайма, тесьма' (EDT 799–800, ЭСТЯ 2003, 253).

5. ПЕН. **doʔs* 'идол; дух' (кет. *dəʒ* 'Götze aus Holz' (Werner I, 204), юг. *dösset* 'Waldteufel' (Werner I, 201), без внешней этимологии). Ср. сиб.-тюрк.: хак. *tös*, шор. *tös*, галт. *tös* 'духи предков', из ПТ **tör* 'корень; происхождение, основание, род, предки' (VEWT 495; TMN II 612; EDT 571; СИГТЯ 2000, 109; Федотов II 26 4).

Два потенциальных контактных тюрко-енисейских слова нуждаются в отдельном обсуждении.

1. ПЕН. **soʔG/χom* 'стрела с тупым наконечником' (Старостин 1995, 276, кетско-югское, предложена сино-кавказская этимология). Соответствующая реалья — стрела на белку, *суом*, — у кетов описывается следующим образом: «У стрелы на белку... наконечник был тупой, овальный, вырезанный вместе с древком... Иногда вместо деревянного наконечника насаживали роговой, такой же формы (стрелы тогда называли *кок суом*, *кок* 'рог'). Тупые наконечники не портили шкурки. При охоте на белку кеты пользовались также стрелами для вспугивания зверька... Овальный деревянный наконечник у этих стрел был выдолблен изнутри. На поверхности его имелись сквозные отверстия. При полете стрелы воздух, попадая в отверстия, вызывал свист, который пугал и выгонял из гнезда спрятавшуюся белку» (Алексеевко 54). Там же сообщается, что кетский лук славился еще в XVIII в. на всем Енисейском Севере и являлся предметом обмена с другими народами. «Русские купцы ввозили кетские луки к ненцам, долганам и нганасанам» (Народы Сибири, 689). Похожий по форме металлический боевой наконечник с отверстиями мы видим на табл. XLIV в книге: Горелик 1993, 304 (№ 97: Алтай, VI в. до н.э.); вообще считается,

что такие наконечники распространяются с гуннами¹¹⁰. При этом мы имеем ОТ **sokom/n* ‘стрела, наконечник стрелы’: др.-кыпч. *soqim* (МК) ‘деревянный свистящий наконечник стрелы’ («деревяшка с выдолбленной серединой; конической формы, имеет отверстия с трех сторон, надевается на конец древка стрелы; это свисток»), *baqir soqim* (МК; QB) ‘планета Марс’ (букв. «медный сокым»); ст.-кыпч. *saγan* ‘острие стрелы’ (АН, м. б., описка вместо *soqim*) EDT 811, хак. *soγan* ‘стрела для лука’, шор. *soγan* ‘стрела для лука’, галт. *soγon*, куу *soγono* ‘стрела для лука’ (Р IV 529: лебед. *soγon* ‘железный наконечник стрелы’), *cokkon* (Р IV 523: тел.) ‘железный наконечник стрелы’, тув., тоф. *soγun* ‘стрела для лука’ (СИГТЯ 2000, 571; ЭСТЯ 2003, 277). Алтайской этимологии слово не имеет, вопреки EDAL, поскольку в середине слова восстанавливается глухой и его нельзя сопоставить с ПАлт. **sjoγa* ‘лук, арбалет, стрела’: ПМонг. **sayali* ‘арбалет’, ПТМ **sug-* ‘копье, стрела; острога; вид ножа’ ССТМЯ 2, 118; ср.-кор. *hoar* ‘лук и стрела’, ПЯп. **sa* ‘стрела’. Но его можно легко (вслед за Дж. Клосоном) объяснить как отглагольное производное от *sok-* ‘вставлять’ (довольно удачно в силу нормального соотношения семантики ‘наконечник стрелы’ = ‘втулка, вставка’). Фактическое тождество реалий, стоящих за кетским и древнетюркским словами, однако, побуждает видеть здесь либо заимствование в общетюркский из енисейского — во всяком случае, не по отдельности в сибирские языки, поскольку тогда плохо объяснимо развитие семантики и изменение конечного *m* в *n*, — либо в енисейский до XII в. из (обще-) тюркского? Кыркызского? Еще более раннее из пратюркского?

2. ПЕН. **kūn* ‘росомаха’ (Старостин 1995, 242, кетско-югско-пумпюльское, предложена сино-кавказская этимология; имеется еще одно ПЕН. название росомахи); ср. тюрк. формы: шор., татар. сиб., хак. *kunu* ‘росомаха’, башк. *qono*, кар. *quna* ‘куница’ (VEWT 300; СИГТЯ 2000, 162). Ср. еще маторско-тайгийско-карагасское *kun'e* ‘горностаи’ (Hel. №34). Все эти слова несомненно напоминают общеностратическое название куницы (ПИЕ **keun-*, ПКартв. **kwenr-* — МССНЯ 346), но тюркское слово не может быть к нему параллелью, поскольку, скорее всего, таковой является ПАлт. **kuřen-* > ПТ **Kūřen* ‘хорек, ласка, куница’ (см. EDAL). При ближайшем рассмотрении оказывается, что тюркские формы можно разделить: сиб.-тат., шор. и хак. *kunu* ‘росомаха’ считать заимствованием из енисейских языков, а башк. *qono* и кар. *quna* ‘куница’, оба восходящие к **kuna*, считать заимствованием (по-видимому, вначале в половецкий) из хорошо известного др.-рус. *коуна* ‘куница; денежная единица’. Проблему представляет самодийская форма: для енисейского (или сибирско-тюркского) заимствоза-

¹¹⁰ Все-таки, вопреки Худяков СБ 42, китайские хроники, видимо, не приписывают изобретение свистящих стрел *минди* (鳴鏑, ЗХ *mrej tēh*, 1-й иероглиф «петь; кричать; звучать» — Karlgren 0827 а-с; 2-й — ‘стрела’ — Karlgren 0877 п) лично Маодуню. В переводе Ши цзи, гл. 110 (ИЗ VIII 327), стоит: «Тогда Маодунь повелел изготовить стрелы *минди* и стал обучать своих конников стрельбе...».

ния у нее странное развитие значения, для уральской параллели к ностратической форме она слишком изолирована. Что касается заимствований названия росомахи, ср. ПТ **jēbke* ‘росомаха’: як. *siegen*, долган. *hiegen*, тув. *čekpe*, хак. *jekpe* (VEWT 195; имеет алтайскую этимологию: Палт. **zipe* ‘вид крупного хищника’: ПМонг. **sibor* ‘барс’, ПТМ **sibigē* ‘волк, медведь’), — заимствовано в аринское *джун’ка* ‘куница’, камас. *джанка* ‘куница’, маторско-тайгийско-карагасское *джибке* ‘росомаха’ (по Палласу) — см.: Хелимский, Keto-Uralica, 248, также со странным развитием значений. Современный ареал обитания росомахи полностью захватывает бассейны Енисея, Лены и более восточные и южные области; в Обь-Иртышье росомаха представлена гораздо хуже (Млекопитающие СССР, 42–43, карта 79). Таким образом, географически легче всего представить себе заимствование в самодийские языки из енисейских либо тюркских; но, судя по варьированию значения, мы имеем дело с поздними взаимными заимствованиями в Саянском регионе — скорее, табуистического характера.

Примечание

Несколько необходимых замечаний по поводу тюркско-енисейских сопоставлений М. Стаховского.

1. Заимствование ПЕН. **xuʔs* ‘чум из березовой коры, дом’ (кет. *quʔs*, pl. *quʔη*, сым. *xuʔs*, pl. *xuʔη*, кот. *hūs*, pl. *huη* ‘чум’; ассан. *hūs*, *xēs* ‘дом’, арин. *hu* ‘дом’; *kus* id.; *kun-kus* ‘двор’, пумпокол. *hu-kút* ‘дом, село’ — Старостин 1995, 305) из ПТ **Kol* ‘хижина, лачуга, лагерь’ (см. выше), предположенное в Stachowski 1997, 231, кажется сомнительным: во-первых, элемент *-s* в енисейском слове — аффикс сингулятива, во вторых, заимствование должно было бы относиться к первому периоду и тогда отражать ПТ **ʔ* как **ʔ*.

2. Заимствование кетско-югского **tak-* ‘журавль’ (кет. *tāyʔ* (сев.), южн. *tauʔ / tauyʔ*; pl. *tāyʔn*¹, сым. *tāk*, pl. *tagʔn*¹ — Старостин 1995, 280) из ПТ **tiakʔgu* ‘курица’ (Stachowski 1997, 232–233) кажется менее вероятным, чем даже его древнейшее родство с СК названием фазана (сино-кавказская этимология, предложенная С.А. Старостиным): такое семантическое развитие для древнеродственных языков, носители которых неоднократно сменили за прошедшие тысячи лет природное окружение, еще можно себе представить, но в гипотезе о заимствовании подобные развития явно не работают.

3. Заимствование ПЕН. **ʒeʔη* ‘народ’ (кет. *deʔη*, сым. *deʔη*, кот. *čeəŋ*, **čeaŋ*, pl. *čeəŋan* ‘folk, reople’ — Старостин 1995, 309) из бур. *zoŋ* ‘народ’ или из его предпологаемого китайского прототипа 村 *cūn* ‘деревня’ (Stachowski 1997, 233) маловероятно: в период общеенисейского родства китайское слово звучало как ЗХ *shwəŋ*, ВХ *shwəŋ*, что никак не могло дать звонкого начала при заимствовании в прото-монгольский ли, в праенисейский ли; древнетюркские формы типа *tsum* восходят, по-видимому, к среднекитайскому состоянию (ср.-кит. *chon*), более новые монгольские со звонкостью — к новокитайскому.

4. Кетское *qōptə* ‘кастрированный олень’ (Stachowski 1997, 235), конечно, не имеет отношения к тюркским «ножницам», как и его самодийский источник, о котором говорилось выше, ПСам. **kāptə* ‘кастрировать’, ‘кастрированный олень’.

5. В Stachowski 1996, 97–99 обосновывается заимствование в енис. кот. *koaš* ‘красивый’ (отождествляемый со вторым элементом композита сымского *ejs-kūs*¹ «икона», первый элемент — «бог»). Проделан чрезвычайно подробный и остроумный разбор сиб.-тюрк. **kuas* ‘красивый’, для которого еще в VEWT предположена иранская этимология (см. Расторгуева–Эдельман 3, 415), упоминаемая и в YENET

415, где обсуждаемый композит получает совсем другое, более правдоподобное истолкование (“Kott. *koas* ‘beautiful’ has probably nothing to do with the above words, being an obvious late borrowing from Oyr. *quas* etc. (itself regarded as an Iranian loan-word, see VEWT 295)”); см. Старостин 1995, 240). Действительно, рассмотрим тюркское слово, один из рефлексов которого, по-видимому, явился источником коттского. Под соответствующей праформой объединяются следующие формы: бараб. *kuwas*, кюзр. *kuwas*, сар., койб. *koos*, кач., сой. *kaas*, сой. *koja-kaas* ‘красивый’, хак. *xoos* ‘рисунок, узор, украшение, красивый’ (VEWT 295)¹¹¹, к этим формам можно добавить лебед. *koos* ‘красивый, видный, щеголь; убранство, украшение, вышивка, красота’; хак. *xoos* ‘рисунок, узор; украшение, вышивка; красивый; щеголь’, шор. *kos* ‘красивый (о местности)’ [*qos* в.-к., аб., *qoos* в.-б. ‘убранство, украшение, вышивка, красота’ Верб. 147], тув. *kaas*, *kaas-koja* ‘нарядный, пышный’, тоф. *qaas* ‘украшение, орнамент, узор’; кирг. *koos* ‘красивый, изящный, франтоватый’. Коттскому языку, как известно, свойственна мена *s* и *š* — ср. кот. *sar/šar* ‘isabellfarben’, *sera/šera* ‘Bier’ (Stachowski 1996, 106, правда, с другими объяснениями). Итак, никаких следов формы на *-š* мы в тюркском материале не находим, а наоборот, имеем подтверждение форме на *-z* — отглагольное имя (subst. / adj.), см. хотя бы Gab. AG 135, ср. отглагольное имя на *-t* в Gab. AG 131. Очевидно, оно не имеет отношения к пехлеви *xwaš* ‘pleasant, sweet, nice’, н.-перс. *xōš*, а возводится к **k̄ibaz*, производному от глагольной основы ПТ **k̄ib-a-n-* ‘быть счастливым, радоваться, предаваться удовольствиям’: ср.-тюрк. *quvan-* (Бор. Бад.), узб. *quwm-*, кар. К., Т., Г., кум., кбалк. *quwan-*, татар. *kuwan-*, башк. *q̄wan-*, ног., казах., ккалп. *quwan-* (глагол образован от ПТ **k̄ib* ‘счастье’: сюг. *qo*, *qovu*), см.: ЭСТЯ 2000, 99–100 (ср. еще такие формы, как бараб. *kuwan-* ‘радоваться’ Дмитр. ЯБТ 155, ойр. *kubat* ‘радость’, *kubattu* ‘веселый, радостный, красивый, изящный’ [в частности, ‘красивый’ (о местности)], *kubuksu* ‘веселый, прекрасный’, лебед. *kubuk* ‘радость’ (из другого диалекта — *koot* ‘наслаждение, отрада’, у Верб. с пометой тел., н.-б. 145); *qubat*, *qubuj* тел. ‘радость, веселье, изящество, красота’ — Верб 149); [но ойр. *koos* ‘красивый, изящный’, как и туба *koos*, *kuwu*, як. *kuo* ‘id’. — монголизм, из ПМ **gowa* ‘красивый, хороший’, п.-монг. *yuwa*, *yuua*, *yuua* (Less. 370), ср.-монг. *qo’a* (SH), *yuua* (MA), *qohā* (IM), халха *gua*, бур., калм. *gō* ‘прямой’, ордос. *Gō*, *Gōn*, дунс. *gau* (KWb 152; TMN I 421¹¹²)], а также кирг. *kubanyč* ‘радость’, кбалк. *quwanč* ‘радость’, *quwat* ‘обаяние, привлекательность, уют’¹¹³. Ср. аналогичное образование от **ḡib-en-* ‘гордиться, хвалиться, радоваться’, **ḡib-e-z* ‘гордость, радость > щегольской, франтоватый’ (ЭСТЯ 1980, 91–92; Ахметьянов 2001, 119); в развитии семантики наблюдаются явные следы паронимической аттракции между этими двумя гнездами. Колебания рефлексов внутреннего вокально-консонантного сочетания (*θ/w/b*¹¹⁴) скорее всего

¹¹¹ Но карaim. *kuwšur-* ‘лепить из глины’, вопреки VEWT, не имеет сюда отношения, это производное от *kuwš* ‘пустой, выдолбленный; кружка’.

¹¹² Сюда не относится: сюг. *куа* ‘бисерный браслет на руке младенца’ Малов ЯЖУ 60, Тен. ССЮЯ 204 — из монг. *xuv(an)* ‘янтарь’.

¹¹³ Производные типа **k̄ib-a-t* вряд ли следует отождествлять с заимствованиями из араб. *quvvat* ‘сила’ (см. VEWT 305), обычно хорошо сохраняющими свое значение.

¹¹⁴ О правильных рефлексах **-iba-* см. подробнее СИГТЯ 2006; в частности, в саянской группе интервокальное **b > *v* регулярно выпадает (кроме позиции ПТ **-eve-*, **-evi-* > саян. **-ebe-*, **-ebi-*), ср. ПТ **jabal* ‘мягкий, нежный; тихий, медленный’: тув. *čās*, тоф. *čās*; ПТ **k̄ibak/*kabak* ‘белый тополь, ива’: тув. *xāk*, тоф. *xāk*. В алтайских диалектах интервокальная позиция дает довольно беспорядочные рефлексы, по-видимому, из-за междиалектных заимствований; основная тенденция — в сев.-алт. рефлексы интервокального **b*, *b* и *θ*, распределяются в основном как в шорском и хакасском, т.е. *θ* в соседстве с огубленными гласными, *b* в прочих позициях. В южноалтайских диалектах

объясняются контаминацией производных от двух корней: **kɨb* ‘счастье’ (ЭСТЯ 2000, 99), и **kob* ‘хороший’: крх. *kob kɨldi* ‘he was delighted’ МК, EDT 579, туркм. *Govɨ* ‘хороший’.

6. Отметим, кажется, не отмечавшееся до сих пор возможное позднее заимствование из языка енисейской группы в хакасский. Это хак. *at ib* ‘столбовой шалаш, крытый лиственничной корой, в форме усеченной четырехгранной пирамиды’, = *хахнас иб*. Видимо, источник — рефлекс ПЕн. **ʔa(?)t-* ‘дверь, задний угол чума’, встреченного исключительно в составе композита (кет. *attɔ*^{5,6}, pl. *attɔn*, сым. *atnto*⁵, pl. *atnton*⁵, кот. *athol*, **athōl*, pl. *athōlay*; ассан. *átōl*; койб. *atōl* id., арин. *éjīōl* Старостин 1995, 179).

Заметим, что слова «рыба», «точить» и «ива» попали в списки праязыковых заимствований и в прасамодийский, и в праенисейский. Очевидно, заимствования между всеми тремя праязыками происходили на контактной территории, включающей енисейскую и самодийскую прародину. Датировать эти контакты было бы естественно начальным периодом продвижения тюрков на северо-запад, соответственно, согласно с другими датировками и локализациями, II–I вв. до н.э. (шаньшюй Маодунь подчинил гуннской державе племена Саян, Алтая и Верхнего Енисея в 203–202 г. до н.э., см. ВТ 1992, 118). В связи с этим можно предполагать, что современная глоттохронологическая датировка распада самодийского праязыка несколько заглублена, возможно, следует вернуться к традиционной датировке рубежом эры (см., например, Хелимский 1982, 45–46).

Пратюркский–прасамодийский–праенисейский: явления «союзного» типа в лексике

Обычно признаки языкового союза мы усматриваем в случае появления в территориально смежных языках общих структурных черт, а также значительного количества взаимных лексических заимствований и семантических калек. Интересно, что в ряде случаев в результате более или менее длительного совместного развития союзного типа в языках могут возникать общие лексические единицы неясного происхождения — допускающие в принципе альтернативные этимологии, демонстрирующие их исконность для каждого из языков-контактеров. Конечно, такое явление — следствие народно-этимологических процессов; иногда оно поддается разрешению с помощью стандартных этимологических приемов.

Пример. Современные отношения узбекского и таджикского (а также сохраняющихся или сохранявшихся на соответствующей территории в течение последнего тысячелетия восточноиранских языков) обладают явными союзными признаками. Это изоморфизм фонологических систем (причем полученный в результате совершенно разных развитий исходных

и в киргизском, видимо, можно говорить о том, что *-b-* падает в соседстве с ПТ огубленными гласными, для заключения о других позициях не хватает материала.

систем), взаимные заимствования грамматических элементов, чрезвычайно близкие структуры поверхностного синтаксиса, значительное количество заимствований в лексике. Рассмотрим имеющееся в обоих языках слово *саноч*¹¹⁵. В узбекском (по толковому словарю) оно значит: ‘1. вообще кожаный сосуд, кожаная торба; 2. кожаный мешок для хранения и транспортировки жидкостей, бурдюк’. В таджикском его значения: ‘1. мешок из шкуры животных для хранения и перевозки жидкостей, бурдюк; 2. кожаный мешок, надутый воздухом (употребляется для переправы через реку)’. Формальное тождество и семантическая близость слов предполагают их общее происхождение. Соответственно, можно было бы думать либо о заимствовании из таджикского в узбекский, либо наоборот. Если считать слово исконно тюркским, его этимология очевидна: это производное с суф. *-ač от существительного **sān* ‘тело, часть тела > ляжка ноги’ (узб. *сон* ‘бедро’), по внутренней форме — ‘сосуд, сделанный из кожи с бедренной части ноги животного’, подобно *qolač* > башк. диал. *qulas* ‘сосуд из кожи с передней ноги лошади’ при *qol* ‘рука; передняя нога животного’ и некоторым другим производным. При предположении для слова иранского происхождения говорят о возможности заимствования в таджикский гипотетического согдийского производного на -čī от глагола *snā-* ‘мыться, плавать’, связывая таджикское слово с пушту *šanāz* ‘1 плавательный мешок, 2 бурдюк’, которое по фонетике могло бы быть заимствовано из пехлеви (поздн. ср.-перс. *šnāz* ‘плавание’), и с сарыкольским *zynič/c*, шугн. *zinōc*, рушан. *zinūc*, язг. *zānec* ‘плавательный мешок’, которое считается в этом случае также заимствованием соответствующего производного, возможно, согдизмом (см. Вуянер 2005; возможно, впрочем – по личному сообщению Дж.И. Эдельман – что памирские формы восходят к **snā-tra-*, с суффиксом инструмента, и тогда для пушту и таджикского скорее надо предполагать памирский источник). Выбор между двумя этимологиями был бы затруднителен, если бы не наличие данных по истории и географии семантики тюркского слова, см. ЭСТЯ 2003, 189–190: слово фигурирует на территории Центральной Азии (кирг., казах., ккалп., н.-уйг., узб., туркм. — практически на той территории, где у рефлексов слова *san* распространены инновационные значения «бедро, ляжка, задняя нога животного»); ни в одном из современных тюркских языков нет значения «надутый воздухом плавательный мешок», а только «кожаный мешок для хранения сыпучих или жидких веществ», иногда упоминается (н.-уйг., по Shaw, южнокирг.), что это мешок из цельной козлиной шку-

¹¹⁵ Узбекское *o* второго слога, в отличие от таджикского, ничего не говорит о первоначальной долготе гласного. Такая структура вполне закономерно даст в узб. второе *o*, см. Мудрак 2005, 302 (цитата: «В непервых слогах распределение связано частично со структурой слога, частично — с качеством ауслатного согласного: в открытом слоге как глагольной, так и именной основы представлено *ā*, в закрытом слоге — *â*, хотя перед закрывающим слог *j* обычно — *ä*»).

ры¹¹⁶. Ранние встречаемости — в хозяйственном древнеуйгурском тексте в списке утвари — одна корова, один горшок, один санач, и у Махмуда Кашгарского с переводом ‘красный кожаный мешок’ (EDT 835). Таким образом, можно решительно утверждать, что слово заимствовано из узбекского в таджикский, но, возможно, претерпело развитие значения в тадж., поглотив формально тождественное слово, заимствованное из согдийского (памирских языков?), и «впитав» его семантику ‘плавательный мешок’.

Союзные явления в таджикско-узбекской лексике довольно новые, а история отношений языков попадает на период, от которого сохранились письменные памятники. Обстоятельства начала контактов языков самодийской, енисейской и тюркской семей языков относятся, как мы упоминали, к дописьменному периоду жизни народов-носителей. Одни лексические заимствования не давали бы нам права говорить о союзных отношениях между рассматриваемыми языками; сказать же что-то определенное о параллелях в устройстве морфологии и синтаксиса этих праязыков в настоящее время затруднительно. Можно, однако, отметить некоторые структурные параллели семантического свойства.

Ср. развивающуюся во всех трех праязыках из различных источников многозначность «верховное божество» — «небо».

ПТ **täyri* ‘бог’, ‘небо’: из ПАЛт. **t’aygiri* ‘клятва, божество’, ПМонг. **taŋgarag* ‘клятва’, ПТМ **taŋgura-* ‘молиться, поклоняться’, ПЯп. **tinkir-* ‘клясться’ (EDAL). Значение ‘бог’ для пратюркской формы явно более архаическое (только оно зафиксировано в двух раньше всего отпавших языках — як. и чув.); в др.-тюрк. памятниках встречены оба значения, причем в значении «бог, божественный» рассматриваемое слово служит эпитетом при «юридических» терминах (*täyri elim* ‘мое божественное государство’, *täyri qanum* ‘мой божественный хан’), см. Кормушин 1997. Олицетворенное божество фигурирует под именем Тенгри в больших орхонских надписях, причем формулировки («Небо... повелело» в КТб, «Человеческие сыны все рождены, чтобы умереть в установленное Небом время» в БК и под.) явственно напоминают китайские, что может быть соотнесено с фактами приглашения китайских мастеров для работы над этими стелами, датировок в них по китайскому календарю и пр. Значение «небо» в совр. языках распространено скорее в северо-восточной части тюркской зоны (сюг., хак., шор., галт., тув., тоф., кирг.; в балкарском — маргинально, см.: VEWT 474; TMN II 577; EDT 523–524; Федотов II 252). Как уже упоминалось выше, возможно, следует предполагать в тюркском значении ‘бог’ первичным по отношению к значению ‘небо’, с первоначальным значением «божество клятвы, социального устройства».

¹¹⁶ На Памире именно бурдюк из цельной шкуры крупного козла используют как плавательный; но ср. пассаж в словаре Юдахина: кирг. *меш* ‘шкура козла, снятая чулком; на юге снимают и с крупного рогатого скота, изготовляя бурдюки для переправы через реки’.

ПСам. **num* ‘небо, бог’ < ПУр. **numV* ‘над; небо’ (ханты *num* ‘ober; das Obere, himmlisch’, *nətən, numən, nomən* ‘oben, darauf’, *num-torəm, num-turəm, nīm tqrəm*¹¹⁷ ‘Gott; Himmel’; манси *num, nəm* ‘das obere’, *nomē, nom, numi* ‘oberbefindlich’, *numk* ‘der obere’, *nomən, numən* ‘oben’, *noj, nox, nuŋk, nɔŋx* ‘nach oben, hinauf’, *nom-tōrəm, num-tōrəm, numi-tōrəm* ‘Oberer Gott’; ненец. *nīm?*, *nīm* ‘Himmel; höchster Gott’; селькуп. *por, nom* ‘Himmel’, *por, nōr* ‘Gott, Wetter, Welt’, *nīm tī* ‘Blitz’; камас. *num, nom* ‘Himmel, Wetter, Donner’; койб. *num* ‘Himmel’; матор. *num*; нганас. *num* id. (UEW 308).

ПЕН. **ʔes* ‘бог, небо’ < ПСК **ʔāmsi* ‘душа, дыхание’: ПКавк. **ʔāmsa* (~ -ə, -i) ‘душа, дыхание’, СТ **siā* ‘жизнь, дыхание’, буруш. **-ś* ‘сердце, душа’, баск. **haise* ‘ветер’.

Итак, три различных слова с первоначально разными значениями развивают у себя на разных основаниях однотипную многозначность.

Еще один подобный пример: для пратюркского состояния реконструируется лексема **tarmak* с первоначальным значением «ветка, разветвление» (как производится реконструкция, см. в Дыбо 1996), в восточной зоне тюркских языков она означает «кисть руки, палец»; словообразовательно, по-видимому, имя от глагола **dar-* ‘разветвляться, распространяться’. Это слово составляет тюркско-самодийскую изоглоссу с ПСам. обозначением кисти, пальцев как коллективного множества **tārka* с тем же исходным значением ‘разветвления’, см. Janh. 67.

Кроме очевидных взаимных заимствований и семантических калек, в пралексиконах соответствующих семей обнаруживается существенное количество схождений, с равным успехом интерпретируемых, скажем, как тюркизмы (имеющие алтайскую этимологию) в праенисейском и как енисейзмы (имеющие сино-кавказскую этимологию) в пратюркском. По-видимому, часть их можно интерпретировать как случаи семантической аттракции в ситуации, близкой к состоянию языкового союза. Вот наиболее показательные примеры (в том числе, некоторые, обсуждавшиеся выше как возможные заимствования).

ПЕН. **ʔer̥k-* ‘дверь берестяного чума’ (кет. *ellə*⁵, pl. *ellán* (< *ella:n*³); южн. *ela*⁵, pl. *elin*⁵; сым. *erfəx*⁵, pl. *erfəxn*⁵; пумпокол. *élxan, elxan* ‘дверь’ (Старостин 1995, 187). Имеет синокавк. этимологию: ПСК **ʔwérV* ‘дверь’, Кавк. **r̥ʔwV* ~ **ʔwérV* (~ -ä-, -i).

ПТ **erkin* ‘косяк двери, порог’: чув. *arg̃* ‘подол’, як. *erkin* ‘стена’, тув. *ergin* ‘порог’, хак. *irkən*, диал. *erken* ‘косяк двери, порог’, шор. *erken* ‘косяк’, чар. *irgene* ‘smth. belonging to the tent’ (Sangl.), казах. *erge, irge* ‘часть решетки двери около входа, место у порога’, кирг. *ergin ešik, ergilček* ‘приставная лестничная дверь юрты’ (VEWT 47; Федотов I 56–57; СИГТЯ 2000). Следует отличать от заимствования из монг. **hir-ge* ‘полоса войлока, прикрывающая низ юрты’ (в казах. контаминация этого заимствования с исконным словом). Заимствования в монг.: калм. *erkin* ‘дверной косяк’,

¹¹⁷ Вторая часть композита — заимствование из тюрк. **tāŋri*, значение — «бог».

бур. *ūdenej erxin* ‘дверная колода’, халха *erx jal³* ‘боковая перекладина основания кузова в телеге’ (букв. ‘косячная перекладина’). Связывается этимологически с монг. **ergi* ‘загородка, ящик’ (> эвенк. баргуз. *erge* ‘ящик для хранения творожной массы при изготовлении арака’ ССТМЯ 2, 462), п.-монг. *ergi-neg* ‘буфет (стоящий около двери)’ Less. 325, халха *ergeneg* ‘этажерка, шкаф для посуды’, бур. *ergeneg* (хор.) ‘посудный шкаф’, зап. ‘загородка для овец и телят’; ордос. *ergenek* ‘хозяйственная этажерка’; ср.-кор. **ǎri* ‘загон’.

Тюркская форма по семантике значительно отличается от своих алтайских параллелей и сближается с праенисейской.

ПЕН. **tVx-* ‘буря’: кет. *tugil, tūgul-bej*, сым. *tūgul-d... de* ‘verwehen’ (Werner 2, 284), кот. *tī-par* ‘туман’; ассан. *taj-bej, tai-bii, čibaj, čiebij*. В кетском и ассанском — сложение с **bej* ‘ветер’ (Старостин 1995, 293; Werner 2, 268, 284). Внешняя этимология: ПСК **dwiHwV*, ПКавк. **dwiHV* ‘ветер’, СТ [**Tu*] ‘дым’, ПБаск. **hodai* ‘облако’.

ПТ **tūge-le-* ‘вихрь, снежная буря’: аз. диал. *tūlex*, туркм. *tūvelej*, шор. *tūlek* (СИГТЯ 2000, 44–45). Из ПАЛт. **t’ūge* ‘зима’, ПМонг. **tuji-* ‘снежная крупа, ТМ **tuge-* ‘облако; зима’ (EDAL).

ПТ **bes* ‘иней’: тур. диал. *besim, peseyü, pesen*, татар. *bes*, башк. *bäŷ*, чув. *pas* (СИГТЯ 2000, 37–38). Из ПАЛт. **pəsu* ‘холод, лед’: ПМонг. **(h)osu-* ‘мерзнуть, страдать от холода’, кор. **psǎ-* ‘град’ (EDAL).

ПЕН. **beʔč* ‘снежные хлопья’: кет. *beʔt*, сым. *beʔt*, пумпокол. *beč* ‘снег’ (Старостин 1995, 208; Werner 1, 119). Из ПСК **[b]EčV* ‘холод’, СТ **Piǎt* (~ *w-*) ‘холод’, буруш. **bič* ‘холод’.

[Ср. ФУ **pičV* (**pečV*) ‘иней, роса’: саам. *bicce-ʒ-* ‘изморозь’, *péččtš^E* ‘иней’; мар. *pöršänšə, pörš, pöršö* ‘иней’, удм. *pužmer* ‘иней, замерзшая роса’, коми *puž* ‘иней, роса’, *pužim* ‘иней’, *pužma-l-* ‘обындеветь’, ханты *páčət, роцəт, рохцəт, pasám* ‘холодный туман, иней осенью’ (UEW 377)]. Ситуация больше всего похожа на развитие в тюркском и енисейском инновационного значения «иней, снег» под влиянием несохранившегося уральского источника.

ПСам. **kacu* ‘метель’ < ПУр. **kuδV* ‘снегопад’ (? саам. *godđalak*; ненец. *χād, kāt*, энец. *karu, kadu* ‘Schneegestöber’, нганас. *kotaraʔa* ‘es ist Schneegestöber’, *kóduŋ* ‘Schneegestöber’, селькуп. *koču, kodš*, камас. *kadány* ‘frischgefallener Schnee (im Herbst)’ (UEW 194; Janh. 57).

ПТ **kād* ‘метель, непогода, буря’ < ПАЛт. **k’ədò* ‘ветер, туман’: ПМонг. **küdenj* ‘туман’, ПТМ **xedün* ‘ветер’, ПЯп. **kəti* ‘восточный ветер’ (EDAL).

?ПЕН. **gəte* ‘зима’: кет. *k̄ti¹*; сым. *k̄t*; кот. *kēti*, pl. *kētaŋ, kētān*; *ketě* (Старостин 1995, 227). Из ПСК **xqHwVrdV* ‘зима’ (Плзег. **qIort:(a)* ‘зима’).

ПЕН. **seʔs* ‘лиственница’: кет. *šeʔs*, pl. *šěj*; сым. *seʔs*, pl. *sej*; кот. *šēt*, pl. *šat*; ассан. *šet, čet*; арин. *čit, išit*; пумпокол. *tag* (Старостин 1995, 271;

Werner 2, 188) < *seʔt / *teʔt >. Из ПСК *ʒǎǒ ‘колючка’: ПКавк. *ʒǎǒ, буруш. *čhaʃ.

ПСам. *titeŋ ‘сибирский кедр’ (Janh. 160), производное от *tít- < *sís- < Пур. *siksí ‘кедр, можжевельник’ (UEW 445–446: удм. *susi-pu* ‘можжевельник’, коми *sus* (*sus-*, *susk-*), *sus-pu*, *sus* ‘европейский кедр *Pinus cembra*’ (праперм. > мари *sas*, *šaršə*, *šoršo* ‘можжевеловые ягоды’), хант. *l̥j̥al*, *j̥j̥al* ‘кедр’, *teχət*, *t̥χət* id., манс. *tēt*, *tāt*, *tēt* ‘*Pinus cembra*’, ненец. *tideʔ* ‘кедр’, энец. *tyri*, *tiddi*, *tydiʔ*, селькуп. *títeng*, *tědêng*, *tādäk*, *tādэк*, *tādäk*, *tādik* ‘кедр’, *t̥t̥j̥k* ‘кедр’, камас. *tědəŋ* ‘*Pinus cembra*’ (UEW 445).

ПТ *tī ‘лиственница’: др.-тюрк. *tī*, як. *tīt*, тув. *dīt*, etc. (VEWT 479; EDT 449), ср. также сиб.-тат. *tetaγac* ‘кедр’. Из ПАлт. *čǎkte ‘сосна, лиственница’: ПТМ *ʒǎgda ‘сосна’.

ПЕН. *baʔriŋ (~ *banir̥i;-r̥-) ‘черемуха’: кет. *baln̄s*, pl. *balneŋs*, сым. *banir̄s*, pl. *banir̄ij̄s* (Старостин 1995, 206).

ПТ-ПМонг. *mōnil > ПМонг. *mojil ‘черемуха’; ПТ *bōñ- ‘черная смородина; орех’: чув. *тəʃьr*, як. *mōñhoγon* (Федотов I 346). Булг. > венг. *mogóro* ‘орешник’ (EDAL).

ПЕН. *χiʔw- ‘береста’: кет. *q̄iʔj*; сым. *χiʔj*; кот. *hīpal* (Старостин 1995, 301; Werner 2, 153). Из ПСК *xk̄h̄i(w)ri ‘кора’: ПКавк. *k̄h̄ari, СТ *khrəw (~ *gh-*, *qh-*, *Gh-*), буруш. *qharaj̄.

ПСам. *koəj ‘береза, изделия из березовой коры’ (Janh. 73). Из Пур. *kojwV ‘береза’ (МССНЯ 330; ОСНЯ I 300).

ПТ *K̄ibak ‘белый тополь’ из ПАлт. *k̄iba ‘вид лиственного дерева со светлой корой’: ПТМ *kibē ‘береста’¹¹⁸, ПЯп. *k̄ap̄ai ‘камфарное дерево’ (EDAL).

ПСам. *kaətyə ‘ель’ Janh. 61. Из Пур. *kuse ~ *kowse ‘ель, пихта’: фин. *kuusi* (gen. *kuusen*), эст. *kuusk* (gen. *kuuse*), саам. *guossâ* ‘*Picea excelsa*’, *kuossa* ‘пихта’, *k̄iss*, *k̄üss*, *kuoss* ‘ель’, морд. *kuz* ‘пихта’, мари *kož*, удм. *k̄jz*, *k̄əz* ‘*Pinus picea*’, *k̄jz* ‘пихта; *Abies excelsa*’, коми *koz*, *kez*, *küz*; хант. *kol*, *χol*, манси *χowt*, *kowt*, *kayt*, *χəwt* ‘ель’; ненец. *χādī*, *kāt* ‘Fichte’ (нен. *χādīle > коми *χadīlej* ‘поросль, молодой лес’), энец. *kari*, *kadi* ‘Tanne’, нганас. *kuʔa*, селькуп. *kuut*, *k̄ādé*, *kaadé*, *k̄aadè*, *qūt* ‘Tanne’, *qūt* ‘Fichte’, камас. *koʔ*, *kot* ‘Tanne’ (UEW 222).

ПТ *K̄ady ‘сосна’: тув., тоф. *xadī*, хак. (*qara*)*yazī*, (*xara*)*xazī*, чув. *xir*, *xir̄ä*. [В Хелимский 2000, 303 пратюркское слово считается надежным заимствованием из прасамодийского, однако ср. расхождение значений и наличие внешней параллели]. Из ПАлт. *ke(n)da ‘вид хвойного дерева’: ПТМ *kende- ‘туя’ (EDAL).

¹¹⁸ Мы здесь обходим вопрос тунгусо-маньчжурско-енисейско-самодийских контактов, хотя в данном случае, может быть, вернее было бы предположить именно это. Имеется множество примеров как межсемейных заимствований, так и «семантической аттракции» такого рода, по-видимому, в целом несколько более поздних, явно без участия тюркских языков.

ПТ **Kapuy* ‘шмель’: др.-уйг. *qabuy* ДТС 399 (заим. в ПСам. **kerə* ‘оса’ — Хелимский, Keto-Uralica 244). Из ПАлт. **k’ap’u* ‘кусающее насекомое’: ПМонг. **kubilžagana* ‘самка клеща’, ПТМ **xarina(bu)* ‘оса, пчела’ (EDAL).

?Пен. > кет. *qibbat* ‘пчела’ — или из самод.?

Пен. **dVʁG-* ‘орел’: кет. *diʔ*, pl. *di:n / diyin⁵*; сым. *diʔ*, pl. *diniŋ⁵*; кот. *tagé*, **take* (Старостин 1995, 225; Werner 1, 192). Из ПСК **†HéqwÁ* ‘общее название для птицы средних или крупных размеров’: ПКавк. **†HīqwÁ / †HīqwÁ (~ †-)* ‘птица, орел, ворон, голубь’, ПСТиб. **lšk / *lšh* ‘орел, коршун, сокол’.

ПТ **dogan* ‘сокол’: др.-уйг. *toyan*, крх.-уйг. *toyan* (МК), чагат. *toyan* (Абуш.; Sangl.), н.-уйг. *toyan*, тур. *doğan*, гаг. *duan*, караим. *tuyan* (VEWT 483; ЭСТЯ 1980, 247–248; СИГТЯ 2000, 169). Из ПАлт. **tógà* ‘сокол’, яп. *taka* ‘сокол’ (EDAL).

ПСам. **tuàj* ‘перо, крыло’ < ПУр. **tulka* ‘Feder, Flügel’ (саам. *dol’ge* ‘feather’, *tål’kē* ‘Feder, Daune’, *tol’ke* ‘Feder’, морд. *tolga*, удм. *ṭili, tšlš, ṭilī*, коми *ṭil, ṭiv, tōl* ‘Feder, Schwung- od. Schwanzfeder’ (> ненец. *tyly, t’ly*), ханты *tōḡal, tōḡat, tōḡal* ‘Feder, Flügel’, манси *tōl, towl, towal* ‘Flügel’, венг. *toll* (диал. *tall, tollu, tolu, tolyu, toju, tulu, tú, tolv-*) ‘Feder’, ненец. *to* ‘Feder, Flügel’, энец. *tua* ‘Flügel’, нганас. *tú, ŋa*, селькуп. *tuu, tú, tu* ‘Flügel, Feder’, матор. *tu* ‘Flügel, Feder’ (UEW 535).

ПТ **tūk* ‘перо; шерсть (животного); волос’ — VEWT 503; EDT 433 (первоначально ‘волосы на теле’, в противоположность *sač* ‘волосы на голове’, *kəl* ‘волос вообще’ и *jüg* ‘перо’); СИГТЯ 2000, 197–198; Stachowski 236. Со значением «перо» (входит в стословник Сводеша): чув. *tə^wk*; як. *tū*; тоф. *tük* [др.-тюрк. (Брк Битиг) *tü-si* ‘перья на теле (орла)’, крх.-уйг. (Кутадгу Билиг) *tü-si* ‘перья на теле’ (ворона, лебедя)]; тур. *kuš-tüjü*; гаг. *tü*; аз. *tük*; кар. *tik*, кум., кбалк. *qanat tük*, куу *tük*, куманд. *tük*. (Ср. другие названия пера: по-видимому, основное ПТ **jüg* ‘перо’ EDT 910; СИГТЯ 2000, 150; ПТ (огуз.) **jəl-ek* ‘перо’ ЭСТЯ 1989, 179, производное от **jəl* ‘грива’; ПТ (кыпчакское и центрально-восточное) **jun* ‘шерсть, пух’ VEWT 211; EDT 941, ЭСТЯ 1989, 267–268; СИГТЯ 2000, 146).

Пен. **je ʔŋ / *jɔʔŋ* ‘яйцо, икра’: кет. *εʔj*, pl. *ēŋ* ‘яйцо’; *əŋ-diš⁵* ‘икринка’; *əŋniŋ* ‘икра’; сым. *eŋ*, pl. *eŋən⁵* ‘яйцо’; *əŋ-diš⁵* ‘икринка’; *əŋniŋ⁵* ‘икра’; кот. *dapan* ‘икра’; ассан. *apan, ānu* ‘икра’; арин. *aŋ* ‘яйцо’; *agen* ‘яйца’; *ujnün* ‘икра’; пумпокол. *tañan* ‘яйцо’ (Старостин 1995, 232; Werner 1, 256; 2, 43). Из ПСК *=*VλwVŋ* ‘семья’: ПКавк. *=*VλwVn* ‘семья’, буруш. **tiŋán* ‘яйцо’, баск. **alhe(n)-* ‘семья’.

ПТ *(*j*)*inč-gek* ‘икра’: сиб.-тат. *inči, jinče*, як. *iskex*, долган. *istek* (VEWT 172, 203; СИГТЯ 2000, 151; Stachowski 129). Из ПАлт. **nimči(-k’V)* ‘нутряной жир’: ПМонг. **nimži-ge*, **nümži-ge* ‘кишечный жир’, ПТМ **nim(u)kse* ‘жирная пища’ (СИГТЯ 2000, 151).

Пен. *saʔgVl- (~ -k-) ‘жабры’: кет. *sagla*⁵ / *sayla*⁵, pl. -n⁵ (Werner 2, 156). Из ПСК *šwénkV ‘рот, лицо’: ПКавк. *šwinkV ‘рот’, буруш. *-škil ‘рот’.

Ср. ПТ *saŋ-ak, *saŋ-yt: татар. *saŋaq* ‘жабры’, ног. *saŋgaq* ‘жабры’, ккалп. *saŋaq* ‘жабры’; алт. *saŋat*, *saŋyt* ‘челюсть, шея; место под ухом, где оканчивается челюсть’, ‘жабры’, теленг. *sa:t* ‘ярменная вена’, тув. *sa:t* ‘сонная артерия’, тоф. *sā:t* ‘шейная артерия’. Общее значение — ‘место сбоку шеи под челюстью’, у млекопитающих — ‘ярменная вена’, у рыб — ‘жабры’. См.: VEWT 396; ЭСТЯ 2003. В VEWT смешано с *sakak ‘место под подбородком’. Форма на -t — застывшее мн. ч. (?). Слово контаминировано с еще двумя терминами: *sakak ‘подбородок’ и *sakkal ‘борода’ — ср. такие переинтерпретации переносных употреблений последних, как татар. диал. *saŋak*, башк. диал. *haŋaq* ‘бородка плотничьего топора; самый нижний сучок; плодоножка’, или, наоборот, ‘жабры’ в качестве значений рефлексов *sakak, *sakkal: кбалк. *saŋaq*, ккалп. *saŋa-l-dyruq*, лобн. *saŋaq*, чув. *suxa*, *suxal* ‘жабры’ (ЭСТЯ 2003). Алтайские сопоставления: ТМ *senŋen ‘жабры’ (ССТМЯ 2, 143), ПМонг. *saŋmai < *saŋ-lai ‘волосы на висках’ (СИГТЯ 2000, 222).

По-видимому, здесь можно говорить о семантическом развитии в енисейском под влиянием тюркского.

Пен. *gəʔ(n)kəʔ ‘кадык, горло’: кет. *kləʔ*⁵, pl. *kləʔləŋ*⁶ ‘кадык’, сым. *kləʔr*⁵, pl. *kləʔrŋ*^{5,6} ‘кадык’, кот. *kankoi*, *konkoj* ‘горло’ Старостин 1995, 227, Werner 1, 471. Из ПСК *xqáʔV / *xqáxqáʔV ‘горло’: ПКавк. *qáqari / *qáraqi (~ *q), ПСТиб. *Kṛōŋ.

ПТ *gekir-dek ‘глотка, трахея, хрящ’: чаг. *kekirtek* (МА), узб. *kekirdak*, н.-уйг. *keki(r)däk*, тур. диал. *gegirtlek*, татар. диал. *kikertäk*, туркм. *kekirdek*, башк. диал. *kigerläk*, ног. *kekirdevik*, ккалп. *kegirdek*, кирг. *kekirtek*, чув. *kagʔr* (VEWT 248; ЭСТЯ 1984, 26; СИГТЯ 2000, 232). Из ПАлт. *kekʔV ‘нёбо, горло’: ПМонг. *kekü- ‘глоточная полость’; ПТМ *kexere ‘твердое нёбо’.

Псам. *kuŋkəj ‘горло’ < ПУр. *kOŋkV ‘горло, кадык’: саам. *guogʔgom* ~ *guogʔgömäs* ‘lagynx, Adam’s apple’, *kuokkōi* ‘Kehlkopf’, *kīŋgʔe* ‘Adamsapfel’; хант. *kōŋli*, *kōŋli*, *kōwəl*, *kōŋlaj* ‘Adamsapfel’; ненец. *хункү*, *кинкү* ‘Lufttröhre’; нганас. *küŋgüda* ‘Kehle’; камас. *kongo* ‘Schlüsselbein’; матор. *konfi* ‘горло’; селькуп. *kuŋkur* ‘гортань’ (UEW 228).

По-видимому, контаминационное развитие значения наблюдается в данном случае в тюркских языках.

Пен. *koʔd (~ g-, -ɔ-) ‘задница’: кет. *koʔt*, pl. *koʔeŋ*⁵, *koʔəŋ*⁵; сым. *koʔt*, pl. *koʔiŋ*⁵ (Старостин 1995, 240, Werner 1, 445). Из ПСК *gwVntV ‘hole, anus’: ПКавк. *gwVntV ‘pit, hollow, anus’.

ПТ *göt ‘зад, ягодицы’: крх.-уйг., ср.-кыпч., узб. *köt*; тур., гаг. *göt*; кар., кирг. *köt*; чув. *kot*; ПТ *göten ‘прямая кишка, задний проход; зад, ягодицы’: ср.-кыпч. *köten*; уйг. диал. *kütän*; тур. диал. *göden*, аз. *gödän*; ног. *köten*; кирг. *kötön*, алт. *ködön*; чув. *kuDana* (EDT 700; ЭСТЯ 1980, 84–86).

Возможные внешние параллели: монг. *kotagar ‘дыра’; ТМ *kota-na ‘дыра’ (ССТМЯ 1, 410).

?Псам. > селькуп. *qottä, qott* (тазов.) ‘навзничь’ < ПУр. **kuttV* ‘Rücken’ (ханты *kutäl* (J) ‘im Schutz von... (e.g. des Baumes)’, *kutsa* ‘unter den... (e.g. Baum)’, манси *χūtāj* (KU), *kūtəy* (P) ‘im Schatten, im Schutz’, *χūtāi* (N) ‘hinter’, венг. *hát* ‘Rücken, Rückseite’, *hátra* ‘zurück, rückwärts’) UEW 225.

Пен. **poʔq* ‘excrements’: кет. *həʔq*, сым. *fəʔx / fəʔq; fəgej^{5,6}* ‘to defecate’; кот. *fago, phago* ‘dirt’; *faguākŋ* ‘to defecate’; *fök, fōx, phök(g)*, pl. *fōgan, fōkan* ‘dirt, dung’; *fogar, phogar* ‘podex’ (Старостин 1995, 251; Werner 1, 327). Из ПСК **bʃōqW* ‘dirt, dung’: ПКавк. **bʃōqW* ‘dirt, faeces’, ПСТИб. **phāk* (~-ʃk) ‘dirt, dregs’, буруш. **baʔeŋ* ‘dung (of cows, horses)’.

Ср. ПТ **bok* ‘грязь, навоз’: др.-уйг. *boq* ‘ярь’, крх.-уйг. *boq* ‘mildew on bread’ (МК), ‘dung’ (ИМ), ср.-кыпч. *boq*, тур., гаг. *bok*, аз. *pox*, туркм. *boq*, караим., кбалк., ног., ккалп., кирг., галт. *boq*, хак. *pox*, тув. *boq*, тоф. *тоq*, чув. *рʷ^hx* (VEWT 79; EDT 311; ЭСТЯ II 183). Из Палт. **mōkV* ‘грязь’: ПМонг. **moki-* ‘смола, глина, сера’, ПТМ **mux-* ‘портить воздух; вонь’; ср.-кор. *tuk* ‘желе; грубая мука, остающаяся в сите’ (EDAL).

Пен. **s[e]ji* ‘нарыв; рана’: кет. *šiban⁶, šivan⁶*, pl. *šibayan⁵* ‘нарыв’ (Werner 2, 190), *šej¹* ‘шрам’, сым. *siban⁶*, pl. *siban⁵* ‘нарыв’, кот. *sei* ‘рана’; *sei-pi* ‘ранение’, *šeja ārajan* ‘ранить’ (Старостин 1995, 271; Werner 2, 192, 437). Из ПСК *=*ičV(w)* ‘рана, ранить’: ПКавк. *=*ičV(w)* ‘бить, ломать, рана’.

ПТ **č̣p-gan* ‘нарыв, сыпь, прыщи’: крх.-уйг. *č̣iḅqan* (МК), чаг. *č̣iban* (Sangl.), узб. *č̣irqan*, тур., гаг. *č̣iban*, аз. *č̣iban*, туркм. *č̣iban*, караим. *č̣iban*, *č̣iban*, татар. *č̣iwan*, ног. *ṣ̌jqan*, диал. *ṣ̌uba*, казах. *ṣ̌jqan*, галт. *č̣iḅiqan*, шор. *ṣ̌iḅiγan*, чув. *ṣ̌^hban, ṣ̌^hvan* (VEWT 106; EDT 396; TMN III 1151; Егоров 208; Федотов II 96). Из Палт. **č̣’p’u* ‘нарыв, прыщ’: ПМонг. **č̣ijigan* ‘опухоль, бельмо’, ПТМ **č̣epe* ‘лишай, нарыв, прыщ’, ср.-кор. *č̣jūrok* ‘нарыв, прыщ’ (EDAL).

Пен. **kəq-* (~ *g-*) ‘сажа, нагар в трубке’: кет. *k̄əq*, юг. *k̄x* (Старостин 1995, 237; Werner 1, 474). Из ПСК **xqā(w)qā* ‘грязь’: ПКавк. **qā(w)qā* ‘грязь’, буруш. **qhéqhi* ‘грязь’.

ПТ **Kok* ‘пыль, нагар в трубке’: др.-уйг. *qoγ*, крх.-уйг. *qoγ* (МК), чаг. *qoγ* (АН; Рав. С.), караим. *qoq*, ног. *qoq*, кирг. *qoq*, галт. *qoq*, хак. *хоx*, тув. *хоq*, як. *хоγосо* (EDT 609; VEWT 275, 276; СИГТЯ 2000, 368; ЭСТЯ 2000, 34). Из Палт. **kōk’ò* ‘мусор, грязь’: ПМонг. **kokir* ‘грязь; сухой навоз, кизяк’; ПТМ **kuk-pun* ‘мусор, грязь’; ПЯп. **kək-* ‘мочиться, испражняться; вонять’ (EDAL).

Пен. **tu* ‘залив, запруда’: кет. *ei-tu* ‘Flussbusen’, кот. *hau-tu*, pl. *-an* ‘Flussbusen’ (Старостин 1995, 288). Возможно (но не очень надежно), из ПСК **dUHV* ‘залив, остров’: ПСТИб. **tu* (~ *d-*) ‘province, end of the road’: кит. 州, **tu* ‘province; island in a river’, тиб. *mdo* ‘district, province, end’.

ПТ **Tu-g* ‘запруда, верша’: др.-тюрк. *туγ*, крх.-уйг. *туγ* (МК), н.-уйг. *туγ*, башк. диал. *ṭw*, кирг. *туq*, хак. *туγ*, шор. *туγ*, тув. *дуγ-da-* ‘запруживать’, тоф.

duy, як. *tū* (VEWT 496; EDT 463–464; СИГТЯ 2000, 420). Из ПАлт. **t'ukV* 'запруда, рыболовная сеть': ПМонг. **togsija-* 'сеть для ловли птиц; ловить рыбу сетью', ПТМ **tuki-* 'рыбачить в узкой протоке маленькой сетью'.

При желании можно набрать еще таких деэтимологизированных сходжений по трем группам; кажется, это позволяет с некоторой степенью вероятности говорить о «союзных» явлениях и, соответственно, об интенсивности контактов на праязыковом уровне.

Пратюркский и угорский

Возможные контакты между пратюркским и обскоугорским и даже контакты между пратюркским и праугорским широко обсуждались финноугроведами. Краткое изложение проблематики см. в Róna-Tas Infl. 749–751. Естественно, часть обсуждавшихся сходжений может быть объяснена ностратическим или урало-алтайским родством.

Начнем с двух венгерских слов, которые относят к заимствованиям праугорского периода из-за того, что для тюркских слов-источников приходится предполагать чрезвычайно архаический облик. Это слова, начинающиеся на *ny-*, для объяснения которых предполагается такое пратюркское (или раннебулгарское) состояние, в котором сохраняется носовое качество праалтайского согласного, давшего ПТ **j-*. Это должно быть более раннее состояние, чем, например, отраженное в заимствованиях в прасамодийский — ср. разбиравшееся выше ПСам. **jemña-* 'латать' < ПТ **jama-* 'штопать' < ПАлт. **němè* (EDAL). По-видимому, такое соображение снижает правдоподобность предполагаемых заимствований, поскольку, во всяком случае, по современным представлениям прародина угров совершенно определенно находилась западнее прародины самодийцев¹¹⁹; а следовательно, тюрки могли столкнуться с ними при своем продвижении на запад позже, чем с самодийцами.

¹¹⁹ Хелимский 2000, 17: «Наличие общих изоглосс фонетического развития (**s, *š > *θ > *t; *ś > *s*) позволило предположить, что сохраняющийся — с более или менее значительными трансформациями — до наших дней ареал самодийско-угорского языкового контактирования сформировался не позднее середины I тыс. до н.э. — времени распада угорской языковой общности и выхода праянтров из данного ареала... Представляется естественным локализовать этот ареал применительно к I тыс. до н.э. в окрестностях Обь-Иртышья, отводя уграм его западную часть (по мнению ряда современных исследователей, их прародина находилась в лесостепях и южной части тайги между Уралом и Обью), а самодийцам — восточную. Нужно подчеркнуть, что тем самым мы фиксируем только дату *post quem* для угорско-самодийских контактов; однако ничто не мешает думать, что в той или иной мере контактные связи существовали и ранее, в течение едва ли не всего прасамодийского периода. К сожалению, состояние разработки исторической фонетики угорских и самодийских языков пока еще таково, что отграничение исконного (уральского) фонда от древнейших взаимных заимствований не представляется возможным; остается лишь надеяться, что эти трудности будут рано или поздно преодолены, и изучение контактов между прасамодийцами и прауграми (ряд гипотез о таких контактах высказан археологами) встанет на более прочные основания».

Венг. *nyár* (*nyar-at*) ‘лето’, предположительно заимствовано из ПТ **jār* ‘весна; лето’ (чув. *śor*, як. *sās*, долган. *hās*, тув., хак. *čas*, сюг. *jaz* ‘весна’, др.-тюрк. *jaz* (орхон., др.-уйг.) ‘лето’, крх.-уйг. *jaz* ‘лето’ (МК), ст.-кыпч. *jaz* (АН ‘весна’; Ettuh. ‘лето’), узб. *jaz*, н.-уйг. *jaz*, халадж. *jāz*, тур. *jaz*, гаг. *jāz* ‘лето’, аз. *jaz*, туркм. *jāz*, салар., караим., кум. *jaz* ‘весна’, кбалк. *zaz* ‘лето’, татар. *jaz*, башк. *jad* ‘весна’, ног. *jaz*, казах., ккалп. *žaz* ‘лето’, кирг. *žaz*, галт. *jas*, *d'as* ‘весна’ (VEWT 193; ЭСТЯ 1989, 71; EDT 982; СИГТЯ 2000, 73; Федотов II 138–139; Stachowski 100); < Палт. **n̄ār[ā]* ‘молодой; весна, лето’: ПМонг. **nirai*, ПТМ **nar-gu-*, ср.-кор. *njēr-t-m*, ПЯп. **nātū* (EAS I 111; KWb 277; Владимирцов 145–146; VGAS 38, 81; Martin 243; ОСНЯ II 84; АПиПЯЯ 74; СИГТЯ 2000, 73–74). Кроме начального *ny-*, здесь имеются следующие трудности.

(А) Если это заимствование из пратюркского в ранневенгерский, то непонятна чередующаяся долгота в венг.: пратюркский долгий *ā* в заимствованиях раннего этапа отражается как долгий нечередующийся, см. след. кн.

(Б) И первичным, и болгарским значением тюркского слова является, скорее всего, «весна», а не «лето».

(В) Конечно, вопреки МNyTESz, венгерское слово не может по фонетическим причинам возводиться к ПУр. **n̄ErV* ‘Rute, junger Sproß’ — UEW 331 (фонетически правильная венгерская параллель — *nyír* (pl. *nyírek*) ‘Birke, betula; диал. junger Schößling; (ст.-венг.) Birkenwald’); но оно не остается изолятом, сравнением к нему является ПСам. **n̄arā* ‘Schneekruste; Frühling’ (нганас. *nóru* (‘Schneekruste’), *noru* (‘весна’), производное *noruo* ‘весна’; энец. *nāra*, *nāra* (‘Schneekruste’), *nara* (‘весна’), производное *nareo* (‘das spätere Frühjahr’); ненец. тундр. *нара* (‘весна до ледохода, время наста’), *нарэй* (‘весна до ледохода; весенний’); ненец. лесн. *nārrəə*; карагас. *nāra* ‘весна’ Janh. 98; Hel. 722; вопреки Janh., матор. *narha* ‘новый’ относится не сюда, а к ПСам. **n̄arpz* ‘новый’, Hel. 724). Для венгерского и ПСам. восстанавливается ПУр. форма **n̄are* (*e*-основа по венг. чередующейся долготе). По-видимому, что касается отношений уральской формы с тюркской и алтайской, может обсуждаться только древнейшее родство.

Венг. *nyak* ‘шея’, сравниваемое с ПТ **jaka* ‘воротник; край’ (чув. *śoya*, як. *saɣa*, тоф. *čaya* (Рас. Фил), хак., шор. *čaya*, др.-уйг., крх.-уйг. (МК), чаг. *jaqa* (Рав. С.), узб. *jəqa*, н.-уйг., халадж. *jaqa*, тур. *jaka*, аз. *jaxa*, туркм. *jaqa*, салар. *jaxa*, кум. *jaɣa*, кбалк. *žaya*, *žaya*, татар. *jaqa*, башк., ног. *jaɣa*, кирг. *žaqɑ*, галт. *d'aqa* — VEWT 180, 82–83; EDT 898; ЭСТЯ 1989, 82–84; Федотов II 146–147), также неидеально соответствует предполагаемому источнику по семантике; кроме того, для него вполне возможно и уральское происхождение: ПУр. **n̄OkkV* ‘Nacken’, ПСам. **nukV* > селькуп. *nukka*, *nug*, *nog*, *nōg(a)* ‘Nacken’, Григ. 145 — *нүкь* ‘шея’ UEW 328.

Разбор двух других слов, которые имеются только в венгерском, но предположительно заимствованы в праугорский, поскольку демонстрируют развитие $*k > h$ при заднерядных гласных, *hajó* ‘лодка’ и *homok* ‘песок’, см. в след. кн., о заимствованиях в венгерский из тюркских языков (скорее всего, раннекыпчакские заимствования в древневенгерский).

Венг. *ír-* (*irok*, диал. *ir-* ‘писать; рисовать (картину)’) (MНyTESz II 227–228) действительно, по-видимому, заимствовано из тюрк. $*jār-$ ‘писать’, причем хорошо объясняется фонетически; см. о нем в след. кн., в разделе о заимствованиях в венгерский из тюркских языков (отражает болгарский рефлекс ПТ $*q$). Его связь с хант. *jeri-* ‘zeichnen’, *jārip-* ‘einen Strich ziehen, kratzen, tiefeln, schreiben’ (UEW 850), напротив, фонетически затруднена: в венгерском заднерядный гласный, а хантыйская форма восходит к ПОУ $*jeri$, что должно было бы соответствовать в прафинно-угорском — и тем самым в венгерском — переднему. Хант. слово можно связать с манс. *jar, jarə, jor* ‘Schabeisen’, *jark-, jary-, jarr-, jory-* ‘schaben, hobeln, schnitzen’, восстанавливая ПОУ $*jārV$ со значением ‘острие, лезвие’¹²⁰. Таким образом, мы имеем отдельно обскоугорский корень и тюркизм в венгерском.

ПУг. $*sawV$ ‘слово, песня’, ПОУ $*səwə$ (Honti 575: $*sōy$) ‘Lied, Stimme’, ПМанси $*sawη$ ‘Wort; Laut, Stimme’, ‘Melodie’, ПХанты $*sowл$ (‘Wein-, Sing-)Stimme’, ‘Melodie’; венг. *szó* (pl. *szók ~ szavak*) ‘Wort, Rede, Sprache; Ton, Stimme’ UEW 885: предполагается заимствование из тюрк. $*sāb$ ‘слово, речь’ (чув. $sā^{wv}$ ‘стихотворение’, др.-тюрк. *sab* (орхон.), *sav* (др.-уйг.), крх.-уйг. *sav* (МК), ст.-кыпч. *sav* (АН), тур. *sav*, туркм. *sāv-čā* ‘посредник’, диал. *sāw*, салар. *sōži* ‘посредник’ (ССЯ) — VEWT 391; EDT 782–783; ЭСТЯ 2003; Федотов II 20). Фонетически гипотеза о заимствовании столь же возможна, сколь и предположение о древнем родстве, ср. ПНостр. $*sawV$ ‘sign, word’: ПАлт. $*sāba$ ‘sign’ EDAL 1194; ПУр. $*sVwV >$ ПУг. $*sawV$ ‘Wort, Rede’ — UEW 885 (Dybo 2005). Что касается семантики, «слово» также может рассматриваться и как принадлежность докультурного слоя, и как культурное слово.

ПУг. $*luwV$ ($*luyV$) ‘лошадь’, венг. *ló* (acc. *lovat*, диал. *lo, lu, lú*), ПОУ $*lūwa$ (Honti 350: $*lVγ$) ‘лошадь’, манси $*luw$ (*low, lo, luw*), ханты $*law$ (*loy, taw, law* ‘Pferd’ (> ненец. *lāw*)) UEW 863 считают заимствованием из ПТ (в действительности ОТ) $*ulag$ ‘связь; почтовый курьер; почтовая лошадь’ (ЭСТЯ 1974, 588–590; производное от $*ula-$ ‘удлинять, наставлять, продлевать; присоединять’ — EDT 126–127, ЭСТЯ 1974, 587–588). См.: TMN II 102–107; Ligeti 1986, 140 и Sinor 1965, 312–315 (где предлагается обратное направление заимствования, основываемое на чув. форме без начального гласного; поскольку эта форма *lav* ‘подвода’, как и $ʔlav$ id., по фонетическим причинам не может быть не чем иным, как заимствованием из татарского *olaw* id. (исконная чув. форма должна была бы выглядеть при-

¹²⁰ Здесь и далее реконструкция праобскоугорских форм приводится по Живлов 2006, реконструкция Хонти, если имеется, отмечается отдельно.

близительно *(*ʔ*)/*lu**(*ʔ*)/*ʔv*), постольку и все построение оказывается натянутым). Формальное сходство угорского слова с пратюркским настолько незначительно, что вряд ли здесь может идти речь о заимствовании; как правильно отмечает Р.Редеи (UEW 863), эта гипотеза неправдоподобна, хотя бы потому, что никак не объясняется потеря начального гласного. В UEW упоминается сближение Сетяля с фин. диал. *luo* ‘кобыла, лошадь’, но, поскольку для финского слова предполагались индоевропейские связи, сближение признается требующим дальнейших исследований. Финско-угорское сопоставление фонетически вполне приемлемо; можно реконструировать ПФУ **luṽ* ‘лошадь’. Что касается возможных индоевропейских связей финского слова, речь идет о маргинальном индоевропейском названии коровы: ПИЕ **lōp-* ‘скот (корова)’: балт. **lōp-a-s* (1) > латыш. *luõps* ‘Vieh’; кельт. **lāpego-* > др.-ирл. *lāeg* m. ‘теленок’, кимр. *llo*, др.-корн. *loch* ‘теленок’, нкорн. *leauh* (-*ch-* < -*gn-*) ‘теленок’, бретон. *leue* ‘теленок’; алб. *lope* (< **lāpā*) ‘корова’ (WP II 383; Рок. 654). Поскольку германские формы отсутствуют, можно рассматривать только возможность заимствования финского слова из балтийского. По Endz.-Mühl. II 527–528, в латышском имеется только основа мужского рода [*luõps*]; значение — «das Vieh, das Tier», в частности, *ragu luopi* ‘рогатый скот’, *guovs luops* ‘крупный рогатый скот’ («коровий»), *māju luopi* ‘домашний скот’; из прочих домашних животных словом *luops* наиболее часто обозначается свинья — *cūkas luops*. Имеется пример из сказки, где как говорящие скоты характеризуются собака и кошка; кроме того, пчеловоды называли пчел на лесных пасаках *meža luopiņi*, т.е. «лесные скотинки», а во время сбора нектара *luoka luopiņi*, «луговые скотинки». Примеров именованя лошади словом *luops* не встретилось, следовательно, такое словоупотребление, во всяком случае, не являлось высокочастотным. Единственный представленный в балтийских языках тип основы также не идеально соответствует оформлению конца финского слова (из ПБалт. **lōp-a-s*, скорее всего, ожидалось бы *luopa(s)*, см.: Coll. 1932). По-видимому, финское слово все-таки не имеет отношения к балтийскому и может быть включено в финно-угорское сравнение; тогда угорское название лошади — прафинно-угорское.

Наконец, имеется три праугорских слова, для которых можно предполагать обратное направление заимствования: из праобскоугорского состояния в пратюркский или общетюркский.

ПТ **kundur* ‘бобр’ (чув. *xəntər*, тув. *qundus* ‘выдра’, *sarıy-qundus* ‘бобр’; др.-уйг. *qunduz* (U IV); крх.-уйг. *qunduz* (МК); хрзм.-т. *qunduz* (ХП); чаг. *qunduz* (Sangl.); узб. *qunduz* ‘выдра’, уйг. *qunduz*; тур. *kunduz* ‘выдра’, туркм. *Gunduz* ‘выдра’; кбалк. *qunduz* ‘выдра’, татар. *qondyz*, башк. *qondod*, ног., казах. *qundyz* ‘бобр, выдра’, ккалп. *qundyz*; кирг. *qunduz* ‘выдра’, алт. *qum-dus*). См.: СИГТЯ 2000, 162; ЭСТЯ 2000, 146–147; TMN III 522–524 (но иранская этимология не обоснована); VEWT 301; EDT 635; ИРЛТЯ. Формы сибирских языков (хак. *xamnos*, кач. *qamnu:š* (P II 491), шор. *mрас*.

qandus (Чисп. ЛОКД 60); чул. *қамноц*) иногда интерпретируются как восходящие к **kamduz*, и, следовательно, как контаминация ПТ **kama* ‘выдра’ (СИГТЯ 2000, 161) и **kunduz* ‘бобр’ (VEWT), или табу-формы, возникшие из *qunduz* (TMN III № 1534). Однако, по-видимому, в действительности, как уже упоминалось выше, эти формы восходят к **qamluč* (ср. чул. и кач. формы) и, таким образом, представляют собой диминутив на -*u* от **qam-luy* (производное от **kama* ‘выдра’, представленное в сибирских языках: бараб. *qam nau* (P II 491); алт. *qamdu*, диал. *qamdu: qamla:* (Баск. Туба 123), *qamdyu* (Баск. Леб. 175); шор. конд. *qam nauy, qamniuy* (Верб. 123), *qamna* (Чисп. ЛОКД 60); хак. кыз. *xamno*). Возможна была бы интерпретация **kunduř* как сложения **kunu* + **utyř* ‘выдра’ (VEWT 300); но выше мы предложили не возводить **kunu* к пратюркскому состоянию (сиб.-тат., шор. и хак. *kunu* ‘росомаха’ считать заимствованием из енисейских языков, а башк. *qono* и кар. *quna* ‘куница’ считать заимствованием из др.-рус. *коуна* ‘куница; денежная единица’). Таким образом, тюркское название бобра не имеет пока внешней этимологии и в принципе может быть заимствовано из праугорского **kuntz* ‘бобр’, венг. *hód* ‘Biber’ — MNYTESz II 127, манси *końtal, k_oontál, kuńtal* ‘Biber’, *χuntál* ‘Maulwurf’ (> ханты *χundil* ‘Maulwurf’) UEW 858, не имеющего дальнейших финно-угорских параллелей. В настоящее время бобр тем слабее распространен, чем дальше к востоку от Урала (мелкими точечными ареалами в районе Обь-Иртышья и далее в верховьях Енисея и до оз. Байкал — Млекопитающие СССР 281, карта 140), редок он и южнее (Мурзаев 1966, 250: ныне отсутствует «почти по всей Внутренней Азии, кроме верховьев Урунгу и, возможно, некоторых притоков верхней части Черного Иртыша», т.е. в Джунгарии); но «столь ограниченный ареал нужно рассматривать как реликтовый» (там же). По данным палеозоологической базы (www.paleobase.narod.ru, авторы — О.В. Смирнова, С.А. Турубанова), археологические находки бобра за Уралом имеются в Южном Зауралье (мезолит, неолит, бронза), в Западной Сибири (в Челябинской области — поздний палеолит), в Восточном Казахстане (берег Иртыша, мезолит), в Барабе (ранний железный век), а также на Ангаре в Иркутской области (мезолит) и в Бурятии (палеолит), так что нельзя исключить того, что он был известен в горных (и тем самым лесных) регионах прародины тюрков. Тем не менее заимствование из праобскоугорского в пратюркский могло произойти вследствие торговых отношений в рамках восточно-западных торговых путей — допустим, меховой торговли из Западной Сибири в Китай. Распад хантыйского и мансийского языков глоттохронологически датируется 130 г. н.э.; можно думать о заимствовании в пратюркский праобскоугорской суффиксальной формы: **kuntz-l'* (в UEW 858 предполагается, наоборот, заимствование бессуффиксальной формы из пратюркского в праугорский, что менее вероятно).

ПТ **Kutan*, як. *kutan* ‘цапля’ (диал. ДСЯЯ 120, 128 *kudan turuja, kutan turuja* ‘серая цапля’, *kudan kuoyas* ‘полярная гагара’ [*turuja* ‘журавль’,

kuoγas ‘гагара’]), диал. *küten* ‘особая птица величиной с журавля’ (Пек.), тув. тодж. *kudan* ‘белая птица с длинными крыльями (*водится у озер, относится к роду коршунов*)’ (Чад. 66–67); чаг. *qutan* ‘пеликан’ (Рав. С. 422; Абуш. 342), ‘род птицы, известной крупным туловищем’ (Бор. Бад. 212); ст.-кыпч. *qitan* (Ettuh. 212), узб. *qotɒn* ‘белая или серая цапля’, н.-уйг., н.-уйг. диал. УНС 124 (кашг.) *qodan* ‘красная водяная курочка’¹²¹; тур. диал. *kutan* ‘пеликан’ (DD II 1000; TS VIII 3017), аз. *Gutan* ‘пеликан’; туркм. *Gotan* ‘пеликан’; ног., ккалп. *qutan* ‘цапля’, кирг. *qutan*, *qitan* ‘белая или серая цапля’. См.: ЭСТЯ 2000, 83–85. Булгарскую форму, аналогичную як. диал. с передним рядом гласных, заставляет предполагать венг. *gödény* ‘пеликан’ (MNyTESz I 1082, с 1138 г.; по фонетике — дунайский булгаризм). Алтайской этимологии не обнаружено. Возможно, заимствовано из обскоугорского рефлекса ПУг. **kottVɣV* ‘лебедь’, венг. *hattyú*, ПОУ **kotij* (Honti 342: **kōtɒj*), ПМанси **q^wa^wɪAɲ* (*koṭāɲ*, *χotəɲ*, *koṭəɲ*, *χotaɲ*), ПХанты **q^wɛ^wɪjə* (*kōṭəɲ*, *χōṭəɲ*) UEW 857. Такое направление заимствования, как отмечено в Róna-Tas Infl., 749, фонетически более обосновано (в частности, при этом предполагается упрощение *-tt-*, а не немотивированное усиление *-t-*). Учитывая болгарскую форму, для пратюркского следует предполагать значение ‘пеликан’. Семантическое соотношение угорских и тюркских форм трудно объяснить. Лебеди распространены повсеместно; в тюркских языках имеются две исконных основы, **Kugu* и **Kuba*¹²², и аналитическая **ak + *Kuɫ* «белая птица». Два вида пеликанов, *Pelecanus onocratalus* и *Pelecanus crispus*, гнездятся на озерах по всей степной зоне Евразии, за Уралом — на Аральском море, озерах Казахстана и юга Западной Сибири, Сынцзяна и Западной Монголии. На юге Западной Сибири с ними могли иметь дело предки угров (и не отличать их терминологически от лебедей: и то, и другое — крупные светлые водяные птицы с похожей посадкой), в Западной Монголии — предки тюрков. Хозяйственное значение пеликана сомнительно; основное, по-видимому, — использование его жира в традиционной китайской медицине; кроме того, упоминают традиционные скребницы для лошадей, сделанные из пеликаньего клюва, у западномонгольских пастухов. Почему угорское название лебедя стало тюркским названием пеликана и нужен ли был для этого этнический контакт, остается неясным¹²³. Отметим, что достоверного праязыко-

¹²¹ Н.-уйг. *qodaj* ‘лебедь’ относится к другому слову, ПТ **Kordaj* ‘род крупной водяной птицы’, хак. *xordɨ* ‘цапля’, крх.-уйг. *qordaj* ‘лебедь или пеликан’ (МК), ‘лебедь’ (QB), галт. *qordoj* ‘цапля’ (VEWT 282; EDT 649; СИГТЯ 2000, 173; ЭСТЯ 2000, 79).

¹²² См.: ЭСТЯ 2000, 101. Вторая реконструкция основана на якутском *kuba*; фонетически среди тюрк. форм только др.-тюрк., частично чаг., сиб-тат., огуз. (кроме туркм), караим. К. восходят к *kugu*, все сибирские, карлукские и (лучше) кыпчакские — к **kuba*.

¹²³ Вот еще пример, когда рефлексy одного и того же корня в языках-потомках называют оба этих значения: рус. *ко́лтик* ‘птица *Platalea leucorodia*’, *колти́ца* ‘молодая самка лебедя’, укр. *колте́ць* ‘род пеликана’, в.-луж. *kołp* ‘лебедь’, кашуб. *kělɓ*, словин. *koupr* id., сербохорв. *куп* ‘лебедь’, дубровницк. *kuf* id. (XVI–XVIII вв.) Фасмер 2, 297.

вого названия для пеликана не находится ни в тюркских языках, ни в монгольских (халха: *хотон* из тюрк., *тагнат*, букв. «с большой глоткой», *у-тат*, букв. «с большой сумкой»; калм. *хорд* из тюрк.), ни в китайском (только композит, встречающийся с Поздней Чжоу, 鶉鷓鴣 ‘розовый пеликан (*Pelecanus onocrotalus*)’, 鶉, совр. кит. *tì*, др.-кит. *L(h)ājʔs*, класс. кит. *L(h)ājh*, ЗХ *lājh* (~ *Lh-*), ВХ *l(h)ājš*, РПДК *d(h)ājš*, СПДК, ППДК *d(h)āj*, ср.-кит. *diej* (Karlgren 0591 f); 鷓鴣, совр. кит. *hú*, др.-кит. *g(h)ā*, класс. кит. *g(h)ā*, ЗХ, ВХ, ПДК *gā* (~ *γ-*), ср.-кит. *γo* (Karlgren 0049 m), оба слова без сино-тибетской этимологии; скорее всего, двусложное заимствование [*L(h)ājh-g(h)ā*], но источника обнаружить не удается).

ПУг. **nārkV* ‘седло’, венг. *nyerég* (асс. *nyerget*), ПОУ **nāyrā* (~ *-e*) (Honti 426: **nāyər*), манси **nṯ^wγrE* (*nāwr*), *naγər*, *na’ir ne^wwər* (~ *-e-*, *-γ-*) (*nōyər*) UEW 874, сравнивают с ПТ **iŋir* ‘седло’ (см. выше; алтайских параллелей не обнаружено); ср.: Ligeti 1986. 142–143. Заимствование из пратюркского в праугорский выглядит крайне натянуто (Л. Лигети приходится для его обоснования обращаться к гипотетической пратюркской форме с начальным **i-*, но такая форма закономерно должна была бы дать в ПТ **j-*, в якутском *s-*). Зато заимствование из обскоугорского в общетюркский выглядит значительно правдоподобнее: ПОУ **nāyrā*, при запрете в общетюркском на начальное *n-*, было проинтерпретировано с помощью эпентезы как **iŋgrī*, а такая форма имела большую вероятность перейти в **iŋir*, будучи переинтерпретирована как форма 3-го лица. Можно поставить это слово в ряд с двумя предыдущими, предполагаая торговые контакты между обскими уграми и пратюрками на пути в Китай (NB: это название седла в тюркских языках используется для мягкого вьючного седла, в отличие от собственного **edner*).

О невозможности заимствования в общетюркский из обскоугорских языков (VEWT 470) слова **degiŋ* ‘белка’ (як. *tīŋ*, тув., тоф. *dīŋ*, хак., шор. *tīŋ*, орхон. *tejiŋ* (КТ); крх.-уйг. *tegiŋ* (МК) ‘соболь’, *tejiŋ* (QB); ср.-уйг. *tijiŋ* (IM); ср.-кыпч. *tejin* (CCum, AbûH, Houts.); чаг. *tijin* (Sangl.); узб. *tijin* ‘соня’, уйг. *tijin*; ст.-осм. *tejin* (TS); тур. диал. *deyin*, *değin*; кар.Т. *dijin*, кум. *tjijn*, татар. *tijen*, башк. *tejen*, казах. *tijin*, ккалп. *tjijn*; кирг. *tjijn*, алт. *tijiŋ* — EDT 569; ЭСТЯ 1980, 180; ПТ **degiŋ*, видимо, следует отделять от **tejin* ‘мелкая монета’ — кыпч., карл., туркм.) см. в СИГТЯ 2000, 165. Слово явно имеет общетюркский характер, следовательно, заимствование следовало бы датировать весьма ранним периодом; но угорские формы (хант. *lāŋkə*, *ŋāŋki*, *tāŋkə*, манс. *lāŋin*, *l’əgəŋ* UEW 837) восходят к **lāŋkz*, заимствование с передачей начального согласного как *d-* возможно разве что из южнохантыйского (ср., видимо, такое заимствование в эвенк. *dīŋkē* ‘соболь’ — ССТМЯ 1, 202). Заимствование в обскоугорский также сомнительно из-за начального согласного (ПХанты **lāŋkī* ‘Eichhorn’, ваховск. *lāŋki*, васюган. *lāŋki*, тремьюган. *lāŋki*, юган. *lāŋki*, верхнедемьян. *tāŋkə*, верхнекондинск. *tāŋkə*, низям. *taŋkə*, казым. *lankī*, обдор. *lāŋki*; по мнению М.С.Живлова, в Honti 348 ошибочно сопоставлено с мансийским **līyən*

‘белка’, которое является прозрачным производным от **l̥y* ‘хвост’, имеющим другую хантыйскую параллель).

Что касается отношений между тюркскими и обскоугорскими языками, то, как пишет А.Рона-Таш (Róna-Tas Infl., 757–760), принятой со времен Паасонена (Paas. TLO) и Каннисто (Kannisto 1925) точкой зрения является та, что следов влияния пратюркского языка (или «тюркского языка чувашского типа» — как это должно выглядеть в концепции «фотацистов») на праобскоугорский обнаружить не удастся; то, что может показаться таковыми, в действительности может быть поздними заимствованиями из чувашского через посредство других языков Волго-Уральского региона, проникшими уже в отдельные диалекты обскоугорских языков и распространившимися через междиалектное заимствование; состояние обскоугорской реконструкции, как будто, пока позволяет различить междиалектное заимствование и развитие из праобскоугорского состояния лишь в отдельных случаях. Из слов, аккуратно восстанавливаемых для праобскоугорского и не имеющих пока венгерских и уральских параллелей (реконструкции взяты нами из работ: Живлов 2006; Honti), следующие привлекают внимание тюрколога.

ПОУ **ūr̥j* (Honti 706: **wūr*) ‘мастерство, искусство’, манс. **ur*, хант. **uʹr*. Ср. ПТ (ОТ) **ūr* ‘мастер’ (як., долган. *ūs*, тув., хак., шор. *us*, др.-тюрк. *uz* (орхон., др.-уйг.), крх.-уйг. *uz* (МК), чаг. *uz* (Pav. С.), н.-уйг. *us*, тур., гаг. *uz*, туркм. *ūz*, кирг. *uz*, галт. *us* — EDT 277; ЭСТЯ 1974, 569–570; < Палт. **ūr̥V*, ПМонг. **uran* ‘мастер, ремесленник, искусство’, EDAL; VGAS 102; TMN II 145).

ПОУ **tarma* (Honti 650: **tōrəm*) ‘бог’, манс. **torəm-ət*, хант. **toʷrmə*. Неоднократно предполагалось заимствование из тюрк. **Taŋr̥ı* ‘бог’ (см. выше; чув. *tora*, як. *taŋara*; есть алтайская этимология); видимо, с метатезой?

ПОУ **wājma* (Honti 671: **wūjm3*) ‘моток пряжи’, манс. **ujmA*, хант. **wajmə*. Ср. тюрк. **ojma* ‘войлок, из которого делают сапоги’ (см. разбор выше, крх.-уйг. *ojma* (МК: EDT 273), Палт. **p’ojme* ‘штаны, чулки’).

ПОУ **p̥eɣa* (~ -o-) (Honti 537: **pōr̥əy/ʹpōr̥əɣ̆*) ‘трубка, трубчатый стебель’, манс. **parəy* (~ -aʷ-), хант. **poʷBʷrə*. ПТ **burgu* ‘дудка, манок; трубчатый стебель’ (чув. *p̥r̥əx*, тув., тоф. *tuɣu*, хак. *p̥r̥ɣ̆, m̥r̥ɣ̆*, шор. *p̥r̥ɣ̆, syg. p̥r̥a*, др.-тюрк. *buru*, (др.-уйг.), крх.-уйг. *boruɣ* (МК), чаг. *buru* (Pav. С.), узб. *buru*, тур., гаг., аз. *boru*, караим. *borı*, кум., кбалк., сиб.-тат. *b̥r̥ɣ̆*, башк. *boru*. См.: EDT 361; TMN II 286; ЭСТЯ 1978, 194–195; Аникин 134–135; < Палт. **pure* ‘трубка’, ПМ **b̥urije-n*, ПЯп. **patiku* EDAL).

(?) ПОУ **pehta* (Honti 505: **pōkət*) ‘навоз, испражнения’, манс. **paɣʷtə*, хант. **poʷBʷtə*. Ср. уже разбиравшееся выше ПТ **bok* ‘грязь, навоз’ < Палт. **mōkʹV* ‘грязь’; правда, следует учитывать и возможность влияния очень похожего енисейского слова.

(?) ПОУ **qer-sj* (Honti 757) ‘бесснежный (об осени)’, манс. **qarsə*, хант. **qʷrsə*, возможно, сопоставимо с тюрк. **Kiār-siř* ‘без снега’ (ПТ **Kiār* ‘снег’, чув. *jor*, як. *xār* — ЭСТЯ 1997, 284–285; EDT 641; VEWT 235; Федотов II 490, СИГТЯ 2000, 27; ПТ *-*sIř* ‘без’, чув. -*sʷr*, ОТ *-*sIz* — Левитская 1976, 128–129). Конечный согласный мог пасть диссимилятивно; отражение **a* заднерядным *e*, возможно, как-то связано с ПТ дифтонгом (ср. подобные явления при отражении болгарского дифтонга в ранних венгерских заимствованиях).

Рассмотренные случаи могут быть заимствованиями в праобскоугорский из пратюркского (или из раннего состояния языка болгарской ветви; как уже упоминалось, различить эти две возможности можно было бы по наличию «чувашской палатализации» — развитию **s* > *š* перед **i*, **ɨ*). Случай ПОУ **wantjɾ* (Honti 694: **wōntər(ā)*) ‘выдра’, манс. **wañrətə*, хант. **wəñrɨl*, **wəñrɨl*, также сопоставлявшийся с ПТ **utir* (ř?) ‘выдра’, чув. *ьDʷr* (см. разбор выше), такой интерпретации, по-видимому, не допускает. Сопоставление с тюркской формой возможно, если она — не иранское заимствование, а действительно восходит к ПАлт. **oŋdu* ‘вид животного семейства куньих’, ПТМ **oŋda* ‘росомаха’, уд. *oŋdo*, орок. *onnori* ‘нерпа’, улч. *oŋdo*, нан. *oŋdo*, маньчж. *oŋniqa* (ССТМЯ 2, 20, 21); ср.-кор. *òňári* ‘барсук’. Но в этом случае обскоугорская форма соотносится по фонетическому облику не с пратюркской формой, а с допратюркской, в которой еще сохранялся ПАлт. кластер с носовым согласным. В таких случаях, кажется, принципиально более осторожным решением будет не предполагать, допустим, древний контакт обских угров с неизвестной ветвью алтайских языков, а относить сходство слов на счет древнейшего родства уральских и алтайских языков.

Отметим еще два случая возможного заимствования из обскоугорских языков в тюркские. Во всех этих случаях речь, конечно, уже не идет о праязыковых отношениях (отсутствуют следы заимствований в болгарской ветви). Это могут быть заимствования, самое раннее, из прахантыйского языка в какие-то тюркские языки древнетюркского периода, с последующим распространением по тюркским языкам Средней Азии, включая огузские.

Тюрк. **japalak*, **japa-kulak* ‘сова’: хак. *čabaxulax*, крх.-уйг. *japaqulaq*; ср.-кыпч., чаг. *jabalaq*; узб. *japaloq*, уйг. *japilaq*; тур. *japalak*, аз. *japalaG*; кум., татар., башк. *jabalaq*, ног. *japalaq*, казах., ккалп. *žapalaq*; кирг. *žapalaq* (VEWT 187; EDT 875; ЭСТЯ 1989, 129). Слово обычно интерпретируют как восходящее к словосочетанию *japaqu qulaq* ‘с шерстистыми ушами’. Однако, возможно, это следствие народной этимологии, и в действительности мы имеем дело с перестроенным заимствованием, ср.: ПОУ **jipVɣ* (Honti 200: **jipɾəy*) ‘сова’, манс. **jipɾə* (*jäpəw*, *jipəj*, *jipɾy*), хант. **jəbɣə* (*jəwəy*, *jəpə*, *jipi*; > ненец. *jippi* ‘Uhu’). Восходит к ПФУ *(*j*)*ipV* ‘Eule, Uhu’, фин. *hyypiä*, *hyypiö*, *hypiä*, *hyytiä*, *huuppo*, *hauppo* ‘Uhu (*Strix bubo*)’, эст. *hüüp* (gen. *hüübi*), *hüüpel* (gen. *hüüpli*) ‘Rohrdommel (*Botaurus*

stellaris), *jänese-hüüp* ‘Уху (*Bubo maximus*)’, саам. *jipp* ‘Уху (*Strix bubo*)’, *jiɔpɛ* ‘eine graubraune Eule, Horneule’, *ɛɔppij* ‘*Strix bubo*’ (UEW 98).

Тюрк. **tijin* ‘копейка, мелкая монета’ (узб., н.-уйг. *tijin*, лобнор. *tiin*, туркм. диал. *tin*, татар. *tijen*, башк. *tin*, казах., ккалп., кирг. *tijin* — ЭСТЯ 1980, 180; TMN II 667; отмечено Радловым в QB; ошибочно?). Ср. ПОУ **tini* (Honti 638: **tin*(з)) ‘цена’, манс. **tin* ‘цена’, хант. **tin*; **ten* < **tin-ä* (*tän, tån, tan* ‘калым’, *tin* ‘цена, выкуп’). Обскоугорское слово восходит к ПФУ **tenV* ‘Preis, Wert’, удм. *dun* ‘Wert, Preis, Zahlung’, коми *don* ‘Preis, Wert, Bezahlung; Perle’ (> ханты *tun* ‘Perle’)¹²⁴ (UEW 521). Тюркское срединное сочетание, возможно, интерпретирует обскоугорскую долготу.

Ср. еще сиб.-тюрк. **Jɛŋ* ‘наледь’, тув. *çen*, тоф. *čaendî, čeendî* (видимо, производное на *-di* от отыменного глагола **jɛŋ-e-n-* ‘образовываться’ (о наледи), ср. тув. *чынды* ‘сборник’ к **jɛŋ-* ‘собирать’), хак. *neŋ*, шор. *neg* (VEWT 197). Формально сходно с ПОУ **jāŋkā* (Honti 197: **jēŋk*) ‘лед’, манс. **jɛ^wŋə*, **l-* (*lāŋ, jōŋk, jāŋk*), хант. **jɛ^wŋ^w*; **jəŋ* (*jōŋk, jeŋk, jōŋk; jēŋk, jīŋk, jīŋk* ‘Wasser’ [хант. **jīŋk* ‘Wasser’ < **jāŋk-i*]), которое восходит к ПУр. **jāŋe* ‘Eis’ (фин. *jää* ‘Eis’, эст. *jää*, саам. *jiegŋá -ŋ-* (N) ‘ice; glacier’, *jiekŋa* (L), *jīññ* (T, Kld.), *jieññ* (Not.) ‘Eis’, мордов. *ej, ev, eŋ, ij* (эрзя), *jāj, āj* (мокша), мари *i, ij*, удм. *je, dō*, коми *jī, ji, ju*, венг. *jég* (асс. *jeget*, диал. *gyég*) ‘лед, град’, ПСам. **jāŋ-kā* ‘прорубь’ (нганас. *jonku*, энец. *jágga*, ненец. тундр. *jaŋa*, произв. *jaŋa-s-* ‘рубить лед’; ненец. лесн. *jeánkaə*, произв. *jeaŋkaś-* ‘рубить лед’; селькуп. тазов. *qeqqí, čuanga* — Janh. 37–38) UEW 93.

По распространению тюркского слова легче всего было бы предположить новое заимствование из незафиксированного матор-тайги-карагасского слова (или заимствование среднего периода из общеюжносамодийского). Однако это затруднительно ввиду заднерядного гласного в самодийском слове (семантическое соотношение «прорубь» — «лед» здесь не может быть помехой: ср. точно такое же соотношение в тоф. *bulaq* ‘наледь около источника’ < ПТ **bulok* ‘источник’)¹²⁵. Тогда, может быть, хантыйское заимствование?

¹²⁴ Значение ‘жемчужина’, скорее всего, восходит все же не сюда, а к тюрк. (ср.-кыпч., казах., койб.) *tana* VEWT 460, EDT 515, камас. (Joki LS 309–310) *tana*, из монг. **tana* ‘перламутр’, см. EDAL; вопреки VEWT, вряд ли из перс. *dane* ‘фруктовая косточка’.

¹²⁵ Относительно этого второго сибирско-тюркского названия наледи следует сделать следующий комментарий. Е.А.Хелимский (Хелимский 2000, 309), рассматривая возможность его заимствования из самодийских языков, приходит к выводу, что, напротив, оно является источником матор. *buluk* ‘лед’, с чем я совершенно согласна. Но само тюркское слово он считает архаическим производным от ПТ **bū(h)ř* ‘лед’, с выпадением *ř* перед *l*. Это, по-видимому, не так. В тюркскую этимологию входят следующие слова. Куу *puluŋ* (P IV 1375) «наледь, замерзшая в несколько пластов земля» (по-немецки то же толкование, которое само по себе не имеет смысла, поэтому здесь, очевидно, ошибка, следует читать «замерзшая в несколько пластов вода», что и есть описание наледи; возможно, реально у Радлова и ошибочная атрибуция, ср. Верб. 273: «лулуг (тел.) ‘наледь’ (замерзшая в несколько пластов вода)»); як. *bulūs* (**bulu-gač*) —

Итак, оценивая праязыковые контакты тюрок и угров, можно с уверенностью сказать, что результатов таких контактов для пратюркского и праугорского состояний не наблюдается (что в определенной степени подтверждает глоттохронологическую датировку распада этих состояний: праугорское состояние распалось задолго до того, как носители пратюркского языка или праязыка болгарской ветви дошли до территорий, на которых жили угорские народы). Хронологически реальны контакты пратюркского и праобскоугорского языков; при этом эти контакты явно проявлялись значительно слабее, чем, допустим, пратюрко-прасамодийские или пратюрко-праенисейские контакты, и, в частности, допускают интерпретацию как контакты в рамках торговых путей.

Пратюркский (?) и палеоазиатские языки

К настоящему времени благодаря значительной работе, проделанной в первую очередь О.А. Мудраком, можно считать доказанным родство по крайней мере двух палеоазиатских семей — чукотско-камчатской и нивхской (см. Мудрак 2000; Mudrak–Nikolaev 1989). С корпусом лексических сближений можно ознакомиться на сайте www.starling.rinet.ru, система баз данных *niodet.dbf*. Несомненно, реконструкция, представленная в этой базе, еще будет дорабатываться, но уже теперь во всяком случае понятно,

не ‘glacier’, как в EDAL, а ‘лédник’ (ледяной погреб) и ‘родник’ (*булуус уута* ‘родниковая вода’), тув. *buluq* ‘наледь, кромка льда’, тоф. *bulaq* ‘наледь у родника’ Рас. Фил. Очевидно, что это — сибирские параллели к ПТ **bulok* ‘источник, родник’ (шор., саг. (P) *puluq*, (Верб. — ниже-конд., абак.) ‘ключ, родник’; сюг. *bulaq*, др.-уйг. *bulaq*, крх.-уйг. *bulaq* (QB; IM), чаг. *bulay* (Абуш.), *bulaq* (Sangl.) узб. *buləq*, н.-уйг. *bulaq* (диал.), халадж. *bula*:G ‘well; tear’, тур. *bulak*, аз. *bulaG*, туркм. *bulaq*, кум. *bulaq*, кбалк. *bulaq*, татар. *bolaq*, ног. *bulaq*, казах. *bulaq*, ккалп. *bulaq* EDT 336; VEWT 87; ЭСТЯ 1978, 257–258; TMN II 355). По-видимому, и Е.А. Хелимский, и авторы EDAL пали жертвой ошибки, допущенной в ЭСТЯ, которая создала видимость противопоставления названий родника и наледи в тувинском и в тофаларском: там стоит (со ссылкой на Рас. Фил 72) тоф. *bīlaq*; это ошибочная цитата, в действительности там *bulaq* ‘наледь у родника’. Тув. формы *bīlaq*, приведенной в ЭСТЯ, также нет; это *bulaq* ‘горная долина; источник, родник, ручей в степи’; в отличие от собственного рефлекса *buluq* ‘наледь’, это обратное заимствование из монг. *bulag* ‘источник, родник, русло’ (на ошибку обратил внимание Б.И. Татаринцев — Татаринцев I 290, 292, — но, по своему обыкновению, предпочел толковать *buluq* через «изобразительную основу»). Соответственно, ликвидируется тюркская этимология в EDAL 383 **bul-* 1 изморозь; 2 наледь: формы туркм. *buldurčın* ‘изморозь’, *buldura-* ‘сверкать, блистать (о росе, инее)’; узб. *bulduriq* ‘иней, изморозь’, скорее всего, должны рассматриваться как параллели к монг. *möldür* ‘град’ (ср.-монг. *mundur* (HY 2), халха *möndör*, дагур. *murtul* (Тод. Даг. 155), *muretule* (MD 192) — KWb 266, 267; MGCD 489, 492, > чаг. *moldur* ‘роса’, н.-уйг. *möldür* ‘град’ — VEWT 341; СИГТЯ 2000, 32; P IV 2127, 2133); различие в значении не позволяет обосновать гипотезу о заимствовании из монгольского (в чаг. — контаминация? Узб. и туркм. — заимствования из чаг.?).

что очевидных тюркско-чукотско-камчатских параллелей найти не удается (в отличие, например, от тунгусо-маньчжурско-чукотско-камчатских — ср. несколько табуистических заимствований названий частей тела животных в пратунгусо-маньчжурский и более поздние тунгусо-маньчжурские группировки в Дыбо 1996, 243, 247, 251, 254, 261). Пранивхская реконструкция, видимо, менее надежна, чем прачукотско-камчатская, будучи бинарной — построенной на двух нивхских диалектах. Однако, возможно, имеет смысл привести несколько любопытных параллелей — возможных заимствований из более раннего состояния тюркских языков в пранивхский (тюркские слова имеют алтайские этимологии, нивхские слова не имеют палеоазиатской этимологии). Если это не случайные совпадения, то они должны быть довольно древними, хотя бы потому что ничего не известно о контактах соответствующих этносов в историческое время.

ПНивх. **duki* ‘осетр’, нивх. *tuki*. Ср. тюрк. **duki*: болгар. **Tuki* > венг. *tok* ‘осетр’ MNyTESz III 932; туркм. *doqy* ‘белуга’, сиб-тат. *togı* ‘осетр’ (< Палт. **taku* ‘вид крупной рыбы’, ПТМ **dāku* ‘сом’, негид. *dāxi*, солон. *dāxi*, нан. *doaqa* ССТМЯ I, 192. Ср. EDAL 1350).

ПНивх. **Bil* ‘рыба кета’, нивх. *vel* ‘летняя кета’. Ср. тюрк. **bel* ‘вид лосося (*Salmo taimen*)’, як. *bil*, тув. *bel*, татар. *bil*, галт. *bel* — СИГТЯ 2000, 179. (< Палт. **melo* ‘вид рыбы’, ПТМ **melu* ‘камбала’, ороч. *mēlu*, удэ *melu* ССТМЯ I; 567. EDAL 909).

ПНивх. **kēl* ‘ступка’, нивх. *k’əl* (x-). ПТ **kejljig* ‘ступка’, болгар. **kejljig* > венг. *kölyű* MNyTESz II 608–609, чув. *kilə*, як. *kelī*, чаг. *keli*, узб. *keli* (диал.), тур. *keli* (диал.), караим., кум., кбалк. *keli*, татар. *kile*, сиб-тат. *kejle* (Тум. ЗС 133), башк. *kile*. ЭСТЯ 1997, 33; Федотов I 293 (< Палт. **k’əlñi* ‘ступка’, ПТМ **xelñi*, улъч. *xelñi*, нан. *xelñi* (> негид. *xelñi*), маньчж. *xelen* ССТМЯ I, 481; ПЯп. **kinái* ‘пестик’ JLTT 450, см. EDAL 773).

ПНивх. **ālc* ‘раб’, нивх. *ālc’*, *ālc*, сахал. *alc’*. От **ējl-čī* ‘посол’, с рун. енис. *elčī*, (як. *ilžit* ‘гонец’ из монг.) — EDT 129; TMN II 203–207; ЭСТЯ 1974, 350–351; Clark 1980, 43 (заимств. в монг. *elčī*, маньчж. *elčīn* ‘посол’). Тюрк. слово — производное от ПТ **ējl* ‘мир’. Соотношение значений, в общем, допустимое для гипотезы о заимствовании.

Следующее слово, впрочем, должно относить гипотетические контакты тюрков и нивхов к значительно более поздним, чем пратюркские, временам:

ПНивх. **alka-ř* ‘бусы, ожерелье’, нивх. *alkas*, сахал. *alka-ř*. Ср. тюрк.: тур. *halka* ‘кольцо’, татар. *alka* ‘серьги’ (> чув. *alka* ‘украшение из серебряных монет, которое женщины вешают под подбородком’), сиб-тат. *alya*, башк. *alqa* ‘серьги’, казах., кирг. (южн.) *alka* ‘большие серьги, свисающие на грудь’ и пр. (но в сибирских тюркских языках отсутствует; ср. еще халха *alx* ‘металлические бляхи на узде’) — Федотов I 34; VEWT 154 — из араб. *halqa* ‘кольцо, серьги’.

Все-таки, более реалистичным кажется ввиду этого предположение о каких-то сибирских торговых контактах, возможно, с участием сибирских татар¹²⁶.

Пратюркский и монгольские языки

К настоящему времени чрезвычайно затруднительно говорить о заимствованиях между пратюркским языковым состоянием и современным ему состоянием монгольской языковой семьи. Алтайская этимология еще не настолько разработана, чтобы отделять такие заимствования от слов, связанных как алтайские этимологические параллели. В сущности, все традиционные алтайские тюрко-монгольские сопоставления (т.е. связанные теми консонантными и вокалическими соответствиями, которые уже были обнаружены в реконструкциях Г. Рамстедта и Н. Поппе; что касается вокализма, эти соответствия практически тривиальны) противники алтайского родства объявляют заимствованиями из древнейшего состояния тюркской семьи (вариант — из древнего тюркского языка булгарской группы) в прамонгольский (или прасеверномонгольский). Исходя из общемировоззренческих предпосылок, я все же предпочту считать, что алтайская гипотеза не опровергнута, пока не доказано сепаратное родство тюркских или монгольских языков с индоевропейской, уральской, сино-тибетской, австронезийской или какой-нибудь еще языковой семьей, не менее надежно обоснованной, чем алтайская (т.е. для которой реконструирована система фонетических соответствий, работающая на эксплицитном корпусе сближений, включающем лексику докультурного словарного состава). Соответственно, к пратюркским заимствованиям в прамонгольский — из лексики, относимой к этой категории коллегами-антиалтаистами, т.е. такой, которая не допускает интерпретации как заимствованная из древнетюркского в старомонгольский или среднемонгольский — мы можем относить лишь те случаи, когда рассматриваемое прамонгольское слово содержит характерный тюркский морфологический / словообразовательный признак (доказать наличие таковых при, мягко говоря, неполном описании монгольской исторической морфонологии и словообразования нелегко), или для пратюркского слова имеется альтернативное монгольское сближение, для которого гипотеза о заимствовании менее вероятна из-за сильных поверхностных фонетических различий¹²⁷.

¹²⁶ Еще одно слово, которое приводят для иллюстрации возможности нивхско-тюркских контактов (см. Schönig 1993, 160) — нивх. **oblay* ‘ребенок, сын’ (амур. *oyla*, *ōla*, сахал. *eyly*, *eχl(a)ŋ*). Нивхское слово, возможно, имеет палеоазиатскую этимологию; алтайская этимология тюрк. *ogul*, *oglan* ‘сын, мальчик’ ЭСТЯ 1974, 411–412, 414–417 (EDAL 612) довольно сомнительна, но заимствование из нивх. в ПТ основную лексику кажется маловероятным. Случайное совпадение?

¹²⁷ Проблема различения «пратюркских» и более поздних тюркских заимствований в прамонгольский подробно обсуждается, см., в частности, Clark 1977; 1980; Щербак

Прамонгольские заимствования в пратюркский должны удовлетворять тем же критериям. Пратюркское слово должно содержать какой-то характерно монгольский признак (заметим, что А.М. Щербак находит для древнего периода из таких только очень сомнительный в смысле заимствования показатель мн. ч. *-t* — Щербак 1997, 187–189), а монгольское слово должно иметь альтернативное тюркское сближение, проходящее по алтайским соответствиям, но сильно фонетически отличающееся от монгольского.

Кроме того, любая гипотеза о заимствовании должна иметь какие-то культурно-исторические основания.

Здесь я рассмотрю несколько предположительных заимствований из монгольского в древнетюркский из числа тех, которые приводит в качестве неоспоримых монголизмов К. Шёниг (The Mongolic Languages 405–406)¹²⁸. Сразу заметим, что для части их предлагались и алтайские этимологии.

ПТ **bAlbal* ‘каменная колонна на могиле, истукан’ (др.-тюрк. *balbal* — EDT 333, болгар. **balban* > венг. *bálvány* ‘идол’ — MNYTESz I 234, др.-рус., ц.-слав. *бълванъ, болванъ, блаванъ* < Палт. **pélaba(nV)* ‘фигура из камня или глины’, ПТМ **pelbu* ‘женское украшение в виде изображения человека’ > эвенк. *helbu* ССТМЯ 2, 363; ПЯп. **pániwá, *panipai, *panima* ‘фигурки людей и животных из глины’ — EDAL). Чрезвычайно остроумная гипотеза о монголизме (из ранне-монг. **bari-mar* > п.-монг. *barimal* (Less. 88) ‘скульптура’; монг. слово образовано с помощью суффикса, обозначающего предмет, подлежащий действию, от глагола **bari-* ‘строить’ (сев.-монг.): п.-монг. *bari-* (Less. 85), халха *bari-, barilga* ‘постройка’, бур. *bari-*, калм. *bər-* (КРС 92), ордос. *bari-*)¹²⁹ наталкивается на следующую сложность. Производное, кроме п.-монг. по словарю Лессинга (отражает в основном халхасскую традицию), встречается только в халха *баримал* ‘скульптура’, отсутствует в среднемонгольских памятниках и словаре Ковалевского, в бурятском и в ордосском имеются только параллельные образования от омонимичного глагола (бур. *barimar*, ордос. *barimal* ‘тот, который легко схватить’); отсутствует в источниках по южномонгольским языкам и дагурскому. Создается впечатление, что это — халхасское новообразование, и как таковое оно не могло служить источником пратюркского слова

ПТ **ger-tü* ‘верный, правда’ (як. *kirdik, kiržik*, долган. *kirdik*, хак. *kirtən-* ‘believe’, др.-уйг. *kertü, kert-gün-* ‘верить’, крх.-уйг. *kertü* ‘клятва, прав-

1997; EDAL 13–20. Мы рассмотрим ее в след. кн., когда речь пойдет об этих более поздних заимствованиях.

¹²⁸ Несколько других приводимых К. Шёнигом «монголизмов», таких, как *taluj* ‘море’, *bugdaj* ‘ячмень’ и др., подробно разобраны и отвергнуты (Clark 1977).

¹²⁹ По-видимому, впервые такая этимология предложена в Tekin 1968; ср. также ее обсуждение в Doerfer 1993.

да', *kert-gün*- 'верить' (МК, QB), тур., гаг. *ger-ček*, аз. *ger-čäk*, туркм. *ger-ček*, караим. *kerti*, *ker-ček*, кум. *gerti*, кбалк. *kerti*, ног. *kerti* VEWТ 257; EDT 738, 741; ЭСТЯ 1980, 28–31; < Палт. **gèrè(bV)* 'слово, имя, свидетельство', монг. **gere(-γe)* 'свидетель, свидетельство, соглашение', п.-монг. *gere*, *gereči* (Less. 378), ср.-монг. *gärči* (ИМ 437), *girä* (МА), халха *gerē*, *gerč*, бур. *gerē*, *gerše*, калм. *gerə*, ордос. *gere*, *gereči*, бабан. *ganžəŋ*, дагур. *gerčün* (Тод. Даг. 131), *gerē* (MD 150), *gerčil*, монгол. *ganžəŋ* (KWb 134; MGCD 293; Doerfer MT 132; Rozycki 8); ПТМ **gerbü* 'имя' (ССТМЯ 1, 180–181), ср.-кор. *kür*, *kürwār* 'стихи; рисовать' (Liu 98, 103, 104; KED 237, 247), ПЯп. **kàtə*, **kàtə-pà* 'слово, речь' (JLTT 459) KWb 134; VGAS 25, 80; EDAL. Для тюркского предполагается заимствование из монг. **gere-tü* 'очевидный' — притяжательное образование от **gere(-l)* 'свет'. Монг. **gere* имеет следующие рефлексy: п.-монг. *gere* 'светильник, свет', *gerel* 'свет', *gerel-tü* 'сверкающий' (Less. 378), *gere* 'слабый свет, факел', *gerel* 'сияние, свет', *gerel-tü* 'сияющий' (Kow. 2504, 2506, 2507), ср.-монг. *gere*; *gere-ten* (Pl. от *geretu*) 'блистающий, светлый' (солнце, луна, день) SH, *gerel* (HY 42), *gerä* (IM), халха *gerel* 'свет', *gerel-t* 'блестящий, лучистый, освещенный', бур. *gerel* 'свет', *gere* 'лучина', *gerel-tej* 'светлый, освещенный', калм. *gerl* 'свет', *ger^ə* 'факел', 'зеркало', *gerevc* 'люстра', *gerl-t* 'освещенный, блестящий', ордос. *gere*, *gerel* 'свет', *gerel-tu* 'святиющийся' (звезда), дунс. *gieren* 'свет, луч', дагур. *gerel*, шира-юйгу *gerel*, монгол. *gärēl*, *gärē* 'сияние, блеск' (SM 134), *gärē-du* 'блестящий, светлый, сияющий' (звезды, лицо), 'очевидный' (дело); *gerge ža-* 'luire, briller' (SM 133) — KWb 134; MGCD 290, 292. Как мы видим, прилагательное с нужным нам значением обнаруживается только в монгорском *gärē-du*, и оно может быть в действительности производным от **gere-γe* 'свидетель', поскольку здесь не различается долгота второго слога. Кроме того, в тюркском обнаруживаются производные и с другими суффиксами, для которых нет монгольского источника.

Др.-тюрк. орхон. *qaryuñ* (КТ), *qaryu*, др.-уйг. *qaryu*, крх.-уйг. *qaryu*, *qaryuj* 'сторожевая башня, на которой зажигается сигнальный огонь'. Сравнивается с монг. **karayu* 'защита, прикрытие, охрана' (от монг. **kara-* 'смотреть'): п.-монг. *qarayū* 'обоюдная защита, взаимная поддержка' (Kow. 832), халха *xarū* 'обоюдная защита, взаимная поддержка, прикрытие, охрана'. Это явно халхасское новообразование, к тому же получившее значение под влиянием производного от глагола **kari-* 'возвращаться; отвечать': **kari-γun* 'ответ; возвращение; нечто, даваемое взамен' (ср.-монг. *γari'ün* ИМ, *qari'ü* МА, халха *xariu(n)*, бур. *xarū*, калм. *xäru* (КРС), ордос. *xarū* 'ответ, то, что дают взамен' DO 341, дагур. *xarō* (Тод. Даг. 174), шира-юйгу *χaru*, монгол. *xari* 'réponse, vengeance' (SM 162). См.: TMN I 380; MGCD 332, 333. Монг. > маньчж. *qaru* 'reward, revenge, recompense, retribution' Rozycki 134; > тюрк. *qaraw* 'возмещение, вознаграждение, возмездие' ЭСТЯ 2006, 289–290). Таким образом, п.-монг.

garayū также вряд ли может служить прототипом древне-тюркского слова. Этимология тюркского слова тем не менее остается темной.

Др.-тюрк. *jalavač* ‘посол, посланец’ (орхон., енис., др.-уйг.), крх.-уйг. *jalavač*, *jalavar* МК (форма на *-r* — влияние сходных по значению иранских слов на *-bar*? Ср. согд. *myñbr* ‘уполномоченный, посредник’, перс. *paṇyāmbār* ‘пророк’ = хорезм. *pcy'mbrk* ‘вестовой’ и под. — Расторгуева–Эдельман 2, 95–106), *jalavač* (QB), ср.-уйг. *jalavač* (IM; Tefs.), хор., ст.-кыпч., ст.-осм. *jalavač*, чаг. *jolawuč* (Sangl.; вследствие народной этимологии?) — EDT 921; ЭСТЯ 1989, 89¹³⁰. Как большинство древнетюркских титулов, имеет обширное количество этимологических толкований; в основном специалисты склоняются к иноязычному происхождению (TMN IV 1807 — из жуань-жуаньского, т. е. языка, известного только по заимствованным из него титулам). Поскольку *jalavač* прежде всего «царский посол», мало правдоподобно возведение его к тюрк. **jal-in-*, **jal-ba-r-* ‘просить, умолять’ (ЭСТЯ 1989, 92–93, 107) (как в EDAL). Более обнадеживает предположение производности от **jala-ma* ‘священная лента, веревочка, пучок волос (привязываемая к дереву или шаманской колотушке)’ (як. *salama*, тув. *čalama*, хак. *čala(η)ma*, шор. *čalaba*, галт. *jalama*, *dalama* — по рефлексам начального согласного — вряд ли новый монголизм, скорее сев.-монг. *žalama* из тюрк.), **jala-ga* ‘лента на шапке, кисть, бахрома, завязка’ (тув. *čalā*, хак. *čalā*, шор. *čala*, сюг. *žala*, н.-уйг. *žala* (диал.), татар. *jala*, галт. *jalaŋa*, *dalara*, видимо, источник сев.-монг. *žalara* ‘завязка на одежде, кисточка на шапке’) и **jalagu* ‘знамя, флаг’ (чаг. *jalaw* (Бор. Бад.), узб. *jalow*, туркм. *jalow* (диал.), татар. *jalaw* (диал.), кирг. *žalau*, казах. *žalaw*, ккалп. *žalaw*) — ЭСТЯ 1989, 99–100; VEWT 181¹³¹. В принципе возможно **jalama-či* с диалектным развитием *m > b* и последующим междиалектным заимствованием. Предлагается следующая монгольская этимология: монг. **žala-ba-či*, букв. ‘приглашенный’ от монг. **žala-* ‘просить, приглашать’ (п.-монг. *žala-* (Less. 1029), халха *žala-*, бур. *zala-*, калм. *zala-*, ордос. *žala-*). Производное, которое предлагается в качестве источника тюркского слова, не только не встречается реально в монгольском материале, но и непонятно по структуре. Суффикс «деятеля» (S₁) *-či* образует имена от именных основ, при образовании от глаголов используется составной суффикс *-ya-či*, т. е. суффикс имени действия плюс *-či*. От глагола мог бы использоваться суф. *-ča* («предмет, на который направлено действие») Поппе 90). И что такое суф. *-ba-*, добавленный к монгольской глагольной основе **žala-*¹³²? Это ведь не может быть показатель 1-го прошедшего

¹³⁰ Имя собственное *yalavači*, попавшее в SH, — по-видимому, тюркское (принадлежит сартаульцу), так что не стоит считать его заимствованием в ср.-монг.

¹³¹ Заимствовано в ст.-рус. *еловец*, род. п. *-вицѣ* ‘кусок ткани, флажок, султан на шлеме’, XVII в. В Фасм. 2, 16–17 ошибочно к **еломъ* от кыпч. *alam* ‘знамя’. Этимология исправлена в Поппе j. 45.

¹³² Монг. (Less. 1030) *žalbari-* ‘to pray’, (Kow. 2288) ‘молиться; просить, умолять’ — из тюрк. **jal-ba-r-*, см. выше.

времени; по предлагаемому значению производного похоже, что имелся в виду показатель пассива, но такого пассивного суффикса в монгольском нет (может быть, имелся в виду **(b)u-?*). Во всяком случае, очевидность монгольского происхождения слова в результате анализа сильно снижается.

Тем не менее в принципе можно рассчитывать на обнаружение хорошо доказуемой контактной праязыковой лексики между тюркскими и монгольскими (и, возможно, между тюркскими и тунгусо-маньчжурскими) языками. Тунгусо-маньчжурами иногда считают восточных соседей сюнну, дунху (по созвучию с тунгусами, хотя возможно, этноним значит просто «восточные ху»). По китайским сведениям, от дунху происходили сяньбийцы, сменившие на исторической арене государство сюнну, и к сяньбийцам же восходят табгачи (*mo-na*). Начиная с Сиратори считается, однако, что сяньбийцы и табгачи были носителями монгольского языка. Рассмотрим китайские транскрипции, которые могут иметь отношение к тем и другим.

Слова, точно не определенные по принадлежности, но могущие быть сяньбийскими

Гидроним: 饒樂 (Shiratori 08–09)

Иероглифы

1. 饒, совр. кит. *ráo*, др.-кит., класс. кит. *ɲew*, ЗХ *ɲjaw*, ВХ *ńaw*, ПДК, ср.-кит. *ńew* ‘богатый, обильный’ (Karlgren 1164 o).

2. 樂, совр. кит. *yuè*, др.-кит. *rāk*^w, класс. кит., ЗХ, ВХ *rāuk*, РПДК *lāuk*, СПДК, ППДК *lāk*, ср.-кит. *lāk* ‘счастливый’ (Karlgren 1125 a–c).

Предполагаемое чтение: ПДК *ńaw lāuk*. Слово встречено в Хоу Хань шу, в главе о сяньбийцах; гидроним, видимо, относится к тому же объекту, что позднейшее монг. *Sira muren*, т.е. «Желтая река». Я не смогла найти подходящей интерпретации с семантикой «желтый». Однако, возможно, это следует интерпретировать через ПТМ **niāru* ‘озеро; болото’ (эвенк. *ńārut*, эвен. *ńaruqay*, удэ *ńau*, нан. *ńiarō*, маньчж. *ńari* ССТМЯ 1, 636).

Гидроним: 作樂 (Shiratori 08–09)

作, совр. кит. *zuò*, *zuō*, *zù*, др.-кит. *cāk*, класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *cāk*, ср.-кит. *cāk* ‘делать’ (Karlgren 0806).

Предполагаемое чтение: ПДК *cāk lāuk*. Это та же самая река в главе о сяньбийцах в Сань-го цзи. Значение «желтый» также не проходит. Возможно, ПТМ **ǰurku* ‘быстрое течение, быстрина; фарватер’ (эвенк. *ǰurqu*, негид. *ǰjku* — ССТМЯ 1, 277) или **čurgī-* ‘стекать, струиться’ (эвенк. *čurgī-*, эвен. *čurgǰ-*, ульч. *čorǰu-*, нан. *čorgi-* (Он.) — ССТМЯ 2, 409, 416)?

Оболочка, кожа: 禿髮 (Shiratori 015)

Иероглифы

1. 禿, совр. кит. *tū*, др.-кит. *sl(h)ōk*, класс. кит., ЗХ (*s*)*lōk*, ВХ *lōk*, РПДК, СПДК *thōk*, ППДК *thwōk*, ср.-кит. *thuk* ‘лысый’ (Karlgren 1205 a).

2. 髮, совр. кит. *fǎ*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *pat*, ВХ, РПДК *pwat*, СПДК, ППДК, ср.-кит. *pwət* ‘волосы’ (Karlgren 0276).

Предполагаемое чтение: ПДК *thōk pwat*. Это еще одно объяснение этнонима ту-фа (потомков дунху), видимо, того же, что то-па, в Вэй шу. Возможно, ПТМ **terku* ‘чехол, мешок’ (эвенк. *terku*, эвен. *търкун*, негид. *терке*, ороц. *тепуи*, *терку*, удэ *тепуи*, орок. *тиро*, маньчж. *tebku* ‘uterus’ — ССТМЯ 2, 237; ТМ > дагур. *tebke* ‘мешок, ножны’ — Тод. Даг. 166).

Табгачские слова

Придворный внутренних покоев: 直填 (Shiratori 015–018)

Иероглифы

1. 直, совр. кит. *zhí*, др.-кит., класс. кит. *d(h)rək*, ЗХ, ВХ *d(h)ək*, ПДК *d(h)ik*, ср.-кит. *dik* ‘прямой’ (Karlgren 0919 a). Фонетически сходные: 值, совр. кит. *zhí*, др.-кит. *d(h)rəks*, класс. кит. *d(h)rəh*, ЗХ, ВХ *d(h)əh*, ПДК *d(h)ḱ*, ср.-кит. *dḱ* ‘стоять, заслуживать’ (Karlgren 0919 h); 置, совр. кит. *zhì*, др.-кит. *trəks*, класс. кит. *trəh*, ЗХ, ВХ *təh*, ПДК *tḱ*, ср.-кит. *tḱ* ‘установить’ (Karlgren 0919 g).

2. 嗔, совр. кит. *chēn*, др.-кит., класс. кит. *thin*, ЗХ *thjən*, ВХ *čhən*, ПДК, ср.-кит. *čhin* ‘смотреть с гневом’; 瞋, совр. кит. *chēn*, др.-кит., класс. кит. *thin*, ЗХ *thjən*, ВХ *čhən*, ПДК, ср.-кит. *čhin* (Karlgren 0375 g); 眞, совр. кит. *zhēn*, др.-кит., класс. кит. *tin*, ЗХ *tjən*; 填, совр. кит. *tián*, др.-кит. *d(h)īn?*, класс. кит. *d(h)īn*, ЗХ *d(h)jǎn*, ВХ *d(h)jǎn*, ПДК *d(h)jén*, ср.-кит. *dien* ‘набить’ (Karlgren 0375 u–v); 纈, совр. кит. *zhěn*, др.-кит. *tin?*, класс. кит. *tín*, ЗХ *tjǎn*, ВХ *čǎn*, ПДК, ср.-кит. *čín* ‘мельчайший, тонкий’ (Karlgren 0375 c).

Предполагаемое чтение: ПДК *d(h)ḱ čín*. Источник: Вэй Лю (Нань Ци шу, IV в. н.э.). Второй слог, как и в следующих названиях профессий, — одинаковый для тюркского и монгольского суффикс отыменного имени-названия профессии (ср. выше), **-či(n)*. Первый — возможно, ПМонг. **dot-* ‘внутри’ (п.-монг. *dotura* (Less. 265), ср.-монг. *dотора* (НУ 50), *dotona* (SH), *dutar*, *duturā* (МА), халха *dотор*, бур. *dosō*, калм. *dotr*, ордос. *dотор*, дунс. *tudoro*, *sudoro*, баоан. *дорэ*, дагур. *duatar*, *dотор* (MD 137), шира-юйгу *hdoro*, монгор. *туру* (SM 434), *šduro*, *tudor* (SM 427), могол. *dotōna*; ZM *dotana* (4–3a) — KWb 97, 102; MGCD 227, 237).

Придворный внешних покоев: 烏矮填 (Shiratori 015–018)

Иероглифы

1. 烏, совр. кит. *wū*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *ʔā*, ПДК *ʔō*, ср.-кит. *ʔo* ‘ворон’ (Karlgren 0061 a–c).

2. 矮, совр. кит. *ǎi*, др.-кит. *ʔrē?*, класс. кит., ЗХ *ʔré*, ВХ *ʔrié*, РПДК *ʔié*, СПДК, ППДК *ʔié*, ср.-кит. *ʔǎ* ‘низкорослый’.

Предполагаемое чтение: ПДК *ʔō ʔiē čín*. Источник: Вэй Лю. Первая часть — скорее всего, ПМонг. **öyge* ‘внешняя сторона; цвет’ (п.-монг. *öyge(n)* (Less. 637), ср.-монг. *uango* (= *oygo*) НУ 42, *əngin* ИМ, *unke* МА,

халха *öngö*, бур. *ünge*, калм. *öngə*, ордос. *öngö*, дунс. *ungie*, дагур. *ungu* (Тод. Даг. 171), шира-юйгу *öngö*, монгол. *ngo* (SM 293) — KWb 297; MGCD 469, 545).

Писец, канцелярист: 比德填 (Shiratori 015–018)

Иероглифы

1. 比, совр. кит. *bǐ*, др.-кит. *pjǐ?*, класс. кит. *pjǐ*, ЗХ, ВХ *pjǎj*, РПДК, СПДК *pjǐj*, ППДК, ср.-кит. *pjǐ* ‘сравнивать’ (Karlgren 0566 g–h).

2. 德, совр. кит. *dé*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *tāk*, ср.-кит. *tlak* ‘добродетель’ (Karlgren 0919 k–l).

Предполагаемое чтение: ПДК *pjǐj tāk cín*. Источник: Вэй Лю. Первая часть — очевидно, тюрк. **bitig* ‘письмо’ (с рунич., др.-уйг.; чаг. *bitik*, н.-уйг. *bütük*, чув. *pätü*, болгар. > венг. *betű* ‘буква’), этимологию см. выше. Тюркские слова *biti-* ‘писать’ и *bitig* ‘письмо’, видимо, заимствовались в прамонгольское состояние, судя по переходу **ti* > **či*: ср.-монг. *biči-* ‘писать’, *bičik* ‘письмо, книга’ SH, *bičeci* ‘писец’ НУ, *biči-* ‘писать’, *bičik* ‘письмо’ МА (+ новый китаизм *biti* ‘перо’), ИМ (+ новый тюркизм *bitik-be* ‘написал’), п.-монг. *bičig*, *bičigeči* ‘писец’ (Less. 102), халха *бичиг*, *бичигч* ‘переписчик’ (новообразование), *бичээч* ‘писец’, бур. *бэйшэг* ‘письмо’, *бэйшэ-* ‘писать’, *бэйшээшэ* ‘писец’, калм. *бичг*, *бич-*, *бичгч* ‘пишущий’ (новообразование), *bitšetši* ‘писец’, ордос. *bitšētši*, баоан. *пэджэг* (Тод. Баоан. 146). Заметим, что название писца — внутримонгольское отглагольное имя на *-yeči*. След «сяньбийского» (т.е. рассматриваемого табгачского) слова Л.Лигети (Лигети 1969, 113–114) видит в маньчж. *битхэси* ‘писец’ (и чжурчж. *pih-teh-hei* ‘книга’, основа из маньчж. заимствована в другие ТМ языки, см. ССТМЯ 1, 86), и в дагур. *битэг* ‘письмо’, *битэгчи(н)* ‘образованный человек’ (Тод. Даг. 126)¹³³. Табгачское слово может представлять собой тюркизм или монгольское образование от тюркизма; основа, видимо, еще не прошла монгольскую палатализацию. Но само название профессии, как мы видим, не унаследовано монгольскими языками, где оно было заново произведено от адаптированного глагола.

Гардеробщик: 樸大填 (Shiratori 015–018)

Иероглифы

1. 樸, *pú*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, РПДК, СПДК *bōk*, ППДК *bwōk*, ср.-кит. *buk* ‘древесина, сырье’ (Karlgren 1211 g–h).

¹³³ Замечание Л.Лигети о том, что табгачское слово не имеет отношения к тюркскому названию писца, поскольку тюрк. *bitikči* — поздняя форма, а более ранние — *bitigüči* и *bitkeči*, со ссылкой на Ligeti 1965, 296, скорее всего, не имеет оснований. В самом деле, первая встречаемость *bitikči* в QB, далее во всех литературных языках; *bitigüči* встретилось один раз в рунич. уйгурском, один — в древнеуйгурском в качестве замены *bitkeči* и один — в чагатайском (EDT 304). *Bitkeči* (*petge-či*) вообще не имеет сюда отношения, будучи образованием от сирийского заимствования.

2. 大, *dà* [tài], др.-кит. *dhāts* [thāts], класс. кит. *dhāc*, ЗХ, ВХ, РПДК *dhāś*, СПДК, ППДК *dhāj*, ср.-кит. *dāj* [thāj] ‘большой’ (Karlgren 0317 а).

Предполагаемое чтение: ПДК *bōk dhāj cín*. Источник: Вэй Лю. Будберг (Woodberg 174) предполагает, что первая часть — монг. название шапки *boGtaq*; однако специфический фонетический облик китайской транскрипции (также — то, что во всех источниках *boGtaq* — название женской шапки) заставляет связывать слово с точно совпадающим фонетически гапаксом Махмуда Кашгарского *boxtaj* ‘узел с одеждой’ (EDT 313). Это производное от тюрк. **bog* ‘узел с одеждой; связанные для перевозки вещи’ (др.-уйг., МК, ст.-осм., тур., EDT 311, ЭСТЯ 1978, 166), от которого широко распространена уменьшительная форма, **bog-ča* ‘узел с одеждой, упаковочная сумка; сундук’ (ЭСТЯ 1978, 250–252); эта последняя заимствована в монгольские языки (п.-монг. *bog-ča* ‘дорожная сумка, тюк’ (Less. 110, 111), халха *богц* и т.д., см. TMN II 342). Клосон настаивает, что суффикс в слове *boxtaj* не имеет отношения к монг. *-taj* ‘обладающий’; в таком случае ср. кыпчакский уменьшительный суф. *-taj* (Щербак, Имя, 102). Тюркизм в табгачском¹³⁴?

Оруженосец: 胡洛填 (Shiratori 015–018)

Иероглифы

1. 胡, совр. кит. *hú*, др.-кит., класс. кит. *ghā*, ЗХ, ВХ *γā*, ПДК *γō*, ср.-кит. *γo* ‘глупый’ (Karlgren 0049 а).

2. 洛, совр. кит. *luò*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *rhāk*, ПДК *lhāk*, ср.-кит. *lāk* ‘сокр. Лохэ (река в провинции Хэнань)’ (Karlgren 0766 k–m).

Предполагаемое чтение: ПДК *γō lhāk cín*. Источник: Вэй Лю. Принято считать первую часть переводящейся как тюрк. *kurgak* ‘пояс’, см. разбор выше. Если это действительно так, здесь — тюркизм в табгачском. Возможно также, что следует видеть здесь монгольскую основу *qor* ‘колчан’ (п.-монг. *qor* (Less. 965), ср.-монг. *qor* (SH), *qor* (MA), *qur* (ИМ), халха *xor*, калм. *xor* ‘small bag’, ордос. *xur* — KWb 186, 188; TMN I 427–428); заимствуется в тюрк., см. ЭСТЯ 2000, 78). Со среднемонгольского зафиксировано отыменное производное *qor-čín* ‘оруженосец, телохранитель’ SH, п.-монг.; халха *хорчи*, см. TMN I 429–432. Табгачское слово может представлять собой имя от производного глагола по **qor*: **qor-a-* ‘носить колчан’, **qor-a-γačī* ‘оруженосец’ (?).

Переводчик: 乞萬填 (Shiratori 015–018)

Иероглифы

1. 乞, *qǐ*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *khət*, ПДК, ср.-кит. *khit* ‘просить’ (Karlgren 0517 f).

2. 萬, *wàn*, др.-кит. *mans*, класс. кит., ЗХ *manh*, ВХ *mwanh*, РПДК *twàn*, СПДК, ППДК, ср.-кит. *mwán* ‘десять тысяч’ (Karlgren 0267 a–b).

¹³⁴ Ср. маньчж. *budai* ‘сума’ — из кит. 布 *bù* 袋 *dài* ‘холщовый мешок’ (ПДК *pò dǎ*)?

Предполагаемое чтение: ПДК *khīt mwān cín*. Источник: Вэй Лю. По-видимому, совершенно верно читают как монг. *kelmür-čin* ‘переводчик’ (см.: Лигети 1969, 111–112; финаль *-n* регулярно употребляется в транскрипциях для изображения конечнослогового *-r*; возможно, что финаль *-t* использовалась для изображения *-r*), п.-монг. *kelemür-či* (Kow. III 2473), халха *хэлмэрч*, бур. *хэлмэриэ(н)*, калм. *kelmᠦᠷᠴᠢ*, ойрат. *келемерчи* ‘красно-речивый’, ордос. *kelemerči* id.

Привратник: 可薄填 (Shiratori 015-018)

Иероглифы

1. 可, совр. кит. *kě*, др.-кит. *khāj?*, класс. кит., ЗХ *khāj*, ВХ *khā*, ПДК *khā*, ср.-кит. *khá* ‘можно; мочь’ (Karlgren 0001 a–c).

2. 薄, совр. кит. *bó*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *bāk*, ср.-кит. *bāk* ‘тонкий’ (Karlgren 0771 p).

Предполагаемое чтение: ПДК *khā bāk cín*. Источник: Вэй Лю. Лигети 1969, 113 пытается обосновать чисто монгольскую этимологию, имя деятеля от монг. глагола «закрывать» (ПМонг. **kaγa-*, п.-монг. *qaγa-* (Less. 905), ср.-монг. *qa'a-* (HY 17; SH), халха *xā-*, бур. *xā-*, калм. *xā-* (KPC), ордос. *xā-*, дунс. *qa-*, баоан. *xā-*, дагур. *xā-* (Год. Даг. 172), *hā-* (MD 153), монгор. *xā-* SM 145; MGCD 310, 311), **kaγa-gčī*, ср. п.-монг. *qaγa-γčī*, халха *хаагч* ‘закрывающий’, но такая гипотеза кажется семантически несколько натянутой. Собственно-монгольский вариант с *-b-*, вопреки Лигети, не представлен (о монг. *qabqa* см. TMN III 371: из тюрк. в калм.); приходится считать слово тюркизмом в табгачском, **kapag-či*, от ПТ **kap-ug* (орхон. *qaryu*, др.-уйг. *qaraq*, крх. *qaryu* МК, ср.-уйг. *qaryu* (Tfs.), куман. *kabak*, ст.-кыпч. *qari*, *qaru* (Houts.; АН), н.-уйг. *qaryuq*, тур. *kari*, аз., туркм. *Garu*, караим., кум., ног., ккалп. *qaryu*) или **kap-ga* (*qaryu* — МК; IM, татар. *kapka* (> чув. *харха*) и др. кыпч. и карлук.); см.: ЭСТЯ 1997, 274–275; TMN III 370–372; EDT 583.

Прислужник на почтовой станции: 拂竹填 (Shiratori 015–018)

Иероглифы

1. 拂, совр. кит. *fú*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *phət*, ВХ *phwət*, ПДК *phwīt*, ср.-кит. *phüt* ‘сметать’ (Karlgren 0500 h).

2. 竹, совр. кит. *zhú*, др.-кит., класс. кит. *truk*, ЗХ, ВХ *ɬuk*, РПДК *ɬuk*, СПДК, ППДК *ɬuk*, ср.-кит. *ɬük* ‘бамбук’ (Karlgren 1019 a–b).

Предполагаемое чтение: ПДК *phwīt ɬuk cín*. Источник: Вэй Лю. Единственная кажущаяся удачной интерпретация (Лигети 1969, 112): монг. **(h)örteγeči(n)*, п.-монг. *örtegeči[n]* ‘1. содержатель почты; 2. ящик’ (Kow. 588); калм. *örtetši* ‘Post-stationsleute, Postmann’ (KWb. 300); ордос. *ört'ōtš'in* ‘gens chargés du service d’un relais, d’une station de post’ (DO 540); халх. *өртөөчин* ‘уртонщик, ящик’, производное от п.-монг. *örtege* ‘почтовая станция’ (бур. *үртөөн*, ойрат. *өртөөн* ‘станция’, ордос. *ört'ō* и т.д.) < п.-монг. *örte-* ‘предоставлять почтовых коней’

(Kow. 588). Основа заимствовалась в тюркские языки значительно позже: таранч., чаг., тур. *örtäng* ‘die Poststation, das Postpiquet’ (P I 1235); тув. *örtel* (халха *өртөө-лө* ‘располагаться в виде уртонов’) ‘1. уртель, ямская станция; 2. расстояние (перегон) между уртелями’. Начальное **h*- невозможно подтвердить на монгольском материале; возможно, прав Котвич, связавший с монг. словом манчж. *furdan* ‘застава, таможня’ (иначе: «преграда, препятствие» ССТМЯ 2, 303), см.: Kotwicz 1927, 314–315, № 64; Kotwicz 1953, 336–341. Или **hüde-g-či(n)* ‘проводящий, свита’, п.-монг. *üdegčün*, халха *үдэгч* и т.п. Kow. 518, от ПМонг. **hüde*- ‘проводить’ (п.-монг. *üde*- (Less. 995), ср.-монг. *xüde*- (НУ 36), *xude*- (SH), *hude*- (MA), халха *üde*-, бур. *üde*-, калм. *üdə*-, ордос. *üde*-, монгор. *r.ǰě* ‘след, трасса’).

Служащий почтовой станции: 咸填 (Shiratori 015–018)

咸, совр. кит. *xián*, др.-кит., класс. кит., 3X, VX *grēm*, РПДК *gēm*, СПДК, ППДК *giēm*, ср.-кит. *ǰām* ‘все’ (Karlgren 0671 a–d).

Предполагаемое чтение: ПДК *giēm čin*. Источник: Вэй Лю. Это, безусловно, то же слово, что разбиравшееся выше ОТ **jam* ‘почтовая станция’ (поздний др.-уйг. *jam* (китайско-уйгурский словарь XIV в.), тур. *jam*, татар. *jam* (из рус.?), чаг. *jam* (Абуш.; Sangl.). См.: VEWT 183; EDT 933. Из ср.-тюрк. заимствовано в рус. *ям* id. Тюрк. > ср.-монг. *ǰam* ‘почтовая станция’, п.-монг. *ǰam* ‘дорога, путь’¹³⁵; вряд ли наоборот, поскольку в монг. имеется правильная алтайская параллель тюркскому слову: ПМонг. **ǰim* ‘тропинка, след’, п.-монг. *ǰim* (Less. 1056), халха *ǰim*, бур. *ǰem*, калм. *ǰim* (КРС), ордос. *ǰim*; сюда же ПТМ **niama*- ‘распутывать следы (зверя)’, удэ *nāma*-, эвенк. *nēmīrī* ‘старый след’ (ССТМЯ 1, 631, 637). Либо из монг., либо из табгачского маньчж. *giyamusi* ‘почтмейстер’, *giyamun* ‘почтовая станция, перегон’, нан. *jamō*, ульч. *jamu(n)*, см. Doerfer MT 142 (начальный согласный необычен для монголизма). Видимо, в табгачском — тюркизм.

Убийца: 契害填 (Shiratori 015–018)

Иероглифы

1. 契, совр. кит. *qì*, др.-кит. *khēts*, класс. кит. *khēc*, 3X, VX *khiās*, РПДК *khiēs*, СПДК, ППДК *khiēj*, ср.-кит. *khiej* ‘условие’ Karlgren 0279 b. Читался также и как др.-кит. **khēt*, класс. кит. *khēt*, 3X *khjāt*, VX *khiāt*, ПДК *khiēt*, ср.-кит. *khiet* ‘быть разделенным’.

¹³⁵ Лигети 1969, 112 пишет: «Интересно отметить, что в монгольском языке слова *ǰam-čün*, *ǰamučün* ‘люди почтовой станции’ и *ǰam* ‘почтовая станция’ зарегистрированы только в период Юань; в монгольском литературном языке и в современных диалектах *ǰamčī* значит ‘проводник’, а *ǰam* — ‘дорога, путь’. В тюркских языках *uamči* ‘курьер’ и *uam* ‘почтовая станция’ появляются как раз в монгольскую эпоху». Это так, но гипотезу о заимствовании тюркского из монг. трудно обосновать фонетически.

2. 害, совр. кит. *hài*, др.-кит. *ghāts*, класс. кит. *ghāc*, ЗХ, ВХ *yās*, РПДК *yās*, СПДК, ППДК *yāj*, ср.-кит. *yāj* ‘вред’ (Karlgren 0314 a–b).

Предполагаемое чтение: ПДК *khiēt yāj cín*. Источник: Вэй Лю. Предлагалось читать **kityaičin* (Лигети 1969, 114), ср.: ср.-монг. *kiduyaičin* ‘убийца’ SH, п.-монг. *kiduyči* ‘murder, assassin’ (Less. 464); халха *хядагч*, бурят. *хюдагша*, имена от глагола ПМонг. **kidu-* ‘убивать’ (ср.-монг. *kidu-* ‘toten, niedermetzeln’ (SH 101); п.-монг. *kidu-* или *kitu-* ‘резать, убивать, умерщвлять’ Kow. 2527, *kidu-* ‘to cut; to massacre, slaughter, kill’ (Less. 464); халх. *хяд-* ‘убивать, истреблять; уничтожать, избивать’; бурят. *хюда-*, калм. *kid-* (KWb 244); ордос. *xudu-* (DO 363). Табгачскую форму в этом случае следует объяснять как отыменное имя деятеля от **kitu-yaj* (качественное отглагольное имя).

Тот, кто передает приветствие от господина: 折漬填 (Shiratori 015–018)

Иероглифы

1. 折 *zhé*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *tat*, ВХ *cat*, ПДК, ср.-кит. *cet* ‘переломить’ (Karlgren 0287 a–b).

2. 漬 *kuì*, др.-кит. *whāts* (~ *-js*), класс. кит. *whāc*, ЗХ, ВХ, РПДК *whāc*, СПДК, ППДК *whāj*, ср.-кит. *yōj* ‘разрушить(ся)’ (Karlgren 0540 d).

Предполагаемое чтение: ПДК *cet whāj cín*. Источник: Вэй Лю. Ср. халха *zūtgeḡ* ‘соратник, сподвижник’, производное от ПМонг. **žid-kü-* ‘стремиться, стараться, тянуть’: SH *žiktü-*, *žikdū-* ‘тянуть, везти; побуждать’, п.-монг. *židkü-*, *žüdkü-* (Less. 1049), *židke-*, *židkü-* Kow. 2342, 2345 (в частности, ‘служить верно своему государю’), ср.-монг. *židkü-* (MA 205), халха *zūtge-*, бур. *зэдхэ-* ‘тянуть, тащить; стараться, усердствовать’, калм. *zütкэ-*, ордос. *žüdxü-*; *žüdxül* ‘service signalé rendu au public, à la bannière, au prince; action méritoire’ (KWb 484).

Повар аристократа: 付填 (Shiratori 015–018)

附, совр. кит. *fù*, др.-кит. *bo(?)s*, класс. кит., ЗХ, ВХ *boh*, ПДК *bò*, ср.-кит. *bū* ‘приложить’.

Предполагаемое чтение: ПДК *bò-cín*. Источник: Вэй Лю. Сиратори предполагал связь со ср.-монг. *baourcin* ‘повар’ SH, п.-монг. *bayurči(n)* (Less. 72), халха *буурч*; слово это, очевидно, заимствовано из тюрк., поскольку является производным от тюрк. **bagır* ‘печень’ (само это название печени не встретилось в монг. материале; сходное ср.-монг. *bayur* ‘задняя часть’ (ИМ), *bayawur* (Leid.), могол. *buyār* ‘After’, скорее, к монг. **baḡa-* ‘испражняться’). В тюркских текстах производное встречается с монгольского периода: ССум 47 *bagırči* ‘повар’, остальные фиксации, скорее, отражают обратный монголизм: чагат. (P IV 1433; Бабур-намэ и др.) *baurči*: ‘повар (придворное звание)’, казах. *bauršu* ‘человек, хорошо умеющий делить мясо’, узб. *baburči* (фольк.) ‘повар’, (ист.) ‘придворный пробоваватель’, см. TMN I 203–205. Мотивация названия должности, кажется, естественная (поскольку по обычаю печень при

разделке туши выделялась как ханская доля). Однако при такой трактовке надо предполагать тюркизм в табгачском, да еще и ошибку в китайской транскрипции (пропуск второго иероглифа с предположительным чтением **whít?*). Или это — производное от заимствования, восходящего к кит. 釜, *fǔ*, др.-кит. *b(h)a?*, класс. кит., ЗХ *b(h)á*, ВХ *b(h)wá*, ПДК *b(h)wó*, ср.-кит. *bú* ‘котел для варки пищи’ (Karlgren 0102 f–g)?

Три высших министра; дворяне: 羊填 (Shiratori 015–018)

羊, совр. кит. *yáng*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *laŋ*, ВХ, РПДК *záŋ*, СПДК, ППДК, ср.-кит. *jaŋ* ‘баран’ (Karlgren 0732 a–d).

Предполагаемое чтение: ПДК *jaŋ-čín*. Источник: Вэй Лю. Возможно, табгачское образование от заимствованного из китайского слова, ср. кит. 樣, совр. кит. *yàng*, др.-кит. *laŋs*, класс. кит., ЗХ *laŋh*, ВХ *záŋh*, РПДК *záŋ*, СПДК, ППДК, ср.-кит. *jàŋ* ‘образец, модель; вид; способ; манера, стиль; обычай’. Это слово известно нам в тюркских языках: **jaŋ* ‘образ’ (ЭСТЯ 1989, 121–122), фиксируется с др.-уйг., чув. нет, есть як. и тув. с семантикой ‘характер’, что может в данном случае указывать на монголизм. Все формы языков Сибири и кирг. также могут быть объяснены как монголизмы (с характерным развитием значения ‘обычай, закон, характер’; более поздние монголизмы с *ǰ* имеются также в кирг., казах., ккалп., башк.). Халадж. *yang* ‘добрый обычай’ из перс., о котором см.: TMN IV № 1903. Итак, рефлекс первичного китайского заимствования наблюдается только в литературных памятниках. Более распространено производное **jaŋ-lyg* ‘подобный’ (превращающееся в послелог «как»): памятники и языки Средней Азии (туркм., узб., н.-уйг, сюг., ккалп., кирг.), которые, скорее всего, получили его через среднеазиатские литературные языки. Тем самым, заимствование могло войти около VIII в. в литературный древнетюркский язык. Что касается монгольского, то мы имеем п.-монг. *jang* ‘вежливые манеры, этикет, церемонии’ (Less. 427), халха *ян* ‘мелодия религиозного песнопения’, бур. *ян(э)* ‘мотив, мелодия’ (или из тиб. *dbyaŋs*, как калм. *jaŋ* ‘Psalmmelodie’), калм. *jaŋ* ‘höfliche Sitten, Etiquette’ (KWb 215), ордос. *jaŋsa*, *jaŋdzu* ‘forme, manière’ (DO 397), монгор. *yaŋdžiu* (SM 488), дунс. *янзы* Год. Дунс. 122; последние формы — заимствование кит. композита.

Кухня: 阿填 (Shiratori 015–018)

阿, совр. кит. *ē, ā*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *?āj*, ВХ *?ā*, ПДК *?ā*, ср.-кит. *?ā* ‘холм; берег’ (Karlgren 0001 m).

Предполагаемое чтение: ПДК *?ā čín*. Источник: Вэй Лю. Обычно считают, что это неточно переведенный тюркизм *(*i*)*al-či*, ОТ *aš-či* ‘повар’, от *aš* ‘еда’, см.: TMN II 61, однако отсутствие отражения кластера в китайской транскрипции заставляет в этом сомневаться. Возможно, толкование «кухня» относится к монг. **aži* ‘домашнее хозяйство’, производное на *-l* — **ažil* ‘работа’: п.-монг. *aži*, *ažil* (Less. 61),

халха *až*, *ažil*, бур. *ažal*, *adal*, калм. *ažal* (КРС 29), ордос. *ažī*, дагур. *ažil* (Тод. Даг. 118).

Титул: 阿干 (Shiratori 014; Boodberg 171)

Иероглифы

1. 阿 *ē*, *ā*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *ʔāj*, ВХ *ʔā*, ПДК *ʔā*, ср.-кит. *ʔā* ‘холм; берег’ (Karlgren 0001 m).

2. 干 *gān*, др.-кит. *kān*, класс. кит. *kān*, ЗХ *kān*, ВХ *kān*, РПДК *kān*, СПДК *kān*, ППДК *kān*, ср.-кит. *kān* ‘щит; защищать’ (Karlgren 0139 a–b).

Предполагаемое чтение: ПДК *ʔā kān*. Слово встречено в Сун шу и Вэй шу; по Будбергу, = ту-юй-хуньское «старший брат». Видимо, связано с тюрк. **āka* или монг. **aka* ‘старший брат’. Оформление (конечное -*n*) склоняет скорее к монгольскому происхождению, хотя среди монг. форм не встретилось относящихся к *n*-склонению (п.-монг. *aqa* (Less. 59), ср.-монг. *aqa* (НУ 28; SH), *ayā* (ИМ 432), *āya* (МА 266), 185, 256, халха *ax*, бур. *axa*, калм. *axə*, ордос. *axa*, дунс. *aγa*, дагур. *akā*, *aga* (Тод. Даг. 118, 119; MD 112), *ag* (MGCD), шира-юйгу *aβa*, MGCD: *aGa*, монгор. *aGa* ‘frère aîné’, *āGa* ‘frère puîné du père’ — SM 2; KWb 3; MGCD 126).

Обращение к царю («ты, каган»): 處可寒 (Shiratori 014)

Иероглифы

1. 處, совр. кит. *chù*, *chǔ*, др.-кит. *thaʔ*, класс. кит., ЗХ *thá*, ВХ *chá*, ПДК *chó*, ср.-кит. *chó* ‘место; расположение’ (Karlgren 0085 a–b).

2. 可, совр. кит. *kě*, др.-кит. *khājʔ*, класс. кит., ЗХ *khāj*, ВХ *khǎ*, ПДК *khǎ*, ср.-кит. *khá* ‘можно; мочь’ (Karlgren 0001 a–c).

3. 寒, совр. кит. *hán*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *gān*, ср.-кит. *γān* ‘зима’ (Karlgren 0143 a–c).

Предполагаемое чтение: ПДК *chó khǎ gān*. Слово, собственно, ту-юй-хуньское, встретилось в ту-юй-хуньских анналах Сун шу. Вторые два слога явно означают «каган» (представлено со ср.-монг. *xaʔan*, *xahan* SH, *xān-tu* MA, п.-монг. *qaγan* Kow. 732, халха, бур. *хаан*, калм. *xān*, ордос. *xān* DO 332, монгор. *xān* SM 154, дагур. *xān* Тод. Даг.). Первый слог считают монгольским местоимением 2-го л. ед. ч. Это возможно, но не вполне понятно огубленная огласовка (ср. ПМонг. **či* ‘ты’, п.-монг. *či*, *čīnu* (gen.), ср.-монг. *či*, *čīno* (gen.) (НУ 31; SH), *či*, *čēnāi* (gen.) (ИМ), *či*, *čīnu*, *čīni* (gen.) (МА), халха *či*, *čīnij* (gen.), бур. *ši*, *šenī* (gen.), калм. *či*, *čīnə* (gen.), ордос. *či*, *čīni* (gen.), дунс. *čə* (čʔ), *čəni*, *čəji* (gen.), баоан. *čə* (čʔ), *čənə* (gen.), *čose* ~ *čase* (Abl.), дагур. *šī*, *šinī* (gen.) (Тод. Даг. 183; MD 215), шира-юйгу *čə*, монгор. *či*, *čīni* (gen.) (SM 441, 450), могол. *či-*, *čīnei* (gen.); ZM *či*, *čīnei* (gen.) — KWb 438; MGCD 619).

Тегин: 直勤 (Boodberg 172)

Иероглифы

1. 直, совр. кит. *zhí*, др.-кит., класс. кит. *d(h)rək*, ЗХ, ВХ *d(h)ək*, ПДК *d(h)ik*, ср.-кит. *dik* ‘прямой’ (Karlgren 0919 a).

2. 勤, совр. кит. *qín*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *ghən*, ПДК *ghin*, ср.-кит. *gin* ‘прилежание’ (Karlgren 0480 x).

Предполагаемое чтение: ПДК *d(h)ik ghin*. Распространенный компонент имен табгачских принцев. По-видимому, правильно отождествляется с тюрк. *tegin* (орхон., др.-уйг., чаг., ст.-кыпч. — EDT 483), титул сына или внука кагана, «принц». Слово общепринято считается дотюркским субстратным, см.: TMN II 533–535. Встречается в хотано-сакских и согдийских текстах (хсак. *digvina*, согд. *tykyn*, ср.-перс. (Махр Намаг) *tkyn* — Bailey 1939, 91). Дун.-булг. *тикелос*. Различные внешние этимологии рассмотрены Дёрфером; нет оснований для предпочтения какой-нибудь одной из них. В монг. фиксируется с п.-монг. *tegin* (см. TMN II 537).

Облако: 宥連 (Лигети 1969, 114)

Иероглифы

1. 宥, совр. кит. *yòu* ‘прощать’; фонетически сходный иероглиф — 侑, совр. кит. *yòu*, др.-кит. *wəʔs*, класс. кит., ЗХ, ВХ *wəh*, ПДК *wəw*, ср.-кит. *fi əw* ‘помогать’.

2. 連, совр. кит. *lián*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *ran*, ПДК, ср.-кит. *len* ‘соединяться’ (Karlgren 0213 a).

Предполагаемое чтение: ПДК *wəw len*. Встречено в Вэй шу. Очевидно, справедливо отождествляется с ПМонг. **eyüle < *eñüle* ‘облако’ (п.-монг. *egüle(n)* Less. 300, ср.-монг. *e’ulen* (HY; SH), *ulät* (IM), *iulän* (MA), халха *ül(en)*, бур. *üle(n)*, калм. *ülh*, ордос. *üle, üjle*, дунс. *olien*, баоан. *ōloŋ, uloŋ*, дагур. *eulen* (Тод. Даг. 141; MD 146), монгол. *ulin, uliŋ, uloŋ* SM 470) KWB 461, MGCD 685; < ПАлт. **eñV* ‘облако’ EDAL.

Военачальник в провинции: 莫堤比 (Лигети 1969, 114)

Иероглифы

1. 莫, совр. кит. *mò*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *māk*, ср.-кит. *māk* ‘не, нельзя’ (Karlgren 0802 a–c), или др.-кит. *māks*, класс. кит., ЗХ, ВХ *māh*, ПДК *mò*, ср.-кит. *mò*, манд. *mù* ‘name of a plant’.

2. 堤, совр. кит. *dī*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *tē*, ВХ *tiē*, ПДК *tiēj*, ср.-кит. *tiej* ‘дамба, плотина’ (Karlgren 0866 k).

3. 比, совр. кит. *bǐ*, др.-кит. *pji?*, класс. кит. *pji*, ЗХ, ВХ *pjǎj*, РПДК, СПДК *pjjj*, ППДК, ср.-кит. *pji* ‘сравнивать’ (Karlgren 0566 g–h).

Предполагаемое чтение: ПДК *māk tiēj pjjj* или *mò tiēj pjjj*. Предлагаемое Л.Лигети чтение первых двух слогов как отобрания монг. *moži* ‘губерния, провинция’ (п.-монг. *moži* ‘губерния, провинция’ (Kow. 2043), *muji* ‘province, region, area’, *muji-yin noyan* ‘governor of a province or district, local chief’ (Less. 554); калм. *mudži* ‘Volk, Volksart, Provinz’

(KWb 268); ойрат. *mudži* ‘область, провинция, кочевье’ (Тод. Ойр.), ордос. *mudži* ‘province’ (DO 473); халха *му́ж* ‘область, провинция, губерния’; бурят, *можо*; дагур. *modži* (Тод. Дагур.; MD) проходит, если в табгачском еще не прошла палатализация **ti*, **di* > **či*, **ži*. В пользу такого состояния — «писец» *pjij tāk cín*, против него — *chó* ‘ты». Может быть, можно принять более раннюю палатализацию в местоимении. Последний слог может быть, например, передачей адаптированного заимствования из кит. 裨 *pí* (ППДК *b(h)je*) «помощник главного военачальника, командующий флангом» (БКРС № 3727; Karlgren 0874 e). Ср. у Лигети: «...совпадает со вторым элементом ряда имен, означающих должность, хотя и без удовлетворительной реконструкции».

Лысый: 木骨間 (Shiratori 018)

Иероглифы

1. 木, совр. кит. *mù*, др.-кит., класс. кит., 3X, BX, РПДК, СПДК *mhōk*, ППДК *mhwōk*, ср.-кит. *muk* ‘дерево’ (Karlgren 1212 a–d).

2. 骨, совр. кит. *gǔ*, др.-кит. *kūt*, класс. кит., 3X, BX, ПДК *kwāt*, ср.-кит. *kot* ‘кость’ (Karlgren 0486).

3. 間, совр. кит. *liú*, др.-кит., класс. кит., 3X, BX *r(h)a*, ПДК *l(h)o*, ср.-кит. *lō* ‘селение’ (Karlgren 0076 g).

Предполагаемое чтение: ПДК *mhōk kwāt l(h)o*. Табгачское слово, упомянутое в жуаньжуаньских анналах в Вэй шу. Ср. ср.-монг. *muxular* ‘комольй’ (SH), связанное со ср.-монг. *moqadaq* ‘тупой’ (MA), п.-монг. *тоуотор*, *тигур* ‘тупой, комольй, коротко стриженный’ (Less. 542, 552), халха *моготор*, *мухар*, бур. *могдогор* ‘куцый’, *мохоо*, *мухар* ‘тупой, коротко остриженный’, ойрат. *мухар*, ордос. *muxur*, монгол. *mogordur*, дунс. *тоуту*, дагур. *могоо* ‘тупой’ (Тод. Даг.) (через этот монг. корень слово толкует и комментатор Юэнь-ши-юй-сией).

Стремящийся к справедливости: 豆盧 (Shiratori 018)

Иероглифы

1. 豆, совр. *dòu*, др.-кит. *d(h)ōs*, класс. кит. *d(h)ōh*, 3X, BX *d(h)wāh*, РПДК *d(h)ōw*, СПДК, ППДК *d(h)ōw*, ср.-кит. *dliw* ‘бобы’ (Karlgren 0118 a–c).

2. 盧, совр. *lú*, др.-кит. *rā*, класс. кит. *rā*, 3X *rā*, BX *rā*, РПДК *lā*, СПДК *lā*, ППДК *lā*, ср.-кит. *lo* ‘хижина’ (Karlgren 0069 d).

Предполагаемое чтение: ПДК *d(h)ōw lā*. Слово из комментария Чжу-ши-юй-сией. Очевидно, правильно связывают с ПМонг. **töre* ‘правило, закон’ (п.-монг. *töre*, Less. 835 *törü*, ср.-монг. *tore* (HY 49; SH), халха *tör*, бур. *türe*, калм. *törə*, ордос. *törö*, шира-юйгу *turo*, монгол. *turō* — SM 434; KWb 407; MGCD 647).

Верный и справедливый: 賀若 (Shiratori 018)

Иероглифы

1. 賀, совр. кит. *hè*, др.-кит. *g(h)ājs*, класс. кит. *g(h)ājh*, ЗХ *gājh* (~ γ-), ВХ *gāh* (~ γ-), ПДК *gā* (~ γ-), ср.-кит. *γá* ‘поздравлять’ (Karlgren 0015 j).

2. 若, совр. кит. *ruò*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *nak*, ВХ, ПДК, ср.-кит. *hak* ‘походить’ (Karlgren 0777 a–e).

Предполагаемое чтение: ПДК *gā* (~ γ-) *hak*. Слово из того же комментария. Возможно, к ПМонг. **kina*- ‘относиться внимательно, прилежно, аккуратно, рачительно’ (п.-монг. *kina*- Less. 469, халха *xana*-, бур. *xina*-, ордос. *kina*-, дагур. *kinima* ‘careful, cautious’ MGCD 353)?

Род войск: 曷刺填 (Boodberg 172)

Иероглифы

1. 曷, совр. кит. *hé*, др.-кит., класс. кит. *ghāt*, ЗХ, ВХ, ПДК *γāt*, ср.-кит. *γāt* ‘почему?’ (Karlgren 0313 d).

2. 刺, совр. кит. *là*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *r(h)āt*, ПДК *l(h)āt*, ср.-кит. *lāt* ‘строптивый’ (Karlgren 0272 a–d).

Предполагаемое чтение: ПДК *γāt l(h)āt cín*. Слово из Нань Ци шу: повозка с военачальником окружена копьями *γāt l(h)āt-cín*-ов и знаменами из ячьих хвостов, несомыми *tā bēk-cín*-ами (см. следующее слово). Вряд ли это производное от тюрк. **at-la*- ‘скакать на лошади’ (как полагал Будберг). Возможно, связано с ПМонг. **katari*- ‘скакать, бежать рысью’ (ср.-монг. *xatara*- ‘бежать рысью’, *xatara ul*- ‘пустить рысью’ (SH), п.-монг. *qatari*- (Less. 945), халха *xatira*- ‘бежать рысью; ехать рысью’, бур. *xatar* ‘рысь’, калм. *xatəṛə*- (KPC), ордос. *Gatari*-, *Gatira*-, дагур. *katrə*- (Тод. Даг. 148), *katara*-, *katere* MD 182); MGCD 336. Ср. халха *xaturч*, бур. *xatarша* ‘рысак’. В табгачском, возможно, **qat(a)ra-l-či(n)*, существительное на *-či(n)* от абстрактного существительного на *-l* («бег рысью», ойрат. синьцз. *xataral* Тод. Ойр. 392, ср. ордос. *Gatiralʿa*). Тогда имеется в виду легкая конница?

Род войск: 多白填 (Boodberg 172)

Иероглифы

1. 多, совр. кит. *duō*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *tāj*, ВХ *tā*, ПДК *tā*, ср.-кит. *tā* ‘много’ (Karlgren 0003 a–c).

2. 白, совр. кит. *bái*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *brāk*, ПДК *bēk*, ср.-кит. *bāik* ‘белый’ (Karlgren 0782 a–e).

Предполагаемое чтение: ПДК *tā bēk cín*. Слово из Нань Ци шу (см. предыдущее слово). Очевидно (как и читал Будберг), производное от ПМонг. **tabag* ‘ступня’ (п.-монг. *tabaγ* (L 760), ср.-монг., халха *tavag*, *tavxaj*, бур. *tabgaj*, калм. *tawəg* (KPC), ордос. *tawaG*, монгол. *tawaG* — SM 412), т.е. «пехотинцы».

Жуаньжуаньские слова

Красивый облик: 藹苦蓋 (Shiratori 019)

Иероглифы

1. 藹, совр. кит. *ǎi*, др.-кит. *ʔāts*, класс. кит. *ʔāc*, ЗХ, ВХ, РПДК *ʔāś*, СПДК, ППДК *ʔǎj*, ср.-кит. *ʔǎj* ‘густой’.

2. 苦, совр. кит. *kǔ*, др.-кит. *khāʔ*, класс. кит., ЗХ, ВХ *khā*, ПДК *khó*, ср.-кит. *khó* ‘горький’ (Karlgren 0049 и).

3. 蓋, совр. кит. *gài*, др.-кит. *kāps*, класс. кит. *kāc*, ЗХ, ВХ, РПДК *kās*, СПДК, ППДК *kāj*, ср.-кит. *kāj* ‘покрыть’ (Karlgren 0642 q-r).

Предполагаемое чтение: ПДК *ʔǎj khó kāj*. Источник — Вэй шу. Скорее всего, суффиксальное образование от ПТМ **aja* ‘хороший, красивый’ (эвенк. *aja*, эвен. *aj*, солон. *ai*, *aja*, негид. *aja*, ороц. *aja*, удэ *aja*, орок. *aja*, ульч. *aja*, нан. *ai*, *ajā*, маньчж. *aj-luŋGa* — ССТМЯ 1, 18–20); ср., например, эвенк. *ajakākūn* ‘очень хороший, очень красивый’, негид. *ajakkan* ‘хорошенький’, *ajaxaxin* ‘самый лучший’ и пр. ТМ **-kū(n)* — именной суффикс со значением усиления признака; **-kaj* > **-kī* — суффикс основообразования существительных.

Священный: 敕連 (Shiratori 019)

Иероглифы

1. 敕, совр. кит. *chì*, др.-кит. *srhək*, класс. кит., ЗХ, ВХ *rək*, ПДК *thik*, ср.-кит. *thik* ‘указ, декрет’ (Karlgren 0917 a-c).

2. 連, совр. кит. *lián*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ *ran*, ПДК, ср.-кит. *len* ‘соединяться’ (Karlgren 0213 a).

Предполагаемое чтение: ПДК *thik len*. Источник — Вэй шу. Монгольская (или тунгусо-маньчжурская) атрибутивная форма от заимствованного из тюрк. **teŋri* (**teŋri-n*)?

Достойное состояние государства: 豆羅伏跋豆伐 (Shiratori 019)

Иероглифы

1. 豆, совр. *dòu*, др.-кит. *d(h)ōs*, класс. кит. *d(h)ōh*, ЗХ, ВХ *d(h)wāh*, РПДК *d(h)ōw*, СПДК, ППДК *d(h)ōʔw*, ср.-кит. *dɿw* ‘бобы’ (Karlgren 0118 a-c).

2. 羅, совр. кит. *luó*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *rāj*, ВХ *rā*, ПДК *lā*, ср.-кит. *lā* ‘силки’ (Karlgren 0006 a).

3. 伏, совр. кит. *fú*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *bək*, ВХ *bwək*, РПДК *bwik*, СПДК, ППДК *buk*, ср.-кит. *bük* ‘лежать ничком’ (Karlgren 0935).

4. 跋, совр. кит. *bá*, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ, ПДК *bāt*, ср.-кит. *bwāt* ‘идти по траве’ (Karlgren 0276 b).

5. 伐, совр. кит. *fá*, *fā*, др.-кит., класс. кит., ЗХ *b(h)at*, ВХ, РПДК *b(h)wat*, СПДК, ППДК *b(h)wət*, ср.-кит. *bwət* ‘идти карательным походом’ (Karlgren 0307 a-e).

Предполагаемое чтение: ПДК *d(h)ōʔw lā buk bāt d(h)ōʔw b(h)wət*. Источник — Вэй шу. Можно быть относительно уверенным относительно пер-

вого и последнего слов: это уже встреченное «бродячее внутриалтайское» *töre* ‘закон’ и *topur/tobur*, которое может в данном контексте значить «земля» и принадлежать к паратюркскому (где **topra-k* ‘земля, почва’, от **topra-* ‘пересыхать, обращаться в пыль’ — VEWT 489; EDT 443, 444; СИГТЯ 2000, 99) или парамонгольскому (где **toɣuraɣ*; ср. также бур. *то-борог*, ордос. *tōs towor* ‘пыль’) языку; не исключен формально и паратунгусо-маньчжурский, где пока не выявлено надежных соответствий этому алтайскому корню. Остается *buk bāt*, которое должно означать приблизительно «в которой наличествует», видимо, какая-то атрибутивная форма глагола. Возможен, например, такой анализ. Глагольный корень — ПТМ **bugi-* ‘сохранять’ (солон. *būgū-*, орок. *buji-* ССТМЯ 1, 102). Далее один из тунгусо-маньчжурских показателей длительного вида **-ba-* и причастный аффикс *-r*. Тогда получается *töre bugi-ba-r tobur* «закон-хранящая земля».

Каган: 可汗 (Shiratori 019; Boodberg 171)

Иероглифы

1. 可, совр. кит. *kě*, др.-кит. *khāj?*, класс. кит., ЗХ *khāj*, ВХ *khǎ*, ПДК *khǎ*, ср.-кит. *khá* ‘можно; мочь’ (Karlgren 0001 a–c).

2. 汗, совр. кит. *hàn*, др.-кит. *gāns*, класс. кит., ЗХ, ВХ *gānh*, ПДК *gān*, ср.-кит. *gān* ‘пот, испарина’ (Karlgren 0139 t).

Предполагаемое чтение: ПДК *khǎ-gān*. О возможном происхождении титула см. выше, в разделе об восточноиранских заимствованиях в пратюркском. У жуань-жуаней, скорее всего, заимствование из терминологии предшествовавших кочевых империй.

Более поздние киданьские глоссы уже совершенно несомненно говорят о монгольском языке (см. Кузьменков 1997; Ligeti 1950 и мн. др.). Таким образом, в эпоху, близкую к пратюркскому состоянию, и, во всяком случае, ранее XI в., языковых контактов между тюркскими и монгольскими, а также тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками ожидать можно; но даже по разобранной только что лексике видно, что контакты протекают в сугубо цивилизационной области; это, в частности, показывает тот факт, что заимствованная из тюркского в монгольский (т.е. табгачский) лексика в основном не прижилась в более поздних состояниях монгольских языков, политическая терминология прожила столько же, сколько элементы государственной структуры, к которым она относилась. Конечно, такие контакты, которые должны были бы привести к созданию языкового союза, впоследствии конвергентно развившегося в алтайскую семью, должны были бы выглядеть иначе.

Рассмотренный набор заимствований из пратюркского и в пратюркский можно кратко отразить следующей таблицей.

Контактный язык	В пратюркский	Из пратюркского
Поздний древнекитайский	12–16 заимствований «культурного» характера	11 заимствований — в эпоху Хань, 8 — позднее, в основном явные экзотизмы, хотя два из них «прижились» (названия пони и верблюда).
Некий восточный среднеиранский (ранний сакский? Прасакско-ваханский?)	8–9 заимствований сугубо культурного характера; ср. значительное число иранских заимствований в языке сюнну	Неясно (возможно, в силу неизученности общей сакско-ваханской лексики; ср. наличие более поздних тюркизмов в хотано-сакском)
Пратохарский	4 (ненадежно); ср., возможно, 2 тохаризма в языке сюнну.	5 (ненадежно; ср. наличие более поздних тюркизмов в тохарском В)
Прасамодийский	2 ('кора', 'бульон')	15–21, в основном «культурные»
Праенисейский	1? ('наконечник стрелы')	8–9, термины материальной культуры
Праобскоугорский	3 (торговые)	6 (культурные)
Табгачский (монгольский)	Неясно	4 (из них одно, 'ям', стало общемонгольским)

Как мы уже писали (СИГТЯ 2006, 393), предполагаемое рассмотренным материалом время и место существования тюркского праязыка, как кажется, достаточно хорошо укладывается на широкую территорию между нынешним Ордосом и южным Саяно-Алтаем в конце I тыс. до н.э. — первых веках н.э. и соответствует имеющимся сведениям о культуре и

истории, в частности, о передвижениях и развитии народов, входивших в образование сюнну. Такая пространственно-временная локализация не представляет чего-либо нового, она вполне согласуется с воззрениями, скажем, А. Рона-Таша (см., например, Róna-Tas 1998). Конечно, она не совмещается с время от времени предполагаемым отнесением пратюрков в «глубины древности» и в более западные регионы, с гипотетическими контактами с шумерами, дравидами, атлантами и под. Повторю, что все это относится именно к пратюрковскому состоянию, т. е. языковому состоянию, еще не разделившемуся на булгарскую и «общетюркскую» ветви, но уже выделившемуся из праалтайского, отдельному от монгольского и тунгусо-маньчжурского языковых состояний. Достаточно четкое выделение именно такой стадии производится с помощью классического сравнительно-исторического метода вполне формализованным путем, т. е. относительно каждого языкового факта исследователь может построить верифицируемую гипотезу о том, принадлежал ли он к этому состоянию или нет, что соответствует общеметодологическим представлениям о научном установлении фактов.

Следует заметить, что, по-видимому, рассмотренный материал не дает никаких аргументов в пользу гипотезы о контактах языков Сибири с каким-то отдельным тюркским языком (языками), принадлежавшим к булгарской ветви. Действительно, заимствования из китайского и восточноиранского, которые можно оценить как пратюркские (отразившиеся и в булгарской, и в «общетюркской» ветвях), говорят в пользу «R-языка» как пратюрковского; соответственно, «R»-заимствования в прасамодийский и праенисейский могут быть расценены как заимствования из того же пратюрковского; а сибирская контактная лексика, фиксирующаяся в более поздний, чем определяемый как пратюркский, период (в отдельных енисейских и самодийских ветвях), демонстрирует скорее «общетюркские» особенности¹³⁵. Для отдельного «булгарского» языка в сложившейся картине контактов не остается, так сказать, ни места, ни времени.

Возникает еще один интересный вопрос. Кажется, удалось показать, что «северные варвары» китайских хроник интересующего нас периода действительно могут быть сочтены по языку тюрками (сюнну), монголами (табгачи) и тунгусо-маньчжурами (жуань-жуани?), при этом со значительными следами восточноиранских контактов. Насколько при этом мы можем считать, что язык сюнну, отдельные факты которого засвидетельствованы в китайских текстах, — это то же самое, что пратюркский язык? С одной стороны, исторические события, связанные с сюнну, предполагают возникновение социолингвистической ситуации, развитием которой как раз могли бы стать оживленные контакты с позднедревнекитайским языком в качестве, в основном, акцептора, но в небольшой степени и до-

¹³⁵ Как будет показано в след. кн., замечательно укладываются в ту же картину более западные сепаратные контакты булгарской ветви и более поздние контакты среднеиранских языков с «общетюркскими» языками.

нора; с самодийскими, енисейскими и обскоугорскими языками в качестве прежде всего донора и в меньшей степени акцептора; наконец, сам распад пратюркской языковой общности и экспансия одной из ветвей на запад. С другой стороны, засвидетельствованные факты языка сюнну только отчасти прослеживаются как пратюркские. Из ранних сюннуских слов могут быть сочтены унаследованными как формально пратюркские **taŋrɨ* ‘небо’, (?) **gū̄d-t-i* ‘табун’, **hala* ‘небольшая лошадь’, **Takɨ* ‘дикая лошадь’;¹³⁶ **Koŋur* ‘бурый’, **Koɭ* ‘лагерь’, **darxan* ‘титул’; из поздних — **gōtōk*, имя по **gōt-* ‘подниматься’, **bod* ‘сам’, **Kuntřz* ‘бобр’, **Ṭemür* ‘железо’ (из них — одно иранское, одно обскоугорское и одно китайское заимствование). Бытовые иранизмы, засвидетельствованные для раннего периода, показывают практически не адаптированную фонетику (начальное *r-* в *rāk* ‘айран’, [*ruri*] ‘ложка’? Впрочем, возможно, начальный эпентетический гласный не отражается китайской транскрипцией, как в собственно тюркском по происхождению *rong* < *orun* ‘город-ставка’), и не сохраняется в тюркских языках, за исключением, может быть, **saraka* ‘масло’ (но его возможный рефлекс не представлен в болгарской ветви, так что формально слово не опознается как пратюркское).

По-видимому, действительная ситуация может быть оценена приблизительно так же, как известный случай с романскими языками и латынью. Общеизвестно, что зафиксированная в памятниках письменности классическая латынь не может считаться точно тем же языком, который явился предком современных романских языков, и не только потому, что сравнение романских языков не позволяет восстановить сложную латинскую морфологическую систему. Зафиксированная китайцами сюннуская лексика, по-видимому, по большей части принадлежала к «верхнему» функциональному стилю языка соответствующих общественных образований, который, скорее всего, не стал предком тюркских языков, а, как это и свойственно таким функциональным стилям, распался вместе с обществом, в котором функционировал. Особенно это касается, конечно, имперской титулатуры, отчасти, по-видимому, заимствовавшейся в языки наследовавших государственных образований, но в довольно слабой степени унаследованной тюркскими языками (примечательным примером может служить заимствованное из иранского **hvatūñ* сюннуское **qatūñ*, из сюннуского заимствованное в согд. *xātūn* и затем уже из согдийского попавшее в древнетюркский). Примерно такие же отношения могут обуславливать отсутствие серьезных свидетельств ранних тюрко-монгольских языковых контактов в тюркских и монгольских языках, при наличии, например, терминов тюркского происхождения (следовательно, сюннуских?) среди в целом монголоязычной табгачской титулатуры.

¹³⁶ При условии правильной интерпретации дунайско-болгарского слова.

Научная периодика

ВЯ — Вопросы языкознания. М.

ДАН-В — Доклады Академии наук СССР. Серия В. М.; Л. 1922–1933.

ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Л.

ИАН СССР — Известия Академии наук СССР. Л.; М.

AF — Asiatische Forschungen. Bonn.

AM — Asia Major. Zeitschrift für die Erforschung der Sprachen, der Kunst und der Kulturen des Ferner Orients und Zentralasiens. Leipzig.

AO (Havn.) — Acta Orientalia ediderunt Societate Orientales Danica-Norvegica-Svecica (Le monde oriental). Havniae.

АОН — Acta Orientalia Hungarica. Budapest.

АРАУ — Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin.

BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London.

CAJ — Central Asiatic Journal (International periodical for the language, literature, history and archeology of Central Asia). The Hague–Wiesbaden.

FUF — Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki.

HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge (Mass.).

JA — Journal asiatique. Paris.

JIES — Journal of Indo-European Studies. Washington.

JRAS — The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.

JSFOu — Journal de la Société Finno-ougrienne. Helsinki.

MSFOu — Mémoires de la Société Finno-ougrienne. Helsinki.

NyK — Nyelvtudományi közlemények. Budapest.

SEC — Studia etymologica Cracoviensia. Kraków.

SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin.

T'oung Pao — T'oung Pao, ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie, l'ethnographie et les arts de l'Asie Orientale. Paris–Leiden.

UJ — Ural-altaische Jahrbücher. Wiesbaden.

Литература

Аб. — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–V. М.; Л., 1958–1995.

Абд. — *Абдуллаев Ф.А.* Ўзбек тилининг Хоразм шевалари. Тошкент, 1961.

Абуш. — *Вельяминов-Зернов В.В.* Словарь джагатайско-турецкий. СПб., 1868.

- Авр.–Леб. — *Аврорин В.А., Лебедева Е.П.* Ороческие тексты и словарь. Л., 1978.
- АГ — *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
- Алексеев 1967 — *Алексеев Е.А.* Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
- Аникин — *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000.
- АПиПЯЯ — *Старостин С.А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
- АРС — *Азизбеков Х.А.* Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1965.
- Асл. — *Асланов М.Г.* Афганско-русский словарь. М., 1966.
- Ахмет. ОЛДК — *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
- Ахметьянов 2001 — *Әхмәтъянов Р.Г.* Татар төленец кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001.
- Ашм. — *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары, 1928–1950. Вып. 1–17.
- АЭ — Алтайские этимологии. Л., 1984.
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 1–4. М., 2001.
- Баск. Кум. = Баскаков 1972 — *Баскаков Н.А.* Диалект кумандинцев (Куманды-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1972.
- Баск. Леб. — *Баскаков Н.А.* Диалект лебединских татар-чалканцев (Куу-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1975.
- Баск. Туба — *Баскаков Н.А.* Диалект черневых татар (Туба-кижи): Грамматический очерк и словарь. М., 1966.
- Бһһ — Башкорт Һойләштәренен һүзлеге. Т. I. Өфө, 1967; т. II. Өфө, 1970.
- Беликов — *Беликов В.И.* Конвергентные процессы в лингвогенезе. (Научный доклад, представленный на соискание степени докт. филол. наук). М.: МГУ, 2006.
- Бичелдей 2001 — *Бичелдей К.А.* Фарингализация в тувинском языке. М., 2001.
- БК — надпись Бильге-кагану
- БКРС — Большой китайско-русский словарь. Т. 1–4. М., 1983.
- Бор. Бад. — *Боровков А.К.* «Бадәи ал-лугат»: Словарь Та̄ли Имәни Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961.
- Бор. ЛТ = Тефс. = Tefs. = Tfs — *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII веков. М., 1963.
- Буд. — *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869; т. II. СПб., 1871.
- Бурлак — *Бурлак С.А.* Историческая фонетика тохарских языков. М., 2000.
- Вас. = Василевич — *Василевич Г.М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
- Верб. — *Вербицкий В.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
- Владимирцов — *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л., 1929.
- Владимирцов–Поппе 1924 — *Владимирцов Б.Я., Поппе Н.Н.* Из области вокализма монголо-турецкого праязыка // ДАН-В, апрель–июнь. 1924, № 4.

- ВТ 1992 — Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: Этнос, язык, религии. М., 1992.
- ВТ 1995 — Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: Хозяйство, материальная культура. М., 1995.
- Гамкрелидзе–Иванов — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Кн. I–II. Тбилиси, 1984.
- Гаф. — *Гаффаров М.А.* Персидско-русский словарь. Т. I. М., 1914; т. II. М., 1927; Переизд.: Т. I–II. 1974.
- ГАЯ — Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии. Казань, 1869.
- Горелик 1993 — *Горелик М.В.* Оружие Древнего Востока. М., 1993
- Григ. — Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского / Обработка и издание Е. Хелимского. Hamburg, 2007.
- Грунина 1991 — *Грунина Э.А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.
- Деревья и кустарники СССР — Деревья и кустарники СССР / Под ред. П.И. Лапина. М., 1966.
- Дёрфер ЗТ — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71–134.
- Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н.К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М.: ГИС, 1958. С. 3–47.
- Дмитриева — *Дмитриева Л.В.* Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.
- Дмитр. ЯБТ — *Дмитриева Л.В.* Язык барабинских татар. Л., 1981.
- ДСТЯ – Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969.
- ДСЯЯ — Диалектологический словарь якутского языка. М., 1976.
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- ДХЯ — Диалекты хакасского языка: Очерки и материалы. Абакан, 1973.
- Дыбо 1986 — *Дыбо А.В.* К вопросу о хакасской просодии // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
- Дыбо 1991 — *Дыбо А.В.* Тюрк. *t, *d // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. М., 1991.
- Дыбо 1992 — *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Дисс. на соискание ученой степени докт. филол. наук. М., 1992.
- Дыбо 1996 — *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
- Дыбо 2005 — *Дыбо А.В.* Дентальные взрывные в пратюркском // Аспекты компаративистики 1. М.: РГГУ, 2005. С. 49–82.
- Дыбо В.А. 1999 — *Дыбо В.А.* Язык — этнос — археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы. II) // Язык как транслятор культуры / Российская академия наук. Научный совет по истории мировой культуры. М., 1999. С. 50–100.
- Егоров — *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Живлов 2006 — *Живлов М.А.* Реконструкция праобскоугорского вокализма. Канд. дис. М.: РГГУ, 2006.

- Зарубин 1960 — *Зарубин И.И.* Шугнанские тексты и словарь. М.; Л., 1960.
- Захаров — *Захаров И.* Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.
- ЗТ — Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.
- Зогра. — Зографское Евангелие
- Иванов 1961 — *Иванов Вяч.Вс.* Тибетские кальки в тохарских текстах // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. LVII. М., 1961. С. 35–40.
- ИЗ — *Сыма Цянь.* Исторические записки («Ши цзи»). Т. I–VIII. М., 1972–2002.
- Илл.-Св. 1963 — *Иллич-Свитыч В.М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, № 6.
- Илл.-Св. 1965 — *Иллич-Свитыч В.М.* Алтайские гуттуральные: *k', k, g* // Этимология-1964. М., 1965.
- ИМ — монгольский материал в словаре Ибн Муханны, см. МА.
- ИРЛТЯ — Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
- Карамшоев — *Карамшоев Д.* Шугнанско-русский словарь. Т. 1. М., 1988; т. 2. М., 1991; т. 3. М., 1999.
- Кляшторный 1989 — *Кляшторный С. Г.* Гуннская держава на востоке // История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1989.
- Кляшторный–Султанов — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.
- Козин — *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol-un niγuča tobčiyan.* Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т. I. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941.
- Кононов 1980 — *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.
- Корм. — *Кормушин И.В.* Удыгейский язык. М.: Наука, 1998.
- Кормушин 1997 — *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
- Крейн. Маг. — *Крейнович Е.А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.
- КРС — Калмычко-русский словарь / Под ред. Б. Муниева. М., 1977.
- Крюков — *Крюков М.В., Хуан Шу-ин.* Древнекитайский язык. М.: Наука, 1978.
- Крюков et al. — *Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
- КСТТ = Тум. ЗС — *Тумашева Д.Г.* Көнбатыш Себер татарлары теле: Грамматик очерк ьәм сүзлек. Казан, 1961.
- КТ (КТм, КТб) — памятник в честь Кюль-тегина — малая и большая надписи (см.: ДТС; ЕДТ).
- Кузьменков 1997 — *Кузьменков Е.А.* Киданьский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997. С. 87–90.
- Левитская 1976 — *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
- Лейд. см. Leid.
- Лигети 1969 — *Лигети Л.* Табгачский язык — диалект сянббийского // Народы Азии и Африки. Вып. 1. М., 1969. С. 107–117.

- Лыткин–Гуляев — *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- МА — *Понте Н.Н.* Монгольский словарь Муккадимат ал-адаб. Ч. I–II // Труды Ин-та востоковедения АН СССР. Вып. XIV. М.; Л., 1938.
- Мал. ЛЯ — *Малов С.Е.* Лобнорский язык: Тексты, переводы, словарь. Фрунзе, 1956.
- Менгес ВЭ — *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
- МК — словарь Махмуда Кашгарского (см.: ДТС; EDT)
- Млекопитающие СССР — *Флинт В.Е., Чугунов Ю.Д., Смирин В.М.* Млекопитающие СССР. М., 1970.
- МССНЯ — *Иллич-Свитыч В.М.* Материалы к сравнительному словарю нестратических языков // Этимология-1965. М., 1967.
- Мудрак 1988 — *Мудрак О.А.* К вопросу о палатализации начальных согласных в чувашском языке // Исследования по чувашскому языку. Чебоксары, 1988.
- Мудрак 1989 — *Мудрак О.А.* Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. I. М., 1989.
- Мудрак 1993 — *Мудрак О.А.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993.
- Мудрак 1994 — *Мудрак О.А.* Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка. Дис. на соискание ученой степени докт. филол. наук. М., 1994.
- Мудрак 2000 — *Мудрак О.А.* Юагиры и нивхи (проблема палеоазиатов) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. М., 2000. С. 133–148.
- Мудрак 2005 — *Мудрак О.А.* Развитие тюркского *a* в узбекском языке // Алтайские языки и восточная филология. К 80-летию Э.Р. Тенишева. М., 2005.
- Мудрак, Заметки — *Мудрак О.А.* Заметки о языке и культуре дунайских булгар // Аспекты компаративистики I. М.: РГУ, 2005. С. 83–106.
- Мудрак Чж. — *Мудрак О.А.* К вопросу о чжурчженской фонетике // Языки Азии и Африки: Фонетика. Лексикология. Грамматика. М., 1985.
- Мудрак ЭСЧКЯ — *Мудрак О.А.* Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М., 2002.
- Мурзаев 1966 — *Мурзаев Э.М.* Природа Синьцзяня и формирование пустынь Центральной Азии. М., 1966.
- Народы Сибири — Народы Сибири. М.–Л., 1956.
- НивхСл — *Савельева В.Н., Таксами Ч.М.* Нивхско-русский словарь. М., 1970.
- ОИЯ 1981 — Основы иранского языкознания. Древне- и среднеиранские языки. М., 1981.
- Он. — *Оенко С.Н.* Нанайско-русский словарь. М., 1980.
- ОСНЯ — *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения нестратических языков. I: Введение. Сравнительный словарь. *b — k*. М., 1971; II: Сравнительный словарь. *l — n*. М., 1976; III: Сравнительный словарь. *p — q*. М., 1984.
- ОСЯ — *Казакевич О.А., Кузнецова А.И., Хелимский Е.А.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 3. М.: МГУ, 2002.
- ОФУЯз 1976 — Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976.

- Панов 1916 — *Панов В.А.* К истории народов Средней Азии. 1. Сюн-ну. Владивосток, 1916. [Б. м.], 1959.
- Пек. — *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. Т. I–III (фототип. изд.).
- Пирейко — *Пирейко Л.А.* Талышско-русский словарь. М., 1976.
- Поппе — *Поппе Н.Н.* Грамматика письменно-монгольского языка. М.; Л., 1937.
- Р (Радлов) — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий: В 4-х томах. СПб., 1899–1911.
- Райнхарт 2006 — *Райнхарт Й.* Древнерусское *коуригь* ‘шафер, дружка’: заимствование из протобулгарского языка // *Ad fontes verborum.* Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., 2006.
- Рамstedт — *Рамstedт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957.
- Рас. МБЗ — *Рассадин В.И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980.
- Рассадин ТС — *Рассадин В.И.* Тофаларско-русский, русско-тофаларский словарь. Иркутск, 1995.
- Рас. ФиЛ — *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
- Рас. 1988 — *Рассадин В.И.* О бурятско-тюркских языковых отношениях // Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков Сибири. Новосибирск, 1988.
- Расторгуева 1990 — *Расторгуева В.С.* Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. М., 1990.
- Расторгуева–Эдельман — *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М., 2000; т. II. М., 2003; т. III. М., 2007.
- Романова–Мыреева — *Романова А.В., Мыреева А.Н.* Диалектологический словарь эвенкийского языка: Материалы говорков эвенков Якутии. Л., 1968.
- Руб. — Персидско-русский словарь / Под ред. Ю.А. Рубинчика. Т. I–II. М., 1970.
- Ряс. Мат. — *Рясанен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
- Савина 1986 — *Савина Л.Н.* Таежные леса Северной Азии в голоцене. Новосибирск: Наука, 1986.
- СИГТЯ 1984 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М., 1984.
- СИГТЯ 1989 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М., 1989.
- СИГТЯ 2000 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 2000.
- СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. М., 2002.
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка. М.: Наука, 2006.
- Срезн. — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912.
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I–II. Л., 1975–1977.
- ССЯ — *Тенишев Э.Р.* Строй саларского языка. М., 1976.

- Старостин 1982 — *Старостин С.А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник: Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика. Л., 1982.
- Старостин 1989 — *Старостин С.А.* Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1989.
- Старостин 1995 — *Старостин С.А.* Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник. М., 1995.
- Стеблин-Каменский 1982 — *Стеблин-Каменский И.М.* Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М., 1982.
- Супр. — Супрасльская рукопись
- СЯОС = Тод. Ойр — *Тодаева Б.Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста, 2001.
- Таскин 1967 — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Пер. и примеч. В.С. Таскина. Вып. 1. М., 1967.
- Таскин 1973 — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Пер. и примеч. В.С. Таскина. Вып. 2. М., 1973.
- Татаринцев 1984 — *Татаринцев Б.И.* О происхождении тюркского наименования неба (*tāŋŋi* и его соответствия) // Советская тюркология. 1984, № 4.
- Татаринцев — *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. I–III. Новосибирск, 2000–2004.
- Тен. ССЮЯ — *Тенишев Э. Р.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976.
- Терентьев СТ — *Терентьев В.А.* Древнейшие тюркские заимствования в языках Европы // Советская тюркология. 1990, № 4. С. 69–74.
- Терентьев 1999 — *Терентьев В.А.* Древнейшие тюрко-самодийские языковые контакты // *Aikakauskirja*. JSOu 88. 1999. P. 173–200.
- Тон. — памятник Тоньюкуку.
- Тод. Бн. — *Тодаева Б.Х.* Баоаньский язык. М., 1964.
- Тод. Даг. — *Тодаева Б.Х.* Дагурский язык. М., 1986.
- Тод. Дн. — *Тодаева Б.Х.* Дунсянский язык. М., 1961.
- Тод. Мгр. — *Тодаева Б.Х.* Монгорский язык. М., 1973.
- Тод. Ойр. — см. СЯОС.
- Тод. ЯМВМ — *Тодаева Б.Х.* Язык монголов Внутренней Монголии: Материалы и словарь. М., 1981.
- ТССДА — Толковый словарь северных диалектов алтайского языка / Ред. Н. Дьяим. Горноалтайск, 2004.
- Тум. ЗС — см. КСТТ.
- Тум. СДСТ — *Тумашева Д.Г.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992.
- УНС — *Малов С. Е.* Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961.
- УЯ — *Малов С. Е.* Уйгурский язык: Хамийское наречие. М.; Л., 1954.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. М., 1964–1973.
- Федотов — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.
- Фрейман 1962 — *Фрейман А.А.* Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. М., 1962.

- Хелимский 1979 — *Хелимский Е.А.* Чередование долгот, консонантный ауслат и ударение в истории венгерских именных основ // *Balcanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.
- Хелимский 1982 — *Хелимский Е.А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982.
- Хелимский, Keto-Uralica — *Хелимский Е.А.* Keto-Uralica // *Кетский сборник: Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика*. Л., 1982. С. 238–251.
- Хелимский 2000 — *Хелимский Е.А.* Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- Хотинский 1977 — *Хотинский Н.А.* Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
- ХП — *Фазылов Э.* Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV в. Т. I–II. Ташкент, 1966–1971.
- Худяков СБ — *Худяков Ю.С.* Сабля Багыра. Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. СПб., 2003.
- Цаболов КЭС — *Цаболов Р.Л.* Этимологический словарь курдского языка. Т. I. М., 2001. Т. II (в печати).
- Цаболов ОИФ — *Цаболов Р.Л.* Очерк исторической фонетики курдского языка. М., 1976.
- Цинциус 1972 — *Цинциус В. И.* Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков // *Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков*. Л., 1972.
- Цинциус 1984 — см. АЭ
- Чад. — *Чадамба З.Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974.
- Чисп. ЛОКД — *Чистякова Ф.Г.* Лексические особенности кондомского диалекта шорского языка // *Языки народов Сибири*. Вып. 3. Кемерово, 1979. С. 58–62.
- Шервашидзе 1986 — *Шервашидзе И.Н.* Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. Тбилиси: Мецниереба, 1986.
- Шервашидзе 1989 — *Шервашидзе И.Н.* Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд // *ВЯ*. 1989, № 2.
- Ши цзи — см. ИЗ
- Щербак 1970 — *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
- Щербак, Имя — *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977.
- Щербак 1997 — *Щербак А.М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., 1997.
- Щербак ИРЛТЯ — *Щербак А.М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // *Историческое развитие лексики тюркских языков*. М., 1961.
- Шипова — *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- Эдельман СГВЯ-Ф — *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Фонология. М., 1986.
- ЭСВЯ — *Стеблин-Каменский И.М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
- ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- ЭСТЯ 1978 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.

- ЭСТЯ 1980 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на «Г», «Д». М., 1980.
- ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э.В. Севортян, Л.С. Левитская. М., 1989.
- ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. М., 1997.
- ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. М., 2000.
- ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, Д.М. Насилов, Е.А. Поцелуевский. М., 2003.
- ЭСТЯ VIII — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Т», «Ч» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, Д.М. Насилов, Е.А. Поцелуевский. Рукопись.
- ЯЖУ — *Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров: Словарь, грамматика. Алма-Ата, 1957.
- Abûn = AH — *Caferoğlu A.* Abû-Hayyân. Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk. Istanbul, 1931.
- Adams — *Adams D.Q.* A Dictionary of Tocharian. Amsterdam; Atlanta, 1999.
- Aikio 2002 — *Aikio A.* New and Old Samoyed Etymologies // FUF. 57: 9–57. 2002. At. — *Edib b. Mahmud Yüekneki.* Atebetü'l-Hakayik / Reşit Rahmeti Arat. Istanbul, 1959.
- Bailey — *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge etc., 1979.
- Bailey 1939 — *Bailey H.W.* Turks in Khotanese Texts // JRAS. 1939. January. P. 85–91.
- Bailey TKhV — *Bailey H.W.* A Turk-Khotanese Vocabulary // BSOAS. 1944. Vol. 11, pt 2.
- Bailey 1981 — *Bailey H.W.* Iranian in Hiung-nu // Acta Iranica. Vol. VII. Monumentum Georg Morgenstierne. Leiden: Brill, 1981.
- Barth. — *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg 1904; Berlin, 1961.
- Benveniste JA — *Benveniste E.* Mots voyageurs en Asie Central // JA. CCXXXVI. 1948. Fasc. 2.
- Blažek 2004 — *Blažek V.* Indo-European “apple(s)” // Die Indogermanistik und ihre Anrainer. Innsbruck, 2004. P. 11–30.
- Boodberg — *Boodberg P.A.* The Language of the To-Pa Wei // HJAS. Vol. 1, № 2. 1936. P. 167–185.
- Boodberg, Two Notes — *Boodberg P.A.* Two Notes on the History of the Chinese Frontier // HJAS. Vol. 1, № 1. 1936. P. 283–308.
- Brock. — *Brockelmann C.* Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmūd al-Kāšyarīs Dīvān lugāt at-Turk. Budapest; Leipzig, 1928.
- Burlak–Itkin 2000 — *Burlak S., Itkin I.* «Māñca-kaum» et autres addenda et corrigenda // Tocharian and Indo-European Studies. 9. 2000.
- Buyaner 2005 — *Buyaner D.* On the designation of “water-skin” in some languages of Central Asia // AO (Havn.). 1995.
- CCum — Codex Cumanicus / Ed. G.Kuun. Budapestini, 1880.
- Clark 1977 — *Clark L.V.* Mongol Elements in Old Turkic? // JSFOu. 1977. T. 75.

- Clark 1980 — *Clark L.V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s*, *z*, *š*, *č* // CAJ. 1980. Vol. 24, № 1–2.
- Clauson, Studies — *Clauson G.* Turkish and Mongolian Studies. L., 1961.
- Coll. 1932 — *Collinder B.* Die urgermanischen Lehnwörter im Finnischen. Uppsala; Leipzig, 1932.
- CPD — *MacKenzie D.N.* A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971.
- Dankoff–Kelly — *Dankoff R., Kelly J.* Compendium of the Turkic Dialects. I–III. Harvard, 1982–1985.
- DD — Türkiye’de halk ağzından söz derleme dergisi. I–VI. Istanbul, 1939–1952.
- Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 62. 1969. S. 250–263.
- Doerfer 1971 — *Doerfer G., Hesse W., Scheinhardt H., Tezcan S.* Khalaj Materials. Bloomington; The Hague, 1971.
- Doerfer 1975–1976 — *Doerfer G.* Proto-Turkic Reconstruction Problems // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten. Ankara, 1975–1976. S. 1–59.
- Doerfer 1993 — *Doerfer G.* The Older Mongolian Layer in Ancient Turkic // Türk Dili Araştırmaları. C. 3. Ankara, 1993. P. 79–86.
- Doerfer GCh — *Doerfer G.* Grammatik des Chaladsch. Wiesbaden, 1988.
- Doerfer MT — *Doerfer G.* Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, 1985.
- D–T — *Doerfer G., Tezcan C.* Wörterbuch des Chaladsch: (Dialekt von Charrab). Budapest, 1980.
- DO — *Mostaert A.* Dictionnaire ordos. P., 1960.
- DS — Türkiye’de halk ağzından derleme sözlüğü. I–III. Ankara, 1963–1968.
- Dybo 2003 — *Dybo A.V.* Turco-Tocharica and Turco-Sakica Renewed // Proceedings of the 45th Meeting of the PIAC (Budapest, 2002). Budapest, 2003.
- Dybo 2005 — *Dybo A.V.* Some Peculiarities of Altaic Reflexes of Nostratic Sibilants // Nostratic Centennial Conference, The Pecz Papers. Pecz, Lingua franca Group, 2005. P. 85–114.
- Dybo V.A. 2002 — *Dybo V.A.* Balto-Slavic Accentology and Winter’s Law // Studia Linguarum 3/2. Moscow, 2002.
- EAS — *Ramstedt G.J.* Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft. Bd. I. Lautlehre. Helsinki, 1957; Bd. II. Formenlehre. Helsinki, 1952.
- EDAL — *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
- EDT — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Emmerick–Skjærvø — *Emmerick R.E., Skjærvø P.O.* Studies in the Vocabulary of Khotanese. Wien. I — 1982; II — 1987; III — 1997.
- Endz.-Mühl. — *Mühlenbach K.* Lettisch-Deutsches Wörterbuch, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. I–IV. Riga, 1923–1925.
- Erdal 1993 — *Erdal M.* Die Sprache der wolgalbolgarischen Inschriften. Wiesbaden, 1993.
- Erdal 2004 — *Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004.
- Erdal IES — *Erdal M.* Around the Turkic ‘apple’ // JIES 21, 1, 1993. P. 27–36.
- Ettuh. — Ettuhfet-üz-zekiyye fil-lügat-it-türkiyye / Çevirien Besim Atalay. Istanbul, 1945.
- Fazl-i-Ali — *Fazl-i-Ali.* A Dictionary of the Persian and English Languages. New Delhi, 1979.

- Fraenk. — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, 1965.
- Friedrich 1970 — *Friedrich P.* Proto-Indo-European. The Arboreal System of a Prehistoric People. Chicago; London, 1970.
- Frisk — *Frisk H.J.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954.
- Gab. AG = Gabain AG — *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. 2 Aufl. Lpz., 1950.
- Gabain HTB — *Gabain A. von.* Hunnisch-Türkische Beziehungen // Zeki Velidi Togana' armağan. Istanbul, 1950–1955. S. 14–29.
- Georg 2001 — *Georg S.* Türkisch/Mongolisch *tengri* 'Himmel, Gott' und seine Herkunft // Studia Etymologica Cracoviensia. Vol. 6. 2001.
- Gharib — *Gharib B.* Sogdian Dictionary. Tehran, 1995.
- Golden 2005 — *Golden P.B.* Khazarica: Notes on some Khazar Terms // Turkic Languages. Vol. 9. Wiesbaden, 2005. P. 205–222.
- Gombocz 1912 — *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912 (MSFOu. XXX).
- Hel. = Helimski 1997 — *Helimski E.* Die Matorische Sprache. Szeged, 1997.
- Helimski–Stachowski 1995 — *Helimski E., Stachowski M.* Turco-Samoiedica // Folia Orientalia 31, 1995. P. 39–52.
- Hirth 1900 — *Hirth F.* Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker. I // Известия Императорской Академии наук. 1900. Сентябрь. Сер. 5. Т. XIII. СПб.
- Honti — *Honti L.* Geschichte des Obugrischen Vokalisus der ersten Silbe. Budapest, 1982.
- Horn — *Horn P.* Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893.
- Houts. — *Houtsma M.Th.* Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.
- Hübschmann Osset. Et. — *Hübschmann H.* Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache. Strassburg, 1887.
- HY — *Lewicki M.* La langue mongole des transcriptions chinoises du XIV-e siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389. Wrocław, 1949.
- IM — 1) *Battal Aptullah.* İbnü-Mühenna lûgati. Istanbul, 1934. 2) *Мелиоранский П.М.* Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900. 3) *Малов С.Е.* Ибн-Муханна о турецком языке // ЗКВ. Л., 1928. Т. III. Вып. 2.
- Janh. — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.
- Janh. 1989 — *Janhunen J.* On the interaction of Mator with Turkic, Mongolic, and Tungusic // JSFOu. 1989. 82. Pp. 287–297.
- JLTT — *Martin S.E.* The Japanese Language Through Time. New Haven; London, 1987.
- JOAL — *Miller R.A.* Japanese and the Other Altaic Languages. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1971.
- Joki KW — Kai Donners Kamassisches Wörterbuch / Bearbeitet und herausgegeben von Joki A.J. Helsinki, 1944.
- Joki LS = Joki 1952 — *Joki A.J.* Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischen. Helsinki, 1952 (MSFOu 103).
- Kakuk — *Kakuk S.* Un vocabulaire salar // AOH. 1962. Т. XIV, fasc. 2.
- Kaš. MEJ — *Kalužyński S.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.

- Kannisto 1925 — *Kannisto A.* Die tatarischen Lehnwörter im Wogulischen // FUF. 1925. Bd. 17. S. 1–264.
- Karlgren — *Karlgren B.* Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. P., 1923.
- KED — *Martin S.E., Yang Ha Lee, Sung-Un Chang.* A Korean-English Dictionary. New Haven; London, 1967.
- KMTL — *Korai Magyar Történeti Lexikon.* Budapest, 1994.
- Kotwicz 1927 — *Kotwicz W.* [Rec.] K. Mosziński. Badania nad pochodzeniem i pierwotną kulturą Słowian. I. Kraków 1925 // Rocznik orientalistyczny III. Kraków, 1927. S. 290–326.
- Kotwicz 1953 — *Kotwicz W.* Contributions aux études altaïques // Rocznik orientalistyczny XVI. Kraków, 1953. S. 327–368.
- Kow. — *Kowalewski J.E.* Dictionnaire mongol-russe-français. I–III. Kasan, 1844–1849.
- KWb — *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- Lee 1958 — *Ki-Moon Lee.* A Comparative Study of Manchu and Korean // UAJ. XXX, 1958.
- Leid. = Лейд. — *Poppe N.* Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // ИАХ СССР. 1927. XXI. Cep. VI. № 15–17.
- Less. — *Lessing F.D.* Mongolian-English Dictionary. Berkeley; Los Angeles, 1960.
- Ligeti 1950 — *Ligeti L.* Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise // AOH. 1950. T. I, fasc. 1. P. 141–188.
- Ligeti 1965 — *Ligeti L.* Le lexique mongol de Kirakos de Gandzak // AOH. 1965. T. XVIII, fasc. 1.
- Ligeti 1986 — *Ligeti L.* A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest, 1986.
- Lig. MNyTK — *Ligeti L.* A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van. I. Budapest, 1977; II. Budapest, 1979.
- Lig. VSOu — *Ligeti L.* Un vocabulaire sino-ouïgour des Ming. Le “Kao-ch’ang-kouan yi-chou” du bureau des traducteurs // AOH. 1966. T. XIX, fasc. 2–3.
- Liu — *Liu Cang Ton.* Icoe sacen. Seoul, 1964 (reprinted 1995).
- Lubotsky–Starostin — *Lubotsky A., Starostin S.* Turkic and Chinese Loanwords in Tocharian // Language in Time and Space. FS W. Winter. B.; N. Y.: Mouton-de Gruyter, 2003. P. 257–270.
- Maenchen-Helfen O.* Are Chinese *hsi-p’i* and *kuo-lo* Indo-European Loanwords? // Language. Vol. 21, 1945, 256–260.
- Martin — *Martin S.E.* Lexical Evidence Relating Korean to Japanese // Language. Vol. 42, № 2, 1966.
- Mayr. — *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der Altindischen. Heidelberg, 1953–1979.
- Mayrhofer IA — *Mayrhofer M.* Etymologisches Woerterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1986. Bd. I; 1996. Bd. II.
- MD — *Martin S.E.* Dagur Mongolian. Grammar, Texts and Lexicon. Bloomington, 1961.
- Meng. 1955 — *Menges K.* Glossar zu den volkskundlichen Texten aus Ost-Turkestan. Mainz, 1955.
- Meyer 1965 — *Meyer I. R.* Bemerkungen über Vokal- und Schriftsystem des Runentürkischen // AO (Havn.). 1965. XXIX. S. 183–202.
- MGCD — *Menggu yuzu yuyen cidien.* Qinghai, 1990.
- Mgst. EPsh — *Morgenstierne G.* An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.

- Mgst. Irano-Dardica — *Morgenstierne G.* Irano-Dardica. Wiesbaden, 1973.
- Mgst. Shugn. — *Morgenstierne G.* Etymological Vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden, 1974.
- Miller 1996 — *Miller R. A.* Languages and History. Japanese, Korean, and Altaic. Bangkok: White Orchid Press. 1996.
- MNT 1967 — *Bárczi G., Benkő L., Berrár J.* A magyar nyelv története. Budapest, 1967.
- MNyTESz — A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I–III. Budapest, 1967–1976.
- Monyer-Williams ESD — *Monyer-Williams M.* A Dictionary English and Sanskrit. L., 1851.
- Mudrak–Nikolaev 1989 — *Mudrak O.A., Nikolaev S.L.* Gilyak and Chukchi-Kamchatkan as Almosan-Keresouan Languages // Explorations in Language Macro-families. Bochum, 1989. P. 67–87.
- Murayama 1962 — *Murayama S.* Etymologie des altjapanischen Wortes *irō* ‘Farbe, Gesichtsfarbe, Gesicht’ // UAJ. 1962. Bd. 34, H. 1–2.
- Ozawa — *Ozawa Shigeo.* Kodai nihongo to chūsei mongorugo. Tokyo, 1968.
- Paas. 1974 — *Paasonen H.* Chuvász Szyjegyzők // NyK. XXVII, XXVIII (= *Paasonen H.* Tschuwassisches Wörterverzeichnis. Szeged, 1974).
- Paas. TLO — *Paasonen H.* Über die türkischen Lehnwörter in Ostjakischen // FUF. 1902. Bd. 2.
- Palló 1961 — *Palló Margit K.* Die Vertretung ung. *sz-* (*s-*) < türk. *j-* in den alten türkischen Lehnwörter der ungarischen Sprache // UAJ 33. 1961. S. 128–135.
- Pav. C. — *Pavet de Courteille M.* Dictionnaire turc-oriental. P., 1820.
- Pinault 1998 — *Pinault G.-J.* Tocharian Languages and Pre-Buddhist Culture // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Central Asia / Victor A. Mair (ed.). Washington, 1998. P. 358–371.
- Pinault 2001 — *Pinault G.-J.* Tocharo-Turcica // De Dunhuang à Istanbul. Hommage à James Russel Hamilton / L. Bazin, P. Zieme (eds.) (= Silk Road Studies V). Turnhout, 2001. P. 245–265.
- Pok. — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Poppe j. — *Poppe N., jn.* Studies of Turkic Loan Words in Russian // AF 34. Bonn, 1971.
- Pulleyblanc 1962 — *Pulleyblanc E.G.* The Consonantal System of Old Chinese // AM 9, pt. 1–2, 1962–1963.
- QB — материал из рукописи «Кутадгу Билиг».
- Rabg. — *Qısaşu'l-anbiyā*, см.: EDT.
- Räsänen 1957 — *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957.
- Räs. ČLČ — *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920 (MSFOu. XLVIII).
- Ram. SKE — *Ramstedt G.J.* Studies in Korean Etymologie. Helsinki, 1949.
- Ramstedt 1906 — *Ramstedt G.J.* Mogholica. Beiträge zur Kenntnis der Monghol-Sprache in Afghanistan // JSFOu. XXIII. 1906.
- Reinhart 1990 — *Reinhart J.* Die tocharischen Entlehnungen im Altaischen und die Chronologie der tocharischen Lautgesetze // Tocharian and Indo-European Studies. Supplementary series. Vol. 4. B., 1990.

- Róna-Tas Infl. — *Róna-Tas A.* Turkic Influence on the Uralic Languages // The Uralic Languages. Leiden, 1988.
- Róna-Tas TE — *Róna-Tas A.* Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen? // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker: Protokollband der XII. Tagung der PIAC 1961 in Berlin. Berlin. S. 499–504.
- Róna-Tas 1971–1972 — *Róna-Tas A.* Középmongol eredetű jövevényszavak a czuvasban I // Néprajz és Nyelvtudományi. 1971–1972. S. 15–16.
- Róna-Tas 1976 — *Róna-Tas A.* A Runic Inscription in the Kujbyshev Region // AOH 30 (1976). 267–271.
- Róna-Tas 1992 — *Róna-Tas A.* A magyar írásbeliség török eredetéhez (*ír* és *betű* szavunk etimológiája) // Róváírás a Kárpáti-medencében. Szerk. Sándor Klára. Szeged, 1992. P. 9–14.
- Róna-Tas 1998 — *Róna-Tas A.* The Reconstruction of Proto-Turkic and the Genetic Question // The Turkic Languages. L.; N. Y., 1998. P. 67–80.
- RT 1997 — *Róna-Tas A.* Török nyelvi hatások az ősmagyar nyelvre // Honfoglalás és nyelvészet. Főszerkesztő Györfly György. Budapest, 1997. S. 49–60.
- Rozycki — *Rozycki W.* Mongol Elements in Manchu. Bloomington (Indiana), 1994.
- Sangl. — Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language by Muhammad Mahdí Xān: Facsimile Text with an Introduction and Indices by sir G. Clauson. L., 1960.
- Sanping Chen 1998 — *Sanping Chen.* Sino-Tokharico-Altaiica — Two Linguistic Notes // CAJ 42/1, 1998. P. 24–39.
- Schafer 1950 — *Schafer E.H.* The Camel in China down to the Mongol Dynasty // Sinologica, II/3. P. 165–194; II/4. P. 268–290. Basel, 1950.
- Schrader–Nehring — *Schrader O., Nehring A.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. I–II. B.; Lpz., 1917–1928.
- Schwartz 1974 — *Schwartz M.S.* Irano-Tocharica. Louvain, 1974.
- SH — *Haenisch E.* Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geshichte der Mongolen. Lpz., 1939.
- Shiratori — *Shiratori K.* Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker. II. Über die Sprache der Hiungnu und der Tunghu-Stämme // Известия Императорской Академии наук. 1902. Сентябрь. Т. XVII, № 2.
- Schönig 1993 — *Schönig C.* Türkische Sprachkontakte in Ostsibirien // Sprach- und Kulturkontakte der türkischen Völker. Wiesbaden 1993. S. 155–164.
- Sinor JA 1939 — *Sinor D.* À propos de la biographie ouigure de Hiuan Tsang // JA. 1939. P. 543–590.
- Sinor 1965 — *Sinor D.* Notes on the Altaic Equine Terminology // CAJ. 1965. Vol. X, № 3–4.
- Sinor 1990 — *Sinor D.* Turkic *yer* ‘ground, place, earth’ — Chuvash *šer* — Hungarian *szér* // Essays in Comparative Altaic Linguistics. Bloomington, 1990.
- SKE — *Ramstedt G.J.* Studies in Korean Etymologie. Helsinki, 1949.
- SKES — *Toivonen Y., Itkonen E., Joki A.* Suomen kielen Etymologinen sanakirja. I–VII. Helsinki, 1955–1979.
- SM — *Smedt A. de, Mostaert A.* Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental. III partie: Dictionnaire monguor-français. Pei-p'ing, 1933.
- Stachowski — *Stachowski M.* Dolganischer Wortschatz. Kraków, 1993.
- Stachowski 1996 — *Stachowski M.* Über einige altaische Lehnwörter in den Jenissei-Sprachen // SEC. 1. 1996. S. 92–115.

- Stachowski 1997 — *Stachowski M.* Altaistische Anmerkungen zum «Vergleichenden Wörterbuch der Jenissei-Sprachen» // SEC. 2. 1997. S. 227–239.
- Stachowski 1999 — *Stachowski M.* Uralistisch-türkologische Überlegungen zur Fledermaus // SEC. 4. 1999.
- Stachowski GJV — *Stachowski M.* Geschichte der jakutische Vocalismus. Kraków, 1993.
- Street 1974 — *Street J.* On the Lexicon of Proto-Altaic: a Partial Index to Reconstructions. Madison (Wisconsin), 1974.
- Street 1980 — *Street J.* Proto-Altaic *-(V)b- ~ Turcic š // CAJ. 1980. Vol. 24, № 3–4. Suv. — Суварпапрахhäsa. Сутра Золотого блеска, см.: ДТС
- Tekin 1968 — *Tekin T.* A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968.
- Tfs — *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тefsира XII–XIII вв. М., 1961.
- The Mongolic Languages — *J.Janhunen* (ed.). The Mongolic Languages. L.–N. Y., 2005.
- Titres et noms — *Benveniste E.* Titres et noms propres en Iranien ancien. P., 1966.
- TMN — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963. I; Wiesbaden, 1965. II; Wiesbaden, 1967. III.
- Tremblay — *Tremblay X.* Irano-Tocharica et Tocharo-Iranica. // BSOAS 68 (2005), 421–449.
- TS — XIII. yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle yazılmış kitaplardan toplanan taniklariyle tarama sözlüğü. I–VIII. Ankara, 1963–1969.
- TT (I–V) — *Bang W.* und *Gabain A. von.* Türkische Turfan-Texte. I // SPAW. 1929. XV; II // SPAW. 1929. XXII; III // SPAW. 1930. XIII; IV // SPAW. 1930. XXIV; V // SPAW. 1931. XIV; VI // SPAW. 1934. X.
- TT (VI–X) — *Bang W.*, *Gabain A. von.*, *Rachmatı G.R.* Türkische Turfan-Texte. VI: Das buddistische Sūtra Säzik yükmäk // SPAW. 1934. X; *Rachmatı G.R.* Türkische Turfan-Texte. VII // APAW. 1936. №12; *Gabain A. von.* Türkische Turfan-Texte. VIII Texte im Brähmīschrift // ADAW. 1952. №7; *Gabain A. von.*, *Winter W.* Türkische Turfan-Texte. IX. Ein Hymnus an den Vater Mani auf „Tocharisch“ B mit alttürkischer Übersetzung // ADAW. 1956. №2; *Gabain A. von.* Türkische Turfan-Texte. X. Das Avadāna des Dämons Ātavaka. Bearb. von T. Kowalski // ADAW. 1958. №1.
- Trautmann BSW — *Trautmann R.* Baltisch-Slawisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
- Turner — *Turner R.L.* A Comparative Dictionary of the Indo-Arian Languages. Fasc. I–IV. L., 1962–1964.
- U — *Müller F.W.K.* Uigurica. I–IV // APAW. 1908; 1910; 1922; 1931.
- UEW — *Redei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1989.
- USp — *Radloff W.* Uigurische Sprachdenkmäler: Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben. JI., 1928.
- Vám. — *Vámbery H.* Čagataische Sprachstudien enthaltend grammatikalischen Umriss, Chrestomatie und Wörterbuch der Čagataischen Sprachen. Lpz., 1867.
- Vámbery 1901 — *Vámbery H.* Alt-osmanische Sprachstudien. Leiden, 1901.
- VEWT — *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- VGAS — *Poppe N.* Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. Teil 1. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
- Vovin 2000 — *Vovin A.* Did the Xiong-nu speak a Yeniseian Language? // CAJ. 44, 2000. P. 87–104.

- Vovin 2005 — *Vovin A.* The End of the Altaic Controversy // CAJ. 49/1, 2005. P. 71–132.
- Werner 2002 — *Werner G.* Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. 1–3. Wiesbaden, 2002.
- Wichmann — *Wichmann Y.* Samojedisches Lehngut im Syrjanischen // FUF. Bd. II. H. 3. S. 165–183.
- Winter 1984 — *Winter W.* Zur tocharischen Entsprechung von skt. *tokharika* // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd. 97. 1984. S. 131–134.
- WP — *Walde A.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen / Hrsg. u. bearb. von J. Pokorny. Bd. I–III. B.; Lpz., 1926–1932.
- www.paleobase.narod.ru (авторы — О.В. Смирнова, С.А. Турубанова).
- www.starling.rinet.ru (YENET, база данных по енисейской этимологии).
- Zajaczkowski 1934 — *Zajaczkowski A.* Studia nad językiem staroosmańskim. I. Wybrane ustepy z anatolijskotureckiego przekladu Kalili i Dimny. Kraków, 1934.
- Zambasta — книга Замбасты, см.: Bailey.
- ZM — *The Zirmi Manuscript. A Persian-Mongolian Glossary and Grammar* by Shinobu Iwamura. Kyoto, 1961.

Языки и диалекты

аб. = абак. — абаканский	будд. — буддийский
авест. — авестийский	булг. = болгар. — болгарский
аз. — азербайджанский	бур. — бурятский
алб. — албанский	бур. зап. — западнобурятский
Алд. — алданский диалект эвенкийского	буруш. — бурушаски
алт. — алтайский	васюган. — васюганский диалект хантыйского
амур. — амурский диалект нивхского	вахан. — ваханский
араб. — арабский	ваховск. — ваховский диалект хантыйского
арин. — аринский	в.-б. — верхнебийский
арм. — армянский	венг. — венгерский
ассан. — ассанский	верхнедемьян. — верхнедемьянский говор хантыйского
афг. — афганский	верхнекондинск. — верхнекондинский говор хантыйского
балт. — балтийский	в.-к. — верхнекондомский диалект шорского
баоан. — баоаньский	в.-луж. — верхнелужицкий
бараб. — барабинский татарский	вост.-белудж. — восточнобелуджский
барт. — бартангский	вост.-иран. — восточноиранский
баск. — баскский	вост.-слав. — восточнославянский
бахт. — бахтиярский	VX — Восточная Хань
башк. — башкирский	гаг. — гагаузский
башк. айск. — айский говор башкирского	галл. — галльский
белудж. — белуджский	галт. — горноалтайский
Бк — бикинский диалект нанайского	
блр. — белорусский	
болг. — болгарский	
бретон. — бретонский	

галт. лит. — горноалтайский литературный
герм. — германский
горн. — горный
греч. — греческий
греч. крит. — греческий критский
груз. — грузинский
дагур. — дагурский
диал. — диалектный
долган. — долганский
др.-англ. — древнеанглийский
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий
др.-греч. — древнегреческий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-исл. — древнеисландский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-кит. — древнекитайский
др.-корн. — древнекорнский
др.-норв. — древненорвежский
др.-перс. — древнеперсидский
др.-рус. — древнерусский
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-уйг. — древнеуйгурский
др.-уйг. рунич. — древнеуйгурский рунический
др.-яп. — древнеяпонский
дубровницк. — дубровницкий
дун.-булг. — дунайско-булгарский
дунс. — дунсянский
енис. — енисейский
енис.-тюрк. — енисейско-тюркский
зап. — западный
ЗХ = ЗХань = Зап. Хань — Западная Хань
зор. пехл. — зороастрийский пехлеви
зырян. — зырянский
ИЕ — индоевропейский
ИИран. — индоиранский
иран. — иранский
ирл. — ирландский
ительм. — ительменский
ишк. — ишкашимский
казах. — казахский
казым. — казымский диалект хантыйского
калм. — калмыцкий
камас. — камасинский
кар. = караим. — караимский

кар. Г. — караимский галицкий
кар. К. — караимский крымский
кар. Т. — караимский тракайский
карагас. — карагасский
карач. — карачаевский
кач. = качин. — качинский диалект хакасского
кашг. — кашгарский диалект новоуйгурского
кашуб. — кашубский
кбак. — карачаево-балкарский
кельт. — кельтский
кет. — кетский
кимр. — кимрский
кирг. — киргизский
кит. — китайский
ккалп. — каракалпакский
класс. кит. — классический китайский
кл. перс. — классический персидский
койб. — койбальский
конд. — кондомский
кор. — корейский
котг. — коттский
крх.-уйг. — караханидско-уйгурский
ктат. — крымско-татарский
К-У — кур-урмийский диалект на-найского
кум. — кумыкский
куман. — куманский
куманд. — кумандинский
курд. — курдский
курдак. — курдакский
кыз. — кызыльский диалект хакасского
кыпч. — кыпчакский
кюзр. — кюзрик
лакон. — лаконский
ласг. — ласгерди
лат. — латинский
латыш. — латышский
лебед. = куу — лебединский
литов. — литовский
литер. — литературный
лобнор. — лобнорский
лув. — лувийский
лур. — лурский

малокарач. — малокарачинский го-
 вор чувашского
 манд. — мандаринский китайский
 маних. — манихейский
 манс. — мансийский
 маньчж. — маньчжурский
 мар. = марийск. — марийский
 мар. горн. — горномарийский
 матор. — маторский
 могол. — могольский
 монг. — монгольский
 монгор. — монгорский
 морд. = мордов. — мордовский
 МТК — матор-тайги-карагасский
 мундж. — мунджанский
 нан. — нанайский
 н.-б. — нижнебайский
 нганас. — нганасанский
 негид. — негидальский
 ненец. — ненецкий
 ненец. лесн. — ненецкий лесной
 ненец. обдор. — ненецкий обдор-
 ский
 ненец. тундр. — ненецкий тунд-
 ренный
 нивх. — нивхский
 низям. — низямский диалект хан-
 тыйского
 н.-инд. — новоиндийские
 нкорн. — новокорнский
 н.-перс. — новоперсидский
 н.-уйг. — новоуйгурский
 ног. — ногайский
 ностр. — ностратический
 Нх — найхинский диалект нанай-
 ского
 обдор. — обдорский диалект хантый-
 ского
 обско-угор. — обскоугорский
 общемонг. — общемонгольский
 огуз. — огузский
 ойр. — ойротский
 ойрат. — ойратский
 ойрат. синьцз. — ойратский синь-
 цзянский
 ордос. — ордосский
 орок. — орокский
 ороц. — ороцкий

орхон. — орхонский
 осет. — осетинский
 ОТ = общетюрк. — общетюркский
 ПА — праалтайский
 памир. — памирский
 парф. — парфянский
 ПБалт. — прабалтийский
 ПБаск. — прабаскский
 ПДК — постклассический древнеки-
 тайский
 пекин. — пекинский китайский
 ПЕн. — праенисейский
 перс. — персидский
 пехл. — пехлевийский
 ПИЕ — праиндоевропейский
 ПИран. — праиранский
 ПКавк. — пракавказский
 ПКартв. — пракартвельский
 ПЛезг. — пралезгинский
 ПМанси — праманси
 ПМонг. — прамонгольский
 п.-монг. — письменно-монгольский
 ПНивх. — пранивхский
 ПНостр. — праностратический
 поздне-др.-уйг. — позднедревнеуй-
 гурский
 ПОУ — праобскоугорский
 ППДК — позднепостклассический
 древнекитайский
 праенис. — праенисейский
 праперм. — прапермский
 прасак. — прасакский
 пратюрк. — пратюркский
 протобулг. — протобулгарский
 прус. — прусский
 ПСам. — прасамодийский
 ПСК — прасино-кавказский
 ПСТИб. — прасино-тибетский
 ПТ — пратюркский
 ПТМ — пратунгусо-маньчжурский
 ПТох. — прагохарский
 ПТюрк.-Монг. — пратюрко-монголь-
 ский
 ПУг. — праугорский
 ПУр. — прауральский
 пумпокол. — пумпокольский
 ПФУ — прафинно-угорский
 ПХанты — праханты

ПЮСам. — праюжносамодийский
 ПЯп. — праяпонский
 ранне-монг. — раннемонгольский
 РПДК — раннепостклассический
 древнекитайский
 рунич. — рунический
 рус. — русский
 рус. сиб. — русский сибирский
 русск.-ц.-слав. — русско-церковно-
 нославянский
 руш. — рушанский
 саам. — саамский
 сабин. — сабинский
 саг. — сагайский
 сак. — сакский
 салар. — саларский
 сам., самод. — самодийский
 сангис. — сангисари
 сангл. — санглечи
 санскр. — санскрит
 сар. — сарькольский
 сахал. — сахалинский диалект нивх-
 ского
 С.-В. — северо-восточный
 С.-З. — северо-западный
 сев.-кавк. — северокавказский
 сев.-монг. — северномонгольский
 сев.-самод. — северносамодийский
 сев.-тунг. — севернотунгусо-мань-
 чжурский
 селькуп. — селькупский
 селькуп. тазов. — тазовский диа-
 лект селькупского
 селькуп. южн. — южные диа-
 лекты селькупского
 семн. — семнани
 сербохорв. — сербохорватский
 сиб.-тат. — сибирско-татарский
 сиб.-тюрк. — сибирско-тюркский
 синокавк. — сино-кавказский
 синокор. — сино-корейский
 скиф. — скифский
 слав. — славянский
 словин. — словинцкий
 совр. кит. — современный китайский
 совр. кор. — современный корейский
 совр. перс. — современный персид-
 ский
 согд. — согдийский
 сой. — сойотский
 солон. — солонский
 сорх. — сорхеи
 СПДК — среднепостклассический
 древнекитайский
 ср.-иран. — среднеиранский
 ср.-ирл. — среднеирландский
 ср.-кит. — среднекитайский
 ср.-кор. — среднекорейский
 ср.-кыпч. — среднекыпчакский
 ср.-монг. — среднемонгольский
 ср.-н.-нем. — средненижне немецкий
 ср.-перс. — среднеперсидский
 ср.-тюрк. — среднетюркский
 ср.-уйг. — среднеуйгурский
 ср.-яп. — среднеяпонский
 СТ — сино-тибетский
 ст.-венг. — старовенгерский
 ст.-кыпч. — старокыпчакский
 ст.-осм. — староосманский
 ст.-рус. — старорусский
 ст.-слав. — старославянский
 сувар. — суварский
 Сх. — сахалинский диалект эвенкий-
 ского
 сым. — сымский
 сюг. — сарыг-уйгурский
 тадж. — таджикский
 тазов. — тазовский
 талыш. — талышский
 таранч. — таранчи
 татар. — татарский
 Лямб. — татарский лямбирский
 Серг. — татарский сергачский
 томск. — татарский томский
 тел. — телеутский
 теленг. — теленгитский
 тиб. — тибетский
 Тк. — токкинский диалект эвенкий-
 ского
 Тмт. — томотский диалект эвенкий-
 ского
 ТМ — тунгусо-маньчжурский
 тоб.-тат. — тобольско-татарский
 тодж. — тоджинский диалект тувин-
 ского

токийск. — токийский японский
 тоф. — тофаларский
 тох. А — тохарский А
 тох. В — тохарский В
 тремьюган. — тремьюганский диалект хантыйского
 тув. — тувинский
 тундр. — тундренный
 тур. — турецкий
 туркм. — туркменский
 тюрк. — тюркский
 Уг. — угорский
 уд. — удэ́йский
 удм. — удмуртский
 уйг. — уйгурский
 узб. — узбекский
 узб. хорезм. = хорезм.-узб.
 укр. — украинский
 ульч. — ульчский
 Урм. — урмийский диалект эвенкийского
 Учр. — учурский диалект эвенкийского
 фин. — финский
 финно-угор. = ФУ — финно-угорский
 хак. — хака́сский
 хал. = халадж. — халаджский
 хант. — хантыйский
 хетт. — хеттский
 хор. — хоринский диалект бурятского
 хорезм. — хорезмийский
 хорезм.-узб. — хорезмский диалект узбекского языка
 хотан. — хотанский
 хсак. = хот.-сак. — хотано-сакский
 хрзм.-т. — хорезмийско-тюркский
 хуфск. — хуфский
 Ц.-В. — центрально-восточный
 ц.-слав. — церковнославянский
 чаг. = чагат. — чагатайский
 чжурчж. — чжурчженский
 Члм. — чульманский диалект эвенкийского
 Чмк. — чумиканский диалект эвенкийского
 чув. — чувашский
 чул. = чулым. — чулымский
 чук. — чукотский
 чук.-камч. — чукотско-камчатский
 шам. — шамирзади
 шор. — шорский
 шор. Конд. — шорский кондомский
 шор. мрас. — шорский мрасский
 шугн. — шугнанский
 эвен. — эвенский
 эвенк. — эвенкийский
 эвенк. баргуз. — баргузинский диалект эвенкийского
 энец. — энецкий
 энец. лесн. — энецкий лесной
 энец. тундр. — энецкий тундренный
 эст. — эстонский
 Ю.-В. — юго-восточный
 юг. — югский
 юган. — юганский диалект хантыйского
 южн. — южный
 Ю.-З. — юго-западный
 юкаг. — юкагирский
 юкаг. тундр. — юкагирский тундренный
 юрак. — юракский
 ЮСамод. — южносамодийский
 эрз. — эрзя
 ягноб. — ягнобский
 язг. — язгулямский
 як. = якут. — якутский
 яп. — японский

Прочие сокращения

Abl. — аблатив
 Acc. — аккумулятив
 adj. — прилагательное

Caus. — каузатив
 Dat. — датив
 Denom. Verb — отыменной глагол

f. — женский род
gen. — генитив
Imp. — императив
m. — мужской род
n. — средний род
Part. Pf. — перфектное причастие
Pass. — пассив
Pers., Prs. — лицо
Pl. — множественное число
Sg. — единственное число
Subst. — существительное
voc. — vocатив
афф. — аффикс
букв. — буквальный

вежл. — вежливость
димин. — уменьшительный
заим. — заимствование
и. с. = имя собств. — имя собственное
л. — лицо
лаб. — лабиализованный
метафорич. — метафорический
мн. ч. — множественное число
переднерядн. — переднерядный
произв. — производное
транскр. — транскрипция
собир. — собирательный
суф.= суфф. — суффикс
уменьш. — уменьшительный

Языки и диалекты

аб. = абак. — абаканский	в.-к. — верхне-кондомский диалект шорского
авест. — авестийский	в.-луж. — верхне-лужицкий
аз. — азербайджанский	вост.-белудж. — восточнобелуджский
алб. — албанский	вост.-иран. — восточноиранский
Алд. — алданский диалект эвенкийского	вост.-слав. — восточнославянский
алт. — алтайский	VX — Восточная Хань
амур. — амурский диалект нивхского	гаг. — гагаузский
араб. — арабский	галл. — галльский
арин. — аринский	галт. — горноалтайский
арм. — армянский	галт. лит. — горноалтайский литературный
ассан. — ассанский	герм. — германский
афг. — афганский	горн. — горный
балт. — балтийский	греч. — греческий
баоан. — баоаньский	греч. крит. — греческий критский
бараб. — барабинский татарский	груз. — грузинский
барт. — бартангский	дагур. — дагурский
баск. — баскский	диал. — диалектный
бахт. — бахтиярский	долган. — долганский
башк. — башкирский	др.-англ. — древнеанглийский
башк. айск. — айский говор башкирского	др.-в.-нем. — древневенхненемецкий
белудж. — белуджский	др.-греч. — древнегреческий
Бк — бикинский диалект нанайского	др.-инд. — древнеиндийский
блр. — белорусский	др.-исл. — древнеисландский
болг. — болгарский	др.-ирл. — древнеирландский
бретон. — бретонский	др.-кит. — древнекитайский
будд. — буддийский	др.-корн. — древнекорнский
булг. = болгар. — болгарский	др.-норв. — древненорвежский
бур. — бурятский	др.-перс. — древнеперсидский
бур. зап. — западнобурятский	др.-рус. — древнерусский
бур. хор. — хоринский диалект бурятского	др.-тюрк. — древнетюркский
буруш. — бурушаски	др.-уйг. — древнеуйгурский
васюган. — васюганский диалект хантыйского	др.-уйг. рунич. — древнеуйгурский рунический
вахан. — ваханский	др.-яп. — древнеяпонский
ваховск. — ваховский диалект хантыйского	дубровницк. — дубровницкий
в.-б. — верхнебийский	дун.-булг. — дунайско-булгарский
венг. — венгерский	дунс. — дунсянский
верхнедемьян. — верхнедемьянский говор хантыйского	енис. — енисейский
верхнекондинск. — верхнекондинский говор хантыйского	енис.-тюрк. — енисейско-тюркский
	зап. — западный
	ЗХ = ЗХань = Зап. Хань — Западная Хань

зор. пехл. — зороастрийский пехлеви
зырян. — зырянский
ИЕ — индоевропейский
ИИран. — индоиранский
иран. — иранский
ирл. — ирландский
ительм. — ительменский
ишк. — ишкашимский
казах. — казахский
казым. — казымский диалект хан-
тыйского
калм. — калмыцкий
камас. — камасинский
кар. = караим. — караимский
кар. Г. — караимский галицкий
кар. К. — караимский крымский
кар. Т. — караимский тракайский
карагас. — карагасский
карач. — карачаевский
кач. = качин. — качинский диалект
хакасского
кашг. — кашгарский диалект ново-
уйгурского
кашуб. — кашубский
кбалк. — карачаево-балкарский
кельт. — кельтский
кет. — кетский
кимр. — кимрский
кирг. — киргизский
кит. — китайский
ккалп. — каракалпакский
класс. кит. — классический китай-
ский
кл. перс. — классический персид-
ский
койб. — койбальский
конд. — кондомский
кор. — корейский
кот. — котгский
крх.-уйг. — караханидско-уйгурский
крат. — крымско-татарский
К-У — кур-урмийский диалект на-
найского
кум. — кумыкский
куман. — куманский
куманд. — кумандинский
курд. — курдский
курдак. — курдакский

кыз. — кызыльский диалект хакас-
ского
кыпч. — кыпчакский
кюзр. — кюзрик
лакон. — лаконский
ласг. — ласгерди
лат. — латинский
латыш. — латышский
лебед. — лебединский (= куу)
литов. — литовский
литер. — литературный
лобнор. — лобнорский
лув. — лувийский
лур. — лурский
малокарач. — малокарачинский го-
вор чувашского
манд. — мандаринский
маних. — манихейский
манс. — манси
маньчж. — маньчжурский
мар. = марийск. — марийский
мар. горн. — горномарийский
матор. — маторский
могол. — могольский
монг. — монгольский
монгор. — монгорский
морд. = мордов. — мордовский
МТК — матор-тайги-карагасский
мундж. — мунджанский
нан. — нанайский
н.-б. — ниже-бийский
нганас. — нганасанский
негид. — негидальский
ненец. — ненецкий
ненец. лесн. — ненецкий лесной
ненец. обдор. — ненецкий обдор-
ский
ненец. тундр. — ненецкий тунд-
ренный
нивх. — нивхский
низям. — низямский диалект хан-
тыйского
н.-инд. — новоиндийские
нкорн. — новокорнский
н.-перс. — новоперсидский
н.-уйг. — новоуйгурский
ног. — ногайский
ностр. — ностратический

Нх — найхинский диалект нанайского
обдор. — обдорский диалект хантыйского
обско-угор. — обскоугорский
общемонг. — общемонгольский
огуз. — огузский
ойр. — ойротский
ойрат. — ойратский
ойрат. синьз. — ойратский синьзянский
ордос. — ордосский
орок. — орокский
ороч. — ороцкий
орхон. — орхонский
осет. — осетинский
ОТ = общетюрк. — общетюркский
ПА — праалтайский
памир. — памирский
парф. — парфянский
ПБалт. — прабалтийский
ПБаск. — прабаскский
ПДК — постклассический древнекитайский
пекин. — пекинский китайский
ПЕн. — праенисейский
перс. — персидский
пехл. — пехлевийский
ПИЕ — праиндоевропейский
ПИран. — праиранский
ПКавк. — пракавказский
ПКартв. — пракартвельский
ПЛезг. — пралезгинский
ПМанси — праманси
ПМонг. — прамонгольский
п.-монг. — письменно-монгольский
ПНивх. — пранивхский
ПНостр. — праностратический
поздне-др.-уйг. — позднедревнеуйгурский
ПОУ — праобскоугорский
ППДК — позднепостклассический древнекитайский
праенис. — праенисейский
праперм. — прапермский
прасак. — прасакский
пратюрк. — пратюркский
протобулг. — протобулгарский

прус. — прусский
ПСам. — прасамодийский
ПСК — прасинокавказский
ПСТиб. — прасинотибетский
ПТ — пратюркский
ПТМ — пратунгусоманьчжурский
ПТох. — пратохарский
ПТюрк.-Монг. — пратюрко-монгольский
ПУг. — праугорский
ПУр. — прауральский
пумпокол. — пумпокольский
ПФУ — прафинноугорский
ПХанты — праханты
ПЮСам. — праюжносамодийский
ПЯп. — праяпонский
ранне-монг. — раннемонгольский
РПДК — раннепостклассический древнекитайский
рунич. — рунический
рус. — русский
рус. сиб. — русский сибирский
русск.-ц.-слав. — русско-церковнославянский
руш. — рушанский
саам. — саамский
сабин. — сабинский
саг. — сагайский
сак. — сакский
салар.-саларский
сам., самод. — самодийский
сангис. — сангисари
сангл. — сангличи
санскр. — санскрит
сар. — сарыкольский
сахал. — сахалинский диалект нивхского
С.-В. — северо-восточный
С.-З. — северо-западный
сев.-кавк. — северокавказский
сев.-монг. — северномонгольский
сев.-самод. — северносамодийский
сев.-тунг. — севернотунгусоманьчжурский
селькуп. — селькупский
селькуп. тазов. — тазовский диалект селькупского

селькуп. южн. — южные диалекты селькупского
семен. — семнани
сербохорв. — сербохорватский
сиб.-тат. — сибирско-татарский
сиб.-тюрк. — сибирско-тюркский
синокавк. — синокавказский
синокор. — синокорейский
скиф. — скифский
слав. — славянский
словин. — словинцкий
совр. кит. — современный китайский
совр. кор. — современный корейский
совр. перс. — современный персидский
согд. — согдийский
сой. — сойотский
солон. — солонский
сорх. — сорхеи
СПДК — среднепостклассический древнекитайский
ср.-иран. — среднеиранский
ср.-ирл. — среднеирландский
ср.-кит. — среднекитайский
ср.-кор. — среднекорейский
ср.-кыпч. — среднекыпчакский
ср.-монг. — среднемонгольский
ср.-н.-нем. — средненижнегерманский
ср.-перс. — среднеперсидский
ср.-тюрк. — среднетюркский
ср.-уйг. — среднеуйгурский
ср.-яп. — среднеяпонский
СТ — синотибетский
ст.-венг. — старовенгерский
ст.-кыпч. — старокыпчакский
ст.-осм. — староосманский
ст.-рус. — старорусский
ст.-слав. — старославянский
сувар. — суварский
Сх. — сахалинский диалект эвенкийского
сым. — сымский
сюг. — сарыг-уйгурский
тадж. — таджикский
тазов. — тазовский
талыш. — талышский
таранч. — таранчи
татар. — татарский

Лямб. — татарский лямбирский
Серг. — татарский сергачский
сиб. — татарский сибирский
томск. — татарский томский
тел. — телеутский
теленг. — теленгитский
тиб. — тибетский
Тк. — токкинский диалект эвенкийского
Тмт. — томотский диалект эвенкийского
ТМ — тунгусо-маньчжурский
тоб.-тат. — тобольско-татарский
тодж. — тоджинский диалект тувинского
токийск. — токийский японский
тоф. — тофаларский
тох. А — тохарский А
тох. В — тохарский В
тремьюган. — тремьюганский диалект хантыйского
тув. — тувинский
тундр. — тундренный
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
тюрк. — тюркский
Уг. — угорский
уд. — удэйский
удм. — удмуртский
уйг. — уйгурский
узб. — узбекский
узб. хорезм. — хорезмский диалект узбекского языка
укр. — украинский
ульч. — ульчский
Урм. — урмийский диалект эвенкийского
Учр. — учурский диалект эвенкийского
фин. — финский
финно-угор. = ФУ — финно-угорский
хак. — хакасский
хак. качин. — хакасский качинский
хак. Кыз. — хакасский кызыльский
хал. = халадж. — халаджский

хант. — ханты
хетт. — хеттский
хор. — хоринский диалект бурятского
хорезм. — хорезмийский
хорезм.-узб. — хорезмско-узбекский
хотан. — хотанский
хсак. = хот.-сак. — хотано-сакский
хрзм.-т. — хорезмийско-тюркский
хуфск. — хуфский
Ц.-В. — центрально-восточный
ц.-слав. — церковнославянский
чаг. = чагат. — чагатайский
чжурчж. — чжурчженьский
Члм. — чульманский диалект эвен-
кийского
Чмк. — чумиканский диалект эвен-
кийского
чув. — чувашский
чул. = чулым. — чулымский
чук. — чукотский
чук.-камч. — чукотско-камчатский
шам. — шамирзати
шор. — шорский
шор. Конд. — шорский кондом-
ский
шор. мрас. — шорский мрасский

Прочие сокращения

Abl. — аблатив
Acc. — аккузатив
adj. — прилагательное
Caus. — каузатив
Dat. — датив
Denom. Verb — отыменной глагол
f. — женский род
gen. — генитив
Imp. — императив
m. — мужской род
n. — средний род
Part. Pf. — перфектное причастие
Pass. — пассив
Pers., Prs. — лицо
Pl. — множественное число
Sg. — единственное число
Subst. — существительное
voc. — вокатив
афф. — аффикс
букв. — буквальный

шугн. — шугнанский
эвен. — эвенский
эвенк. — эвенкийский
эвенк. баргуз. — баргузинский
диалект эвенкийского
энец. — энецкий
энец. лесн. — энецкий лесной
энец. тундр. — энецкий тун-
дренный
эст. — эстонский
Ю.-В. — юго-восточный
юг. — югский
юган. — юганский диалект хантый-
ского
южн. — южный
Ю.-З. — юго-западный
юкаг. — юкагирский
юкаг. тундр. — юкагирский тун-
дренный
юрак. — юракский
ЮСамод. — южносамодийский
эрз. — эрзя
ягноб. — ягнобский
язг. — язгулямский
як. = якут. — якутский
яп. — японский

вежл. — вежливость
димин. — уменьшительный
заим. — заимствование
и. с. = имя собств. — имя собственное
л. — лицо
лаб. — лабиализованный
метафорич. — метафорический
мн. ч. — множественное число
переднерядн. — переднерядный
произв. — производное
транскр. — транскрипция
собр. — собирательный
суф. = суфф. — суффикс
уменьш. — уменьшительный

Введение	3
Глава 1	
Пратюркская реконструкция и генеалогическая классификация тюркских языков	10
Консонантизм	13
1. Начальная звонкость/глухость	23
2. Срединная звонкость/глухость	32
3. Процессы позиционной назализации начального *b-	40
4. Реконструкция палатального носового	41
5. Проблема λ и \check{r}	47
6. Регулярная палатализация $t > \check{c}$, $s < \check{c}$	47
7. Проблема начального h-	48
Вокализм	49
1. Чувашско-общетюркские соответствия гласных	52
2. Долгота	52
3. Реконструкция закрытых гласных	53
4. Реконструкция широких огубленных	57
5. Реконструкция нисходящих дифтонгов	59
6. Реконструкция гласных непервого слога	62
Глава 2	
Лексические заимствования пратюркской эпохи	65
Китайские заимствования в пратюркском	66
Некоторые свидетельства тюрко-китайских контактов в китайском	75
Возможные восточноиранские заимствования в пратюркский	115
Пратюркский и тохарский	125
Пратюркский и самодийский	135
Пратюркский и праенисейский	154
Пратюркский–прасамодийский–праенисейский: явления «союзного» типа в лексике	160
Пратюркский и угорский	169
Пратюркский (?) и палеоазиатские языки	179
Пратюркский и монгольские языки	181
Заключение	199
Принятые сокращения	202
Научная периодика	202
Литература	202
Языки и диалекты	217
Прочие сокращения	221